

КАВКАЗСКИЙ
ЗАПРОС
в Государственной Думе.
Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам

Цена 80 коп.
ТИФЛИС,
Электропечатня Х. Г. Хачатурова,
Саперная, № 4. Телефон № 576.
1909.

От издателя

Так называемый «кавказский запрос» в Государственной Думе вызвал повсеместно, в особенности же на Кавказе, чрезвычайный и вполне понятный интерес. Как известно, обсуждение запроса началось в первых числах декабря 1908 г. и закончилось в феврале 1909 г. Хотя за это время мы и имели по телеграфу отчеты о ходе прений в Государственной Думе, но отчеты эти как по краткости своей, так и по разбросанности на протяжении месяцев не давали вполне законченной и цельной картины всего происшедшего в Думе. Вот, чтобы восполнить этот недостаток и дать кавказскому обществу полное представление о перипетиях «кавказского запроса», мы и решились привести в настоящей книжке полностью (по стенограммам С.-Петербургского телеграфного агентства) все речи ораторов, произнесенные по кавказскому запросу в заседаниях Государственной Думы.

Издатель.

I.

Заседание 10 декабря 1908 г.

Заседание открывается в 8 час. 47 мин. Председательствует Н. А. Хомяков.

Председатель. Объявляю заседание открытым. Слово принадлежит члену Государственной Думы Пуришкевичу.

Пуришкевич. Господа народные представители! Год тому назад, во время сессии второй Государственной Думы, всходил я на эту трибуну с таким же чувством страха за каждое слово, которое будет произнесено мною с этой трибуны, с чувством ответственности перед теми, кто послал меня сюда, и в сознании долга, который лежит на мне, Но, взвесивши все материалы, которые находятся в моем распоряжении, я верю, я чувствую глубоко и знаю, что каждое слово, которое я отсюда произнесу, опирающееся на несомненные, неоспоримые документы, будет отвечать истине и должно служить отголоском тех чувств, тех помыслов, того верования нас, правых, и центра Государственной Думы, которые испытывают те, которые находятся на далеком расстоянии от нас на Кавказе и которые хотят, наконец, чтобы та тьма, которая царит на Кавказе, чтобы весь тот ужас и та кровь, которая там проливается, чтобы они дошли до стен Государственной Думы, и чтобы встретили должную оценку всего того, что там происходит — виновные лица. Неделю тому назад представитель наместника его императорского величества на Кавказе барон Нольде дал объяснения по поводу того запроса, который мы предъявили правительству. В сущности говоря, основные положения (*в ложе министров занимает место заместитель наместника его императорского величества на Кавказе барон Нольде*) его сводятся к следующему: он указал нам на то, что преступность на Кавказе высока в силу

того, что народ экспансивен, сангвиничен, дик и что чувство собственности слабо в нем развито. Он указал, коснувшись армян, что у них нет и тени сепаратистических тенденций, что с того момента, как им было отдано обратно отобранные у них имущество, — 1 августа 1905 г., они стали такими же верноподданными, какими были и раньше. Он указал, что революционное движение армянское окончательно прошло. Он указал, обращаясь к грузинам, что стремления к сепаратизму, стремления получить автокефальную церковь, которые замечались раньше, прошли и исчезли безвозвратно. Он коснулся и татар и сказал, что татары наиболее консервативный элемент и наименее преданный смуте. Проводя параллель между идентичными случаями в смутные годы террора, которые пережила Россия, он указал, что преступность на Кавказе не выше той преступности, которая царила тогда и в России. Отвергая основные положения нашего запроса, где говорится, что местная администрация не принимала решительных мер к прекращению преступности, он указал на целый ряд фактов, которые, как ему казалось, опровергают наши данные. Засим он отметил, что неизвестно количество убитых за это время в России, и если бы оно было известно, то, сопоставляя его с числом убитых на Кавказе, как на окраине, можно было бы прийти к заключению, что преступность на Кавказе не выше. Засим представитель графа Воронцова-Дашкова коснулся того, что убийства не носили национального характера, и указал при этом на смерть Алиханова, Карапетова и Накашидзе. Засим, говоря об убитых и перечисляя их, он говорит, что в большинстве случаев это были незначительные люди, а некоторые из них недостойные, и, следовательно, не могут вызвать чувство сожаления. Далее, говоря о побегах, он сказал, что администрация на Кавказе делала все для их предупреждения. Он коснулся язв местной жизни и указал, что тюрьмы не соответствуют той преступности, которая замечается на Кавказе, и что потийская, батумская, сухумская, александрийская, эриванская, шушинская и карсская тюрьмы должны быть расширены. Засим, переходя к тому, что на Кавказе трудно найти лиц, которые стояли бы на высоте своего служебного долга, он отмечал, что удалялись лица недостойные и что администрация прилагает все меры и старанья к тому, чтобы лицам недостойным не было там места. Засим, коснувшись того, что трудно привлекать, в силу известных условий обстановки и быта, людей самоотверженных, он указал, что в данную минуту Кавказ страдает отсутствием людей. Засим, обратившись к реформам, вырабатываемым наместником на Кавказе, он указал, что Кавказу необходимы широкие либеральные земские реформы, те реформы, которые в настоящее время вырабатываются и для России, и нужно полагать, что в тот момент, когда земские люди примут участие в местной жизни Кавказа, эта жизнь вольется в правильные русла и от преступности не останется и тени.

Вот, господа, основные положения, высказанные представителем наместника его императорского величества на Кавказе бар. Нольде. Из всего того, что он сказал, разбираясь в тех документах и в тех материалах, которые имеются в нашем распоряжении, мы можем сказать одно: он прав, он прав только в том, что наиболее консервативным, наиболее стойким и верным населением на Кавказе являются мусульмане. Если на Кавказе русской власти нужно на кого-нибудь опираться — он этого не сказал, подчеркнув лишь дух консерватизма мусульманского населения, — то только на мусульман, т. е. на то население, которое в минуту горечи, переживаемой Россией, никогда не поднимало знамени восстания, исключая некоторых случаев, и то только два раза в силу исключительных обстоятельств; в Дагестане в 1877 г. было волнение и в Закатальской области в 1863 г., да еще в Елисаветпольской губ. в начале 70-х гг., когда во главе мусульман были поставлены грузины, и мусульмане терпели притеснения от грузин. В этом отношении мы можем сказать открыто: да! если бы правительство на Кавказе опиралось на мусульман, Кавказ

не представлял бы того безумия народа, которое он представляет в данную минуту, и мы могли бы¹ быть совершенно спокойны за будущее на Кавказе, какие бы политические бури и осложнения не разражались над Россией. Но в том-то и горе, в том-то и несчастье, что, к глубокому сожалению, как это будет видно из моих дальнейших слов, мусульмане в загоне, и опираются власть на тех, которые искони являются противниками русского влияния и русской моши, — опирается на армян. Господа! Если бы я обратил ваше внимание на тот или другой факт из жизни Кавказа, если бы я вырвал только одно или другое событие из жизни Кавказа, то представитель графа Воронцова-Дашкова бар. Нольде мог бы мне указать, что это единичный случай. Но я имею, и каждый из нас имеет счастливую возможность гораздо шире, чем рамки нашего запроса, поставить тему, благодаря тому, что она была расширена бар. Нольде в его записке. Вот то, что служит основанием расширения рамок моего изложения и обрисовки действительности, которая царит на Кавказе. Господа! Почему же, спрашивается, не базируется гр. Воронцов-Дашков на армянах, которые еще в 60-х гг., что замечал в ряде передовых статей своих московский публицист М. Н. Катков, выражали сепаратистские стремления, воспитывали молодежь в сепаратистическом духе, пели сепаратистские песни с зейтунским маршем¹, распространяли карты Великой Армении², до каких пределов, думаете вы? Что нам останется? Поляки отсюда оттягивают чуть ли не Курскую губ., а с юга до Воронежской губ. карты Великой Армении, от Аракса, от гор Масиса, как они говорят, до равнины Нахичеванской и Воронежской губ. Эти карты передавались невинными девочками совершенно невольно и случайно, во время посещения попечителя учебного округа К. П. Яновского. Он был свидетелем, он видел эти карты Великой Армении. Если бар. Нольде этих карт не имеет, я почту за честь представить их его высокопревосходительству. (Смех слева. Рукоплескания справа.) Нам говорят, что армяне, о чем речь будет впереди и подробно, не имеют и тени сепаратистских тенденций. Я вам скажу, что этот избыток сепаратистических тенденций проявляется в том, что сейчас, желая создать нам осложнения в Персии, о чем речь будет в пятницу, в столице Азербайджана³ — Тавризе, самое рьяное, самое деятельное участие в персидской революции⁴ принимают армяне: у Багир-хана и у Саттархана среди фидаев участвуют армяне с Кавказа, создавая и увеличивая тот персидский шурух*, который может превратиться в мировой костер, так что нельзя говорить, что армяне у себя дома не революционируют. С целью расширить пределы революции, создать затруднения для России, они работают в Тавризе, и если вам угодно убедиться в этом, г.г., то я позволю себе вам представить ряд фотографических карточек... (Смех слева. Рукоплескания справа. Оратор передает председателю фотографические карточки. Рукоплескания.) Вот, г.г., одна из причин того, что нужно шире и подробнее остановиться на армянском вопросе на Кавказе, чтобы выяснить себе действительное положение дела и чтобы знать, по какому пути идет русская государственная власть на Кавказе, что мы имеем и чего мы можем ожидать в будущем. Настоящее печально, настоящее тяжело. Я говорю, что останавливаться на отдельных фактах невозможно. Поэтому я позволю себе указать на ту систему, на те принципы не государственные, а личные, которые проводятся представителем высшей русской власти на Кавказе, которые ведут не только к духовному отпадению Кавказа — он духовно уже отпал, а к физическому отпадению, которое, несомненно, совершится благодаря многим обстоятельствам, о которых я скажу в тот момент, когда у нас возникнут международные осложнения. И поэтому я позволю себе коснуться армянского вопроса на Кавказе, грузинского вопроса на Кавказе, лиц администрации, средней школы на Кавказе и сделаю из всего этого, г.г., вывод.

* Шурух (*перс.*) — хаос, сумбур.

Барон Нольде говорит, что армяне не стремятся к сепаратизму. Центр армянского сепаратизма и наиболее характерные проявления его могут быть видны, несомненно, из всей истории армянской церкви. С 1828 г., т. е. с момента, когда по Туркманчайскому миру были присоединены ханства Нахичеванская и Эриванская, и Эрзерум вошел в состав России, — именно это есть основа, начало того движения, которое потом разрослось, и которое характеризовало в прошлом и характеризует теперь ту систему, те принципы, которых держалась и центральная правительственные власть, и власть на месте. Но раньше, чем говорить об этом, я позволю себе, чтобы рельефнее оттенить и сделать более понятным размеры сепаратистических тенденций армян на Кавказе, — упомянуть о важнейшем событии на Кавказе, которое замалчивает сейчас армянская печать, работая под сурдинку, но которого не должна замалчивать русская Государственная Дума, а своим сильным вотумом, своим словом должна наложить на него veto. Я разумею прежде всего и раньше всего так называемый Бакинский Армянский культурный союз, созданный в 1906 г., развивающийся и растущий с каждым днем все более и более, как сказочный богатырь. В то время, как перед самым лицом наместника армяне, окружая его дворец и влияя на него тем или иным путем при посредстве его приближенных, действуют только путем *benevolentiae** со стороны высшей власти, в это время в Баку работает тот союз, задача которого полная обособленность «великого армянского народа», армянской нации, создание той Великой Армении, о которой я только что упоминал. Союз этот возник в 1906 г. Когда устав его был представлен на утверждение правящей власти, то русский герой генерал Фаддеев категорически отказал в утверждении устава, так как находил, что он носит все симптомы антигосударственности и что такой союз в России существовать не может. Но армяне обратились туда, откуда им нет отказа, — и по приказанию наместника 23 июня 1906 г. устав союза был утвержден. Во главе его стал инженер Хатисов, один наиболее видный деятель революционного движения 1905 г., брат не менее знаменитого революционного деятеля Хатисова, члена управы в Тифлисе. Пределы деятельности союза были обозначены очень скромно: одна только Бакинская губ., но фактически в ближайшие дни он далеко расширил свою деятельность. Теперь и в Тифлисе, и в Кутаисе, и в Баку, — где хотите, можете встретить деятелей этого союза, сплаивающих армян, — не интеллигенцию, а народ, который до настоящего времени был чужд каких бы то ни было политических течений и занимался мирным трудом. Интереснее всего, что вначале они отпечатали устав этого союза в количестве десятков тысяч экземпляров на армянском и русском языках, но сейчас русский человек не может ни за какие деньги достать единственный экземпляр этого устава. Все было изъято из продажи, из обращения, потому что поднялись возгласы на местах, высказывавшие негодование против того, что русская власть утвердила этот устав, и стали разбираться в его значении. Вот, г.г., основные положения этого союза. Первая цель его, официальная, как сказано, мирная цель — это культурное и экономическое развитие армян, развитие путем упорядочения школ армянских, даровое всеобщее обучение, лекции, чтения, курсы, летучие школы, развитие библиотечного дела в городах и селах, летучие библиотеки, курсы для воспитательниц, нянь и бонн, — словом, изъятие всего дела народного образования из ведения Министерства народного просвещения. (*Смех слева. Голос слева: «продолжайте!»*) До вас еще дойдет дело... (*Смех слева*). Затем, вторая обязанность — это расширение и упорядочение издательского дела, издание армянских учебников, создание газет и журналов армянских, свобода и развитие армянского языка, толковые словари, энциклопедические армянские словари, расширение и упорядочение армянского театрального дела — драматические курсы, создание трупп,

* *Benevolentia* (лат.) — благоволение, благосклонность.

театральная литература, оборудование армянских театров... (*Смех слева.*) Господа! Неужели вы не понимаете, смотря на «Большого человека» теперь в театре, что значит театр и какое впечатление может он произвести на общественное мнение?... (*Шум. Звонок председателя.*)

Председатель. Покорнейше прошу не переговариваться с мест.

Пуришевич. Засим армянское искусство, воскрешение памятников армянского эпоса, — словом, всего того, что может воспитывать и образовывать в национальном деле. Затем идет экономическая сторона устава — посредничество при покупке земель и переход земель в армянские руки. Интереснее всего то, что в отчете наместника указывается, что все стремления его клонятся к тому, чтобы по возможности больше населить Кавказ русскими переселенцами, и вместе с тем во всеподданнейшем отчете, изображая вот это, он другой рукой утверждает тот самый устав того союза, той организации, которая задается целью и прямо, и косвенно не дать возможности никакими путями расширяться русскому землевладению. Об этом может подробнее сказать депутат Сагателян, который перед приездом в Государственную Думу был вместе с деп. Гегечкори на заседании комитета, где объединились их фракции и где им было сказано: ты социал-демократ, но раньше всего ты грузин и армянин, поэтому вы должны совместно отстаивать интересы грузин и армян, и те директивы, которые мы дадим вам в смысле земельном, вы должны проводить и во что бы то ни стало отстаивать в Государственной Думе. (*Шум. Звонок председателя.*) Да-с!.. Засим, дальний вопрос — вопрос физического развития, т. е. устройство гимнастических обществ. Там не сказано, в силу опаски, о стрелковых обществах, т. е. о тех обществах, которые подготовили финляндское восстание, но там категорически, в параграфах устава этого союза, указано на необходимость развития гимнастических обществ и обучения населения владению оружием. Засим следуют общественные обязанности, т. е. те обязанности, которые берет на себя центральное бюро; это — реагирование на общественные запросы с армянской точки зрения. Затем, методы борьбы с народностями, которые окружают армян, преимущественно с русскими, и установление отношений к соседям. Интереснее всего, что тут устанавливаются отношения к соседям как будто бы это есть соседнее государство, с которым можно создать известное *entante cordiale*, пункты соглашения, на основании которых можно установить дружественные или другие отношения. Затем, выборная агитация для проведения армян на все общественные и государственные должности, какие только возможно. Организация союза такова: почетные, действительные и члены-соревнователи, причем каждый член вносит 2 % обязательно из своих доходов, — больше внести не могут, т. к. большинство этих членов состоит членами общества «Дашнакцутюн»⁵, а в «Дашнакцутюне», там они должны обязательно вносить 5 % своего дохода, в противном случае «секим-башка». (*Смех.*) Поэтому они входят туда с 2 % своего дохода, но, тем не менее, взнос 2 % обязателен. Засим, подписка о том, что каждый из господ, принимающих участие в этом союзе, должен принимать активное участие, а не ограничиваться участием только фактическим, пассивным. Союз делится на секции; каждая секция имеет свои определенные обязанности и определенные функции, имеет и свое бюро; председатели всех бюро составляют главное бюро, и это главное бюро дает директивы и управляет фактически Кавказом. Я указал уже на то, что средства союза — 2 % отчисление из доходов; помимо этого каждый, вступающий в число членов культурного, мирного союза должен обязательно вносить еще 3-месячный членский взнос единовременно в тот момент, когда он туда вступает. Таким образом, г.г., с разрешения кавказской администрации, наместника на Кавказе гр. Воронцова-Дашкова, создана организация для объединения армянского сельского населения на Кавказе, так как союз работает преимущественно в селах, в школах, о чем я вам дальше укажу, которые до

настоящего времени были совершенно чужды всяких политических тенденций. Мало того, — из этого вы изволите видеть, что они стремятся, имея такие крупные отчисления, как 2 % взнос и единовременный трехмесячный вступительный взнос, — они стремятся создать свой собственный Государственный банк и поставить себя вне всякой зависимости от русского Государственного банка для того, чтобы иметь возможность легче и свободнее заниматься скупкой земель. Кто входит сюда главарями? Главарями входят сюда те же главари революционного движения, которых мы видели в 1905 г. с Хатисовым, который стоял во главе этого движения; далее дашнакцутюнская армянская интеллигенция, затем некоторые лица с неопределенной окраской, но таковых мало. Интереснее всего, что когда в Эривани думали открыть отделение этого союза и когда местная администрация не желала утвердить устав этого отделения, они обратились в Баку и настойчиво требовали утверждения, т. к. Эриванская губ. требовала, по их мнению, обармянения. В конечном результате получено было предписание обязательно и во что бы то ни стало утвердить устав, и устав был утвержден. Спрашивается, как относится русская власть, русская администрация, ко всему этому? Вот вам характерный факт: благодаря участию г. Петерсона, управляющего канцелярией наместника на Кавказе, после отъезда Хатисова, председателя этого союза, управляющим Бакинским отделением Государственного банка в фонд этого союза из русского Государственного банка было выдано 500 000 р. На дело армянского сепаратизма было выдано наместником 500 000 р. денег, было выдано этому союзу, культурному, экономическому армянскому союзу. Господа! В печати раздаются голоса, в местной печати, о необходимости закрытия этого союза. Не подлежит ни малейшему сомнению, что если мы не хотим в будущем увидеть полнейшее революционизирование армянского сельского населения, того населения, которое до настоящего времени было чуждо всего этого, то мы должны направить все усилия и принять все меры к тому, чтобы деятельность этого союза закрыть. Нужно помнить, что есть фанатики армянского дела — семья Лазаревых, Поповых. Один Попов пожертвовал более 50 000 р. на устройство школ в Борчалинском уезде Тифлисской губ. Таким образом вы видите, что желая и стремясь к известной определенной цели, они идут к этой цели прямо и неукоснительно, пользуясь тем, что власть в данную минуту им сочувствует и что в каждый данный момент они могут найти доступ ко дворцу наместника, чтобы добиться осуществления всех своих *pia desideria*^{*}. Мало того, — в последнее время, после тех неприятностей, которые они имели в борьбе с татарами, они поняли, что таким путем население не поколебать, и стали обходным путем заучивать татарских детей, мальчиков в свои школы. Такие примеры не единичны, — Бакинская губ. имеет более 100 школ этого культурного союза, фактически упразднившего школы Министерства нар. просвещения. Это дело идет, повторяю, из Бакинской, Эриванской и Тифлисской губерний; это движение, которое охватывает весь Кавказ; и если оно будет с такой же интенсивностью продолжаться, то можно быть глубоко убежденным, что на наших глазах произойдут такие события, которые могут совершенно видоизменить карту России на Кавказе.

Г.г.! В тот момент, когда гр. Воронцов-Дашков выезжал сюда в Петербург, вы понимаете те чувства, которые должны были воодушевлять армян, следивших, как, например, орган союза «Баку», в то время, когда гр. Воронцов-Дашков пребывал в Петербурге, за всеми перипетиями в прочности его положения на Кавказе, — целый ряд корреспонденций я читал, то боязливых, что «наш граф», — они иначе его не называют, как наш граф, — не вернется больше, то радостных, когда граф вернулся. Интереснее всего, что такие органы, как «Баку»⁶, орган армянской революции, и «Закавказское обозрение»⁷, орган грузинской

* *Pia desideria* (*лат.*) — заветные мечты, благие пожелания.

революции, — эти органы, которые не признают ни власти, ни Бога (*смех слева*), отмечают всякий выезд гр. Воронцова-Дашкова на Кавказе, как, например: «его сиятельство гр. Воронцов-Дашков изволил проследовать»; «его сиятельство выбыл»; «его сиятельство прибыл»; «его сиятельство назначил такие то приемные часы». Это пишут органы крайних с.-р., и иначе как «граф» его не называют.

Вот, г.г., то положение дел, одну сторону которого я вам открыл в отношении общества армянского, принявшегося за армянизацию всего Кавказа. И мне странно, что при таком положении дел у нас здесь в Петербурге находятся лица и в Министерстве иностранных дел, и в др. центральных учреждениях, которые пишут записки, поддерживая это движение и высказываясь за армян. На этих днях Министерство иностранных дел препроводило бумагу за подпись министра Извольского министру вн. дел⁸; при ней была препровождена записка одного из многочисленных Гирсов о том, каково положение армян на Кавказе, и что если русская власть желает иметь успех и упрочиться там, то должно быть сочувственное отношение к армянам, а не иное. Г.г., я позволю себе думать, что этот единственный факт из армянской истории этого культурного, мирного экономического союза, имеющего уже с 1906 г., за полтора года, громадные капиталы, развившего сеть своих школ, борющегося особенно с другими народностями, взявшего в свои руки разрешение аграрного вопроса, в смысле выдворения оттуда русских переселенцев, — все это в достаточной степени могло вам, г.г., показать, насколько верны те сведения и те факты, которые в своем отчете и в своей записке представил нам представитель наместника на Кавказе бар. Нольде.

Это одна сторона вопроса. Но я, г.г., перейду к другой. Я хочу осветить вам положение не только светского общества, а и того общества, которое имеет всегда у народов восточных наибольшее влияние, — я остановлюсь на деятельности армянского духовенства и хочу дать вам полную картину того, какие перипетии переживала армянская церковь в своих столкновениях с русской властью, и те отношения к русской власти, которые закончились тем, что система управления на Кавказе в настоящее время есть система антигосударственная, ведущая к умалению достоинства русского имени, к падению престижа русской власти. (*Рукоплесканья справа, шум слева. Голос слева: «Плохо, плохо, — 2 с крестом».*) Г.г., отличительной чертой в отношениях к армянскому духовенству в прошлом и в отношениях к нему сейчас, характеризующей русскую власть, ее взгляды на местные народности, являются те два течения, которые были заметны и в прошлом, и заметны сейчас. В сущности говоря, мы можем сказать, суммируя все эти отношения, так: в начале, с момента присоединения Армении к Кавказу, с 1828 г., и до того, как наместником на Кавказе стал гр. Шереметьев⁹, русская центральная власть, петербургская власть, незнакомая с положением дела на Кавказе, всеми силами старалась поддержать значение и престиж армянского католикоса. Местный же правитель гр. Паскевич и ряд других, о которых я буду говорить еще, — они всеми силами старались доказать, что умаление власти католикоса, патриарха армянского, ведет прямо к поднятию престижа русского имени. Так велось дело даже при покойном В. К. Плеве. В последнее же время, с назначением гр. Воронцова-Дашкова на Кавказ, так сказать, переменились позиции: правительство в Петербурге сознalo всю фальшивость своей прошлой политики и всю ее неправильность, центральное правительство убедилось, что возвеличение католикоса является актом величайшей политической ошибки; а местная власть во главе с наместником отстаивает значение и престиж католикоса, полагая, что удовлетворяя всем желаниям, всем требованиям и всем аппетитам местных армян, мы этим самым приобретаем верноподданническое население. Мы видели, г.г., что мы приобретаем в том обществе, которое сейчас развивается так самостоятельно нам в ущерб.

Позволю себе обратиться к истории армянской церкви, чтобы вы убедились еще более, как развивалась эта церковь в течение 60–70 лет и какими тенденциями она жила. По Туркманчайскому договору 10 февраля 1828 г. к нам отошли ханства Эриванское и Нахичеванское и отошел к нам Эчмиадзинский монастырь, центр армян. Ввиду того, что они находились под влиянием и во власти сперва Персии, а потом Турции, дела их были совершенно не устроены. Вот и потребовалось немедленно по присоединении заняться устройством их дел для того, чтобы составить проект положения об армяно-грегорианской церкви. Гр. Паскевич-Эриванский, который стоял тогда во главе Кавказа, был озабочен тем, чтобы создать известные условия для того, чтобы армяно-грегорианскую церковь поставить в известные рамки, чтобы определить границы светской власти и власти духовной, чтобы не было коллизии в отношениях светской власти с католикосом. Путем целого ряда сношений с центральным правительством он добился получения кое-каких материалов, причем гр. Паскевич систематически указывал на то, что полная разруха, полное неуважение к местному духовенству происходит от его хищений, от его алчных наклонностей, от его развратничества, от его неумения стоять на высоте своего долга. Паскевич боялся, вместе с тем, чтобы честолюбцы, которые стремились стать во главе армянской церкви в то время, чтобы эти честолюбцы не завладели престолом армяно-грегорианской церкви. Он боялся одного из этих честолюбцев, епископа Нерсеса, который в те времена, когда у нас были осложнения с Турцией, входил в сношения с Турцией и мешал успеху наших военных операций. Повторяю, характеризуя армянскую нацию, Паскевич указывал на то, что какие-нибудь поблажки этой нации не могут быть допустимы во избежание потери престижа русского имени. Он так говорил об армянах: «Нужно заняться теперь же составлением положительных правил, вообще, для главного управления армянской церковью, определив с точностью, в чем должна состоять власть патриарха, синода и епархиальных епископов, и назначить пределы их власти». А затем, указывает на главную причину этих своих требований, — на то, что армянское духовенство и армянский народ не ослабевают в своих искательствах, ни в пронырливости, дабы достигнуть своей цели, «ибо алчности и желаниям почестей в сем народе нет границ, нет пределов». И засим говорит, что он считал своей обязанностью предупредить императорское правительство, дабы потом не заслужить упрека в недостатке предусмотрительности и знания обстоятельств во вверенном его управлению крае.

Так писал гр. Паскевич, требуя себе документов для определения прав и обязанностей представителя высшей власти армяно-грегорианской церкви. Между тем, данных для определения этого не было. И вот путем сношения с министром внутренних дел Блудовым и вместе с вице-канцлером Нессельроде докладная записка гр. Паскевича была представлена государю императору¹⁰. Его императорскому величеству было благоугодно поручить представить все те сведения, которые находятся у нас в духовном департаменте, в Министерстве иностранных дел, для того, чтобы были составлены основные положения управления армянской церковью. Мало того, желание гр. Паскевича, чтобы местные епархии армяно-грегориан в России, находящиеся в разбросе, представили сведения из их практического опыта о деле управления церковью в пределах обязанностей церковной власти, было удовлетворено. Я опускаю некоторые факты из жизни местного духовенства; я опускаю факты, как гр. Паскевич боялся достижения высшей власти епископом Нерсесом, которого, в конце концов, он удалил в Бессарабию. Он удалил его для того, чтобы престол с самого начала покорения армян не был в руках тех господ, которые могли бы помешать русскому престижу. В конечном результате после целого ряда заседаний местных комитетов, созданных гр. Паскевичем, был выработан целый ряд положений, удостоившихся высочайшего утверждения 11 марта 1836 года. То были основные положения,

опинаясь на которые, ими должен был руководствоваться армянский католикос на Кавказе, который должен был отправлять свои функции, как высший представитель армянской церкви. Характерные черты этих положений, красной нитью проходящие в деятельности дальнейшей армянского духовенства, отразились на русской политике. Эти положения заключаются в строгом указании обязанностей и прав русского правительства по отношению к армянам. Что же касается обязанностей армянского патриарха по отношению к русскому правительству, то в этом смысле было сделано очень мало, чтобы не сказать больше. Как говорится в объяснительной записке к этим положениям, духовные армянские лица ни в каком случае не могут отступать от требований своей совести, от требований своего долга. При таком положении дела, г.г., началась совместная работа светской власти с властью духовной на Кавказе. В этом положении три вопроса были наиболее существенными. Один из них — каким образом должен избираться армянский католикос: должен ли он избираться, как избирался он согласно древним обычаям, или он должен избираться согласно тем данным, тем материалам, которые были собраны у нас в Петербурге и которые были присланы Министерством иностранных дел и духовным департаментом. Возникал вопрос, привлекать ли беков¹¹, т. е. частных светских лиц, к избиению патриархов. И вот, русское правительство, заботы которого сводились к тому, чтобы привлечь к выборам и приблизить к себе не только одних русских армян, но и армян турецких, в целом ряде указаний наместнику на Кавказе говорило, что в видах политических необходимо привлекать к участию в выборах патриарха не только русских армян, но и армян турецких. Оно полагало, что это является мерой политической мудрости, политического такта, что, привлекая турецких армян, оно вместе с тем поднимает престиж армянского патриарха, ставя его на должную высоту и представляя его в виде орудия русской власти. К глубокому сожалению, оно привлекло юзбашей¹² и беков, т. е. привлекло посторонних лиц, не имеющих прямого отношения к этим выборам, и это привело к результатам совершенно противоположным тем, к которым стремилось, которых добивалось русское правительство. Между прочим, в записке кн. Бебутова, поданной в 1830 г., указывалось на то значение, которое может получить привлечение указанных лиц к выборам. Он указывал на то, что при продажности, при способности их к подкупу в конечном результате будет то, что добьется результатов тот, кто больше даст. Кн. Бебутов указывал, что привлечение лиц к выборам патриарха ведет к уплате колоссальной суммы лицами избирающимися лицам избирающим. Но тем не менее руководствовались не опытом, а исключительно задачами политического характера. Высшая русская центральная правительственная власть, незнакомая с постановкой дела на месте, приказала удовлетворить требования, имевшиеся в сказанных материалах, т. е. удовлетворить все сословия, привлекать светских лиц к выборам, держаться древних обычаяв, на которые опирались во времена царя Вахтанга, и все формы избрания соединить в одну, т. е., в сущности говоря, соединить несоединимое. В этих видах, следуя этим советам, избирался таким образом в течение целого ряда лет целый ряд константинопольских патриархов. И вот эта политика, метившая на влияние над заграничными армянами, желавшая добиться духовного присоединения этих армян к России, окончилась полным крахом, в котором и должно было расписаться русское правительство, но расписалось оно, однако, к глубокому сожалению, слишком поздно. Я не перечисляю, г.г., всех тех патриархов, которые избирались путем таких мер; их целый ряд. Я хочу остановиться только на том явлении, которое красной нитью проходит через всю политику избрания патриархов. Желая во что бы то ни стало преследовать политические цели, правительство наше, начиная с 30-х годов по 70-е годы, в лице своих представителей не прекращало заискрывать перед турецкими армянами, перед константинопольским патриархом; писались увещательные, извести-

тельные грамоты о том, чтобы армяне из Константинополя приезжали для принятия участия в выборах патриарха. Целый ряд фактов указывает нам, что первоначально от участия в выборах турецкие армяне отказывались, признавая себя некомпетентными в этих выборах. Но мало-помалу, входя в курс и понимая, что русское правительство перед ними заискивает, что русское правительство желает их участия в этом, они стали каждый раз при новых выборах посыпать своих представителей. В конечном результате этой политики и получилось то, что заграницные турецкие армяне стали ставить патриархами лиц даже не русского подданства. В одной из записок, а именно в записке кн. Барятинского, стоявшего во главе Кавказа, было прямо указано, что желательно избрать в патриархи человека, который был бы близок, был бы дорог турецким армянам, хотя бы он не был русским подданным. Автор записки с большой любовью относился к армянам зарубежным, чем к тем, которые находятся в России. В результате этого получилось то, что сначала эти последние отказывались принимать участие в выборах, но засим дальше они в выборах принимали участие: сначала посыпались представители от 45 епархий Кавказа, а затем от 65. В конечном результате два последних патриарха — Матеос и Георг — были выбраны не русскими подданными, а лицами, совершенно враждебными видам, намерениям и целям русского правительства.

Такое положение вело к тому, что духовный царь стал требовать себе гражданских прав; в целом ряде актов, который я пропускаю для того, чтобы не обременять вас и не задерживать вас слишком долго, в целом ряде актов мы видим, как патриархи мало-помалу, ступень за ступенью, пядь за пядью стали отвоевывать себе те права, которых они ни в коем случае не могли бы иметь. Это красной нитью проходит через деятельность всех этих армянских патриархов. В результате получилось то, что русское правительство, которое всеми силами добивалось принимать участие в выборе католикоса, было забаррикадировано, стало в полную зависимость от этих господ. Такое положение длилось вплоть до 70-го года. Была переписка, полемика по этому вопросу между представителями власти на Кавказе, увидевшими, с кем они имеют дело, и представителями русской власти в Петербурге. Наиболее характерно, наиболее полно выразилась эта полемика в 60-х годах, когда во главе управления духовного ведомства в Петербурге стоял гр. Сиверс и когда во главе Кавказа состоял ст.-секр. Николай Гр. Сиверс по побуждениям совершенно непонятным, совершенно недоступным русскому пониманию, требовал полного удовлетворения прав армянского духовенства. Николай указывал на то, что армянам давать преимущества, привилегии нет никаких оснований, потому что, если дать эти привилегии армянам, то затем может их потребовать целый ряд других народностей на Кавказе, и тогда влиянию власти, престижу русскому — конец. Неизвестно, до каких пор продолжалась бы эта политика бесконечного и бесцельного заигрывания с местными и турецкими армянами, если бы турецкое правительство, в конце концов, в 63-м году, не создало бы статута, так называемого «сахманатрутиона», который предоставлял полную самостоятельность в деле церковного управления местному духовенству. Результатом этого статута было то, что на средства турецкого султана впервые было послано 8 армянских мальчиков в Париж для духовного воспитания. На местах забили тревогу, на местах поняли, что центр тяжести от армянского духовенства переходит в другие руки, и признали необходимым пользоваться другими средствами.

Я повторяю, что политика эта продолжалась; борьба нашего центрального управления — Министерства внутренних дел — с местным управлением на Кавказе продолжалась. Центральное ведомство требовало реформ, требовало свободы, требовало чуть ли не автономии армян. Местные люди, стоявшие во главе, один за другим указывали на недопустимость подобных привилегий для армян, как не заслуживших их. В конечном

результате эта политика привела к тому, что после неоднократных антиправительственных революционных актов со стороны местных патриархов политике этой был положен предел. Гр. Шереметьев, стоявший в 70-х годах во главе Кавказа, прямо оборвал прошлое и, оборвав прошлое русской политики, он указал на то, что необходимо действовать обратно — не возвышать армянского патриарха-католикоса, а поставить его в уровень с другими представителями духовенства, чтобы он понимал, что он не представляет собой какой-то особой единицы. Патриарх иначе понимал свою роль в прошлом — он даже требовал известной экстерриториальности. Вот со временем гр. Шереметьева и началась другая политика. Продолжалась она и при покойном Плеве, который самым категорическим, самым ярким образом высказывался против каких бы то ни было особых прав и особых привилегий для армянского народа, их не заслужившего.

Акт отбрания армянских церковных имуществ 12 июня 1903 г. служил лучшим доказательством того, насколько была тверда эта политика. Однако этот акт отбрания был встречен революционным маневром со стороны Мкртича, бывшего тогда католикосом... Он выпустил четвертый кондак, в котором говорил о том, чтобы духовенство не подчинялось этому требованию. Он требовал, чтобы оно придерживалось старой политики армянского духовенства, — той политики, которой держались его предшественники. Однако, духовенство это льстиво относилось к центральному органу управления, а на местах продолжало свою глубокую революционную деятельность. К глубокому сожалению, в 1905 г. эти имущества были возвращены. Бар. Нольде — жаль, что его здесь нет, — указал, что с момента возвращения этих имуществ армяне совершенно успокоились, но я позволю себе указать бар. Нольде и тем, кто поддерживает его взгляды, что политика Плеве нашла себе полное подтверждение в политике ст.-секр. Столыпина. Еще в 1906 г. ст.-секр. Столыпин обращал внимание местной власти на два факта, в высшей степени возмутительные, и требовал немедленного их прекращения. В Астрахани была организована женская школа на армянские средства, и армяне лишили своей субсидии ту школу, которая находилась в ведении Министерства народного просвещения. Столыпин в своей бумаге указывает на недопустимость подобного рода фактов, но этого мало. В то время как все другие национальности на Кавказе приводили к присяге на русском языке, армяне сохранили у себя, в силу непонятной традиции, право приводить к присяге на армянском языке. Столыпин обратился с требованием, чтобы это было прекращено. Несмотря на то, что это требование было высказано в весьма категорической форме, оно циркулярно, властью патриарха, покойного Мкртича, было аннулировано. Он признал возможность неисполнения его. Вот факты, которые лучше всего доказывают, что с момента возвращения армянам церковного имущества отношение армян к русской власти не видоизменилось ни на единую юту.

Я должен сказать, что я пропустил три четверти того, что хотел сказать по армянскому вопросу, но считаю, что я достаточно рельефно указал по отношению к армянской народности на те революционные течения, которые в ней сейчас замечаются. Я опускаю сейчас указания, которые могли бы быть приведены, на то, что такие явления замечаются не только среди армян, но и среди других народностей; я пропускаю целый ряд протоколов, характеризующих центральный комитет армянской кавказской с.-д. организации, и протоколы комитетов других организаций. Да, они действительно имеют общий характер для всех с.-д. организаций, хотя, как я уже говорил, по отношению к армянам, Гегечкори, Чхеидзе и Сагателян получили хорошую нахлобучку на местах — быть, прежде всего, не с.-д., а армянами.

Эти данные я опускаю и позволю себе перейти к деятельности грузинского духовенства, чтобы охарактеризовать, насколько не менее революционна была деятельность

грузинского населения сравнительно с деятельностью армянского духовенства. Незачем, г.г., останавливаться на целом ряде фактов, на целом ряде событий. Достаточно взять один крупный факт, одно крупное событие, и этот факт, это событие охарактеризуют вам во всей полноте ту национальность, которая вместе с армянской национальностью является очагом революции на Кавказе. В дни смуты, в дни революционного движения грузинское духовенство не осталось спокойным; оно, подобно армянскому духовенству, которое по настоящее время продолжает ту же тлетворную работу, занялось тем же. На целом ряде мелких фактов я останавливаюсь не буду. Скажу только, что когда революционная смута разыгралась в России, в бытность Воронцова-Дашкова на Кавказе, тогда посыпался целый ряд ходатайств из Грузии, Кахетии и Имеретии, чтобы была возвращена автокефальная церковь и чтобы Грузия имела своего собственного экзарха. Эти петиции, имевшие мирный характер, не имеют серьезного значения. Я позволю себе указать на более крупный факт, на тот факт, который может охарактеризовать все грузинское духовенство, из-за которого это духовенство никакого наказания не понесло, не понесло никакой кары, а находится на том же месте, на котором находилось, за исключением тех лиц, которые потерпели за свои ярко-революционные поступки. Г.г.! У протоиерея Городцова, известного патриотического деятеля на Кавказе, состоялось два года тому назад заседание по поводу одного из наиболее крупных событий, имевшего место в Тифлисе — в центре, резиденции кавказского наместника Воронцова-Дашкова. Цель собрания была обсуждение незаконного собрания многих священников и церковнослужителей грузинской церкви, которые, вопреки категорическому приказанию местной власти экзарха Грузии Алексия, явились на съезд и расположились, как у себя дома. В тифлисской семинарии стали раздаваться окрашенные ярким революционным духом речи. Обращаясь к рассмотрению тех вопросов, которые были предложены на собрании священником Городцовым, надо отметить, что присутствовавшие, обсуждая их, были полны растерянности. Они не знали, как поступить, ибо то духовенство, которое собралось со всех концов Грузии в количестве 480 человек, не удовлетворилось вынесением известных резолюций по обсуждаемым им вопросам, — оно пошло дальше резолюций и стало действовать путем засиляя, сносясь с Петербургом и требуя категорического выполнения предъявленных требований.

Дело заключается в следующем: в Тифлисе был создан революционным грузинским духовенством съезд духовенства, под председательством молодого священника Христофора Цицишивили, для выяснения назревших нужд его. Неизвестно, каким путем, неизвестно откуда, неизвестно, кто приглашал, — но в конечном результате оказалось, что, вопреки желанию экзарха Грузии Алексия, в Тифлис въехало более 480 грузинских священников, и здесь, в присутствии графа Воронцова-Дашкова, наместника на Кавказе, который имел полную возможность помочь в этом отношении Алексию и заставить всех этих господ разъехаться, эти господа 28 и 29 мая 1906 г. заседали в Тифлисе и вынесли целый ряд революционных решений. Революционными этими решениями они отклонили те вопросы, которые были поставлены им на обсуждение Алексием; они собирались на упраздненном кладбище в вечерние часы, и после того, как они выяснили свою программу, они расположились в семинарии, и тут начались занятия. В их занятиях принимали участие не только священники, не только дьяконы, но и совершенно посторонние люди, масса явилась с револьверами, с браунингами, и в конечном результате, когда занятия съезда приняли возмутительный характер бесчинства, они должны были быть разогнаны. Они были разогнаны в тот момент, когда в народе стал ходить слух, что собравшиеся на заседание в семинарии разорвали портрет государя императора. Потом оказалось, что это неверно, они разорвали портрет митрополита Владимира, бывшего экзархом Грузии, но,

тем не менее, факт остался фактом. В конце концов, когда тут же, под носом у наместника, во время занятий этого съезда был убит городовой одним из участников этого съезда, тогда терпению русского общества пришел конец, оно потребовало разгона этого сброва, и эти господа были разогнаны. При разгоне была употреблена, конечно, физическая сила, часть господ пострадала, и вот тот факт, что часть их пострадала на этом революционном съезде, послужил поводом к длиннейшей переписке с митрополитом Антонием, с Комитетом министров и с целым рядом других правительственные учреждений. Останавливаться на всей этой переписке я здесь не признаю возможным, так как это завело бы нас слишком далеко; скажу только, что в конечном результате Синод, конечно, не вошел в рассмотрение всей этой переписки и оставил ее без последствий, решив отрешить от должности наиболее видных вожаков этого революционного течения. Характерно не то, как отнесся Синод, а характерно то, как отнесся наместник к ходатайству экзарха Грузии Алексия о том, чтобы он прекратил этот съезд, и о том, чтобы он дал возможность поднять престиж представителей православной русской церкви. Когда этот съезд был разогнан, когда большинство из членов этого съезда священников отказалось от исполнения своих треб впредь до того, как высшая гражданская власть, — гражданская, а не православная духовная, — не рассмотрит всего этого инцидента; когда они сложили все свои обязанности духовные, — а это происходило в день Святой Троицы, — когда они покинули свои приходы, — экзарх Грузии в это самое время обратился к наместнику с просьбой объяснить, как ему быть, со своей стороны высказывая пожелание, чтобы этот съезд был прекращен. Наместник категорически высказался за продолжение не этого съезда, а того съезда, который созвал раньше Алексий, но в котором могли принять участие некоторые из этих представителей; и когда экзарх Грузии указывал, что при таком положении дела съезд вести затруднительно, что он не может привести к тому результату, которого добивается высшая церковная власть, ему было сказано: «продолжайте» — и занятия съезда должны были продолжаться. И вот начинается целый ряд возмутительнейших фактов с точки зрения попрания престижа русской духовной власти. Алексий посыпал к целому ряду священников, представителей этого съезда, просьбу принять участие и продолжать занятия, а они один раз отвечают «не хотим», другой раз «не хотим», а в третий раз возвращают пакет обратно нераспечатанным; и таким образом съезд фактически состояться не мог, потому что они категорически сказали, что они принимать участия на съезде, до окончательного выяснения дела об изгнании их из семинарии, не желают и не могут, не хотят. Мало того — для расследования этого дела была назначена комиссия. Кто вошел в эту комиссию? В эту комиссию вошел кн. Орбелиани, вошел другой представитель светской власти, и вошел, по предложению наместника в комиссию для разбора этого съезда, вынесшего революционное решение, председатель съезда, 25 революционных съездов, грузинский священник Цицкишвили. Глубоко возмущен был экзарх Грузии этим фактом и указывал на то, что то лицо, которое должно было принять участие не в качестве свидетеля, не в качестве члена высшего суда по разбору этого дела, а в качестве обвиняемого, — это лицо прислано наместником для обсуждения всего этого события, а духовных лиц от экзарха Грузии не было никого приглашено, и только в последние дни занятий комиссии, по усиленным настояниям экзарха Грузии Алексия, был приглашен некто из управления синодальной конторы, Трелин, и когда Трелин потребовал допросить целый ряд свидетелей, то ему было сказано: «Милостивый государь! Свидетели уже все допрошены, и с этим делом нужно покончить». Такие события происходили в грузинской церкви; большинство осталось безнаказанным, вернулось к себе на родину и продолжает в настоящее время свою революционную деятельность, лучшим показателем какой может служить убийство экзарха Никона.

Останавливаясь на убийстве экзарха Грузии Никона, я должен отметить, что это убийство произошло при самом деятельном участии тех господ, которые принимали участие на этом съезде...

Гегечкори (с места). Ложь...

Пуришкевич. Изданных, имеющихся у меня, я знаю, представители левых фракций там, на Кавказе, постоянно утверждали до момента поимки преступников, что экзарх Грузии убит крайними правыми; но я назову фамилии убийц и прошу вас ответить. Вот данные официальные о тех господах, которые убили экзарха Никона. Убийство произошло при непосредственном участии синодальной грузинской конторы — да будет известно это наместнику на Кавказе и его представителю; в убийстве принимал участие священник Чичживадзе, служащий на Авлабаре. Этот священник собирал подписки и собрал от 834 человек денежный взнос на убийство экзарха Никона. Мало того, этот революционный комитет поручил это исполнить 7 лицам, и вот собралось духовенство, тайком приехавшее на этот съезд вместе с от. Кирионом, который приехал из Харькова, где был на покое; собрания происходили у Чичживадзе 22 февраля 1908 г., 18 мая 1908 г., и засим 28 мая был убит экзарх Никон. Он был убит исполнительным комитетом из 5 светских и 2 духовных лиц, да будет вам ведомо, из пяти грузин, одного армянина и одного татарина, участия в убийстве, впрочем, не принимавшего. Армянин — Тер-Акопов, а убийцы из духовной среды — Амбriев и Дзегабзе. Вот факты, которые я вам говорю, и прошу ответить. Спрашивается, — после того, как произошло это убийство, казнены ли убийцы? Нет, г.г., и до настоящего времени убийцы не казнены, и наместник ждет, чтобы они либо убежали, либо выкрали все документы, и не было бы возможности ликвидировать это дело. (*Рукоплескания справа*). Вот, г.г., то положение, в котором находится дело. Мало того, — убийцы спасались через синодальную контору; двоих поймали, а третий убежал. Вот, г.г., о чем говорят нам факты замирения Грузии, отсутствия в Грузии того сепаратизма, о котором говорил в своей докладной записке, по поручению наместника на Кавказе, бар. Нольде. Вот, что говорят неоспоримые документальные факты, и я позволяю себе думать, — говорю категорически и прямо, — что грузинское сепаратистическое движение подобно армянскому движению; если оно сейчас и не проявляется в столь острых формах, то только потому, что есть привходящие обстоятельства: жандармская власть; жандармское управление изъято из ведения наместника и может действовать самостоятельно. Поэтому оно действует самостоятельно и навело некоторый страх и террор на тех господ, которые до настоящего времени выступали открыто. Но революция грузинская — сепаратистическая, революция армянская — сепаратистическая; она ушла вглубь, она скажется; она скажется не только потому, что есть еще элемент среди народа грузинского и армянского, но потому, что высшая власть, представители, и те, которые должны являться исполнителями воли высшей власти наместника на Кавказе, страдают в большей части либо попустительством, либо принадлежат сами к революционным организациям, либо, в конце концов, смотрят так, потому что лихоимцы. Я прошу маленького перерыва. (*Голоса слева: «Нет, просим продолжать». Голоса справа: «Просим перерыва».*)

Перерыв объявлен в 10 час.

Заседание возобновляется в 10 ч. 15 минут.

Пуришкевич. Г.г.! Я коснулся сейчас, выбрасывая пока вопрос о школе, лиц русской администрации, служащих на Кавказе, и буду говорить о них по тем документам, по тем данным, которые у меня имеются, для того, чтобы доказать, насколько прав был барон Нольде, указывавший на то, что трудно найти подходящих людей на Кавказе, и что все порядочное, так сказать, с Кавказа бежит. Но в том-то и дело, в том-то и несчастье, что те люди, которые являются носителями русской государственности, те люди, которым

дорог престиж русского имени, — эти люди с Кавказа изгоняются, и во главе администрации кавказской стоят такие господа, которым место где-нибудь в другом положении. (*Голос слева: «То есть?»*)

Председатель. Покорнейше прошу без вопросов.

Пуришкевич. Там, где и вы будете сидеть (*смех*). За последнее время, благодаря правительству канцелярии наместника, всесильному г. Петерсону, вышли наиболее видные представители и носители русского национального достоинства. Ушел Максимов, вице-директор канцелярии наместника; ушел Тимофеев, тифлисский генерал-губернатор; ушел Васильев, правитель канцелярии тифлисского генерал-губернатора; ушел Френкель; ушел Медведев, уполномоченный и управляющий земледелием; ушел Альфтан, начальник Дагестанской области; Ермолаев, один из наиболее видных деятелей, предан суду (*голос слева: «Взяточник»*), — один из тех, который ненавистнее всего Гегечкори, потому что он не дал грузинам возможности образоваться в Грузинскую республику, и господ Гегечкори сажал там на кол.

(*Смех, шум. Звонок председателя.*) И вот, г.г., в то время, когда изгоняются такие люди, в то же время приглашаются те, которые негожи в центральной России: наиболее видный деятель партии народной свободы Раевский, председатель курской губернской управы, нашел себе место на Кавказе, Овсянико-Куликовский, Агурев, Джуниковский, Небогайло и целый ряд других господ подобной окраски нашли там место. Позволительно спросить, почему же русские люди изгоняются и почему люди, которым ненавистно все русское, находят себе место на Кавказе? Я не позволю себе в этом отношении упрекнуть престарелого гр. Воронцова-Дашкова, потому что он старик и потому что он настолько слаб, что иногда с конфетой во рту засыпает на своем месте над делами... (*Справа смех. Шум.*)

Председатель. Я вас покорнейше прошу таких непристойных и неуместных слов не говорить.

Пуришкевич. Но я думаю, что то лицо, которое является ближайшим исполнителем и вдохновителем по кавказской политике, управляющий канцелярией наместника г. Петерсон, должен быть представлен во весь рост. Не будем останавливаться на мелочах. Возьмем только два наиболее крупных факта, которые охарактеризуют г. Петерсона с ног до головы. Я подразумеваю дадашкелиановское дело — раз, и питоевское дело — два. Я позволю себе вкратце остановиться на каждом. Потомки сванетских владетельных князей, Дадешкелиани были феодалами еще в недавнее время, живя в горах Кавказа и обладая там 40 000 дес. в горной части, сравнительно малодоходной земли. О 1905 г. феодальный строй должен был у них прекратиться. И вот они обратились к наместнику — вернее, к Петерсону, прося принять их земли в казну, а взамен дать им 20 дес. нефтеносной земли в Баку и 15 000 дес. в лесной даче, наиболее богатой на Кавказе, и на переселенческих участках в Сухумском округе. Стоимость прежнего имущества составляла 40 000 р., а нефтеносные 15 дес., и все то, что они просили, составляли по доходности минимум 46 000 000 р., представитель канцелярии наместника Петерсон к этому возмутительному предложению относится сочувственно и делает представление в Петербург об удовлетворении его. Оно еще не разрешено, но Дадешкелиани так уверен в разрешении этого вопроса, что свой бакинский участок он уже распродает по частям и получил по нему 30 000 задатка. (*Обращаясь к представителю наместника на Кавказе бар. Нольде*). Как вам это нравится? (*Рукоплескания и смех справа.*)

Питоевское дело. В уездах Куры главные рыбные промыслы в Восточном Закавказье держит 20 лет фирма Питоева. В 1906 г., вследствие заведомо неправильных торгов, назначенных департаментом земледелия, арендная плата пала на 290 000 руб.; понизились и остальные промыслы Куры, и казна теряет ежегодно более 700 000 руб. Ввиду того, что

в 1909 г. кончается арендный срок и нужно таковой возобновить, Питоевы обратились к Петерсону, и так как Воронцов-Дашков не вечен, а Петерсон уйдет немедля, то просили возобновить контракт на 12 лет. Это принесло бы казне 5 миллионов убытка. И что вы думаете? Петерсон, вопреки порядку, не спросил ни рыбное управление в Баку, ни уполномоченного Главного управления земледелия и землеустройства, а спросил подведомственного губернатора или, вернее, вице-губернатора, — которого он мог выгнать, так как он всесилен, — солидная ли фирма Питоева. Тот ответил: солидная. Только всего. Тогда Петерсон сделал представление, миновав местное учреждение, в департамент земледелия о сдаче им промыслов от имени наместника. Если это не удалось пока, то только потому, что поднят шум в печати. Позволительно думать, что дальше о Петерсоне говорить не приходится. Не за красивые глаза Питоева, не за красивые глаза Дадешкелиани устраивает им Петерсон операции: он, несомненно, взяточник, и его нужно так назвать...

Председатель (*прерывая оратора*). Я вас покорнейше прошу никого не обвинять таким образом, как вы себе позволяете. С этой кафедры вы не имеете права это делать без достаточных данных.

Пуришкевич (*продолжает*). Я сойду, и он меня может привлечь к ответственности. Дальше, г.г., я позволю себе указать на ряд других лиц, достойных доверия. Во главе Терской области стоит атаман Колюбакин, а правителем его канцелярии — Зиновьев. Г.г., кто такой Зиновьев, которым дорожили до сих пор? Зиновьев, правитель канцелярии Колюбакина, — фамилия фиктивная; Зиновьев — беглый преступник, по подложному документу явился из Петербурга и был провизором во владикавказской аптеке Тиде. Через женщину, неизвестно чью, он проторся к Колюбакину и обратился в правителя канцелярии. Это, следовательно, лицо, как видите, достойное встать во главе канцелярии Колюбакина. Его деятельность сразу повела к тому, что жалобам и доносам на него не было конца, разбои против овцеводов не прекращались, грабежи шли вовсю, разбойники были вооружены оружием последнего образца, и пленения овцеводов не имели конца и предела. Перечислю список последних пленений: Камбаров заплатил за себя 40 000 руб., Сафаров — 15 000 р., Бредихин — 12 000 р. и получил новое письменное требование о присылке дополнительного 1000 р. с угрозой в случае промедления большим платежом, Месяцев — 18 000 р., колонист Нейфельд — 40 000 руб., за взятого Кошелева требуют 10 000 р.; словом, за целый ряд овцеводов, крупных владельцев, требуют громадные деньги, но и денег нет, и овцеводов нет. Конечно, в результате оказывается, что овцеводы давали громадные деньги на увеличение стражи, прося: создайте нам возможность жить, работать и трудиться беспрепятственно на своих местах. Но, тем не менее, этого достичь нельзя было: деньги давали, а охраны не получали. И вот, в конце концов, овцеводы бросили насиженные места, и теперь австрийская шерсть стала вытеснять шерсть русскую, местную. В конце концов, несколько из шайки грабителей были пойманы, и вот от пойманной шайки нити привели к Зиновьеву. Оказалось, что сам Зиновьев, правитель канцелярии Колюбакина, снабжал оружием, патронами и информировал ту шайку, которая работала в Тифлисе. И вот Колюбакина вызвали для объяснений в Петербург, Зиновьев же был заключен под стражу. Как вам нравится этот человек, который стоит у власти? Что касается Колюбакина, то данные говорят следующее. Там заметны и могут быть путем ревизии обнаружены крупные злоупотребления по сдаче войсковых земель, но они не достигли наивысшей точки; станичные, областные управления являются гнездами взяточничества, которое процветает в данных областях.

Переходим дальше. В Кубанской области работает подполковник Засыпкин. В дни революции в Тифлисе он сам создавал и сам раскрывал им же созданные революционные организации (*смех слева*), но настоящих революционных организаций, г.г., подполковник

Засыпкин, конечно, не раскрывал, боясь за свою собственную шкуру. В конце концов, он дослужился, получал ордена и произведен был таким путем до подполковника. Но вот случилось убийство ротмистра Руница, одного из наиболее видных деятелей русского дела на Кавказе. Все подробности убийства знал, конечно, подпол. Засыпкин, но он пальца о палец не ударил для того, чтобы их обнаружить. Но после убийства ротмистра Руница — здесь во главе жандармского управления стоял тогда Савич — г. Засыпкин отчислен от того места, которое занимал. И что же? Несмотря на полное противодействие главного жандармского управления, несмотря на противодействие директора департамента Трусевича, знающего Засыпкина, как свои пять пальцев, несмотря на все это, Засыпкин сейчас стоит во главе летучего отряда для борьбы с революцией на Северном Кавказе. В чем же заключается эта борьба? А в том, что в дни процесса над Старосельским г. Засыпкин является самым страстным и самым убежденным его защитником — и не только его, но и его секретаря Финкельштейна. Мало того, работая в Кубанской области в настоящее время, Засыпкин спешествовал открытию взамен революционной газеты «Заря», которая должна была закрыться, открытие еще двух газет крайнего левого революционного направления. Редакторство одной из этих газет, благодаря исключительно его, Засыпкина, представительству, получил еврей Финкельштейн, секретарь Старосельского, который работал последним и которого в процессе Старосельского выгородил г. пол. Засыпкин. Вот вам характеристика другого излюбленного кавказского администратора. Неудивительно, г.г., что при таком отношении к долгу, верноподданническому долгу, в Кубанской области, что мы имели от этой области в Государственной Думе второго и третьего созыва и Геруса, и Лунина, и Ширского, и Барджа, и Покровского 2-го, и целый ряд других господ. Благодаря Засыпкину, благодаря его инертности, революционная пропаганда, производимая станичными учителями, принимает с каждым днем все более и более широкие размеры.

Перехожу дальше, к ротмистру Давыдову. Дело Новороссийской республики¹³. Давыдов и Березников, ставленник и «на ты» с Петерсоном, в этом деле играют не последнюю роль: они выгораживали всех, которые были наиболее в этом замешаны. И в конечном результате даже кавказская администрация не могла, несмотря на то, что Давыдов был «на ты» с Петерсоном, сохранить его, и его убрали с понижением — он прозябает где-то в центральной России. Далее перехожу к следующему. Бакинский градоначальник Джунковский — представитель кадетского коло. Не угодно ли? На последнем съезде — резолюция совещания присутствия по нефтяным делам при бакинском градоначальнике — обратились к градоначальнику с просьбой ввиду террора, осуществлять всю полноту своей власти, ибо жить нельзя. Это обратились лица, явившиеся для специальной работы. Почему же они обратились? Да потому, что хотя Джунковский и не Старосельский, но многие из приемов его напоминают такового. Не угодно ли, что получилось. Джунковский во время нефтепромышленного съезда, желая установить известные отношения между рабочими и работодателями, предложил создать комиссию из 16 человек — по 8 человек от каждой стороны. И вот от рабочих было выбрано 8 человек, но они ни к чему не пришли. Революционные листики высмеивали их отношение к комиссии и высмеяли стремления буржуя стать в сношении с представителями рабочего труда. В конечном результате комиссия была сорвана. Но, вот, что интересно: через два дня после того, как комиссия покончила дело, нападают на инженера Кавальджи. Кавальджи — малый не промах: на месте убивает двух. И что же оказывается? Оба из тех восьми, которые были в комиссии, заседавшей накануне у Джунковского. Я думаю, факт характерный довольно. О дальнейших деятелях, о Новикове — не говорю. Укажу на Лилеева, бывшего вице-губернатора, который, как передают, — это я не достоверно знаю — крещеный еврей (смех). Он при

помощи местного управляющего государственными имуществами, Шапошникова, сдавал в аренду в некоторых местах огромные прибрежные промыслы исключительно евреям, не имевшим на то права. Словом, от Дербента до Баку обладание этими промыслами, благодаря Лилееву, сдано было в еврейские руки. Затем в Эриванской губ.: либо администратор из рук вон плох, либо лихоимец, либо человек, стоящий близко к революции, либо полный инертный трус. Лучшей характеристикой губернатора Тизенгаузена служит местное название «Ханум-паша». Ханум значит баба: он ни во что не вмешивается. Перехожу дальше. Представители эриванского суда: русских людей нет. Можно назвать: Елисаветполь, прокурор суда Калвайтис — католик, поляк; товарищ прокурора Издебский — поляк, католик; Монак — поляк, католик; Марцин — поляк, католик; Нейдлер — крещеный еврей, и плохо говорящий по-русски немец Кнаббе. Засим рядом Ставропольская губерния: изгнанное из Бессарабии наше добро — человек, которому было присуждено двухмесячное заключение в тюрьме за клевету; он не отсидел только потому, что его простили; человек, который, будучи председателем дворянской опеки, стоявший во главе дворян, пытался ограбить и только случайно не ограбил ту сироту... (*Смех слева.*) Этот господин — Бронислав Янушевич, о котором, повторяю, вся Бессарабия знает и которого дворянское собрание только большинством 20 голосов оставило в среде дворян бессарабского дворянства. Не выдержав в Тульской губ., он был переведен в Ставропольскую губ. губернатором и продолжает здесь ту же доблестную деятельность, которую начал в Бессарабии. Он обирает в настоящее время вместе с присными местное население, те земли, которые принадлежат туркменскому народу.

Вот, г.г., вкратце сведения, которые я могу вам сообщить о деятелях на Кавказе, о тех деятелях, которые терпимы на Кавказе, которые не устраются от управления только благодаря всемогущему, всесильному там Петерсону. Кавказская пресса стоит своих руководителей. С тех пор, г.г., как ушел доблестный борец за русские идеи, Величко, целый ряд лиц, одно достойнее другого, занимают это место: сначала — Раевский, человек с ярко окрашенным направлением, затем — Опочинин, лидер кадетской партии, имеющей крайне левое на Кавказе направление, причем ему было сказано, что можешь писать все, но только ничего вправо. И, в сущности говоря, официальный орган на Кавказе является представителем крайнего радикального течения. На дальнейшем, г.г., в этом отношении я останавливаюсь не буду. Мои товарищи по фракции Замысловский и Ладомирский в свое время дополняют и разовьют то положение, которое я высказал. Я только хочу докончить, бросив вопрос о школе, о средней школе, которая представляет одну из самых возмутительнейших картин развала русского духа, полную прострацию тех господ, которые должны были бы стоять во главе подрастающего поколения. Я хочу только сказать, что дальше дело так терпимо быть не может. Я хочу только сказать, что мы, живущие здесь, понятия не имеем о том, что там творится. (*Голос слева: «Это верно».*) К нам только приезжают делегации, представляющиеся Столыпину. И на этих днях приехала делегация с просьбой избавить их от господ, которые не дают им возможности существовать. Но мы, представители крайних правых, да и центра, — мы все, г.г., знаем, что там творится, по тем письмам, которые каждый день получаем. Я получаю не десятки, а сотни этих писем самого надрывающего характера от людей, которые совершенно не подходят ко мне по направлению. Но все эти люди говорят в один голос: пусть будет правительство либеральное, желающее реформ, но чтобы чувствовалась власть, чтобы чувствовалось, что является кто-то стоящий во главе, чем-то руководящий и способный вести народные массы. Ничего подобного нет. Идет полный развал на почве сепаратизма грузин и армян, развал на почве лихоимства, мздоимства, безобразий, потворства со стороны русской администрации, прикрывающейся именем наместника, который тут не при чем, так как за наместника от

имени наместника верховодит и руководит кавказский правитель канцелярии наместника Петерсон. (*Рукоплескания справа.*) Г.г., так дальше жить нельзя. Мы — русские люди, и те голоса, которые раздадутся отсюда, — эти голоса должны поддержать вопли, несущиеся оттуда. Довольно того, что там происходило. Сходя, пока, с этой трибуны, я хочу сказать: самый минимум, что мы можем потребовать, это — полная смена местной администрации, чтобы никого из этих господ, стоящих там у власти, не было. Я уверен, что, умри сегодня гр. Воронцов-Дашков, режим там будет муравьевский¹⁴. Он не муравьевский теперь только потому, что престарелый наместник там держится. Мы должны раскрыть своему Самодержцу ту завесу, которая перед ним находится и которой застилаются себялюбцы, самолюбцы, властолюбцы, желающие удержаться у власти. Мы должны показать верноподданничество своему императору, что там мучаются наши братья. Если послезавтра мы будем говорить отсюда о тех бедствиях, которые переживают зарубежные славяне Боснии и Герцеговины, то с тем большим жаром, с тем большим пылом, с тем большей страстью, г.г., мы должны хлопотать и заботиться и настоятельно добиваться того, чтобы были освобождены от воронцовского ига те, которые страдают там совершенно невинно, — те, которые входят под русскую корону. Это — наш долг, наша священная обязанность. В противном случае мы не выполним воли тех, которые послали нас сюда для того, чтобы отстоять национальное дело.

Председатель. Слово принадлежит барону Нольде.

Заместитель наместника его императорского величества на Кавказе барон Нольде. Я считаю себя обязанным протестовать от всей души против тех клевет, которые позволил себе представитель Бессарабской губ. здесь. (*Рукоплескания слева.*) Он позволил себе обвинять людей и неуважительно отнеслись к наместнику его императорского величества на Кавказе, человеку, который пользуется огромным со стороны всех знающих его лиц уважением, позволил себе клеветать на людей, которым он недостоин развязать ремешка. (*Рукоплескания слева. Шум справа.*)

Пуришевич. (*С места что-то кричит, обращаясь к барону Нольде.*)

Председатель. Покорнейше прошу занять места. (*Сильный шум.*) Заседание продолжается, и шум здесь допускаться не может. (*Голоса: «Перерыв!»*) Я не могу надрываться. Перерыв будет объявлен мною, а не вами. (*Продолжительные рукоплескания центра и левой.*) Будьте добры не шуметь.

Чхеидзе. Г.г. члены Г.Д.! Предыдущий оратор очень много говорил, но, в конце концов, он свел свою речь к тому, что не имеет никакого представления о том, что творится на Кавказе. Следовательно, он меня освободил от необходимости отвечать на его речь, ибо, раз он не понимает и не знает, что творится на Кавказе, следовательно, нечего ему было и говорить. Во всяком случае, г.г., я должен сказать, что отделяться сказками и шутками, когда речь идет о крае, в котором живут $8\frac{1}{2}$ миллионов людей, мне кажется, в Государственной Думе не следует. Прежде чем перейти к запросу, я должен коснуться в нескольких словах отношения комиссии. Докладчик, депутат Матюнин, изволил сказать, что данные, которыми располагала комиссия, вполне давали возможность согласиться с предложением авторов запроса, при чем, между прочим, он указал на такие основания. Из газет, — говорил докладчик, нам известно, что летом нынешнего года около Тифлиса был, кажется, съезд делегатов революционных партий всех крупных городов Кавказа, на котором было решено то-то и то-то. Если я спрошу депутата Матюнина, происходил ли этот съезд на самом деле около Тифлиса, или около города Глупова, я думаю, он затруднится мне сказать. (*Рукоплескания слева.*) И вот на основании таких данных комиссия единогласно решила принять этот запрос. Если запрос будет решен на основании кажущихся данных, то это характеризует, насколько серьезно отнеслась комиссия к поставленной задаче.

Теперь я перейду к запросу. Вы, вероятно, помните, что представитель наместника привел следующие сведения: в тифлисской губернской тюрьме, рассчитанной на 300 арестантов, содержится 626 человек; в бакинской, рассчитанной на 280, содержится 700; в батумской, которая может вместить только 80 человек, заключено 400, и т. д. Затем ему угодно было сообщить, что из двух губерний — Тифлисской и Кутаисской — было выслано административным порядком в 1906 г. 1 525 человек, в 1907 г. — 3 740 чел., за три месяца 1908 г. сослано 301 и казнено 113. Я думаю, что представитель наместника, приводя эти данные, рассчитывал несколько успокоить авторов запроса, но мне кажется, что расчет его не был верен. Что, в самом деле, значит для авторов запроса, если в тюрьму на место 10 человек втискивают, например, 100? Если б, например, правительство ухитрялось вместо 10 сажать 1 000, они могли бы сказать: это куда ни шло, а то помилуйте! Можно поместить 10, а сажают только 80! А что казнь? Если бы сказали, что в год вешают 1 300, это еще могло бы их успокоить. Так что расчет представителя наместника, по-моему, не оправдался, но думаю, что в этом отношении представитель наместника немного скромничал. Администрация Кавказа не так уж плоха для авторов запроса, как это явствует из данных представителя наместника, и раз это ему не угодно было сделать, то было бы неблагодарностью с нашей стороны не воздать должное этой администрации и не развернуть всю картину ее деятельности, и эту роль я возьму на себя. Теперь позвольте перейти к существу вопроса.

Запрос начинается таким образом: «Последовавшим 26 февраля 1905 г. восстановлением наместничества на Кавказе имелось в виду объединение высшей в крае власти в центральное управление при наместнике его императорского величества, долженствующее служить к быстрому прекращению беспорядков, имевших место на Кавказе». Г.г.! Я позволю себе привести текст высочайшего рескрипта, откуда взято это место запроса. В рескрипте на имя наместника было сказано, что на графа Воронцова-Дашкова возлагается обязанность наместника для водворения на Кавказе спокойствия, дабы приобщить этот край ко внутренней созидательной работе, предпринимаемой ныне в государстве. Вы видите, что самая важная часть рескрипта, именно та, где говорится, что задачей наместника является приобщение края к внутренней созидательной работе, скрыта авторами запроса. Мы обращаем на это внимание не потому, чтобы мы считали возможным приобщение Кавказа к созидательной работе; это невозможно, потому что никакой, в сущности говоря, созидательной работы и в центре России нет, и очень непонятно, какая созидательная работа может быть в обществе, где устрем жизни стала виселица, а основанием благосостояния народного — взяточничество. В таком обществе, по-моему, никакой созидательной работы быть не может. Мы не считаем возможным приобщение к культурной работе окраин еще и потому, что ни одно правительство не понадавало стольких обещаний народу, сколько русское правительство, и ни одно правительство так систематически планомерно не отрекалось от своих обещаний, как опять-таки то же самое русское правительство. Но мы обращаем свое внимание и ваше на утайку этой половины рескрипта, потому что иначе и быть не могло. Я думаю, что г.г. авторов запроса интересовала, как в отношении центра, так и в отношении окраин, как в отношении русских, так и в отношении инородцев, интересовала и интересует не созидательная работа, а черносотенная политика. Всякое государственное предприятие они рассматривают именно с точки зрения успехов этой политики. В данном случае — то же самое. Они не могут успокоиться, что на Кавказе не все деревни, не все села, не все города разрушены до основания; они не могут успокоиться, что не все грудные младенцы еще вырезаны, они негодуют, что не все еще женщины обесчещены на Кавказе, они негодуют, что на Кавказе еще есть какие-то признаки жизни, они не могут успокоиться, что Кавказ, эта жемчужина,

этот чудный уголок, воспетый Лермонтовым и Пушкиным и облюбованный всеми лучшими русскими людьми, еще не обращен в одну могилу, на которой они могли бы беспрепятственно совершить свою черносотенную тризну. (*Рукоплескания слева, шиканье справа.*) Далее, г.г., говорится в запросе: «После восстановления наместничества в течение трех лет беспорядки не только не прекратились, а наоборот, увеличились». Что ни слово — неправда, имеющая целью дискредитировать личность графа Воронцова-Дашкова, ибо беспорядки, — как они говорят, а я скажу — освободительное движение, получило революционный характер задолго до назначения наместником графа Воронцова-Дашкова. Г.г., думаю, что никто из вас не заподозрит меня (*смех справа*), что мы выступаем в защиту личности Воронцова-Дашкова. Боже упаси от этого греха! (*Возгласы справа: «Похвалите Нольде!» Звонок председателя.*) Скажу больше: для нас совершенно неинтересна личность того или другого администратора. У нас, на Кавказе, были всякого рода администраторы: были и светлейшие князья, и просто сиятельные князья, и графы, были и бароны, были... ну, дальше барона дело не пошло, ибо даже в наше конституционное время бюрократия держится того мнения, которого держался один из венценосцев, говоривший, что человек начинается только с барона. (*Рукоплескания слева.*) Так, я говорю, что у нас всякого рода были администраторы, но однообразна до высшей степени была система управления. Она сводилась, в конечном счете, к поддержке кучки привилегированных, кучки, на которую бюрократия могла бы опираться и проводить свою грубую политику механического обрушения на Кавказе. Вот цель этой самой политики, и если замечалась какая-нибудь разница, то это были вариации на одну и ту же тему. Но раз это так, то невольно возникает вопрос: почему же истинно русские люди нападают на личность Воронцова-Дашкова? Это очень просто и понятно. Когда эти люди хотят наброситься с хищнической алчностью на добычу и пожрать ее, граф Воронцов-Дашков делает свое дело с джентльменством, свойственным графам и князьям. Когда они хотят, чтобы управитель Кавказа был Иродом 96-й пробы, настоящим, граф иногда не прочь разыграть Понтийского Пилата. Вот, г.г., чем объясняются такие яростные нападки авторов запроса на личность Воронцова-Дашкова, но, по-моему, это плод чистейшего недоразумения и усердие не по разуму. Если вы будете иметь терпение послушать нас, я думаю, мы убедим вас, что Воронцов-Дашков для вас очень подходящий человек. (*Возгласы справа: «Он чай любит!»*) Пожалуйста, если угодно.

Тут говорили, что революционный характер усматривается в стремлении осуществить какую-то идею сепаратизма на Кавказе. Г.г.! Если под сепаратизмом вы понимаете малейший протест против безграничного произвола и насилий — я удостоверяю, что такой сепаратизм действительно существует на Кавказе. Но, г.г., такой же сепаратизм, в таком случае, вы имеете и в сердце России, в Москве; такой же сепаратизм вы имеете и здесь, в Петербурге, да и во всей России, потому что по всей России гуляет один разгул и одно насилие. Но, г.г., если вы под сепаратизмом понимаете желание кавказского населения идти врозь к осуществлению задач, которые выставило освободительное движение, то я должен констатировать, что никогда сознание кавказского населения о необходимости солидарно идти рука об руку с русским населением в деле осуществления этих задач, — никогда так ярко не наблюдалось. И вам ли, г.г., авторам этого запроса, учить нас любить русский народ? (*Возгласы справа: «Ого! Шум.*) Вам ли учить нас любить русский народ, давший Н. Г. Чернышевского, В. Белинского, Герцена... (*Голос справа: «Пушкина.*) Да, Пушкина и Тургенева... Он дал эти светочи мысли, этих великих художников, на бессмертных творениях которых воспитывались целые поколения армян, грузин и проч. Я, г.г., горжусь тем, что являюсь учеником не только евреев Маркса и Лассала, но также и людей русских — Плеханова, Веры Засулич и т. д. (*Движение и шум справа.*) Я горжусь, г.г., и

считаю высшим счастьем для себя, что я облечен симпатиями и доверием не только грузинского пролетариата, но и русского пролетариата. (*Движение и шум справа.*)

Председатель. Позвольте вас попросить держаться поближе к запросу.

Чхеидзе. Я постараюсь, конечно, держаться ближе к запросу, но если вопрос о том, как нанимают армяне бонн, относится к запросу, то, мне кажется, и то, что я говорю, относится к запросу. (*Голоса слева: «Верно!»*) Но, г.г., вам сепаратизм мерещится во всем, что только доказывает⁶, что солидарность всех народов, входящих в состав русского государства, расстет со дня на день, и что эта солидарность с течением времени даст свободный выход как лучшим стремлениям самого русского народа, так и всех других народностей, населяющих русское государство.

Г.г.! Далее в запросе сказано, что кавказское население выбито из колеи нормальной жизни и остается почти совершенно не защищенным от посягательств, кого, об этом мы скажем впоследствии. Да, г.г., кавказское население выбито из колеи, но тут какое-то неверное объяснение, которое у вас фигурирует всегда, когда вы касаетесь объяснения исторических явлений. Г.г.! Я еще в прошлом году имел честь с этой кафедры, отвечая на декларацию правительства, указать на то обстоятельство, что объяснять исторические явления по приемам историка Иловайского не годится. (*Голос справа: «Историк Чхеидзе лучше!»*) Г.г.! Авторы запроса напоминают мне следующее: в детстве мне казалось, что ветер дует потому, что качаются деревья. Эти господа тоже хотят уподобиться детям и говорят, что все, что теперь творится в России, что, так сказать, всему этому виновниками являются те, которые в результате выступили на сцену общественной жизни как борцы. Вы, г.г., видите, что, когда идет дождь, люди открывают зонтики. И вот вы наивным людям объясняете, что дождь пошел потому, что открыли зонтики. (*Смех слева.*) Нет, г.г., так объяснять явления не приходится. Ведь непорядки у нас на Руси, как вам хорошо известно, существовали еще во время призыва варягов. Я уверен, что и ваши патентованные историки беспорядки, которые тогда были в России, тоже хотели бы приписать социал-демократам и социалистам-революционерам. (*Смех слева.*) Да, г.г., кавказское население действительно выбито из колеи нормальной жизни. Я не буду говорить о временах Тамерлана и Ахмед-хана, а я буду говорить вот о чем: начиная с начала прошлого века и по наши дни, кавказское население даже не имело возможности войти в колею нормальной жизни. Забегая несколько вперед, я приведу такого рода пример: напомню вам, г.г., судьбу 8 000 русских людей-духоборов, нашедших себе приют на Кавказе после того, как их здесь травили. По отзыву наместника, это были лучшие труженики, лучшие хозяева. Г.г.! Укажите мне хоть один факт неприязненного отношения кавказского населения к этим мирным из мирных людей? Не укажете. И тем не менее, благодаря бюрократии, благодаря той политической системе, о которой я говорил, эти мирные граждане, эти скромные русские люди были принуждены оставить приютивший их Кавказ и обратиться в кочевников. Я вас спрашиваю, г.г., — кто здесь был виноват? Те самые власти, которые действительно до настоящего времени, как говорится в запросе, пользуются положением завоевателя. Далее, г.г., вам угодно говорить здесь в запросе, что с 1905 года на Кавказе не проходит ни одного дня, чтобы не было по отношению к мирным жителям актов насилия, грабежей, поранений, убийств и т. д. Да, г.г., совершенно верно, что не проходит ни дня, ни ночи, чтобы не было злоупотреблений, и всякое беззаконие творится не только днем, но и во всякое время. И я вам скажу, что преступники не только не скрываются, но они, попав в руки властей, получают повышения по должности и получают награды. Г.г.! В запросе приводятся случаи побегов, случаи убийств и террористические акты. Да, г.г., безусловно, террористические акты совершались на Кавказе; но, г.г., сам по себе факт даже убийства, рассматриваемый независимо от тех условий, в которых

этот факт произошел, ничего не говорит, ничего не объясняет. Это — во-первых, а во-вторых, я должен сказать вот что (*Голос справа: «Ничего».*) Нет, не «ничего», — но об этом мы поговорим потом, а теперь я хотел бы спросить авторов запроса вот о чем: когда вы, г.г., говорите об убийцах и о погромщиках, то подразумеваете ли вы и тех погромщиков и убийц, которыми кишают то преступное сообщество, которое у нас называется русским патриотическим обществом на Кавказе? (*Рукоплескания слева. Шум справа.*) Г.г.! Об этом что-то авторы запроса умалчивают, но для полноты картины я беру это на себя и доложу вам об этом. Г.г.! Есть побеги из тюрем, и не только те, которые были здесь перечислены, но, может быть, и еще много других. Это совершенно верно. Но авторы запроса забыли и здесь одну в высшей степени важную сторону дела, а именно, вот что: что Кавказ весь, как он есть, обращен в одну большую тюрьму, откуда люди должны бежать, куда глаза глядят. Картина получилась бы в высшей степени неполная, если бы мы не объяснили, почему этот чудный уголок обратился в тюрьму. В запросе, между прочим, указаны случаи экспроприаций. Да, г.г., были и экспроприации, безусловно, этого отрицать нельзя; но тут, опять-таки, важная сторона вопроса упущена авторами запроса. Упущено именно то, что пионерами в деле экспроприаций на Кавказе явились совершенно другие, некто другой, а не экспроприаторы новейшего, так сказать, происхождения, — это именно правительство и бюрократия, которые в продолжение целого ряда лет занимались экспроприациями на Кавказе. Г.г.! Мне кажется, об этом тоже следует поговорить... (*Голос из центра: «В следующий раз!»*) Если угодно, то и в следующий раз...

Г.г.! Вот поставленный в таком виде кавказский запрос, по моему мнению, представляет большой интерес, и третьей Государственной Думе следовало бы именно в данном случае обратить серьезное внимание на положение края. Ведь за время существования третьей Думы, г.г., нам почти не приходилось говорить. Насколько я помню, раз речь шла об учреждении штата околоточных надзирателей гор. Евлаха, а затем несколько мелких вещей, и только один законопроект, который я хорошо помню, это — законопроект о том, чтобы кроме лошадей привлечь к отбыванию повинности и быков, и буйволов. Это шаг вперед, потому что уравнение в правах произошло и у животных. (*Смех и рукоплескания слева.*) Но вы можете сказать: среди животных на Кавказе наступило успокоение, и поэтому реформы прошли. Но нам в животных обращаться нельзя и ждать реформ нельзя. Поэтому я должен сказать, что это такой случай, по поводу которого пришлось обратить внимание на этот край. С этой кафедры несколько раз раздавались голоса о том, что Кавказ не оплачивается, что Кавказ является разорительным для общегосударственного казначейства. По-моему, г.г., это миф. Но если бы это даже было и так, то это было бы естественно, потому что у плохого хозяина всегда бывает приплата. Я уверен, г.г., что если бы некоторые из графов и князей здешних имели такого управляющего, как наша бюрократия, то они в самом непродолжительном времени дали бы ему расчет.

Итак, г.г., Кавказ действительно разорен, и кавказское население действительно выбито из колеи нормальной жизни, — на Кавказе нет житья. Но в силу каких обстоятельств край поставлен в такое положение? Г.г.! Все те положения, которые я имел честь здесь указать, я буду обосновывать, не ссылаясь на листки, на революционные источники; я буду ссыпаться, как на авторитет, на людей, облеченных властью, — на князей, на графов, на генералов и действительных статских советников, а может быть, сошлюсь и на статского советника просто, но, во всяком случае, редко буду ходить ниже и вашему желанию предоставлю выбирать между авторитетом этих людей и авторитетом деп. Пуришкевича, который считается хорошим знатоком не только Кавказского края, но и сценического искусства. (*Оратор на этом месте прерывает свою речь. Голоса: «Просим продолжать», «перерыв!»*)

Председатель. Позвольте объявить перерыв на $\frac{1}{4}$ часа; речь будет продолжаться еще 2 часа. Перерыв объявлен в 11 час. 20 мин.

Заседание возобновляется в 11 ч. 46 м.

Председатель. Заседание продолжается. Слово принадлежит чл. Г. Д. Чхеидзе.

(Чхеидзе всходит на трибуну. В это время бар. Нольде просит дать ему слово. В зале шум.)

Будьте добры занять места. По паказу не предоставляется право представителю правительства, или кому-либо иному, иметь слово до конца речи говорящего оратора. В настоящее время говорит чл. Г. Д. Чхеидзе. Бар. Нольде просит разрешения сказать несколько слов. (Голоса из центра: «Просим! Просим!» Голоса слева: «Не от вас зависит!» Председатель, обращаясь к Чхеидзе.) Вы позовите?

Заместитель наместника его императорского величества на Кавказе бар. Нольде. Я имею сделать заявление. В порыве негодования, вызванного выслушанной мною речью чл. Г. Д. по Бессарабской губ., я употребил выражения, которые были, по-видимому, неправильно поняты. Они исключительно вызваны были тем рядом обвинений, которые были брошены членом Г. Д. Пуришкевичем лицам, отсутствующим здесь, и мне в голову не приходило сколько-нибудь неуважительно отнестись к Государственной Думе, давать объяснения перед которой я считаю для себя за великую честь. (Рукоплесканья слева.)

Замысловский (с места). Какое это объяснение? Это новое оскорбление. (Шум справа и в центре. Звонок председателя.)

Председатель. Покорнейше прошу занять места. (Шум продолжается.)

Марков 2-й (с места). Безобразие!

Председатель. Будьте добры занять места: нет возможности говорить. Если порядок не будет восстановлен, я на целый час отложу заседание. (Голоса: «Пойдем домой!»)

Чхеидзе. Объясняя причины революционного движения на Кавказе, гр. Воронцов-Дашков во всеподданнейшей записке говорит: «Перенесение крестьянской вражды против помещиков на административных властей и недовольство государственным строем, даже без содействия революционной пропаганды, могло само собой возникнуть в представлении населения, видевшего только полное отсутствие заботливости о его нуждах со стороны правительства, не издавшего за 36 лет ни одного законоположения, которое изменило бы к лучшему хоть отчасти крестьянский быт на Кавказе». Из сказанного, г.г., в достаточной степени видно, до какой степени правительство заботливо относилось к крестьянам, о нуждах и пользах которого так... (Шум.)

Председатель. Г.г.! Будьте добры не шуметь.

Чхеидзе. ...часто твердит русское правительство. В доказательство сказанного могу сослаться на тот факт, что на Кавказе и после Манифеста 17 октября существует форменное крепостное право. (Возглас справа: «Законопроект давай!») Будет в свое время. Быть может, г.г. авторы запроса мне скажут: да и поделом. Крестьянам кавказским так и надо; на то он и крестьянин, чтобы быть в крепостном состоянии, и это не дает ему права протестовать, бунтоваться и т. д. (Шум.)

Председатель. Г.г.! Ничего не слыхать. Я покорнейше прошу не шуметь. (Обращаясь направо.) Если вам угодно переговариваться, позвольте вас просить во фракционную комнату. Невозможно заниматься. (Обращаясь к Чхеидзе.) Пожалуйста, будьте добры продолжать.

Чхеидзе. Я бы, г.г., против такого положения не стал возражать, но я могу сослаться на авторитет одного из присутствующих, который нам поведал один социологический закон. Закон этот гласит так: Менделеев высчитал, что переселение во всей Западной Европе, и не только переселение, но и революции начинались приблизительно тогда, когда народное население стран увеличивалось до такого предела, что на душу населения приходилось

менее 4 дес. земли. Этот закон, который нам поведал деп. Марков, когда мы обсуждали вопрос об амурской ж. д., я очень люблю. Он просто объясняет революцию. Раз земли менее, чем это установлено в этом законе, революция должна произойти. Если, г.г., из краткого очерка, который я сделаю, о положении крестьян на Кавказе будет ясно, что эта норма давно там перейдена, то я спросил бы тогда авторов запроса: кто виновник революции? (*Возглас справа: «Конечно, правительство!»*) Я думаю. Поэтому, г.г., я позволю себе вкратце коснуться положения этих рабов — кавказских крестьян, которые до сих пор пребывают в крепостном состоянии. В воззвании кавказского наместника от 8 ноября 1864 г. мы читаем такое место: «Сельские обыватели, вышедшие из крепостной зависимости, оцените важность прав ваших, с этого времени даруемых: они делают вас полными хозяевами вашего имущества, полными распорядителями вашего труда». Я вам говорил, г.г., что много обещаний давало русское правительство, но как были они выполнены, вы сейчас увидите. Кто выбил крестьян из колеи нормальной жизни, также будет ясно. Я, г.г., говорил уже, что буду ссылаться на авторитеты — на людей, облеченных высочайшим доверием. Из той же всеподданнейшей записки наместника мы узнаем, что с момента освобождения крестьян Закавказья от крепостной зависимости и до настоящего времени местные крестьяне и поселяне остаются на положении временнообязанных крестьян. Неопределенность размера повинностей в пользу помещиков, выполняемых в долях урожая, разного рода продуктами в натуре, является причиной бесконечных споров между помещиками и крестьянами. Помещики до учета причитающейся им доли, внесение которой, в виду разнообразия угодий, очень затягивается, не позволяют обычно крестьянам свозить с полей хлеб и сено, и хлеб высыпается и загнивает. Крестьяне, естественно, борются с этим и нередко на этой почве происходят столкновения. Г.г.! Здесь указано, что на Кавказе крестьянин должен уплачивать $\frac{1}{4}$ часть урожая, но само по себе это положение никак не рисует действительной картины вещей. Поэтому я позволю себе привести несколько цифр: в низменной полосе Тифлисской губ. доход от пшеницы исчислен в 54,1 р., а чистый доход — 22 р., от одной десятины ячменя доход получается в 39,7 р., а чистый доход — 11,3 р. Четвертая доля валового дохода в первом случае выражается в 13,5 р., а во втором — 9,9 р. Таким образом, в первом случае вся выгода крестьян выражается в 8,6 р., а во втором случае в 1,4 р. Г.г.! Такое положение крестьяне испытывают с тех пор, как была объявлена великкая освободительная реформа на Кавказе. На основании цифровых данных автор цитируемой статьи приходит к заключению, что из 7 приведенных случаев в 6 помещик получает свыше 50 и даже до 100 процентов чистого дохода, а только в одном случае на долю землевладельцев выпадает около 60 %. На основании точных расчетов автор записи приходит к заключению, что крестьянин Тифлисской губ. уплачивал за надельную десятину земли помещику 292 р., а в Кутаисской — 688 р. Далее я сошлюсь на мнение еще более высокопоставленного лица, из которого вы ясно увидите, до какого положения доведены крестьяне на Кавказе. (*Голос справа: «Это не касается вас».*) Касается это вот чего: вам говорят, что на Кавказе благоразумное трудолюбивое население выведено из колеи нормальной жизни с 1905 г. Такое положение существует в запросе. А я утверждаю, что не с 1905 г., а с начала прошлого века кавказское население выбито из колеи благодаря правительству, благодаря господству бюрократии. Мне кажется, что это непосредственно относится к делу. (*Шум.*)

Председатель. Член Г. Д. Чхеидзе рассчитывает произносить свою речь еще два часа. (*Шум.*) Позвольте окончить нынешнее заседание (*Голоса: «Просим! Просим!» Шум. Голос справа: «Не хватит материала!»*)

Чхеидзе. Г.г.! Вы напрасно рассчитываете, что у меня не хватит материала. (*Голоса: «Послушаем в следующую среду».*) Ничего не имею против. (*Шум усиливается.*)

Председатель. Если угодно продолжать заседание, так будьте добры занять места. (*Шум продолжается. Голос справа: «Шашлык кушать будем!»*)

Чхеидзе. Идите в кабак, пожалуйста, там вам жарят шашлык... Итак, г.г., я продолжаю. (*Шум.*) Г.г.! Я сошлюсь на еще более авторитетный источник относительно безвыходности положения крестьянства на Кавказе. В грузинских провинциях, — читаем мы, — бесправное положение крестьянства в смысле выбора наиболее удобного времени, полезного для труда, усугубляется еще малым наделом при несоизмеримо высоких повинностях. Крестьянский надел в Тифлисской губ. определяется пятью десятинами неполивной земли и $2\frac{1}{2}$ дес. поливной, а в Кутаисской — 1 дес.; оброк в среднем при переводе на деньги...

Председатель. Будьте добры поближе к делу.

Чхеидзе. Г.г.! Я бы не стал расширять рамки обсуждаемого вопроса, если бы это не было начато таким образом сначала не мною, а предшествующими ораторами; поэтому мне кажется, что раз Государственной Думе приходится высказывать свое мнение относительно края, которым вы так интересуетесь, мне кажется, должна быть дана возможность говорить о судьбе крестьянства, которое составляет, так сказать, основу большинства населения на Кавказе. Иначе, мне кажется, что все эти рассуждения о том, что кто-то такой выбил из колеи нормальное, благоразумное население, кто-то терроризовал население, это будет только одна фраза, по моему мнению, равняющаяся клевете. Поэтому я позволю себе говорить именно о том, что не те, относительно которых мы здесь говорили, и в сторону которых мы кивали головой, создали невозможное положение на Кавказе, а система правления. Система правления, мне кажется, виновна в судьбе того крестьянства, о котором я имею честь говорить сейчас. Итак, я говорю, что экономическое положение большинства крестьян с прекращением крепостной зависимости прямо ухудшилось. Вот, г.г., кто выбил из колеи крестьянское население! Повинность определена в $\frac{1}{5}$ доли урожая, а в Кутаисской губ. для некоторых земель и в $\frac{1}{3}$, тогда как при крепостном праве, по свидетельству всеподданнейшей записки его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича от 1 июля 1865 г., она не составляла вообще и $\frac{1}{5}$ доли урожая. Г.г.! Обещан был крестьянству свободный труд, обещано было свободное распоряжение хозяйством, и это крестьянство оставалось в продолжение десятилетий в крепостной зависимости. Я вас спрашиваю, было ли достаточно оснований крестьянству на Кавказе выйти из нормального положения и занять то самое положение, которое вас так пугает? Мне кажется, что оно имело полное основание. Но этим, г.г., не кончается. На Кавказе есть категория крестьян не временнообязанных, а так называемых хизан. Вот, что мы читаем в той записке относительно хизан, число которых равняется нескольким десяткам тысяч. Сущность хизанства, — говорит записка, — заключается в том, что безземельные крестьяне, с согласия землевладельца, селятся в его имении на вечные времена и получают на определенных раз навсегда условиях определенный участок земли. Бесправное положение хизан переходит всякие границы. Позвольте мне процитировать несколько строк именно из жизни этих хизан. Хизан платит своему помещику особо за все: за покос, за усадебное место, за выгон, за пастбищные места; он целиком находится в зависимости от помещика-феодала и никогда не уверен в следующем году, ибо получение земли, количество и качество находятся всецело в руках помещика. Хизаны говорят: «В нашем создании Бог не участвовал, ибо мы до сих пор остаемся рабами». Таково положение нескольких десятков тысяч хизан, приютившихся на помещичьих землях. По закону помещик-землевладелец всегда имеет право изгнать этих крестьян с занимаемого ими арендного места. И вот, г.г., я говорю, что такое положение продолжается до настоящего времени на Кавказе. (*Шум справа. Звонок председателя.*) Независимо от описанной категории сельского населения в некоторых частях Закавказья, а именно в Закатальском

округе, существуют особые зависимые отношения одной части населения к другой. Сложился целый ряд повинностей, которые должны уплачиваться (*перечисляет ряд повинностей*). Вот, г.г., то положение, в котором находится население огромного края. Мне кажется, что этих причин было достаточно, чтобы вызвать то брожение, те волнения, свидетелями которых вы были и, по всей вероятности, если это будет продолжаться, будете и впредь.

Председатель. Позвольте на нынешний день прекратить прения. Записано всего только 6 человек, так что я думаю, что можно отложить до другого раза. По порядку дня — чл. Г. Д. Шульгин 2-й.

Шульгин 2-й. Г.г. чл. Г. Д.! От имени фракции Союза 17 октября, фракции умеренно-правых, фракции националистов и фракции правых имею честь внести следующее мотивированное предложение о прекращении заседания на сегодняшний день. (*Читает*): «В вечернем заседании 10 декабря 1908 г. представитель наместника его величества на Кавказе бар. Нольде позволил себе после речи представителя Бессарабской губ. сказать следующее. (*Цитирует слова заместителя наместника на Кавказе бар. Нольде.*) Полагая, во-первых, что вышеприведенные слова содержат в себе несомненное оскорбление Государственной Думы и, во-вторых, что такое оскорбление исходит от представителя правительства, т. е. от лица, поставленного в дискреционной власти г. председателя Государственной Думы в особое отношение — Государственная Дума протестует против оскорблений одного из своих членов со стороны представителя власти и просит г. председателя Государственной Думы закрыть сегодняшнее заседание. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

Председатель. Перед тем, чтобы закрыть сегодняшнее заседание, я должен доложить, что мне было чрезвычайно тяжело нести нынешний день обязанности председателя Государственной Думы. Ограждать достоинство она должна, прежде всего, сама. (*Рукоплескания.*) К сожалению, не всегда это делается. Сегодня я имел несчастье слышать с этой трибуны с разных сторон такие возгласы, которые я сочту своим долгом зачеркнуть в стенограмме, ибо мне совестно их пустить в печать. При таких условиях очень трудно сдерживаться, и я покорно прошу, почтительнейше прошу в ограждение Государственной Думы впредь не вводить людей в грех, держать себя более спокойно и более сдержанно, чем это делается весьма часто в этих почтенных стенах. Мы сохраним этим достоинство Думы, не нарушим порядка и, повторяю, не введем людей в грех, в который иногда в него вводятся по нашей несдержанности.

Объявляю заседание закрытым. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

Заседание закрыто в 12 ч. 20 мин.

II.

Заседание 21 января 1909 г.

Заседание открывается в 8 час. 20 мин. Председательствует бар. А. Ф. Мейendorф.

Председательствующий. — Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Слово принадлежит чл. Г. Д. Чхеидзе.

Чхеидзе. Г.г.! Прошлый раз г. Пуришкевич, произнося свою историческую речь, между прочим, сказал: «Я и каждый из нас имеют счастливую возможность поставить тему гораздо шире рамок нашего запроса, благодаря тому, что они были расширены и так поставлены бар. Нольде в его записке. Поэтому, — сказал он, — я коснулся кавказского запроса, коснулся армянского вопроса на Кавказе, грузинского вопроса на Кавказе, администрации, школ и сделаю свои выводы». Надо, г.г., воздать справедливость г. Пуришкевичу. Он, действительно, расширил тему, не ограничившись даже прошлым веком в изложении истории Кавказа; он начал свое повествование, как вы помните, с царя

Вахтанга. Здесь он обнаружил глубокое знание истории, объявив Вахтанга царем Армении, который так же был армянским царем, как г. Пуришкевич дагомейским королем. (*Смех.*) В доказательство своих основных положений г. Пуришкевич приводил массу убедительных доводов и фактов. Так, например, он сообщил, что гр. Воронцов-Дашков сосет конфеты, а иногда и спит. (*Смех.*)

Председательствующий. Я просил бы...

Чхеидзе (продолжает). ...и что его на Кавказе кто-то называет «наш граф», а с Петерсоном кто-то «на ты». (*Смех.*) Затем г. Пуришкевич указал на то обстоятельство, что армяне хотят иметь свои школы, нанимают бонн, засим он сказал, что у армян были патриархи Георг, Матеос, которые, в конце концов, умерли; был также патриарх Мкртич, который, несмотря на свой сепаратизм, тоже вынужден был, в конце концов, умереть. (*Смех. Рукоплескання справа.*) Нам также сказали, что духовенство Кавказа сплошь состоит из революционеров. И вот, на основании этих данных, г. Пуришкевич пришел к заключению, что Кавказ должен быть разрушен. Таким образом, цель, которую преследовали авторы запроса, внося его в Государственную Думу, они отчасти могут считать достигнутой. По мнению авторов запроса, кавказское население — позорнейшее пятно на территории Кавказа, которое надо поскорее смыть, и на очищенном таким образом руками черносотенцев месте надо водворить господ погромщиков, только тогда воцарится на Кавказе Божья благодать, только тогда Кавказ обратится в культурнейший край, только тогда воцарятся там тишина и спокойствие. Г.г.! Кто, кроме неисправимых скептиков, в самом деле, может усомниться, что при осуществлении этой идеи Россия действительно вскоре в состоянии будет гордиться таким уголком? Вот почему я думаю, что г.г. союзники неуклонно будут стремиться к осуществлению своей мечты. Но тут возникает один вопрос: в какое отношение они станут к той администрации, которая, пользуясь до сих пор своим положением на Кавказе, никак не удовлетворяет г.г. союзников. Говоря по правде, вопрос этот меня не особенно смущает, потому что сказано: «Милые бранятся, только тешатся». Недоразумения, происходящие между г.г. союзниками и администрацией не только на Кавказе, но и в России, по моему мнению, скоро устроятся, ибо опять-таки сказано: «Ворона вороне глаз не выклюет». (*Голос справа: «Ворон ворону!»*) Не менее довольной должна быть и кавказская администрация по поводу этой травли кавказского населения. Отвергнув с минимум негодованием комплименты, преподнесенные ей бессарабским депутатом, она объявила всему миру, что ни одного греха, приписываемого ей г. Пуришкевичем, за ней не числится; она должна стоять выше сомнений и подозрений и, по-моему, она имеет основание и право быть вершительницей судеб кавказского населения.

Видя, г.г., препирательство и грызню между г.г. союзниками и администрацией, мне вспоминается одно место из Евангелия, где сказано, что распявшіе Его делили одежды Его, бросая жребии, что кому взять. Да, г.г., вы и ваше правительство в продолжение веков распинали трудящиеся массы, не только на Кавказе, но и во всей России. Но, г.г., вы, конечно, не забыли, да и вряд ли когда-нибудь забудете, с какой мощью эти самые трудящиеся массы недавно двинулись вперед. Вы, конечно, не забудете, как, перед порывом этой массы свергнуть иго рабства, вы в паническом страхе разбежались¹⁵, ожидая для себя Страшного суда. (*Рукоплескання слева.*) Теперь вы, г.г., собрались с силами, и вам вновь удалось сковать эти трудящиеся массы, но только на время, г.г. (*Возглас справа: «Страшно!»*) Да, это вам, безусловно, страшно. Думать, г.г., вам о том, что вы и впредь останетесь на долгое время хозяевами положения, по моему мнению — мечта. Скажу еще более: кавказские трудящиеся массы, по крайней мере, в лице крестьянства, в лице пролетариата, вместе со всей русской трудящейся массой, ждут не дождутся, когда они

освободятся от вашего хозяйствования и опеки вашей администрации. (*Возглас справа: «Не скоро!»*) Я надеюсь, что это произойдет очень скоро, и поэтому, г.г., от имени кавказского населения, я имею честь заявить здесь о том, что его представители должны быть здесь выслушаны по обсуждаемому вопросу.

Позвольте мне, г.г., перейти к самому существенному пункту вашего запроса, а именно к кавказскому сепаратизму. Любопытна история сепаратизма на Кавказе и борьба с этим сепаратизмом. Неопровергимое доказательство разгара сепаратизма на Кавказе авторы запроса усматривают в том, что до сих пор там не прекращаются экспроприации и всякого рода хищения и, между прочим, экспроприации земельных богатств. На это, г.г., Пуришевич в прошлый раз обращал особенно ваше внимание. Я обязуюсь более подробно развить этот вопрос. Но, прежде всего, я принужден несколько разочаровать г. Пуришевича в том смысле, что кавказский сепаратизм был не им открыт впервые. Говоря об аграрном движении в Грузии в 20-х годах прошлого столетия, один из новейших исследователей грузинской истории говорит: «Хотя это движение было вызвано притеснением крепостников и тяжестью лежащих на крестьянах повинностей, но власть не считалась совершенно с интересами крестьян, и в целях подавления всякого с их стороны протеста предоставляла грузинским помещикам право сдавать своих крепостных в рекрутчи, отправлять их в ссылку и т. д.». В 1842 г. циркуляром кн. Чернышева местной администрации предписывалось держать грузинское крестьянство в безусловном повиновении у г.г. помещиков. Светлейший кн. Воронцов в 1846 г.¹⁶, предостерегая центральную власть от каких бы то ни было посягательств на права высших сословий, советует ей всеми мерами стремиться к ограждению и укреплению его. Он говорит: «Только аристократическое начало может побороть то демократическое направление, которое развило и глубоко пустило корни на Кавказе». Как видите, г.г., сепаратизм на Кавказе был открыт почти сейчас же после того, как на желание грузинской знати соединить судьбу единоверной Грузии с судьбой России устами Александра I в манифесте было возвещено: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей империи приемлем Мы на Себя бремя управления Царством Грузинским. Единое достоинство, единая честь человечества налагает на нас священный долг учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить в Грузии личную и имущественную безопасность и дать защиту закона». Вот, г.г., сейчас же после этого на Кавказе был обнаружен сепаратизм, сепаратистами были признаны крестьяне, а стремление к осуществлению идей сепаратизма бюрократия видела в желании крестьян свергнуть, наконец, иго крепостной зависимости. Но раз был открыт сепаратизм, надо было найти и средства для искоренения этого зла. Средства были найдены. Как вы полагаете, г.г., в чем эти средства заключались? Они заключались как раз в том, на что указывают авторы запроса, именно в экспроприации. Если эта мысль вам кажется непонятной и парадоксальной, то я в доказательство приведу вам несколько примеров. Кн. Воронцов в 1846 г. составил проект экспроприации земельного фонда в пользу землевладельцев мусульманских провинций восточного Закавказья. До какой степени энергично велась борьба для осуществления этого законопроекта, видно из следующего обстоятельства. Тогдашний министр государственных имуществ¹⁷ объяснял, что проектируемое Воронцовым подданство под власть беков, меликов¹⁸ и ханов ничем не отличается от крепостного состояния, противно, во-первых, обычаям края, а во-вторых — правилам русского правительства к установившемуся закону, что крепостное состояние, однажды прекратившееся, никогда уже восстановлено быть не может, что получивший свободу не может быть обращен в крепостного, указывалось, что проектируемое противно разуму законов империи, в силу которых даже крепостные, принадлежащие владельцу-нехристианину, но принявшие христианскую веру,

выходят из крепостного состояния; по проекту Воронцова, крестьяне же обязаны быть в крепости у владельцев-мусульман. Но ничто не могло разубедить российских крепостников, — говорит автор записки о крестьянской реформе на Кавказе, — и независимо от основных законов Российской империи, от христианского учения, в явный ущерб интересам народа в 1846 г. была узаконена экспроприация населенных крестьянами и неселенных еще земель восточного Закавказья. Эти земли были утверждены в потомственной власти ханов, беков и меликов, этих конюхов хана, как выражается исследователь истории Грузии в своем труде. Земли были утверждены за теми лицами высшего мусульманского сословия, которые впоследствии были уличены в государственной измене.

Так была совершена колоссальная экспроприация в мусульманских провинциях восточного Закавказья из-за идеи борьбы с демократическими началами, которые уже тогда пустили глубокие корни среди крестьянства. Еще раньше, г.г., были признаны сепаратистами крестьяне Закатальского округа. В 1838 году¹⁹ приказом бывшего тогдашнего главноуправляющего Кавказским краем Головина были предоставлены значительные льготы лезгинам. Но, г.г., борьба с кавказским сепаратизмом этим не ограничилась. Она носила более замаскированный и, если хотите, более вспыхивающий характер. Я сошлюсь на авторитет человека, который, во всяком случае, большинство Государственной Думы не подвергнет сомнению. До 1900 г., — говорит наместник в своей всеподданнейшей записке, — заботы правительства по отношению к Кавказу сосредоточиваются почти исключительно на поддержке привилегированного сословия. Отмена крепостного права в пределах Закавказья и собственно Грузии была приведена на условиях особых льгот для помещиков и невыгод для крестьян, причем правительство, в отступление от принятого в России коренного принципа, за прекращением личной зависимости, уплатило дворянам от 25 до 50 р. за душу бывших помещичьих крестьян в Кутаисской и Тифлисской губерниях, что составляет сумму в 7 милл. р. Далее, — продолжает наместник, — начиная с 1845 г. прошлого века, крестьяне на Кавказе, при площади земли вдвое большей площади частных владельцев, уплачивают в 20 раз более частных владельцев одних денежных повинностей, неся на себе все тяготы натуральной повинности, платя, кроме того, мирские сборы. Мало того, по свидетельству того же наместника, начиная с 1864 г. и по сей день, крестьяне несут повинности за надельные земли, ежегодная сумма которых определяется, приблизительно, в 3 милл. р. Г.г., примите во внимание все, что я сейчас имел честь сообщить вам, и вы, кажется, придет к заключению, что борьба с сепаратизмом на Кавказе, носителем которого до поры до времени, скажу — до последнего времени, являлось крестьянство, — велась с неослабной энергией. Мы, г.г., не слышали от авторов запроса, что кавказская администрация на протяжении целого века на Кавказе бездействует.

Но, экспроприируя крестьян, крестьянский труд, плоды крестьян и рабочие массы, бюрократия не забывала, конечно, и свой собственный карман и свои собственные интересы. Вот вам пример, г.г. Создав невыносимое положение в Абхазии, в Сухумском округе, т. е. среди абхазцев, которые, в лице своей знати, давным-давно присоединились добровольно к России, создав для этого населения безвыходное положение, — правительство, вслед за русско-турецкой войной, насилиственно выдворило из этого округа десятки тысяч абхазцев, причем земли отчасти были разданы фаворитам-чиновникам, отчасти были экспроприированы в казну, отчасти заселены. Кем, вы думаете? Выходцами из Малой Азии, выходцами из других стран, греками, чехами и другими пришельцами. Вслед за этим, г.г., вся Батумская область, все земли Батумской и Карской областей были экспроприированы и приписаны к казне, причем правительство в этом случае основывалось на учении Магомета, в силу которого земля составляет именно дар Аллаха и не может составлять частной собственности. Как видите, г.г., правительство даже стало прямо на

точку зрения национализации земли, за каковую идею с.-д. ссылают в Сибирь. Та же самая операция, та же самая экспроприация была совершена в Дагестане, где общественные земли были признаны собственностью казны, были экспроприированы церковные имения мусульман, армян и грузин, причем армяне действительно не зевали, и им удалось, в конце концов, получить обратно земли. Что же касается церковных имений мусульман и грузин, то они и до сих пор остаются за казнью. В продолжение целого десятка лет во всем Закавказье, по словам наместника, казенно-оброчныe статьи отыскиваются всеми правдами и неправдами, умирает бывший государственный крестьянин, — говорится во всеподданнейшей записке, передает надел зятю, бывшему помещичьему крестьянину, а надел отбирается в казну. Часто крестьянские леса зачисляются в казну и обращаются в казенные оброчныe статьи, и дело доходит до того, что даже ореховые деревья, взращенные рукою поселян, обращаются в казенные оброчныe статьи. Вот, г.г., как бездействует администрация на Кавказе! Заканчивая главу о поземельном устройстве, наместник говорит: «Практиковавшееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах далее терпимо быть не может уже по одному тому, что оно, несомненно, играет довольно видную роль в революционном настроении сельского населения». Наместнику следовало бы сказать, по моему мнению, — в сепаратистском настроении. Говоря об экспроприации государственных земель на Кавказе, предводитель двоинства, сиятельный князь Церетели, говорит: «В то время как во внутренних губерниях России государственные крестьяне, живущие бесспорно на казенных землях, получили на них владетельные свидетельства, на Кавказе наоборот: все казенные земли, так сказать, зауряд-казенных крестьян, на которые они не имеют формально от русского правительства совершенных актов, объявлены казенными и описаны в казну, согласно недавно изданному законоположению».

Г.г.! Прошлый раз г. Пуришкевич приводил пример того, каким образом грузинское духовенство распространяло сепаратизм на Кавказе. Теперь позвольте мне привести несколько примеров, каким образом высшие иерархи Грузии боролись с этим сепаратизмом, причем я вам приведу мнение не какого-нибудь крамольника, не с.-д., а приведу мнение человека верного самодержавию и православию.

Вот, что читаем мы на страницах «С.-Петербургских ведомостей» за подписью Н. Дурново. (*Читает*): «Что сделали экзархи в Грузии? Первый, Феофилакт, испросил у Пр. Синода разрешение закрыть несколько епархий в Иберии, Имеретии, Мингрелии и Гурии. Далее в период 1858—1877 гг. расхищена ризница Сионского собора; с митр, облачений и икон поснимали жемчуг, бриллианты и другие драгоценности, исчезли многие золотые сосуды, кресты, чудотворная икона Ниноцминдской Божией Матери, временно хранившаяся в ризнице; расхищены ризницы соборов: мцхетского, болбийского, ниноцминдского, много расхищено вещей и из знаменитой гелатской ризницы, где исчез золотой оклад с известными всему ученному миру майоликами; сняты лалы с повязки у гелатской иконы — дара царицы Тамары; каждый лал носил свое название, — так они были крупны. В гелатской ризнице сохранилось патриаршее облачение имеретинских католикосов, расшитое золотом и украшенное крупным жемчугом, которым был вышит весь Символ веры. Одного золота выпотреблено 8 фунтов». Вот, г.г., деятельность высших иерархов Грузии, которые таким образом боролись с сепаратизмом грузинского духовенства и народа. Теперь вы видите, г.г., в чем заключался до сих пор кавказский сепаратизм. Сепаратизм этот заключался в том, что кавказские массы, кавказское крестьянство не желали мириться с тем игом, которое они несли в продолжение веков, и в борьбе с этим сепаратизмом все приносилось в жертву экспроприации: и религия, и законность, и право, и никто этого не считал за преступление, наоборот, это поощрялось как величайшая

государственная мудрость. Но последнее время, после столь долгой работы в этом духе со стороны правительства, действительно, на Кавказе появились последователи этого правительства с браунингами и бомбами на улицах. Совершенно верно, г.г., что нежелательно иметь незваных соучастников в таком деле, как экспроприация. Это неприятно для правительства, это неприятно и нам. Но я спрашиваю вас, при чем тут кавказское население?

Теперь, г.г., позволительно спросить, к чему привела эта экспроприаторская политика на Кавказе во имя борьбы с кавказским сепаратизмом? «При указанных условиях для кавказского крестьянства, — говорится во всеподданнейшей записке наместника, — для кавказского крестьянства создалась полная невозможность внести какие-либо улучшения в культуру земли, требующие затрат. Малочисленность рабочего скота, примитивные земледельческие орудия, отсутствие удобрения и, как результат всего этого, все прогрессирующее уменьшение урожайности земли — вот, что явилось последствием той экономической политики, которая возлагала всю тяжесть податного бремени на кавказское крестьянство». Это говорит генерал-адъютант гр. Воронцов-Дашков. Говоря иными словами, экспроприаторская политика правительства довела кавказское крестьянство до полного обнищания и привела его на край гибели. Ну, а что же выиграло в конечном результате кавказское дворянство, кавказская аристократия? Устроила ли она свою жизнь так, чтоб она могла составлять оплот отечеству и оплот престолу? И на это мы имеем ответ в той же записке гр. Воронцова-Дашкова: «Все льготы отдельным лицам за их заслуги, — говорит наместник, — выражавшиеся в пожаловании земель, выдаче аренд, уплате разных долгов и т. п., не дали, однако, осязательных результатов в смысле подъема производительности в kraе. Местные помещики не внесли улучшения в приемы обработки земли, не создали образцовых хозяйств и пр.» Иначе говоря, несмотря на все привилегии, которые давались знати кавказской, она обанкротилась, и из дворян мало-помалу стали пополняться кадры пролетариата и пауперов*. Сказано, г.г., что не единственным хлебом жив будет человек. Эту проповедь на Кавказе в продолжение веков проповедовало наше духовенство, но у крестьянина на Кавказе не стало хлеба, и тогда отцы пастыри завопили и заявили, что они готовы жить не только одним хлебом, а даже одним чуреком. Таким образом, г.г., вслед за крестьянством потянулось дворянство, затем и дальше попы — и все пришли в тупик. Но в это время, как вы помните, блеснула молния революции, и при свете революции все кавказские жители оказались сепаратистами. Вот, г.г., вкратце история кавказского сепаратизма.

Другое неопровергимое доказательство в глазах авторов запроса, что на Кавказе существует сепаратизм, усматривается в том, что на Кавказе до сих пор практикуется террор. Не подлежит, г.г., сомнению, что на Кавказе существует террор, и я решительно не считаю нужным отрицать этого тут, но и здесь я должен несколько разочаровать г. Пуришкевича, — он и здесь не оказался Колумбом. Задолго до того, как на Кавказе стали появляться на улицах люди с бомбами и браунингами, террор на Кавказе, как вернейшее средство борьбы с кавказским населением, практиковался в школах, церквах, судах и пр. Г. Пуришкевич в прошлый раз остановил ваше внимание, г.г., на том, что на Кавказе в школах армяне и грузины только тем и занимаются, что пропагандируют сепаратизм. Должен вам, г.г., в ответ на это указать, каким образом школьная администрация в школах ведет борьбу с подрастающим поколением. «Нигде национальная ненависть и преследование родного языка не проводится так неудержимо и так ярко, как во всем ведомстве православного вероисповедания на Кавказе», — говорит сиятельный

* Паупер — нищий, человек, лишившийся средств к существованию.

князь, предводитель дворянства кн. Церетели в записке своей к министру внутренних дел. Дело дошло до того, что не особенно давно от воспитанников грузинской духовной семинарии было отобрано Евангелие с заявлением, что на собачьем языке эту книгу читать нельзя. Протест, вызванный этим событием со стороны учеников, повлек за собою исключение из семинарии множества учащихся в последних классах. Здесь речь идет, г.г., о событии, имевшем место в 1893 г. Именно в этом году ректор семинарии вел пропаганду о том, что не только язык грузинский, но и церковное грузинское пение — собачье («Русский архив»²⁰, 1900 г.). Ученики-грузины запротестовали. В конфликте сторону ректора принял тогдашний экзарх Грузии²¹. Сто воспитанников-грузин было исключено, из них 87 без права поступления в другие семинарии, а по баллам, за поведение — и в другие учебные заведения («Вестник Грузии», экз. за 1893—94 гг.).

Вот, г.г., как православные иерархи подготавливают духовенство для пропаганды православия на Кавказе. Вот каким образом они искореняют сепаратизм на Кавказе. (*Голос справа: «Вы убили его!»*) Не мы убили его, а вы...

Председательствующий. Покорнейше прошу таких возгласов с мест не делать.

Чхеидзе. Г.г., эта картина, которую я сейчас нарисовал, хорошо дополняется следующим: «В Бодбийском монастыре Синахского уезда, в котором покоятся мощи св. Нины, Просветительницы Грузии, — читаем мы в той же записке кн. Церетели, — поселены русские монахини, и богослужение совершается на церковном языке, в своей собственной святыне». И вот, в том самом монастыре один из епископов на окраине не разрешил чтения Евангелия на грузинском языке в Светлое Христово Воскресение, а грузинским старухам, просившим у него утешения — хотя бы несколько раз в году слушать божественную службу на понятном им языке, подал пастырский совет изучить церковно-славянский язык, чтобы не нуждаться в грузинском. Надо ли полагать, г.г., что этот добрый пастырь искоренял сепаратизм среди грузинских старух, опасаясь, что старухи эти помогут армянам завоевать Воронеж.

Теперь, г.г., еще более становится, по моему мнению, ясным, что надо понимать под кавказским сепаратизмом. «В народной школе, — говорит наместник в своей записке, — вместо знания русского языка и умения сколько-нибудь правильно читать и писать, получается зазубривание того, чего сплошь и рядом не понимают. Не давая ни общего развития, ни общего знания русского языка, народная школа на Кавказе признается населением бесполезной и даже вредной», — иначе говоря, народ запуган школой, она ему страшна, ибо является местом инквизиции, а не местом просвещения; она приводит не к любви, а к ненависти, и что удивительного, г.г., если в среде впечатлительной молодежи нашлись последователи добрых учителей, и оружие, которым они боролись против молодежи, повернулось против них самих. Я отлично помню то время, когда, будучи в школе с моими товарищами, я не смел произносить на родном языке слово под угрозой, что поставят 2 за поведение, и мы с товарищами ходили по целым часам в школе, как давшие обет молчания. Я отлично помню, г.г., случай, когда в батумском ремесленном училище один из высших сановников педагогического мира явился в школу и начал спрашивать учеников, кто они такие по национальности, и когда они стали называть, какой они национальности, этот самый педагог, грозя пальцем и нагоняя страх на маленьких сепаратистов, сказал им: «Не смейте называть себя грузинами, а называйте себя просто русскими». Таковы, г.г., приемы педагогического террора в нашей школе. Давно, г.г., Кавказ жаждет, Кавказ просит, умоляет, собирает средства для того, чтобы иметь у себя высшее учебное заведение. Как же к этому относится начальство?

Выслушайте на этот счет того же гр. Воронцова-Дашкова. «Кавказ, — говорит во всеподданнейшей записке наместник, — давно стремится иметь в крае свое высшее

учебное заведение, но это желание не встречало сочувствия ни у главного кавказского начальства, ни у центрального правительства, вследствие опасения, что это учреждение будет способствовать развитию в местном населении идеи сепаратизма. Вследствие этого молодые армяне, а также в отдельных случаях грузины и молодые татары получают высшее образование за границей». Объясняется это обстоятельство тем, что климат средней и в особенности северной России гибелен для вашей молодежи. Но вы скажете, г.г.: на что молодежи науки, на что вам университет, когда вам нужно сесть смерть и тьму? Я вам скажу, что население терроризовано во всех учреждениях, не только в школе. Вам должно быть известно, что до настоящего времени области Терская, Кубанская, Кутаисская, Батумская и Дагестанская, особые округа — Сухумский — стоят в военно-народном управлении. Что такое военно-народное управление? Оно было основано, г.г., в период войны русских войск с горцами. Вся власть в этих округах — административная и судебная — сосредоточена в руках отдельных офицеров, которые, может быть, с грехом пополам могут командовать ротой, но не управлять и не чинить правосудия. Это люди, которые каждого мужика, не успевшего при встрече с ними выпрямиться и крикнуть «здравия желаем», считают ярым сепаратистом. Вот в этих руках, г.г., сосредоточена власть и судебная, и административная во многих округах на Кавказе. «Благодаря этой системе управления, — читаем мы все в той же всеподданнейшей записке наместника, — происходят такие явления, что предпринимаемые правительством реформы на месте тормозятся, в роде, например, сохранения на практике подымного обложения²², выгодного для более зажиточных лиц, до настоящего времени, хотя по закону подымная подать, оброчный, земельный и земский сбор переведены с дыма на землю уже шесть лет тому назад». Нет местных органов военно-народного управления. «Инертность местных органов военно-народного управления и стремление только отписаться от запросов начальства проникают во все дела, которые поэтому и не разрешаются не только годами, но некоторые — десятками лет, как, например, дела земельные». Но, г.г., этого мало. Что говорить о солдатах, в руках которых находится управление краем, когда сама Фемида на Кавказе давно уже вступила в русское патриотическое общество и вместо того, чтобы с завязанными глазами творить правосудие, исключительно занята борьбой с кавказским сепаратизмом, сочиненным на вершинах бюрократического Олимпа. Суд на Кавказе, — депутат Пуришкевич видит в каждом кавказском крестьянине, желающем, чтобы над ним творили суд на понятном для него языке, неисправимого сепаратиста, которого надо повесить, — прибегает к помощи безграмотных переводчиков, не знающих ни туземного, ни русского языка. Нередки в кавказских судах случаи, когда такой безграмотный переводчик, не зная, как перевести сказанное по-русски, несет чепуху, и эта чепуха наклоняет чашу весов в руках воинствующей против сепаратизма Фемиды. «Большую опасность, по отзывам тяжущихся сторон, — говорит в своем отчете сенатор Кузминский, — представляют переводчики или помощники секретарей. Большинство мировых судей не знает местных наречий, даже не понимает их. Вследствие этого переводчик получает большое значение в деле. От того, как передаст он, например, показание свидетеля, может зависеть дело. К сожалению, в очень многих участках раздаются жалобы на злоупотребления переводчиков». А наместник во всеподданнейшей записке прибавляет: «Отсутствие знания местных условий и языка тяжущихся ставит большинство мировых судей в зависимость от вряд ли всегда добросовестных переводчиков». Г.г., кавказское население давно просит и умоляет о введении на Кавказе земства. Вам еще в прошлом году угодно было выразить пожелание о необходимости введения земства на Кавказе. А вот, что говорит об этом гр. Воронцов-Дашков: «Несмотря на то, что давно созрело время, когда кавказскому населению надо дать это учреждение, и центральная власть, и кавказская власть систематически отказы-

вали населению в этом». Правительство не пощадило в данном случае даже дворянство, то самое дворянство, во славу и благородство которого оно до сих пор сохранило на Кавказе крепостное право. «Ныне из всех кутаисских дворян, — говорит наместник, — лишь 5 % имеют право участвовать в дворянских выборах. 20 % участвуют только через уполномоченных, а 75 % лишены участия в каких бы то ни было общественных делах».

Вот, г.г., каким образом ведется борьба с кавказским сепаратизмом. Но наиболее характерно эта борьба проявляется в одном вопросе. Докладывая кавказский запрос, депутат Матюнин изволил сказать, между прочим, следующее: «Из газет вам известно, что летом нынешнего года, около Тифлиса, кажется, был съезд делегатов революционных партий всех крупных городов Кавказа, на котором выработаны правила продолжения революционных действий, причем, между прочим, есть один пункт очень важный. Это именно пункт тот, по которому решено недопущение заселения Кавказа русскими переселенцами». Действительно, колонизационный вопрос — вопрос в высшей степени жгучий на Кавказе. И характерно, как эта колонизационная политика велась на Кавказе. «В начале минувшего века, — говорит Кузьминский во всеподданнейшей записке, — поощрялось переселение на Кавказ вюртембергских немцев-колонистов, с конца 20-х гг. — переселение армян и греков; затем принялись заселять Кавказ молоканами из Оренбургской губернии. В то же время Закавказье было избрано местом ссылки для русских крестьян-сектантов». Первый губернатор²³, по сообщению наместника, только тем и был занят, что населял Карскую область анатолийскими греками. То самое было и с Сухумским округом: сюда переселяли армян, греков и других выходцев из других стран. Читая этот краткий очерк колонизационной политики правительства на Кавказе, невольно спрашивашь себя, какую цель оно здесь преследовало. Вы скажете, оно близко принимало к сердцу интересы немцев, турецких и персидских армянских масс, русских сектантов и проч.? Как бы не так. Кроме обычной цели, которую правительство и русские крепостники вообще преследуют в колонизационной политике, выбрасывая часть недовольного крестьянства из внутренних губерний на окраины, в колонизации Кавказа правительство неуклонно преследовало еще другую цель. Цель эта заключалась в том, чтобы в разноплеменное население Кавказа, и без того задыхающееся от малоземелья, вклинивать пришлый элемент, чтобы еще больше обострить неприязненные отношения между населяющими Кавказ национальностями и создавать почву для братоубийственной войны. Вначале, г.г., пока велась борьба с мусульманами, мусульмане считались сепаратистами, а оплотом Престола и отечества считались грузинские дворяне и армянские мелики. И вот, как раз во время борьбы с мусульманами кавказская знать, осыпаемая милостями бюрократии, выдвигает генералов Орбелиани²⁴, Чавчавадзе²⁵, Карапанова, Лорис-Меликова и др. Для чего это? Для того, чтобы при помощи знающих местные условия довести именно до конца войну с еще не покоренными народами. Надо воздать, г.г., бюрократии в данном случае должное. Она оказалась дальновиднее кавказской знати: чины генеральские, ордена и милости не спасли эту знать от смерти и презрения, зато ненависть к завоевателям-генералам из местной аристократии населяющие Кавказ национальности перенесли друг на друга, а это как раз и нужно было бюрократии. Не без основания население западной Грузии при нашествии Алиханова-Аварского видело в этом Тамерлана нашего времени не только карателя, но и мстителя-лезгина за то усердие, которое проявили при завоевании Дагестана генералы из местной знати. Но цель все-таки была достигнута. Здесь, г.г., очень много говорилось в прошлый раз о том, как князь Дадешкалиани распространял вместе с Петерсоном на Кавказе сепаратизм. Надо вам сказать, что Сванетия — это каменный мешок, более обездоленное население в смысле малоземелья трудно себе представить. И вот недавно из этой местности были выселены

несколько крестьян в соседний Сухумский округ, где им дана возможность поселиться. Но спустя два года, кутаисским управлением земельных государственных имуществ поселенцам было объявлено через полицию, что они немедленно очистили занятые места. Несмотря на ходатайство окружного начальства и местного священника — не грузина, а русского — Румянцева, ведомство было несумолимо. И эти самые сепаратисты, которые очень мало знали о желании армян завоевать Воронеж и пойти дальше, на Москву, были выселены оттуда. И вот, г.г., когда школьное начальство навязывало мингрельскому населению для него совершенно непонятный язык, непонятную письменность, мингрельцы умоляли дать им возможность поселиться на соседских землях. В 1894 г. явились мингрельцы к министру земледелия Ермолову с хлебом-солью и просили дать им возможность, хотя бы на время, занять незаселенные еще места в Сухумском округе. Ермолов, отказавшись принять от них хлеб-соль, ответил им, что для них нет земель на Кавказе, хотя отлично известно, что и до настоящего времени в сухумской епархии духовенству дается по 120 десятин церковного надела, кроме казенного жалования. Говоря о питоевском деле, г. Пуришевич не упомянул об одном обстоятельстве.

За последнее время, — говорит сенатор Кузминский, колонизация Кавказа плохо сообразована с местными условиями. В ней заметно излишнее увлечение переселить в Закавказье, во что бы то ни стало, возможно большее число крестьян; переселенцам отводятся иногда земли, состоящие уже несколько десятилетий в пользовании коренного населения. К таким случаям относится дело по принудительному (слушайте, г.г., по принудительному, прямо так и выражается сенатор) населению аларского мусульманского сельского общества с земли, занятой под переселенческий участок Арагаи; выселены были коренные жители-крестьяне без обеспечения их существования. Такое положение вызвало между горцами и переселенцами сел. Покровки крупные недоразумения, сопровождавшиеся нередко поджогами, перестрелками и пр. При переезде из селения Текли в кишлак Таргули, с мольбами и жалобами обратились ко мне изнуренные и беспомощные женщины и дети, приютившиеся из милости жителей села Текля в шалаших на берегу разлива, возле названного селения. Положение их производило удручающее впечатление».

В местности Лагодехи 40 лет тому назад, по предложению местной военной администрации, поселились жители Сигнахского уезда — кизиканцы. И вот, за последние годы, под предлогом искоренения сепаратизма среди этих крестьян, которые почти полвека были заняты только тем, что обливали потом насиженные места, стали разгонять их во все стороны, сдавая их земли вчерашним новоселам.

«Мы довольно потрудились над более прочной колонизацией грузинских провинций немецкими колонистами, анатолийскими греками и пользующимися в последнее время не особенным расположением местной администрации русскими сектантами, но для коренного населения этих местностей мы в земельном отношении не только ничего не сделали, но даже так запугали его разными отрезками от его землепользования, что при приступе к землеустройству, некоторые селения вначале упорно отказывались от него, опасаясь новых отрезков».

Но, г.г., может, авторы запроса скажут, что зато на Кавказе русские переселенцы окружены полною заботливостью правительства, и что в деле их на Кавказе создан крепкий оплот против притязаний кавказцев на Воронеж, Москву, Петербург и пр. «Можно смело сказать, — говорит наместник, — что, за малыми исключениями, почти все кавказские переселенческие поселки находятся в брожении, и чинам переселенческой организации приходится употреблять много энергии для удержания новоселов от выдворения. Состав переселенцев на некоторых участках в течение нескольких лет почти обновился, но и новые обитатели также стремятся покинуть их». Вот, г.г., к чему сводится

колонизация правительственная на Кавказе. И мне кажется, деп. Матюнину надо было обратить именно на это свое внимание, а не на то, что представители революционных организаций собирались где-то не то около Тифлиса, не то где-то около Тьмутаракани, и что-то такое замыслили. Я этим не хочу сказать, что кавказские революционеры не обращали внимания на колонизационную политику правительства. Наоборот, мы всегда открывали на это безобразие глаза населения не только армян, грузин и мусульман, но и русских, и, смею сказать, что мы и впредь будем это делать. Но теперь, г.г., можно было бы, мне кажется, поставить следующего рода вопрос: кто же приводил всю эту политику в действие, кто орудовал на Кавказе в продолжение целого века? Вот здесь, г.г., мне придется коснуться именно того вопроса, который так подробно постарался вам развить и нарисовать г. Пуришкевич. Г. Пуришкевич очень много говорил о кавказской администрации, и насколько я понял суть его речи, она сводится к следующему: взятки на Кавказе должны брать, но не грузинские чиновники, не армянские чиновники, не мусульмане, а чиновники, сплошь состоящие из союзников. Г.г., мы так на дело смотреть не можем. Есть, г.г., поговорка: все равно, съест ли меня медведь или волк. И действительно, дело в том, что речь идет не о личностях, не о том, что тот или другой администратор взял взятку. Конечно, нового я о кавказской администрации сказать не могу, — в том-то и дело, что здесь все старое, все обычное, все освещено и в теории, и в практике. Я ничего не могу сказать нового после того, как не только на Кавказе, но и у вас здесь, в первопрестольной столице России обнаружено, что под дирижерством администрации происходят репетиции по части экспроприаций. Но я повторяю, что дело в обычном и старом. Характеризуя кавказскую администрацию, Воронцов-Дашков говорит: «Посылка на окраины худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так как она ведет лишь к падению значения в глазах окраинного населения государственной власти». Как видите, Кавказ служит местом сплава бракованных элементов чиновничего мира. Если вы примете во внимание, что даже высший сорт этого добра не обладает особенной доброкачественностью, то можете себе представить, что представляет собою бракованный элемент. И сенатор Кузминский, прошедший всю бюрократическую лестницу, видевший много видов из этого мира, был прямо поражен при ревизии администрации Кавказа. Вы знаете, что к величайшим реформам Голицына относится экспроприация церковного имущества армян, а еще более великая реформа — это учреждение земской полицейской стражи на Кавказе. Я обращаю на это ваше внимание, потому что страже этой поручена важнейшая задача — борьба с сепаратизмом. Вот, что говорит сен. Кузминский об этой страже, состоящей всего из 750 человек, из коих 432 русских: «казалось бы, что, в виду прекрасно в личном и материальном отношении обставленного и вполне обеспеченного положения, в состав чинов полицейской стражи должны поступать лица вполне надежные и достойные по своим нравственным качествам. В действительности же наиболее пригодным и полезным элементом в составе стражи являются мусульмане, а русские стражники — большую частью пьяницы, которым не только нельзя доверить охраны общественного порядка, но которые сами нуждаются в постоянном за собою надзоре, и склонны ко всякого рода публичным скандалам и безчинствам. При том же исключительно привилегированном положении, в которое они поставлены, русские полицейские стражники в высшей степени заносчиво и грубо держат себя в обращении не только с сельскими жителями, но и с полицейскими приставами, власти которых они иногда не признают, считая себя такими же должностными лицами. В нравственном отношении полицейская стража, получающая огромное содержание для низших чинов, не только не оказалась лучше прежней земской стражи, но превзошла ее по части вымогательства. Стража эта, поставленная в более близкое отношение к сельскому населению и,

представляя собою низшую, но в то же время грозную и почти бесконтрольную полицейскую власть, является настоящим бичом для населения. Население ропщет и жалуется на то, что полицейский стражник ни одного шага не сделает без требования взятки. Всякое появление стражника в деревнях всегда сопровождается требованием взятки, требованием зарезать барана, курицу, доставить масло, сыр, яйца, накормить лошадь, — и все это бесплатно. Выборы должностных лиц, кратковременная отсрочка платежей, иногда по вполне уважительным причинам, освобождение от долговинностей и многое другое служит источником получения взятки. Иногда сами стражники выдумывают разные предлоги, или прибегают к вымысленным угрозам, чтобы принудить жителей дать им взятку. Местные жители бессильны противостоять таким незаконным требованиям полицейской стражи и по необходимости должны им подчиняться, так как находятся вполне во власти стражников. Все их благополучие и спокойствие зависит от благорасположения ближайшей полицейской власти, и никакие жалобы не помогут». Как видите, у нас на Кавказе сепаратизм преследуется не только среди детей, но и среди кур, баранов и т. д. Вот, до чего доходит усердие администрации!

Далее, о городской полиции сен. Кузминский говорит: «Обзор деятельности полиции на всем пространстве Бакинской губ. приводит к заключению, что назначение полиции состоит не в том, чтобы пещись об охране общественной безопасности и порядке, ограждать личную и имущественную неприкосновенность, предупреждать и пресекать преступления, но в том, чтобы не уважать чужих прав, развивать в населении дурные и даже преступные наклонности, убивать в нем сознание всякой законности и права. В этой разлагающейся среде взяточничество и всякие поборы развились до самых широких размеров. Описанные условия естественно создают для населения положение полного бесправия, грубого произвола и совершенной необеспеченности личной и имущественной. Не говоря уже об испытываемом стеснении в области землевладения и землепользования, о значительном обременении разного рода повинностями и налогами, население, можно сказать, стонет от повального взяточничества полиции, полицейской стражи, сельских властей, ветеринарных врачей, чинов лесной стражи и т. д.» «Я позволю себе думать, — говорил в прошлый раз деп. Пуришкевич, — что грузинское сепаратистическое движение, подобно армянскому движению, если сейчас не проявляется в столь резкой форме, то только потому, что есть приходящие обстоятельства: жандармская власть, жандармское управление изъяты из ведения наместника и могут действовать самостоятельно». Да, жандармская власть действует самостоятельно, и вот тому пример. Сен. Кузминский в своем отчете говорит: «В одной из тайных типографий бакинского комитета все время работал агент жандармского управления. Эта типография, помещение для которой было нанято агентом и, по-видимому, им же оборудовано, в течение нескольких месяцев работала под наблюдением и с ведома жандармского управления. За это время типография, арестованная в ноябре 1903 г., издала и распространила более 40 000 экземпляров различных революционных изданий. Зато при аресте ее забрали несколько второстепенных с.-д. Любопытно, что агент, работавший в типографии, был арестован вместе с другими лицами и за все время содержания под стражей получал присвоенное ему содержание в размере 100 руб.» Вот, как наказывают у нас провокаторов, о чем, впрочем, речь была вчера!

Вы видите, почему деп. Пуришкевич восхищался независимой деятельностью жандармского управления на Кавказе. Его восхитила провокаторская деятельность... Но, г.г., на Кавказе имеется нелегальное правительство. Вот об этом правительстве, которое добивается легализации, к чему, собственно говоря, сводится весь смысл запроса, — вы и разрешите мне сказать несколько слов. Я имею в виду то самое сообщество, о котором я

говорил, именно русское патриотическое общество. По словам генерала Ширинкина, бывшего начальника полиции на Кавказе, «общество это, по неинтеллигентности своего состава, смешивая все передовые партии с крайними учениями, и лишенное возможности вести с ними идейную борьбу, по необходимости могло противопоставить этим идеям лишь механическое сопротивление. Озлобление патриотов было столь велико, что они совершали крайние жестокости. Так, 19-го октября во Владикавказе, при столкновении на улице, были случаи добивания раненых, за что несколько членов патриотической организации привлечены к ответственности. Главным образом в Баку было несколько случаев убийства членов крайних партий патриотами, причем в большинстве случаев убийцы остались неразысканными. Патриоты встретили сочувствие в войсках и вступили с ними в живейшую связь и общение. Не ограничиваясь пассивною ролью указателей подозреваемых ими в политической неблагонадежности лиц, патриоты, пользуясь попустительством воинских чинов, сами начали производить следственные действия, обыскивая и задерживая по своему усмотрению, вне всякого контроля полицейских и жандармских чинов. Особенно резкие формы приняли самоличные действия патриотов в районе владикавказской ж. д., где в заключение они вступили в открытый конфликт с властями. Патриоты не только самовольно делают обыски и проводят аресты, но требуют, чтобы без их согласия и ведома жандармская полиция никого не смела выпускать из тюрем, чтобы им было предоставлено право увольнять железнодорожных служащих, чтобы арестованные содержались возможно строже, — в противном случае грозят перестрелять арестованных, без всякого основания требуют ареста лишь им враждебных и даже немедленного удаления их со службы». В конце концов, генерал Ширинкин как бы извиняется, говоря, что, мол, напрасно патриоты нас обвиняют в слабости. Так, г.г., обижают на Кавказе русских людей в лице членов патриотического общества!

Такова была картина жизни на Кавказе, когда по высочайшему повелению был назначен на пост наместника Воронцов-Дашков, причем, ему было поручено приобщить край к созидательной работе. Как началось это приобщение, вы сейчас увидите. В приказе по Кавказскому военному округу от 5 января 1906 г. Читаем: «Отозвав из Кутаисской губ. н. с. Старосельского, я объявил эту губернию на воен. положении и назначил ее временным губернатором генерал-майора Алиханова-Аварского, с подчинением ему всех войск, в районе губернии расположенных. Вместе с тем, в пределы названной губернии мною направлены: из Тифлиса отряд полк. Гаврилова в составе 6 батальонов, роты сапер, сотни пластунов, 4 орудия, 4 пулемета и 300 казаков, а со стороны Батума отряд полк. Крылова в составе пластунского батальона, двух батальонов херсонцев, взвода скорострельных орудий и 50 казаков. Таким образом, через полгода Кавказ был объявлен театром военных действий, и приступили к завоеванию края. Каким образом оно происходило и во сколько оно обошлось, — вы услышите от моего товарища по фракции. Гр. Воронцов-Дашков все обещает и обещает реформы. Он даже написал подробную записку, но вместо реформ получилось вторичное завоевание Кавказа, так что деп. Маркову надо уже думать о третичном завоевании Кавказа. За все это время гр. Воронцов-Дашков ухитряется создавать в той части населения, которая до сих пор не отвыкла получать подачки свыше, иллюзию, что правительство может что-нибудь сделать в пользу населения. При других правителях край знал, с кем он имеет дело, а Воронцов-Дашков умудряется водить за нос население, заслоняя политику бюрократии миражем каких-то реформ. И если бы, г.г., не ваша жадность и нетерпение, то для вас наместник — самый подходящий человек.

Теперь, г.г., я думаю, можно поставить вопрос, удалось ли правительству внедрить, вселить и распространить на Кавказе сепаратизм? Я могу сказать, что это ни вам, ни нашему правительству не удалось и не удастся. Причин этому очень много, г.г., но я укажу

на одну. На Кавказе, г.г., с 90-х годов работает социал-демократия. Социал-демократия ни одного случая не упускала на Кавказе, г.г., объяснять населению, — независимо, русские ли это были, армяне, или грузины, все равно, — что, прежде всего, раньше всего спасение трудящихся масс кавказских находится в солидарной работе со всеми трудящимся народом русским. Я с полным удовлетворением, г.г., могу сказать, что это нам вполне удалось. Этую мысль мы настолько крепко внедрили в массы кавказские, что никакие Пуришкевичи не вытравят этой мысли у кавказского населения. И в этом, г.г., наше счастье и ваше несчастье. В этом ваше горе и наша радость. В этом залог нашей победы и вашего поражения.

Но есть, г.г., один вопрос еще, на который мы должны здесь ответить, — успокоилось ли кавказское население? Я отвечаю столь же категорически, — нет, не успокоилось. Оно не успокоится, г.г., до тех пор, пока... (*Голос справа: «Не будет введено всеобщее».*) Да, пока не будет всеобщее избирательное право, между прочим, пока, г.г., не будет свергнуто иго вашего режима, пока не будут осуществлены те задачи, те вопросы, которые были выдвинуты освободительным движением. Не успокоятся ни армяне, по моему мнению, ни грузины, ни мусульмане до тех пор, пока они не завоюют те права, которые им дадут возможность... (*Голос справа: «завоюют!»*) ...да, завоюют, — иначе им этого нельзя сделать, — те права, которые дадут возможность работать на благо своей народности и, вообще, всей трудящейся массы, до тех пор, пока не наступит, г.г., успокоение не только на Кавказе, но и во всей России. Вам, г.г., задача в этом отношении кавказским населением дана. Кто-то из вас, г.г., мне, когда я говорил в прошлый раз, сказал, когда я говорил о существовании крепостного права до сих пор на Кавказе: «внесите законопроект». Мы, г.г., очень исполнительны. Спустя несколько дней мы вам внесли законопроект о ликвидации временнообязанных отношений на Кавказе. Кавказское население в лице его крестьянства ставит, г.г., перед вами ближайшей задачей этот вопрос.

Вы, г.г., взяли на себя миссию провести в жизнь безмятежным и спокойным путем свободы, возвещенные нам. И вот кавказское население ставит перед вами вопрос: желаете ли вы именно успокоения этого населения? Задача эта поставлена, г.г., перед вами в ближайшем будущем. Русское общество и кавказское население еще раз убедятся, насколько действительно искренно вы желаете успокоения как Кавказа, так и всего русского населения. (*Рукоплесканья слева.*)

Кн. Шервашидзе²⁶. Г.г.! Образование на Кавказе особого наместничества и назначение на высокий пост наместника его императорского величества графа Воронцова-Дашкова состоялось в феврале 1905 г., т. е. в такой период русской истории, когда центральное правительство почувствовало само жизненную необходимость приближения власти к населению и ликвидации старых приемов правления. Вопреки неосновательному утверждению авторов запроса, на графа Воронцова-Дашкова возложено было не осуществление и продолжение той агрессивной политики, представителем которой являлся предшественник его, печальной памяти князь Голицын, который своей односторонней политикой довел Кавказ до края пропасти; назначение гр. Воронцова-Дашкова имело целью ликвидацию старой политики и введение в жизнь новых начал управления. Огромный край задыхался в тисках старого полицейского управления. Нужно было внести в жизнь мир и реформу; надо было дать простор общественным силам, надо было приучить местное население к той мысли, что значение власти на Кавказе не есть враждебное к нему отношение и не умаление его прав, или ухудшение его и без того невыносимого положения, а наоборот, содействие культурному, экономическому и общественному развитию населения. Стыдно сказать, что, благодаря особенностям кавказского управления, благодаря отсутствию правительенного творчества и неумению русского чиновника опло-

дтврить народную жизнь, богатейший в мире край стонет под тяжестью экономического обнищания и общественного разложения. Лучшей иллюстрацией коих слов может служить тот факт, что, как здесь сказал предыдущий оратор, на Кавказе действительно до сих пор процветает в полном смысле слова крепостное право, только в виде временнообязанных отношений. Крестьяне не знают, что такое экономическая свобода, что такое земельное устройство; до сих пор крестьяне там стонут под игом такого малоземелья, о котором вы в других частях империи понятия не имеете. За целое столетие со времени присоединения Кавказа к Российской империи местное население не могло дождаться не только обновления своей жизни, но даже простого элементарного равноправия с прочим населением империи, как в отношении экономическом, так и в отношении общественно-политическом, а также в отношении одинакового разрешения крестьянского и аграрного вопросов, введения обновленного суда, введения земского самоуправления, введения разумных начал учебного дела, расширения и насаждения народного образования. Что удивительного, если подобная политика принесла свои естественные плоды? Политика эта убила веру даже у такого исторически лояльного народа, как народ грузинский, у того народа, который сам взял на себя инициативу добровольного присоединения к Российской империи и утверждения ее власти на Кавказе. Разве нужно указывать вам, что по прошествии целого столетия русского управления Кавказом туземцы чувствуют себя обманутыми в лучших своих упованиях, видят себя экономически разоренными, а политически низведенными до положения париев.

И вот, когда верховная власть, поняв всю гибельную ошибку носителей русской власти на Кавказе, возымела благую мысль покончить со старыми их грехами и внести мир и успокоение в население Кавказа, и с этой целью облекла своим доверием государственного деятеля испытанной верности и преданности, в это время среди нераскаянных политиков старой школы поднимается злонамеренное и слепое осуждение нового правительственно-го курса на Кавказе, который не успел еще ни в чем проявиться, не успел вылиться ни в какие реальные факты. Ведь, г.г., на гр. Воронцова-Дашкова воздвигнуто гонение не за то, что он сделал, — ибо он ничего еще не сделал, — а за то, что он думал и, может быть, думает, с монаршего благоволения сделать. Так о чем же, собственно, шумят, г.г., авторы запроса? Говорят, что на Кавказе грабежи и убийства, и что в этом виновата слабость кавказской власти, в частности, слабость и попустительство гр. Воронцова-Дашкова, но, спрашивается, где же, в каких частях империи не наблюдаются те же самые явления? Газеты полны известиями о грабежах и убийствах во всех концах России; почему же только один Кавказ должен составить в этом отношении исключение? Ревизия сенатора Гарина открыла столь невероятный факт, что в первопрестольной Москве грабежи и убийства совершились при содействии агентов той самой власти, на которую возложена была обязанность бороться с этими преступными явлениями. То же самое говорят в обществе и относительно других мест. Я полагаю, что нет никаких оснований выделять в этом отношении какие-либо определенные местности — это несчастие общерусское, и бороться с ним можно общегосударственными средствами, а не какими-нибудь захарскими снадобьями, осужденными и жизнью, и историей. (*Возгласы «браво!» и рукоплескания слева.*)

По моему крайнему убеждению, цель настоящего запроса — не борьба с террористическими явлениями на Кавказе, а борьба с наместником его императорского величества (*Голоса слева: «Правильно!»*), и поднята эта борьба не во имя интересов России, не во имя здоровых начал русской государственности, а во имя интересов той гнилой части русского чиновничества, которая ютится на кавказской окраине, и которая хочет сохранить за собою свое безответственное и привилегированное положение путем разжигания племенных страсти. (*Возгласы «браво!» и рукоплескания слева.*)

Гегечкори. Мой товарищ по фракции, депутат от Тифлисской губ., с достаточной определенностью показал вам, г.г. члены Г. Д., какова была традиционная, исторически сложившаяся политика русского правительства на Кавказе. С документальными данными в руках, имеющими высшую объективную ценность, ему удалось вскрыть перед вами безжалостное игнорирование и полное замалчивание вопиющих нужд и потребностей местного населения на Кавказе. С математическою точностью он установил, как много постаралась русская власть, в лице своих агентов на Кавказе, для того, чтобы создать невыносимые условия, и этим самым толкнуть роковым образом тамошнее население на путь борьбы за лучшие формы общественной и политической жизни. Мы слышали, г.г., что делала и делает русская правительственные власть на Кавказе; вы узнали и могли узнать, если бы захотели, постарались ли русское правительство и кавказская администрация внести какие-нибудь новые изменения в беспросветную жизнь; вы узнали бы, улучшили ли, или хотя бы постарались улучшить кавказская администрация и наше правительство тяжелое экономическое и правовое положение обширного края. Нет, г.г., все должно было остатся по-старому; все должно было молчать и повиноваться для того, чтобы в этой тиши могильной подчинять своим полицейским и бюрократическим видам все виды, все силы народной жизни и народного творчества. На Кавказе теперь в еще большей степени, чем раньше, царят административный произвол и полицейское усмотрение. Вся общественная и политическая жизнь страны скована цепями осадного и военного положений — и зло насмехаются над народным правосознанием, народным горем и народной болью лица, которые говорят о либерализме и гуманных чувствах гр. Воронцова-Дашкова. Конечно, если уничтожение личной и общественной инициативы, если уничтожение независимости и самодеятельности, если сосредоточение абсолютной власти над жизнью и имуществом граждан-обывателей в руках генерал-губернаторов — в большинстве случаев союзников — есть проявление гуманных чувств и либерализма, то, конечно, инициаторы запроса правы. Но кто, кроме людей с большой психикой, кто, кроме людей с совершенно извращенным представлением об этих чувствах, может говорить о либерализме того человека, который применял к населению все эксперименты полицейского воздействия? Я с большим основанием, чем г. Пуришевич, могу сказать, что гр. Воронцов-Дашков — типичный представитель нашего безответственного правительства. Я с большим основанием, чем г.г. правые, нападающие на кавказское население, могу сказать, что гр. Воронцов-Дашков применял к кавказскому населению все то, что можно было применить. Кавказское население, г.г., все изведало, для него ничто не будет ново, если вы вместо гр. Воронцова-Дашкова пошлете кого-нибудь другого. По приказу гр. Воронцова-Дашкова проходили по нашей стране опустошительные карательные отряды, предавая все и вся огню и мечу. Это все совершалось по приказу гр. Воронцова-Дашкова, — совершались всевозможные насилия над населением. По приказу гр. Воронцова-Дашкова насиливались наши жены, наши матери и наши сестры. (*Голоса справа: «Вздор!»*) Я вам докажу, что это не вздор. И говорить о бездействии кавказской администрации, во главе которой стоит гр. Воронцов-Дашков, это значит издеваться над лучшими чувствами всех кавказских национальностей.

Мой товарищ по фракции, депутат Чхеидзе, закончил свою речь на том моменте, когда Кавказ был объявлен театром военных действий. Я постараюсь ограничить свою речь продолжением и описанием того, что происходило после этого момента; я постараюсь выяснить вам, что было сделано гр. Воронцовым-Дашковым и вообще кавказской администрацией в момент революционной борьбы. Еще тогда, г.г., когда над Россией только собирались кровавые тучи, разразившиеся впоследствии в октябрьские, ноябрьские и декабрьские дни 1905 г. разгромами, погромами и расстрелами, еще тогда, когда над

Россией веяли предконституционные ветры, у нас на Кавказе шла кровопролитная война, — это так называемая армяно-татарская резня. Причины, вызвавшие это ужасное явление нашей жизни, слишком для всех известны, чтобы о них нужно было говорить. Теперь для всех ясно и очевидно, что та таинственная рука, которая руководила этой бойней людей, была рука агентов правительства на Кавказе, и даже та провокационная выходка, которая тут была проявлена г. Пуришкевичем, восхвалявшим лояльность мусульманского населения в противоположность другим национальностям, грузинской и армянской, та тактика, старый прием, к которому он прибег, — *divide et impera*; эта тактика, этот прием, эта провокационная выходка уже показывает, куда метил г. Пуришкевич! Он обращался к тем средствам, к которым обращались на местах, еще до армяно-татарской резни, агенты правительства, разжигая национальную ненависть и этим создавая почву для распри и братоубийственной войны. Но я счастлив, г.г., заявить с этой трибуны, что заветные мечты г. Пуришкевича не оправдаются, его мечты уже на Кавказе не найдут под собой реальной почвы для осуществления: все честное с презрением отвергнет руку, окровавленную руку, протянутую г. Пуришкевичем... (*Рукоплескания слева.*) Мусульманское население на эту удочку провокаций не попадает.

И вот я говорю, что ревизия сенатора Кузминского и другие частные исследования доказали, что армяно-татарская резня была продуктом правительской провокации. Исследования сенатора Кузминского доказали, что вся ответственность за невинно пролитую кровь падает на голову этих агентов. Но, кроме этой бойни, кроме этой армяно-татарской резни, в августе месяце, 29-го дня, 1905 г., в самом сердце Кавказа, в Тифлисе, недалеко от резиденции гр. Воронцова-Дашкова, этого либерала, с точки зрения г. Пуришкевича, произошло нечто ужасное, нечто потрясающее, произошел факт, который может быть поставлен по своей жестокости, по своим размерам, наряду с расстрелами 9-го января на улицах г. Петербурга. Люди, запертые, как в клетке, в городской думе, были расстреляны безжалостной рукой. Вот, как бесстрастный телеграф передает об этом ужасающем факте. Мы это читаем в журнале «Право» за 1905 г. № 35. «Тифлис пережил 29 августа ужасную ночь, принесшую сотни жертв. В 8 час. вечера в здании городской думы собралась многочисленная сходка рабочих. Администрация потребовала, чтобы собравшиеся разошлись. Когда это требование не было исполнено, вызвана была сотня казаков. Часть их, спешившихся, стала силой удалять рабочих. Командир сотни далее приказал открыть огонь, и произошло нечто ужасное. В течение получаса беспрерывно грохотали выстрелы — пачками, залпами. Случайно оказавшаяся публика металась по всем направлениям, разгоняемая казаками. Среди пострадавших много раненых шашками» — и т. д., и т. д. «По последним сведениям, — заканчивается сообщение, — в больницах убитых свыше 100 человек; количество раненых гораздо больше. Часть их отвезена домой; число раненых приводится в известность»²⁷. В этом же месяце, 3-го августа, в Гурии произошло столкновение казаков с крестьянами, и несколько десятков крестьянских жизней безжалостной рукой были принесены в жертву интересам помещиков. Все это время и даже раньше по всей Гурии шныряли, гуляли карательные экспедиции, сжигая и производя насилия над населением.

Итак, в смысле подавления аграрного движения вооруженной силой, гр. Воронцов-Дашков сделал известный почин. Когда после объявления манифеста 17-го октября по всей России пошли расстрелы, разгромы, убийства, когда реакционный элемент, собравшийся с силой, предпринял отчаяннейшую атаку на все завоевания народа, и началась разнудзданная вакханалия реакции, когда министерство Витте-Дурново делало свое дело спасения России, тогда — гр. Воронцов-Дашков не отставал от других истинно-русских деятелей. Он даже превзошел Меллер-Закомельского, он превзошел адмирала Дубасова,

генерала Орлова и др. И вы, г.г., можете говорить о его попустительстве! Мы слушали ваши побасенки, ваши нападки на гр. Воронцова-Дашкова, и можем эти нападки объяснять или вашим неведением, или вашими личными антипатиями к нему, или же тем, что вы преследуете эгоистические цели, личные желудочные интересы. Вы хотите взбаламутить реку, чтобы в мутной воде ловить рыбу. Вы, наоборот, должны гордиться Воронцовыми-Дашковыми; вы должны были преклоняться перед ним, видя его огромные заслуги перед вами, направленные для вашего же спасения, для восстановления вашего господства. Я это докажу. (*Возглас справа: «А адрес кто подносил?»*) Этого адреса мы не подносили; подносили его такие же, как вы. Для того, чтобы не быть голословным, достаточно, г.г., припомнить те факты, которые имели место в Тифлисе в ноябрьские и декабрьские дни. Достаточно, г.г., вспомнить, что в течение целой недели в Тифлисе грохотали пушки; достаточно вспомнить то опустошительное действие, которое было произведено артиллерийским огнем на улицах Тифлиса. В моих руках имеются десятки проверенных обращений и официальных данных, в которых указывается, какие дома были разгромлены и сожжены. В огонь озверевшими казаками бросались живые люди, и на другой же день находили обуглившиеся трупы. Тифлис за все это время представлял собою ад кромешный. В огне гибли десятки человеческих жизней и их имущество. Я сделал подсчет, и оказалось, что только по трем улицам размеры погибшего имущества простираются более, чем на сумму в 2 мил. руб. Т. к. расстрелы происходили во всем гор. Тифлисе, то приблизительный подсчет убытков выражается в нескольких десятках миллионов рублей. (*Шум.*) Вот, как бездействовал гр. Воронцов-Дашков! Вот, как попустительствовал он революции, как попустительствовал тем элементам, которые принимали в ней участие.

Пуришкевич (с места). ...когда Рамишвили получил ружья от Воронцова?

Гегечкори (продолжает). А что произошло в Кутаисской губ.? Но тут я постараюсь сохранить известную географическую последовательность. Я позволю себе доложить вам то, что произошло в Восточном Закавказье. Когда я, г.г. члены Г. Д., говорил об изнасиловании женщин, то с этой стороны (*указывает направо*) в ответ раздалось восклицание: «Вздор!». Вы сейчас увидите, что это не был вздор, а это был действительный факт и даже не один факт, а целые десятки самых вопиющих, самых возмутительных фактов. В моих руках труды работ комиссии под председательством д. с. с. Вейденбаума. К этим трудам, между прочим, приложено прошение, поданное армянскими крестьянами гр. Воронцову-Дашкову. Вот что говорится в этом прошении. Это крик исстрадавшейся души, и я рекомендую его вам выслушать.

«Ваше сиятельство, — пишут крестьяне, — где нам искать спасения? Мы находимся между огнем и водою: с одной стороны нас разоряют, убивают и режут окружающие нас татары, с другой стороны нас грабят, насилиют, оскорбляют, унижают и бесчестят казаки. Когда насильничали татары, мы понимали это: это были дикие люди. Но мы не можем понять, каким образом может быть допустим в христианском государстве, под властью христианского царя и самими христианами такой произвол, такие бесчинства и безобразия, которые к лицу разве татарскому населению, но не казакам, да и не казакам, а начальникам их — людям образованным и именующим себя христианами, на которых падает вся ответственность зверской расправы казаков, т. к. последние лишь исполняют свой долг. Мы этого понять не можем и потому, что казаки, по их же собственному заявлению, бесчинства эти творят не потому, что это им нравится, а потому, что они такими безобразиями желают вызвать протест общества».

Я перелистываю работы этой комиссии и всюду встречаю: «ограбили, изнасиловали, избили», — и т. д. В протоколах приводятся случаи гнусного издевательства; вот эти случаи по показаниям самих потерпевших. 1) Назлу Оромянц, замужняя, 30 лет: «Дом наш на

краю селения, мужа моего не было дома. Отряд прибыл в наше селение в Вербную субботу и остался до понедельника. Многие женщины и девицы бежали в горы и леса. Я не могла, потому что мой 6-летний мальчик лежал больной. На следующий день ночью мимо двери нашего дома [шли] казаки, 7 человек, и ограбили дом, взяли переметную сумку, палас, 10 р. и др. вещи, из них шестеро ушло, а один стал приставать ко мне; я не отдавалась; началась борьба, казак бил меня, каблуком ударили в грудь; я повалилась, и тогда он изнасиловал меня». (*Смех справа.*) Вы можете смеяться. Вы и звери могут только смеяться над этим. (*Рукоплескания слева. Возгласы справа: «Ложь! Из каких трудов это?»*) Из трудов комиссии д. с. с. Вейденбаума. Потерпевшая... (*Шум справа...*) Будут еще случаи изнасилования 60-летних старух. 2) Такуи Кушлянц, 30 лет. (*Возгласы: «Довольно!»*) Нет, выслушайте до конца. «Когда прибыл отряд, и женщины бежали, и я бежала, казаки гнались за нами; будучи беременна, я от испуга родила мальчика, который тут же умер». 3) Азиз-Гюль Джавадян, 50–55 лет: «В воскресенье вечером ворвались в наш дом казаки, до 10 человек. Побили моего мужа старика, он вырвался из рук казаков и убежал. Тогда они ворвались в дом и начали грабить, а затем пристали ко мне, чтобы изнасиловать; я не отдавалась; но казаки побили меня, повалили и начали насиловать. Я потеряла сознание. Я не могла бежать, думая, что меня, как старую женщину, не будут трогать». 4) Манушак Пулиева, 30 лет... (*Возгласы справа: «Что же это? Вздор!»*) Вы кричали, что это вздор, так выслушайте этот официальный документ; документ этот должен иметься в канцелярии наместника. (*Голос из центра: «Зачем же всякий вздор читать?»*)

Председательствующий. Покорно просил бы без переговоров.

Гегечкори (*продолжает*): Манушак Пулиева, 30 лет: «Я не могла бежать, потому что у меня грудной ребенок и другие дети маленькие. К нам ворвались 3 казака, избили, истязали моего мужа, отняли у него часы, ограбили наш дом и все трое изнасиловали меня». 5) Мариама Ованесянц, 60 лет: «Я, как старуха»... (*Шум, крики. Звонок председательствующего.*)

Председательствующий. Покорнейше прошу соблюдать тишину. До меня доносятся такие крики, что если еще один такой возглас раздастся, то я уйду, и заседание прекратится.

Гегечкори (*продолжает*): Мариама Ованесянц, 60 лет, «Я, как старая женщина, не убежала, в том предположении, что меня не будут трогать. Казакам дали волю, они бросились в дома, начались побои, грабежи и изнасилования, в селении всюду раздавались крики о помощи, но власти не обращали внимания. В нашем доме сломали замки на дверях комнат, ограбили серебро, платья и разные вещи, а затем изнасиловали меня. Казаков было 3–4 человека в нашем доме. Почти все женщины больны от насилия и страха». 6) Зари Хопотянц, 40–50 лет: «Меня изнасиловали казаки в моем доме и ограбили мой дом». (*Голоса: «Довольно!»*) 7) Такуи Еутегянц, 35–38 лет: «Несколько казаков вломывались к нам. Я заперлась изнутри. Тогда казаки старались концом кинжала разрубить дверь, я сильно упиралась, защищая дверь, и через щель кончиком кинжала поранила себе слегка руку. Дверь взломали, вошли, ограбили, побили меня и изнасиловали. То, что творили казаки над нами, невозможно описать». Далее идут 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22 — все факты изнасилования.

Половцов²⁸ (*с места*). Кто подтвердил это?

Гегечкори. Я уже несколько раз докладывал, г. Половцов, а если Вы не слышите, то это Ваше дело.

Председательствующий. Покорнейше прошу без обращений.

Гегечкори. Вот, г.г., происходили такие бесчинства, такие ужасы, о которых даже не может слышать такой человек, как Пуришкевич, который ушел. Вот, что творилось в той области, где наместником был гр. Воронцов-Дашков, — этот либерал.

Крупенский (*с места*). Пожалейте время и Россию.

Гегечкори (*продолжает*). Какими же новыми штрихами пополнить всю эту варварскую картину? Чего вы еще хотите? О каком попустительстве можно говорить тогда, когда перед нами картина из варварской жизни?

Половцов (*с места*). Бабы сказки.

Гегечкори (*продолжает*). Переходу дальше. О том, как попустительствовал гр. Воронцов-Дашков революционерам Кутаисской губ., вы^с, г.г., можете видеть из вагона железной дороги; вы можете видеть следы развалин того опустошения, которое было произведено войсками карательной экспедиции, посланной в Кутаисскую губ. с благословения гр. Воронцова-Дашкова. Еще долго наша страна не оправится от того смертельного удара, который был нанесен безжалостной рукой. Еще долго из поколения в поколение будут передавать о тех варварствах, которые происходили у нас в Кутаисской губ. Пусть факты говорят за себя. В одной из грузинских газет, «Цнобис Пурцели», указаны характерные факты. Генерал Тимофеев предложил названной газете, в которой помешались корреспонденции из Кутаисской губ., представить неопровергимые доказательства существования этих фактов в течение семи дней. Газета, конечно, была поставлена в ужасные условия: ни одно правительственные лицо не допускало к себе представителей прессы, доступа представителям прессы не было в правительственные учреждения; все население было терроризовано, никто в свидетели не шел и не мог идти. Но, несмотря на это, газета в семидневный срок представила следующие факты насилий, грабежа и поджогов в нашей Кутаисской губ. Вот эти официально удостоверенные... (*Голос справа: «Кем?»*) ...полицейскими властями факты. В газете перечислены местечки, окончательно стертые с лица земли. Здесь говорится, что 1-го января передовой эшелон отряда под начальством туземца Алиханова и кн. Алишвили и др. офицеров, находящихся в составе населения Кавказа, с благословения гр. Воронцова-Дашкова прибыл в село Михайлово, и 1-го января село Михайлово было выжжено, магазины ограблены. Дальше, 7 января большая часть Белогоры была сожжена. 8, 9 и 10 января $\frac{3}{4}$ м. Квирилы сгорело и было сравнено с землею. Много торговцев и хозяев стали нищими. Банк, типография и др. учреждения дотла сгорели. Между станциями Свири и Аджамети на делегатском поезде были расстреляны 9 человек. 9 января в Кутаисе сгорели 30 лавок, и многие были ограблены. В Самтреди 16 и 17 января более 30 лавок сгорело и было разграблено. Отряд полковника Крылова прибыл 12 января в Озургеты, и в ту же ночь сгорел базар. 14 января горело Поти. 10 января в с. Багдады сгорело 37 домов. 23 января сгорел чиатурский базар. 28 января в м. Новосенаки сгорели два ряда домов и лавок. 28 января в с. Акети сгорело до 60 дворов и т. д.

Кутаисский полицеймейстер рапортом от 1 февраля 1906 г. за № 386 доносит: «В ночь на 27 января разграблены и разгромлены со взломом замков магазины и лавки следующих лиц: 1) на Михайловской ул. посудный и мебельный магазин Николая Рафаэлова. Убыток, по заявлению потерпевшего, до 18 000 р. 2) Гастрономический, заграничных напитков и бакалейный магазин братьев Оганезовых. Убыток 6 000 р. 3) Магазин скобяных товаров Гегоргадзе и С. Церетели. Убыток 1 000 р. 4) Магазин скобяных товаров Д. Купарадзе. Убыток 2500 р. 5) Магазин часов, золотых и бриллиантовых вещей братьев Волох. Убыток на 15 000 р. и т. д., и т. д. На Воронцовской ул. мелочная лавка Н. Гаромишвили. Убыток 1 000 р. Кожевенная лавка А. Казарова на Базарной ул., азиатский магазин Хазаридзе. Убыток 3 000 р., и т. д.» «И вот, — заканчивает полицеймейстер, — все вышеупомянутые строения и торговые заведения предварительно, до совершения поджога, были разграблены и разгромлены. По свидетельству самих потерпевших, случайных свидетелей иочных караульных, поджог и разгром магазинов и лавок произведен нижними чинами войсковых частей, между которыми преимущественно были казаки и пехотинцы с белыми

околышами. Об этом происшествии сообщено следователю первого участка г. Кутаиса и донесено прокурорскому надзору. Об изложенном доношу вашему превосходительству. Временно исполняющий должность полицеймейстера, такой-то».

Рапорт кутаисского полицеймейстера за № 661 кутаисскому губернатору от 14 февраля: «В 3 ч. утра 6 неизвестных лиц, одетых в полушибки и вооруженных винтовками, вошли в нижний этаж дома Иосифа Эрихофа, на Тифлисской улице, где жил кутаисский мещанин Григорий Чхеидзе с содержачкой своей, жительницей с. Багдады, Кутаисской губ., Анной Багдадавзе. Вошедшие стали обыскивать дом и, ничего не найдя, предложили Чхеидзе и Химшиашвили одеться и последовать за ними, говоря, что их, как замеченных в политической неблагонадежности, должны отвести в участок. Но на дороге названные Чхеидзе и Химшиашвили были убиты».

Рапорт кутаисского уездного начальника кутаисскому губернатору за № 333: «В ночь на 8 февраля 12 неизвестных лиц в казачьей форме ворвались в дом швейцарской гражданки Марфы Давидовны Джукс. Взломав комод, шкатулки и сундук, похитили оттуда разные вещи на сумму 500 р. и по совершении ограбления скрылись. Служащие г. Джукс, очевидцы происшествия, объяснили, что нападавшие были в черкесках с погонами, в папахах, и говорили по-русски, и поэтому утверждают, что они были казаки, но какого полка — не могли разобрать. Дело находится у судебного следователя».

Рапорт кутаисского полицеймейстера кутаисскому губернатору от 16 февраля за № 600. Или, может быть, г.г., для вас и этих фактов достаточно для того, чтобы... (*Голоса справа: «Довольно. Больше, чем достаточно». Голоса слева: «Читайте все!»*) ...чтоб установить, каким образом подавлялось освободительное движение у нас на Кавказе. Вот, к каким «полумерам» прибегал гр. Воронцов-Дашков. Вот, как он попустительствовал и какие либеральные чувства проявлял по отношению к местному населению на Кавказе.

Гулькин (с места). Мало.

Гегечкори. Для вас этого мало. Я знаю. Тогда у меня имеются еще другие данные. (*Голоса слева: «Читайте тогда все!» Голоса справа: «Довольно!»*) Говорят, что этого мало...

Половцов (с места). Сказок, сказок довольно!

Гегечкори. В моих руках имеются целые десятки, сотни обращений и заявлений потерпевших, удостоверенных официальными властями. Потерпевшие просят и умоляют, чтобы я доложил с этой трибуны Государственной Думы всей России о том, какие насилия учинялись над ними. Но, при всем моем желании, при всем моем стремлении удовлетворить их просьбу я не могу потому, что тогда мне пришлось бы занимать эту кафедру в течение нескольких заседаний. Я желаю подвести некоторый итог всему этому имущественному их убытку. Об этом я поговорю с вами в дальнейшем, а сейчас я позволю себе процитировать петицию гурийцев. Петиция эта была послана гр. Воронцову-Дашкову. Из этой петиции вы можете усмотреть, какие раны наносились гурийцам в течение целого ряда лет разными Толмачевыми²⁹, Ермоловыми³⁰, Микиашвилиями и проч. администрациями. Двое из них обвиняются в вымогательстве. Ермолов, по признанию г. Пуришевича, — лучший русский чиновник, обвиняется в вымогательстве, в лихоимстве и различных преступлениях уголовного характера. То же самое обвинение предъявлено Микиашвили. И вот эти чиновники, которых не могли терпеть в своих рядах наше правительство и наша теперешняя администрация, эти чиновники, по признанию г.г. правых, являются лучшими русскими чиновниками. Эта петиция, о которой я говорил, не была принята гр. Воронцовым-Дашковым в марте месяце 1908 г. Вот, что мы читаем в этой петиции: «Вашему сиятельству известно, что Озургетский уезд — один из самых малоземельных уездов Закавказья. Кукурузы, которая только и произрастает на землях названного уезда, даже во время хороших урожайных годов еле хватает на прокормление населения, в виду чего

большинство местных крестьян вынуждено заниматься отхожими промыслами. Благодаря сильной засухе, имевшей место в прошлом году, крестьяне приступили к распашке земель и обсеменению полей лишь в конце июня месяца, тогда как распашка происходит обыкновенно в апреле месяце. Вследствие поздних посевов и проливных дождей, следовавших за засухой, местами кукуруза совершенно не поспела, а местами дала самый скучный урожай. В настоящее время больше половины крестьян Озургетского уезда, за неимением кукурузы и средств к ее приобретению, буквально голодает. Но если бы и имелись даже где-нибудь запасы кукурузы, то население все же не может воспользоваться, ввиду полного своего обнищания, явившегося результатом лишения сторонних заработков и тех многочисленных разорений, которым Гурия подверглась за последние полтора года. Почти каждое сельское общество в среднем по три раза делалось жертвой крупных карательных экспедиций в составе свыше 100 казаков и солдат, остававшихся в деревнях от одной недели до 35 дней, причем содержание этих отрядов каждый раз обходилось обществу от 500 до 1 000 р. Но это капля в сравнении с теми убытками, которые причинялись населению этими отрядами. Появление карательных отрядов весьма часто бывало неожиданным для населения. Так, например, в микель-габриельском обществе разбойники ограбили дилижанс; явилась экспедиция, по требованию которой общество раскрыло преступление и выдало двух грабителей; однако администрация освободила их, а общество оштрафовала на 1 300 р., для взыскания коих выслала карательную экспедицию, которая оставалась в обществе в течение 10 дней, причинив крестьянам невероятные испытания, взыскав путем страшных стеснений означенную выше сумму; что же касается содержания самой экспедиции, то оно обошлось обществу в 2 058 р. 11 к. Для того, чтобы уплатить все эти штрафы и денежные поборы, сельчанам приходилось продавать кукурузу за 30–40 к. пуд, а теперь, во время голода, у кого еще остались кое-какие гроши, можно достать кукурузу лишь по 1 р. 50 к. за пуд. Через два месяца после этого в том же обществе вновь произошло ограбление фаэтона. Опять явилась карательная экспедиция, которая из всего количества 218 дымов микель-габриельского общества арестовала целых 306 человек и отправила их в озургетскую тюрьму, а 130 казаков и солдат были расквартированы в домах арестованных сельчан, производя в них полное опустошение. Самых же арестантов в июне месяце, т. е. в самый разгар страдного рабочего времени, задержали в тюрьме до тех пор, пока при помощи штыков и нагаек не вырвали у них согласия на высылку 26 человек, в числе коих были 60 и 80-летние старцы. Но полной иронией судьбы является то, что, по освобождении арестантов с сельских обществ еще взыскивают особые поборы за их незаконное содержание в тюрьме. В хидиставском обществе был такой случай: стражники встретили пьяную компанию из молодых людей. Объявив их почему-то революционерами, стражники вздумали арестовать их, но те бросились бежать. По ним был дан залп, результатом чего явилась смерть одного из бежавших, некоего Тедорадзе. Это обстоятельство явилось причиной появления карательной экспедиции во главе с генералом Толмачевым, который, собрав все три соседних общества в ограде церкви, задержал их в октябре месяце на открытом воздухе под страшным ливнем до утра следующего дня, причем это несчастье постигло не только мужское население, но и женское, не исключая и грудных детей. В чочхатском обществе разбойники убили некоего Готуа. По этому поводу карательный отряд, состоявший вначале из 22 человек, а затем из 100, стоял в обществе в течение 35 дней. Все население было собрано в одном месте и арестовано на открытом воздухе, причем они были лишены возможности даже брать себе пищу, а в это время отряд бесконтрольно хозяйничал в деревнях. Помимо огромных расходов на содержание отряда, с сельского общества взыскивали еще 4 000 р. В цуребском, асканском и др. обществах были, например, такие случаи: по требованию карательных отрядов обществ

ловило убийц и разбойников и выдавало администрации. Администрация же не только освобождала их без всякого наказания, но еще их же назначала стражниками в тех самых обществах, которые раскрывали их преступную деятельность. Нужно ли доказывать, что эти стражники являлись настоящим бичом для обществ? Одним из таких бичей являлся в сурецком обществе стражник Саникидзе, который сделался стражником уже после того, как он был выдан обществом администрации в качестве вора, совершившего ряд крупных краж, в чем впоследствии сама администрация убедилась, так как Саникидзе, сделавшись стражником, обокрал других стражников и сбежал. А между тем, за воровство Саникидзе администрация нашла нужным оштрафовать общество на 3 000 р. Что касается мелких карательных экспедиций, то они посыпаются в разные места уезда почти ежедневно, причем, причины посылки этих мелких отрядов еще менее известны населению. К числу карательных мер относятся также бесчисленные аресты ни в чем не повинных лиц, из которых освобождают только тех, кто внесет определенную сумму денег, так что арест людей местная администрация обратила в доходную статью. Так, напр., в ланчхутском обществе было арестовано 50 человек, из которых администрация освобождала только тех, кто вносил выкуп в размере по 100 р. с каждого. Не решаясь утруждать внимания вашего сиятельства дальнейшим перечислением всех постигших нас несчастий и незаконных мероприятий, повторяющихся изо дня в день в разных обществах Озургетского уезда, не можем, однако, не указать еще того обстоятельства, что администрация, помимо перечисленных взысканий, требует с крестьян уплатить священникам недоимки сборов за духовные требы за последние 5 лет, между тем как священники, входя в положение разоренного народа, совершенно отказываются от всяких претензий на эти недоимки. Карательные экспедиции, штрафы и т. п. репрессивные меры отвлекали народ от спокойного труда; массовые аресты и высылки из уезда оставляли много семейств без кормильцев на полный произвол судьбы. Вот те главные причины, которые довели Гурию до полного обнищания и голодовок. И в это ужасное для нас время хотят учредить в Гурии должность правительственные старшин с 5–6 стражниками с окладом жалованья от 2 до 3 тыс. р. в год.

И вот, они просят, ходатайствуют выдать всем озургетским сельским обществам весь тот продовольственный капитал, который собран ими и находится в батумском казначействе. Дальше: «Выдать из отпущенного Государственной Думой в распоряжение вашего сиятельства капитала на продовольственные нужды населения Закавказья такую сумму, на которую можно было бы приобрести нужное количество пудов кукурузы, необходимой для прокормления населения Озургетского уезда до урожая и для обсеменения полей. Для справедливого распределения этой помощи и для сбора пожертвований на этот же предмет мы просим ваше сиятельство разрешить сельским обществам образовать из своих представителей особую продовольственную комиссию».

И вот такую-то невинную петицию этот либерал и чуть ли не кадет с вашей точки зрения, гр. Воронцов-Дашков не принял. Теперь я обещал дать некоторые цифры материального ущерба от поджогов и насилий в двух уездах. Я эти сведения вам сейчас представлю. Сведения эти, между прочим, должны иметься в канцелярии наместника, и если мною будут допущены какие-либо фактические неточности, то никому не возбраняется их опровергнуть.

Экзекуционным порядком за 8 месяцев взыскано в одной Гурии около 80 000 р. Сожжено по селениям Гурии: в с. Бохвы 18 дворов, в с. Дзимати 83 двора, — 41 %, в с. Нагомари 56 дворов — 28 %, в с. Шава 28 дворов, в с. Кведа Акети 53 двора, в с. Двабзу 24 двора, в м. Озургеты 119 дворов и 400 лавок, всего 381 крестьянский двор и 400 лавок в одном маленьком уезде. Спрашивается, осталось ли, г.г., что-нибудь? Ничего не осталось. Люди и теперь живут в лесах, их обратили в растительное состояние. И еще говорят

о попустительстве и либеральных чувствах гр. Воронцова-Дашкова и местной кавказской администрации. Теперь перехожу к Сенакскому уезду и Мингрелии. В с. Бандзы сожжено 6 дворов, в с. Накилакиви 13 дворов, Сенаки 4 двора, м. Абаша 60 лавок и м. Новосенаки 40, в Зугдидском уезде — 95 дворов и лавок. Мингрелия всего дает 220 дворов крестьянских и мещанских. Из того, что было сказано, г.г. чл. Г. Д., вы можете установить или можете представить себе приблизительную картину того, каким образом и какими способами подавлялось освободительное движение на Кавказе гр. Воронцовым-Дашковым.

Теперь я перехожу к другой стороне местной жизни, к отношению кавказской администрации к печати. Печать во всей России задавлена, но на Кавказе это нечто неслыханное. В течение полутора года в Тифлисе закрыто 29 русских газет, а в Баку 11. (*Голос справа: «Какие? Армянские?»*) Нет, русские. Вот, я вам доложу, какие: «Новое обозрение», «Возрождение», «Кавказский рабочий листок», «Елисаветпольский вестник», «Утро», «На повороте», «Новь», «Кавказская мысль» и др. Я думаю, что это русские газеты³¹. (*Шум справа и голоса: «Армянские!»*)

Председательствующий (обращаясь направо). Придет ваша очередь, тогда и возражайте.

Гегечкори. А грузинских газет около 32. Я перечислять их не буду. Теперь, как же преследовались общественные организации? Общественных организаций, а в особенностях рабочих, у нас нет. У нас нет, г.г. члены Г. Д., профессиональных организаций рабочих, которые бы давали возможность рабочим защищать профессиональные интересы; организации эти разгромлены, их теперь нет ни в Тифлисе, ни в других городах. Профессиональные организации, не говоря уже о политических, поставлены вне закона. Что касается культурных и просветительных учреждений, то об отношении к этим культурным учреждениям гр. Воронцова-Дашкова и кавказской администрации вы можете усмотреть из следующего обстоятельства. У нас, как и в других городах, существуют общества народных университетов; им не разрешают в Тифлисе и в других городах Закавказья чтение лекций на армянском и грузинском языках, а недавно, 17 октября, было запрещено даже чтение — характерно, какое совпадение — на такую тему: «О типах Гоголя и физиологии человека». На днях я получил телеграфное сообщение, — оно было помещено в газетах, — что тифлисскому общественному самоуправлению генерал-губернатор не позволил поставить на обсуждение вопрос о сборе пожертвований в пользу пострадавших в Мессине. До такого апогея, до такого усердия администрация еще не доходила нигде.

Я хотел бы обратить внимание Государственной Думы еще на одно обстоятельство, которое поставлено во главу угла всех тех обвинений, которые сыпались по адресу кавказской администрации. В запросе приводится несколько фактов бегства заключенных из тюрем. Я не хочу сомневаться в достоверности этих фактов. Я их принимаю на веру; но видеть незакономерность в этом ни в коем случае нельзя. Если смотреть на явления общественной жизни и объяснять их с настоящей стороны, то незакономерность кавказской администрации и вообще тюремного ведомства в России нужно было бы видеть не в том, что были случаи бегства заключенных из тюрем, а в том, что создаются такие условия, создается такая атмосфера тюремного режима, что политические заключенные и заключенные вообще ставятся в необходимость, дабы не умереть медленной, голодной смертью, идти на рискованные предприятия и подставлять свою голову под пули. Вот, с какой стороны надо было подходить к этому вопросу, вот, где надо видеть незакономерность кавказской администрации.

Дальше, еще одна сторона дела — о которой кричат на всех перекрестках, и о которой больше всего говорит нововременский публицист Меньшиков — это о преобладании в составе кавказской администрации инородческого элемента. Я, прежде всего, должен

оговориться, г.г., я должен сказать то же самое, что сказал мой товарищ по фракции, деп. от Тифлисской губ. Чхеидзе. С нашей точки зрения и грузинский бюрократ, и русский бюрократ — оба хороши; и тот, и другой в одинаковой степени заинтересованы в беспротивии как русского, так и грузинского народа. Но для восстановления объективной правды я должен доложить вам, что преобладание в составе кавказской администрации русского элемента обеспечено и даже больше, чем обеспечено. У меня имеются сведения и данные, которые собирались для совершенно иных рук. Сведения эти собирались для г.г. интерpellянтов, но в результате этих работ по собиранию этих сведений оказалось, что сведения эти не годились для запросчиков, и тогда они попали в наши руки. Я пользуюсь этими данными и беру только закавказскую жел. дор. — самое больное место. В материальной службе закавказской жел. дор.: русских из 416 — 204, грузин — 122, поляков — 28, армян — 39, немцев — 5, латышей — 1, осетин — 7, татар — 9, евреев — 1. Таким образом, 49 % русских. Дальше — служба тяги: из 7 047 служащих — 3 036 русских... (*голос справа: «Меньше половины»*). Сейчас будет сказано, в чем дело. Грузин — 2 593, поляков — 353, армян — 490, немцев — 154, осетин — 26, татар — 238, евреев — 64, остальных — 28. Таким образом, нетуземцев от 45 до 50 %, причем, в отношении всего населения Закавказья нетуземцы составляют только 6 %. Но преобладающее положение русских элементов создается не их численностью, а тем, что все высшие места находятся в их руках. Туземцы служат на таких местах, на которые русские не идут — стрелочниками, ремонтными рабочими, сторожами и т. п. Сейчас я доложу эти данные: управляющий службы пути в Тифлисе, начальник службы, помощник его — ни одного грузина, армянина или мусульманина: русские и один поляк. Техническая часть: начальник технического отделения — русский, инженер особых поручений — русский, и ни одного грузина, ни одного армянина, ни одного мусульманина. (*Голос из центра: «И слава Богу»*.) Да, может быть, слава Богу, для вас, но нужно констатировать факт и признать его. Далее, архитекторы — ни грузина, ни мусульманина. Далее, канцелярия: делопроизводитель, помощник его, старший конторщик — все русские и только простой конторщик — один поляк. А вот в сторожах канцелярии — четыре грузина. Отделение отчуждения земель: старший землемер, второй землемер, чертежник, делопроизводитель, конторщик — все русские. Далее, в счетоводстве то же самое, но здесь есть 4 грузина, 2 армянина и 1 татарин; русских — 5. Смотрители зданий — опять 7 русских и ни одного грузина. В техниках — 41 русский, 6 поляков, 2 немца, 29 грузин. Техники получают от 600 до 900 руб. жалованья. Мастеровые, слесаря, кузнецы, сторожа и ремонтные рабочие, как я вам уже докладывал, грузины, армяне и мусульмане в большинстве. Таким образом, преобладающее положение создается не численностью, а тем, что все высшие места заняты нетуземцами. Я должен доложить вам еще некоторые выдержки из одного весьма интересного письма, помещенного в «Новом времени» 31 июля 1908 г. Автор этого «письма в редакцию» весьма огорчен статьями Меньшикова. В начале он говорит, что раньше грузины и армяне занимали более или менее ответственные места, занимали видные служебные роли в армии, но теперь то время прошло, наступили другие обстоятельства, и уже нигде и nowhere доступа туземцам нет. И вот, приводят такие факты, факты пока не опровергнутые — они взяты из официального издания — «Кавказского календаря» на 1908 г.: «В совете наместника и в особом отделе по полицейской части нет туземцев. В канцелярии наместника и по военно-народному управлению из 40 лиц — всего 4 туземца, и то на низшей должности. Во главе контрольной и казенных палат — ни одного туземца. Во главе 65 казначейств — всего один туземец. Во главе управления акцизовыми сборами в губерниях, во главе акцизных и таможенных округов — ни одного туземца. Во главе 45 таможен — всего 9 туземцев, во главе отдельных частей пограничной стражи и отделения Государственного банка — ни одного туземца, во

главе губерний, областей, градоначальства, вице-губернаторами — ни одного туземца. Во главе губернских управлений землеустройства и земледелия — из 9 лиц один туземец, в управлении округа путей сообщения и в общем управлении закавказских жел. дорог — ни одного туземца. Из 37 уездных начальников — всего 9 туземцев. Из числа 21 окружных начальников — всего 4 туземца. Из числа 15 полицеймейстеров — всего 1 туземец. Из числа 27 членов палаты — всего 2 туземца. Из числа 82 членов окружного суда — всего 15 туземцев. Из числа 63 членов прокурорского надзора окружного суда — всего 3 туземца. Во главе учебного округа из окружных инспекторов, а равно в канцелярии учебного округа — ни одного туземца. Из числа 16 директоров классических гимназий всего 1 туземец. Из числа 12 директ. реальных гимназий — всего 2 туземца. Из числа 30 начальниц женских гимназий — всего одна туземка. В кавказской же армии в настоящее время на высших командных строевых местах нет ни одного туземца, и лишь командирами полков состоят 4 туземца.

Таковы, г.г., факты. Против этих фактов возражать, я думаю, очень и очень трудно. Таким образом, г.г., как вы видите, все те моменты, которые были отмечены в запросах правых, все приведенные данные оказались без всякого основания и реального содержания. Достаточно было прикоснуться к этим данным, чтоб они исчезли с лица земли. И только неприятный осадок, неприятное ощущение осталось от прикосновения к этим данным. Да, я должен сказать, г.г., что г.г. правые продолжают дело, которое было начато другими истинно русскими деятелями. (*Обращаясь к правым.*) За вашими спинами стоят отцы Восторговы, Городцовые, г.г. Палены и те, которые должны были с позором уйти с Кавказа, преследуемые общественной ненавистью и полным презрением, те, на головы которых должна пасть вся ответственность за невинно пролитую кровь. Вы еще продолжаете в том же духе, вы не устали проливать невинную кровь, вы не удовлетворились тем злом, которое было причинено вашими агентами и агентами правительства. Пора, г.г., остановиться, пора рассеять ту сеть клевет, лицемерия и лжи, которую вам удалось собрать вокруг Кавказа. Пора прекратить ваши издевательства над кавказскими национальностями.

И в то же самое время, я должен сказать, что запрос относительно незакономерных действий кавказской администрации графа Воронцова-Дашкова должен быть предъявлен, но запрос должен быть редактирован в ином духе и с иным содержанием: центр тяжести должен быть перенесен в другую плоскость, ваш запрос нужно вывернуть наизнанку, и тогда может получиться желательная для нас редакция запроса. Приблизительная редакция этого запроса должна быть такова:

«Известно ли председателю Совета министров, что кавказская администрация совершенно игнорирует интересы местного населения, национальные права местных народностей нарушаются, дело народного образования, медицинское, продовольственное, агрономическая помощь, судебное дело и т. д. поставлены прямо-таки преступно, вследствие устронения местных людей? Известно ли председателю Совета министров, что на Кавказе, вопреки указу 12 декабря 1904 г., манифесту 17 октября 1905 г. и, в особенности, указу 5 октября 1906 г., объявившему равноправность крестьян, до сих пор продолжается зависимое отношение одной части населения от другой, и даже до сих пор существуют на Кавказе остатки крепостного права? Известно ли председателю Совета министров, что, вопреки возложенной на наместника Кавказа обязанности приобщить этот край к внутренней созидательной работе, предполагаемой в государстве, вся деятельность местной администрации сосредоточивается на борьбе с населением и выражается исключительно в репрессиях? Известно ли председателю Совета министров, что на Кавказе образовалось преступное сообщество, именуемое „патриотическим“, что это преступное сообщество

совершило целый ряд уголовных преступлений, и что приказаниям этого сообщества подчиняется местная администрация, что этому сообществу помогают и оказывают содействие военные силы на Кавказе? Известно ли председателю Совета министров, что отряды, посланные для восстановления спокойствия края, допустили целый ряд незакономерных действий? Если все это известно, то какие меры будут приняты для привлечения виновных к законной ответственности?»

Вот, как может быть и должен быть редактирован настоящий запрос. И этот запрос будет соответствовать интересам русского народа, и интересам всех национальностей, населяющих Кавказ, и интересам исторического момента. (*Обращаясь к правым.*) Ваш же запрос, редактированный так, как вы его представляете, мы отвергаем, как продукт вашего истинно-русского воображения и истинно-русской провокации. (*Рукоплескания слева. Шикание справа.*)

Павлович. Г.г. члены Г. Д. Обсуждаемый нами запрос постигла участь всех интересных и важных, проходящих перед нашими глазами дел. По мере разъяснений, объяснений, взаимных противоречий дело разрослось, заслонило и отодвинуло на второй план основную мысль. Поэтому, как бы мне ни хотелось возразить одному из предыдущих ораторов, который позволил себе недостойные инсинации по адресу российского войска, я это не считаю вправе делать здесь. (*Голоса справа: «Правильно, браво». Рукоплескания справа.*) Я считаю не вправе потому, что эти инсинации никоим образом нельзя поставить в связь с самим запросом. Позвольте мне, поэтому, говорить только по запросу. Итак, суть запроса сводится к следующему. Совершаемые на Кавказе насилистственные акты, терроризуя мирное население, направлены, главным образом, против лиц русского происхождения. Если мы теперь возьмем из ответной речи барона Нольде то, что является непосредственно ответом на это, то ответ его может быть резюмирован следующим образом: на Кавказе повторяется и повторилось то, что происходит и происходило в остальных местах; меры принимались те же самые, а русское население пострадало сравнительно меньше, чем туземное. Последствием этого, конечно, является то, что запрос неоснователен? И конечно, если бы это была правда, то запрос терял бы всякий смысл, ибо как можно из всего пространства империи выхватить один район, разделявший судьбу всей страны, как можно предъявить одной власти тот упрек, которого заслуживают все остальные власти? Но, г.г., к сожалению, или, может быть, правильнее сказать, — к счастью, на самом деле это не так, и неправильно уже основное положение речи барона Нольде — его отождествление революции внутри России с таковой же на Кавказе.

Есть, г.г., два существенных пункта, которыми разнится революционное движение внутри России и на окраинах, в частности на Кавказе. Первая разница — что на окраинах расхищению подвергалось, прежде всего, достояние государства, и в первую голову, страдали те, которые пытались его защищать в силу своего служебного долга, или в силу личных побуждений. Насилие же над частными лицами совершалось между прочим. Самые крупные денежные хищения, самые частые нападения на почты, винные лавки и другие казенные учреждения совершались на окраинах, там же были принесены в жертву революционному Молоху самые обильные гекатомбы солдатских жизней. Внутри России ужасы революции пронеслись над частными лицами, главным образом над землевладельцами до такой степени, что общественные и казенные убытки отступают на задний план. Правда, были эксцессы революции и на окраинах, особенно в Прибалтийском крае, но они совершенно бледнеют перед бесчеловечностью и бессмыслицей герценштейновских иллюминаций. (*Возгласы слева: «Не умно и не остроумно!»*) А на западной окраине, в Польше и в губ., к ней прилегающих, — там этих иллюминаций не было. Это одна сторона, а вторая — что когда под напором революции зашатались устои государства, и когда из

самого недра его появилась сила, противодействующая революции, то на окраинах эта сила рекрутировала свои ряды исключительно из русского населения, а революция — исключительно из туземцев. В коренной же России, хотя все инородцы примкнули *in согропе** к революции, хотя сыграли в ней руководящую роль, но они были слишком слабы, а потому революцию вынесли на своих плечах и поплатились своими боками коренные русские. Вот две разницы, которые устанавливают с одной стороны, что объект революционных вожделений во всей России был не один и тот же, что силы, с которыми приходилось бороться правительству, были не одни и те же.

Это тем более важно, что к правительству предъявляются не одни и те же требования, не только по существу, но и по качеству. В таком случае, к власти на окраинах предъявляются более неизмеримо повышенные требования, ибо если террор для всякой власти есть пробный камень, так как негодная власть во время террора бежит, или, что еще хуже, входит в сделку с народом, то важно, чтобы на окраине власть чувствовала, что она защищает, с одной стороны, достояние государства, а с другой стороны — людей, которые являются и поборниками государственности и представителями русской народности... Но кавказские власти эту разницу просмотрели. Они думали, что имеют абсолютно то же самое зло перед собой, что и в центральной России. Они, — говорит бар. Нольде, — применяли те же средства и, конечно, не могли прийти к тем же результатам. И действительность является лучшим доказательством моих слов. В то время, как в России мы достигли хоть какого-нибудь успокоения, на Кавказе, несмотря на то, что проливавшуюся до сих пор кровь всегда замалчивали оппозиционные газеты, несмотря на то, что после речи деп. Пуришкевича она замалчивается официозами и даже официальными газетами, — там совершаются факты среди белого дня, в центре столицы, которым только подстать совершаться в пустынях Азии, да в дебрях Африки, которые никоим образом нельзя оправдать ни всегдашней повышенной преступностью на Кавказе, ни, как объясняет бар. Нольде, некультурностью кавказских горцев. Отвечая на заявление подписавших запрос, что русское население особенно там страдает, бар. Нольде это отрицал. Он говорит, что русское население пострадало значительно меньше, но прибавляет весьма интересную фразу: «Изъятием следует считать частые убийства русских рабочих на закавказских ж. д.» Все, что он говорил, совершенно верно, и это вытекает из того, что я сказал. Так как там подвергалось нападению, в первую голову, казенное имущество, и убивались, прежде всего, те, которые его защищали, то гибли солдаты, полицейские, чиновники и т. д. Но если сравнить число этих убитых с жертвами взаимной татарско-армянской резни, как это делает бар. Нольде, то, действительно, число убитых русских меньше числа перерезавших друг друга армян и татар. Но, как известно, и как было засвидетельствовано моим предшественником, поддержку, если не материальную, то нравственную, во всяком случае, решила оказать этим жертвам долга русская патриотическая организация, которая рекрутировала свои ряды почти исключительно из простых людей, железнодорожных рабочих. Тогда негодованию господ кавказцев не было пределов. На глазах теперешнего начальства они, по подсчету бар. Нольде, убивают 134 человека, по другим подсчетам, — гораздо больше, но остановимся на цифре 134. И вот эти 134, это — не солдаты, не чиновники, не ставленники ненавистного правительства, это — простые русские мужики, которые зарабатывали хлеб, которых вина состояла только в том, что они насчет революции имели вполне определенное мнение и, по русскому обычаю, выражали его в не совсем вежливой форме. Теперь, да будет мне позволено сделать сравнение между нашим государством и другими государствами, где также существуют обостренные отношения между

* *In согропе* (*лат.*) — в полном составе.

отдельными национальностями. Возьмем Пруссию, где существуют известные отношения между немцами и поляками, или Индию, где индузы ненавидят англичан. Представьте себе, что, напр., в Познани поляки убивают одного за другим членов какой-нибудь немецкой патриотической организации, которых там множество, и деятельность которых гораздо активнее, чем деятельность русских организаций. Смею вас уверить, что в Германии это вызвало бы такой страшный взрыв народного негодования всех классов, всех партий, начиная с с.-д. (*рукоплескания справа*), которые, к слову сказать, совсем не походят на наших с.-д., — такой страшный взрыв негодования, что власть и недели не осталась бы, а сдала бы позиции, не ожидая никаких указов. Мыслимо ли, чтобы вице-король Индии в английском парламенте зарегистрировал сотни в течение ряда лет убитых англичан, потому только, что их личные мнения коренным образом расходятся с мнением индусских сепаратистов или с с.-д.? Мыслимо ли, чтобы японцев убивали в Корее, как куропаток? Там это так же немыслимо, как и то, чтобы солнце всходило на западе. А у нас это мыслимо. Перед нами это регистрируют, и г. бар. Нольде указывает на исключение. Он регистрирует факты, подводя под рубрику «исключение», и этим удовлетворяется! Позвольте задать вам вопрос: отчего же все это? Отчего такая страшная разница между нами и всеми сильными народами Востока и Запада? Оттого, г.г., что, по моему глубокому убеждению, общество наше и верхи его, в особенности, потеряли чувство народной гордости, сознание своего национального достоинства. (*Рукоплескания справа.*) Наша политическая жизнь, скоро уже два века, складывается так, что между высшим обществом и народом явилась глубокая, непроходимая пропасть, и эта часть, не получающая соков из народа, все более теряет свой национальный дух. И благо, пусть бы все это являлось лишь отличительным признаком, но ужас в том, что отличительный признак этого класса, поставляющего представителей власти, перенес свои действия на места. И получается, что там, где происходят коллизии между русскими и нерусскими национальными интересами, там всегда русские оказываются побежденными, не находя себе защиты. Деп. Пуришкевич старался объяснить ужасы, которые происходят на Кавказе, действиями отдельных лиц. Я не позволю себе коснуться ни одной личности, не позволю себе назвать ни одного имени, но я остановлюсь на двух фактах, — не в освещении деп. Пуришкевича, а в том виде, в каком они были представлены в «Правит. вестнике» и в тех оттисках, которые нам любезно разослали, чтобы показать, как кавказская власть относится к государственным интересам. Он, в числе различных злоупотреблений, указал на два дела: одно — князей Дадешкелиани, а другое — питоевское. Первое дело сводится к тому, что кавказская власть обменяла имущество князей Дадешкелиани, оцениваемое деп. Пуришкевичем приблизительно в 400 000 р., на казенное имущество, стоящее, по его же оценке, 48 000 000 р. Вот, как объясняет это дело кавказская власть в № 276 «Правит. вестн.». Она говорит, что есть три селения — названия здесь приведены, которые страдают острым малоземельем и которые прилегают к землям князей Дадешкелиани. Наместник, желая вывести жителей из этого состояния, вызвал представителя рода Дадешкелиани и предложил ему сделать обмен. После переговоров тот согласился. Я вас спрашиваю: ведь, кроме этих трех селений, там, наверное, есть сотни, а может быть и тысячи страдающих таким же малоземельем, — сошлюсь на предшественников, — есть и в центральной России тысячи и десятки тысяч страдающих таким же малоземельем селений, и при них такие же имения. Следовательно, по правилам примитивной справедливости, этот закон нужно было распространить всюду, не только на Кавказе. Но в центральной России этого до сих пор не делали, и совершенно естественно. Одно дело купить что-нибудь, в том числе и землю, когда землевладелец предлагает ее, или когда идут к нему и просят купить ее, — цена в последнем случае будет, конечно, громадная. Поэтому такой способ никогда не найдет

применения. Но кавказская власть решила разрешить аграрный вопрос на Кавказе по рецепту оппозиционных партий, я только не вижу, — трудовиков, или кадетов, — т. е. решило выкупить имущество помещиков казенными средствами и раздать его крестьянам. Я только не вижу, — даром ли, как рекомендуют трудовики, или за справедливое вознаграждение, как рекомендуют г.г. кадеты. Если спросить об этом у кавказской власти, то она, наверно, отреклась бы и от кадетской программы, и от трудовой, а если так, то остается один вывод, что дело это в высшей степени подозрительное, скажу прямо — грязное, и в высшей степени убыточное для казны. Совершенно в таком же положении находится и Питоевское дело. Что касается существа его, то интересующихся им я отсылаю к статьям «Нового времени», одна из которых была даже сегодня. Но я не буду говорить по существу, а только по тому, что мы читаем в «Правит. вестнике». Питоев, по представлению деп. Пуришкевича, содержит казенный рыбный промысел по цене весьма низкой, и, по его уверению, если не ошибаюсь, казна терпит убытка до 700 000 р. Питоев предлагает эти условия продлить еще на три года. Кавказская власть соглашается, потому что, — говорит она, — все равно Питоев будет владеть этими землями. Хотя другие конкуренты получат известные участки, но они уступят их Питоеву за большое вознаграждение. Отсюда ясно, что там нет аукциона, нет продажи с торгов, а есть какая-то закулисная сделка за спиной казны. Г. Питоев, вместо того, чтобы торговаться со своими конкурентами, делать известные надбавки, предпочитает с ними не торговаться, предпочитает отдать им промысел и затем вознаградить их, конечно, в ущерб казне. Но власть кавказская находит подобного рода сделки вполне естественными и представляет об этом главноуправляющему землеустройством и земледелием. Питоев — человек умный: он видит, что можно обойти казну за ее спину, так почему не обойти и конкурентов за их спину? Он идет к кавказской власти и предлагает такую сделку, — и власть находит это естественным. Но находятся там люди тоже неглупые, которые находят возможным обойти и Питоева. Некто Сафаров идет к кавказской власти и предлагает ей нечто еще более выгодное, и это опять представляется на усмотрение главноуправляющего землеустройством и земледелием. Из этих двух фактов, г.г., мы видим полное, чтобы не выразиться сильнее, пренебрежение к своим обязанностям по отношению охраны казенного имущества.

Когда барон Нольде отвечал на запрос, то он своей речи предпослал довольно длинное введение о сепаратистах. Так как о сепаратизме ни в одном из трех пунктов, вопреки уверениям г. Чхеидзе, не говорится, то, следовательно, это длинное введение с его стороны было не чем иным, как ответом на те, если не ясные, то упорные в обществе слухи о сепаратистическом движении на Кавказе, которое происходит в течение вот уже более двух лет; и вот кавказская власть отвечала на эти слухи уверением, что все обстоит благополучно. Г.г.! Когда я слышал эти уверения, то мне невольно вспомнился другой наместник³² на другом конце России, не менее важном, чем Кавказ, который в ответ на упорные, хотя неясные слухи о том, что в том крае имеет разразиться военная буря, доносил в Петербург, что все обстоит благополучно, что все там тихо и спокойно, — и за эти уверения мы поплатились миллиардами денег, сотнями тысяч жизней наших братьев и национальным позором. Когда я слушал успокоение бар. Нольде, то я молил Бога, чтобы нам и за эти уверения не пришлось поплатиться той же монетой.

Этот запрос, г.г., имеет для нас огромное значение для того, чтобы еще раз подчеркнуть одну мысль, которую мы имели возможность подчеркнуть при другом запросе: именно Государственная Дума имела возможность высказать ту мысль, что она рассматривает разветвление государственной власти, когда отдельные власти могут действовать друг против друга — как величайшее государственное зло. Такое разветвление высшей государственной власти мы видим на Кавказе, и кажется, мы имеем теперь полную возможность

подчеркнуть, что чем раньше произойдет слияние этой ветви власти с общей государственной властью, тем лучше, и если мы достигнем этого, совершим великой важности государственное дело. (*Рукоплескания справа.*)

Тимошкин. Г.г. члены Г.Д.! Запрос этот предъявлен не кавказским русским населением, не депутатом Пуришкевичем, предъявлен мною, как кавказским русским депутатом. Я это заявляю потому, что мои товарищи на Кавказе, русские люди, отчасти уже терпят гонения за предъявление этого запроса. Им говорят, что это плод их работы, и что за это они должны понести еще большее наказание. Да будет это моим товарищам не в гонение, я принимаю все на себя, — этот запрос я предъявил, а предъявить его меня заставила та необходимость, та ужаснейшая необходимость, в которой живет русский народ на Кавказе.

Г.г. члены Г.Д.! Представитель наместника его величества на Кавказе бар. Нольде, отвечая на наш запрос, между прочим, упомянул, что те террористические акты, те убийства, которые были на Кавказе, это, если хотите, есть только долг возмездия этим людям, и что эти люди были или карманщики, или воры, или пропойцы, или служащие в тайной полиции, а следовательно, по словам бар. Нольде, их участь должна быть именно такова — они должны быть убиты. Хотя он этого не говорил (*смех слева*), но в его речи, несомненно, такое мнение проскальзывало. В нашем запросе значатся убитыми 20 человек; но исчerpываются ли этим те жертвы, которые русский народ несет на Кавказе? Я позволю себе прочитать вам тот ужасный список, который приведет вас в содрогание о потере русской крови на Кавказе, о потере в мирное и спокойное время, а не во время 1877—1878 гг., когда русский народ завоевывал этот Кавказ, давая кавказцам свободу. И теперь, в мирное время, он продолжает проливать там свою кровь. Вам здесь докладывали, что убивались лишь рабочие, убивались агенты охранного отделения, убивались полицейские и карманщики; но я вам представлю список, из которого будет ясно видно, что погибали не карманщики, но люди более солидные (*смех слева*).

Г.г. члены Г.Д. Разбирая кавказский запрос, мне кажется, для русских людей дело должно быть не до смеха, а прямо до горячих слез. (*Голос справа: «Разве это русские?»*) Я позволю себе прочесть вам тот список русских людей, которые пролили там свою кровь (*читает*): Я. М. Кравченко — рабочий закавказских ж. д.; В. В. Блок — то же самое, К. Г. Зенченко, — тоже, Н. Е. Сеченов — тоже; А. М. Раб — тоже; Е. И. Леханов — тоже рабочий закавказских ж. д.; А. В. Сморжевский — агент охранного отделения — его, следовательно, по словам бар. Нольде, надо было убить, и его убили; И. Г. Пашишвили, туземец, — агент охранного отделения, его убили, так как он агент охранного отделения, и лучшей участи на Кавказе для него не должно было быть; И. И. Мирошников — запасный унтер-офицер; человек только что уволился со службы, и вот за то, что начальство посыпало его охранять тех же туземцев, его тотчас же, как он вышел со службы, убили. И. С. Шуляков — запасный унтер-офицер; он только что окончил службу, и его прикончили, не дали ему прийти домой к своему семейству; Л. А. Зборовский — околоточный надзиратель — его нужно было убить, так как он служащий полиции и, по словам бар. Нольде, другой участи не заслуживает; И. Шебуневич — рядовой сводной роты — его убили за то, что он ходил охранять г.г. кавказцев; Тупатило — рабочий закавказских ж. д.; К. К. Давыдов — тоже; К. К. Дешевой — тоже; М. Б. Сергеев — тоже рабочий закавказской ж. д.; М. М. Парашай — рядовой 2-го кавказского стрелкового батальона, — убит за то, что ходил, изволите ли видеть, с патрулем по улицам и охранял безопасность г.г. кавказцев. Е. В. Невзоров — околот. надзиратель, — следовательно, его участь быть убитым; П. Д. Порицкий — рабочий закавказских ж. д.; Р. С. Горбачев — ватман электрического трамвая; С. Я. Волков — рабочий закавказских ж. д.; А. А. Богуславский — подполковник — уж это никак не карманщик, не вор и не пьяница, а все-таки, его убили; Д. Д. Бобров —

вахмистр Тифлисского губернского жандармского управления; А. М. Безруков — крестьянин Симбирской губ., рабочий закавказ. ж. д.; К. И. Служенко — крестьянин Донской области, раб. закавк. ж. д.; А. Г. Овсянников, сын надворного советника, — наверное, не карманщик и не пьяница, а все-таки, его убили; П. И. Подгорный — пристав 2-го участка; ну, это чин полиции, и его нужно было убить; И. И. Попов — городовой 1-го участка, — говорить о нем не стоит: городовой убит, и слава Богу! В. И. Еуденков — тифлисский гражданин; М. В. Бычков — рабочий закавк. ж. д.; В. П. Чепыга — надзиратель охранного отделения, — значит, он был пьяница, грубиян, — точная аттестация об них бар. Нольде давно известна; П. Р. Высоцкин — тифлисский гражданин; П. М. Гобилаев, крестьянин Кутаисской губ. — рабочий закавказской жел. дор., нужно заметить, что этот Гобилаев не был, должно быть, ни с.-д., ни с.-р., а потому он был убит; М. П. Бобров — тифлисский гражданин; Г. Н. Гончаров — городовой 1-го участка; К. Я. Сажинов — городовой 1-го участка; И. В. Еленин — крестьянин Тифлисской губ.; П. С. Сельченко — казак Терской области; высокопреосвященный Никон — экзарх Грузии. Г.Г., память покойного владыки должна лежать вечным укором для г.г. кавказцев; он работал именно для их благополучия, он хотел сделать им добро, и они, все-таки, его убили. Что же, ведь его нельзя заподозрить, что он был пьяница и такой нехороший, а все-таки, человека убили. В. К. Самонин — крестьянин Пензенской губ., Г. В. Лесовский — отставной генерал-майор; Л. В. Корсуков — сын тифлисского гражданина, М. П. Сушкин — казак Терской области; Прокофьев — инспектор тифлисского городского училища, П. И. Стороженко — крестьянин Донской области; А. Я. Шакалов — ученик тифлисского реального училища. А. В. Соломатин — крестьянин Калужской губ. и служащий закавказских ж. д.; И. М. Кадин — крестьянин Тифлисской губ.; К. Ф. Снитко — пристав 9 участка, — значит, если пристав, то его нужно было убить; Ф. Ф. Грязнов — начальник кавказского окружного штаба — в высшей степени честный русский человек, в высшей степени гуманный, как для русских, так и для кавказских, однако, его убили; я об этом убийстве буду говорить немного потом, но, все-таки, так как по списку он идет очередным, я должен был его назвать; И. Е. Греков, ст. сов. — смотритель кутаисского духовного училища; А. И. Иванов, тит. сов., 67-летний старик: можно ли, г.г., заподозрить его в каких-нибудь неблаговидных поступках, ведь он не сегодня-завтра сам бы умер, а его, однако, отправили на тот свет. Я. М. Гайдуков — околот. надзиратель; Л. А. Вартенбург — начальник службы тяги закавказских ж. д.; М. В. Даль — инженер путей сообщения. Д. Сохин — дворник, 42 лет; С. Е. Куценко — рядовой 2-го стрелкового батальона; С. И. Пасенко — городовой 2-го участка; Н. А. Швейер — мещанин; М. М. Голубов — околот. надзиратель; Д. В. Дмитриев — бухгалтер службы тяги закавказских ж. д.; В. И. Покотилов — начальник грузового отделения закавказских ж. д.; Д. А. Коротков — запасный рядовой; Я. П. Крыжановский — дворянин; М. П. Дмитриева — жена подполковника; А. Р. Гарвич — крестьянин; В. М. Темляков — околот. надзиратель, кн. Г. С. Цицианов — начальник мастерских закавк. ж. д.; З. И. Христофоров — инженер; Ставраков — околот. надзиратель; Кисель — околот. надзиратель; Бондаренко — жандармский унтер-офицер; Подшивалов — жандармский унтер-офицер; Изефович — мещанин; Симонов — маляр на закавказских жел. дорогах; Сидоренко — столяр главных мастерских закавказских ж. д.; Михайлук — столяр главных мастерских зак. ж. д.; Амосях — рабочий зак. ж. д.; Сидоренко — жандармский унтер-офицер; Парчевский — жандармский унтер-офицер; Карелин — заведующий кондукторской бригадой; Стано — начальник жандармского отделения; Бенд — начальник службы движения; Лебедев — дорожный мастер; Попов — крестьянин; Вольский — титулярный советник, под 70 лет — бедного старика, все-таки, убили; Добронравов — инспектор Тифлисской семинарии; Бутин — чиновник службы сборов; Каширин — мещанин; Клечкин — пристав

9 участка; Кузнецов — околоточный надзиратель; Новопашенный — инженер. Вот, г.г., список тех убитых русских людей, но он далеко не исчерпан. Да неужели же можно было бар. Нольде, такому образованному, высокопоставленному администратору, заместителю наместника его величества, сказать, что эти русские люди, убитые на Кавказе, оказались агентами охранного отделения, или карманщиками, или пропойцами, или шарлатанами? (Голос слева: «Кем были убиты»?) Г.г. чл. Г. Д.! Я обращаюсь к вашему благородству. Можно ли помириться с такими заявлениями г. представителя наместника на Кавказе, какие мы здесь слышали? Представитель наместника его императорского величества на Кавказе заявил, что действительно на Кавказе была революция, как и внутри России, что всюду были экспроприации, происходили убийства, но и в России их было немало. На Кавказе же их было много вследствие дикости кавказцев, повышенного их темперамента. Указывают, что если в России была революция, то на Кавказе она должна была бурнее выразиться. Я, г.г., должен сказать, что по отношению к Кавказу с таким мнением согласиться нельзя. На Кавказе революции, собственно говоря, не было, а если что и было, то стремление под сурдинку русской революции создать самостоятельность кавказской окраины. Это верно. Но почему-то кавказское движение смешивают с русской революцией. Представитель наместника его императорского величества на Кавказе говорит, что на Кавказе с революцией боролись теми же средствами, как и в России. Г.г.! Позвольте мне сказать несколько слов о том, насколько справедливо это заявление. Если в центре России с революцией боролись, может быть, жестокими мерами, если, может быть, очень многих расстреляли, повесили, то не такая борьба велась на Кавказе. В России боролись с революцией, не выдавая революционерам казенного оружия, а у нас на Кавказе, по приказу наместника, были выданы г.г. революционерам казенные берданки с известным числом боевых патронов. Г.г.! Можно ли эту борьбу сравнить с борьбой в центре России? Нет, г.г., мне кажется, этого делать нельзя. Но выдача оружия сама по себе еще ничего не представляла. Ну, взяли «товарищи» оружие, надели, наконец, на винтовки красные флаги, выстроились в роты и маршировали по всему Тифлису, и даже проходили мимо дворца наместника. Я был очевидцем этого. Взяли казенное оружие, намотали красную тряпку и пошли мимо дворца наместника по главному проспекту. Из этого вышло только то, что, получив казенное оружие, кавказцы всадили в одного из рядовых тифлисского полка, вестового, я даже его фамилию помню — Блоха, штык и нанесли им 39 ран. Если, г.г., Гегечкори говорил, что казаки насиливали кого-то, в чем я, конечно, сомневаюсь, — все эти сведения ложны, — то этот факт во всяком добром человеке должен вызвать негодование против тех господ, которые насмехались над этим рядовым Блохой и нанесли ему 39 штыковых ран. Но если бы только это и было! Г.г. кавказцы, получившие казенное оружие, стали хоронить. В моих руках имеются два протокола. Я позволю себе огласить подробно один из них; жандарма я не буду называть по фамилии, иначе человек может пострадать. (Читает): «В 1905 г. в ноябре 28 дня я,unter-офицер тифлисского отделения жандармского полицейского управления при закавказских жел. дорогах, находившись на станции Тифлис тех же жел. дорог на основании 261—9 ст. ст. уст. уголов. судопроизводства, составил протокол о нижеследующем: 28 сего ноября, около 3 час. дня пополудни старший рабочий 13-го склада, крестьянин Кутаисской губ. Озургетского уезда, селения Даурского, Евтихий Генерадзе заявил мне, что в 13 склад явилось 15 человек милиционеров с.-д. партии, вооруженных казенными берданками, и потребовали выдачи оружия, имеющегося на складе. Один из них вынул револьвер и приставил к весовщику Ломакину, угрожая и требуя указаний, где находится оружие». Нужно вам сказать, что в то время на станцию Тифлис как раз пришло несколько ящиков с оружием для оружейных магазинов. «Когда Ломакин указал на ящики с оружием, они взяли их и понесли в Нахаловку». Нужно

вам заметить, что в Тифлисе имеется местечко под названием «Нахаловка», где г.г. народные доброжелатели сосредоточились. Там их центральный комитет, Чхеидзе это хорошо знает. (*Смех*). (*Продолжает читать.*) «Я тотчас же, совместно с унтер-офицером, пошел в упомянутый склад по указанию заявителя, затем пошел по направлению, куда понесли оружие, в Нахаловку, но нигде на улицах не было видно, чтобы несли ящики. Спрошенный мною весовщик станции Тифлис, мешанин гор. Темрюка показал, что 28 ноября, около 12 час. дня, им было выгружено 3 ящика оружия для отправки на станцию Казань—Тифлис, номер такой-то, весом 12 пуд. 17 фун. Того же числа в склад № 13 явилось 13 человек, вооруженных берданками казенного образца. Один из них вынул револьвер и приставил ему к груди: остальные взяли берданки на изготовку и с угрозой убийства потребовали указаний, где находится оружие. Он, весовщик, указал на 3 ящика оружия. Тогда они взяли ящики и понесли их мимо главных мастерских и чайной общества трезвости в Нахаловку». Рабочий того же склада, крестьянин Кутаисской губ., Озургетского уезда, такой-то, крестьянин Кутаисской губ., Рачинского у., такой-то показали на весовщика Ломакина, подтвердили, что действительно были милиционеры и взяли ящик. Вот, г.г., вы видите, что «товарищи» пришли с казенным оружием для того, чтобы взять еще оружие. Другой протокол говорит о том, что пришла другая партия и опять-таки взяла оружие. Содержание второго протокола я не буду приводить, ибо оно тождественно с содержанием первого протокола. И вот, при получении казенного оружия немало было убито полиции, немало было убито русских людей. Конечно, я не стану обвинять наместника в выдаче этого оружия. Полагаю, что вы, г.г. чл. Г. Д., составите себе понятие, насколько были одинаковы средства борьбы с революцией в России и на Кавказе. Я полагаю, что здесь никакого сравнения быть не может. Когда было выдано оружие, войска кавказского военного округа пришли в глубокое негодование. Они говорили: помилуйте, мы, слуги царские, боремся с революцией, а нашим противникам наша высшая власть дает наше же казенное оружие. Ходили слухи, — за достоверность их я не ручаюсь, — но они почти достоверны, что если бы не был предъявлен протест со стороны войска, со стороны полиции и русского общества, то не 500 ружей было бы выдано, а 5 000. Об этом были упорные разговоры в Тифлисе. Когда запротестовало русское общество, то этого не случилось. Действительно, в Тифлисе имеется помещение, про которое они с ненавистью говорят. Это — помещение русского патриотического общества, где русские люди собираются для того, чтобы отдохнуть душой, куда они приходят, как в церковь, Богу помолиться и поплакать по погибшим братьям. (*Указывая налево.*) Они называют их черной сотней, грабителями и бандитами. Я, однако, не слышал ни одного факта, который бы свидетельствовал о дурных поступках этой черной сотни, этого патриотического общества. И вот, когда в собрание этого общества пришли русские люди... Да, что же нужно было сделать? Нужно было просить объяснений от наместника его величества на Кавказе; нужно было сказать: на каком основании г.г. революционеры на Кавказе вооружены. Наместник на Кавказе в это время сделался больным. Он сам никакого ответа не мог дать не только нам, но и всем офицерам. Присыпает он губернатора. Приезжает губернатор; собралось несколько тысяч людей. Губернатор заявляет следующее: «Г. г., — он говорит, — чего вы волнуетесь? Ведь наместник на Кавказе оружие это выдал под честное слово Рамишвили — депутату первой Государственной Думы, главарю социал-демократов, — это оружие было выдано; если хотите, — сказал губернатор, — то сию минуту он принесет данное ему оружие». Тогда мы сказали: «Пусть сейчас принесет». Но оказалось, что оружие это пошло, я и не знаю куда. Где-то нашли 150 винтовок, а остальные и до сих пор находятся в руках социал-демократов, и ими они отличнейшим образом оперируют на Кавказе. Губернатор также сказал: «Г. г., зачем вы здесь собираетесь? Вы бы присоедини-

лись к с.-д. и пошли бы вместе на работу». Это, г.г., я не один говорю; кого хотите, спросите, и все это скажут. И приехал полицеймейстер и то же самое говорит: «Что вы, г.г., тут собираетесь? Пойдите к г.г. социал-демократам и работайте вместе: они народ хороший, они, говорят, очень добрые». (Смех.) Вот, какова рекомендация этих лиц со стороны двух администраторов на Кавказе. Но кроме этого протеста был еще протест со стороны офицеров. Офицеры собрались при главном штабе кавказского военного округа и потребовали категорического ответа от наместника. Они сказали, что не могут ручаться за войска: войска ужасно возмущены из-за того, что ночью одного из солдат исконоли штыком; они указали, что, может быть, такая участь ожидает завтра других. Но наместник в то время был болен и не мог дать ответа офицерам, а сказал только, что больше оружия не будут выдавать Рамишвили, а то, что выдано, завтра же отберут. И вот на другой день снарядили экспедицию, вызвали войска, и кое-как днем с огнем отобрали 150 ружей, остальные поплыли по всему Кавказу. (Голос слева: «У Рамишвили остались!» Голос справа: «У Чхеидзе!») Я, г.г., оговариваюсь: наместник его императорского величества на Кавказе, может быть, в этом случае не был виновен, но виноваты те, г.г., которые ему советовали это сделать, а это, несомненно, сделали г.г. Петерсон и сенатор Султан-Крым-Гирей: он был помощником по гражданской части на Кавказе. Наместник их совета послушался. Это, может быть, было так. (Возгласы слева: «А может быть, не так?») Г.г.! Теперь относительно переселения. Деп. Чхеидзе говорил, что на Кавказе свободных земель нет, что местное население не удовлетворено в отношении пользования землей, что русское правительство совершенно не обращает внимания на местные нужды. Но позвольте мне, г.г., сказать вам о том, кто этим делом занимался прежде, и кто занимается им в настоящее время, почему у местного населения нет земли, а есть земля у турецких и персидских выходцев. Вот у меня в руках официальная записка, на которую они любят ссылаться. В этой записке говорится, что еще в 1828–30 годах 40 000 армян переселились в Закавказье и получили землю. Это были персидские армяне. Кроме того, получили землю 84 000 турецких армян. Эти люди теперь благодушествуют. (Голоса слева: «Это было до 56 г. Потом землю отняли.»)

В 1880 г., будучи наместником его императорского величества на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич сделал представление в центральное управление в Петербург о том, чтобы ему отпустили 400 000 р. для устройства в Карской области 1 000 семейств русских людей. И, что бы вы думали? Великий князь, имея в виду будущность Кавказа, предчувствуя, может быть, настоящий момент, думал провести именно русскую государственную деятельность. А ему в то время в центральном управлении отказали: министр внутренних дел, — в то время им был армянин Лорис-Меликов, — отказал в отпуске этих денег и сказал, что невозможно переселять в Карскую область 1 000 русских семейств. Значит, мечта так и осталась мечтой. Его поддержал в то время министр финансов Бунге. Кроме того, когда отказывают русским переселенцам, туда переселяются армянские. Так, генерал-губернатор грек Франкини в то же время переселяет туда 40 000 малоазийских армян и дает им землю и расселяет. Потом в 1903, 4, 5 гг. переселялись в черноморские губернии несколько десятков тысяч армян, греков, кого хотите, только русских не пускали. Вот, кто виноват в вашем малоземелье. Виноваты ваши сородичи, виноват ваш армянин Лорис-Меликов, виноват ваш же Франкини, виноваты ваши же туземные начальники, а не русские.

Председательствующий. Чл. Г. Д. Тимошкин имеет еще много сказать. Поэтому предлагается дать ему возможность в следующем заседании продолжать речь. (Голоса: «Перерыв!» «Нет!» «Закрыть!» В зале шум.) Предлагаю Государственной Думе закрыть заседание. Если угодно продолжать с перерывом, я поставлю на голосование. (Голоса: «Закрыть!»)

Значит, сегодня по этому вопросу суждения прекращены до следующего заседания, и первым оратором будет чл. Г. Д. Тимошкин; после него — чл. Г. Д. Хасмамедов, Гайдаров, Сагателян, Марков 2-й и потом следующие. Засим имею честь объявить, что завтра на повестку поставлено продолжение прений по законопроекту о вознаграждении лиц, потерпевших от террористических актов. По этому поводу Государственная Дума постановила, согласно ст. 120 наказа, в заседании 10 декабря, чтобы с каждой стороны было избрано по три оратора, три за и три против, всего 6. Эти выборы со стороны лиц, записавшихся говорить по этому вопросу, еще не произведены, и я бы просил, чтобы к завтрашнему заседанию эти выборы были произведены. Засим объявляю повестку следующего заседания:

1). Избрание двух комиссий для рассмотрения разногласий, возникших между Г. С. в Государственной Думе, во-первых, из 6 лиц по законопроекту об отпуске из казны 1 250 000 р. на усиление содержания низших служителей почтово-телеграфного ведомства, и 2) из 9 лиц по законопроекту о продлении временных штатов Министерства путей сообщения.

2). Доклад финансовой комиссии по законопроекту о суммах государственного налога с недвижимых имуществ в городах, поселках и mestechkax на 1909 г.

3). Продолжение обсуждения доклада комиссии о неприкосновенности личности: а) по внесенному законодательному предположению об ассигновании из средств государственного казначейства 1 000 000 р. пострадавшим от разбойных действий революционных партий и б) об ассигновании особого кредита в распоряжение Министерства внутренних дел для выдачи пособий обществам, имеющим своей задачею оказание помощи пострадавшим от преступных действий, совершенных с политическими целями.

4). Продолжение обсуждения доклада комиссии по наказу. Заседание завтра, в четверг, в 11 ч. утра.

Сегодняшнее заседание Государственной Думы объявляю закрытым.

Заседание закрыто в 12 ч. 8 м.

III.

Заседание 28 января 1909 г.

Заседание открывается в 8 ч. 47 м. вечера. Председательствует бар. А. Ф. Мейendorf.

(В ложе министров — заместитель наместника его императорского величества на Кавказе бар. Нольде.)

Тимошкин. Г.г. чл. Г. Д.! В прошлом заседании я закончил свою речь указаниями на те стеснения, которыечинились над русскими переселенцами, и на те преграды, которые ставились туземными властями, состоящими в центральном правительстве, как гр. Лорис-Меликовым, армянином, так и бывшим министром финансов Бунге и карским генерал-губернатором Франкини. Но в то же время эти господа широко открыли двери Закавказья для турецких и персидских беженцев-армян. По этой причине в настоящее время армянское население Закавказья в 10 раз усилилось, когда этого быть не должно. Но это было тогда. Посмотрим, как в настоящее время смотрит на этот вопрос местное население, как армяне, так и грузины. У меня есть в руках выпуск книжки, изданной в количестве 10 000 экземпляров на Кавказе и розданной на руки всему армянскому населению. Эту книжку издал армянский деятель, дашнакцутюнец Тигранян, и она служит символом веры для Сагателяна, как представителя дашнакцутюнской партии и армянского народа в Государственной Думе. Вот, что в этой книжке на стр. 87 можно было читать: «Дашнакцутюнская инструкция делегату Думы. Делегат должен действовать солидарно со всеми партиями, которые проповедуют мировоззрение социал-революционеров, и образовать с ними блок, в то же время помогая всем искренним и неуклонным сторонникам свободы

и народовластия. Убедившись, что возрождение России невозможно без ведения борьбы вне парламента, партия возлагает на делегатов держать свои слова и призывы в соответствии с теми практическими революционными шагами, которые будут предприняты общественными революционными элементами, несущими на своих плечах современное революционное движение, как-то: революционная интеллигенция, сознательные слои трудового класса и революционного лагеря. С этой целью делегат обязан стремиться к созыву Учредительного собрания и исследовать с революционной точки зрения все те вопросы, которые составляют основу настоящего освободительного движения: а) осуществить в России полное народовластие, Учредительное собрание должно быть собрано на основании всеобщей, равной, прямой, тайной и пропорциональной подачи голосов, б) решить вопрос о равенстве наций в России, в) всю землю отдать земледельческому народу, г) осуществить все наименьшие требования рабочего класса — 8-ми час. рабочий день и проч., не оставить без расследования ни одной стороны рабочего законодательства. По вопросу политической реорганизации законодательства в России «Дашнакцутюн» руководствуется принципом демократизации и свободы, требует замены централизационного образа правления децентрализацией, основываясь на федеративных началах, оставить в компетенции органов общегосударственного законодательства лишь решение общегосударственных вопросов, как-то: охраны государства, таможенные и денежные системы, почтовые сообщения и т. п. вопросы. Рассмотрение же всех прочих вопросов и выработка соответствующих им законоположений должны лежать на обязанности окружных сеймов, которые должны быть образованы в разных районах России и, в частности, в Закавказье. Только от таких сеймов возможно ожидать компетентных решений вопросов: о земле, национального, культурного и проч. Для осуществления принципа равности не только слова, а и юридически для предоставления обеспечения прав меньшинства, с целью окончания национальной борьбы и споров между кавказскими народностями, необходимо разделить училищные и другие культурные бюджеты городов, областей, государств и других самоуправляющихся органов между отдельными национальностями и общинами пропорционально их численности, д) во всех правительственныех, общественных учреждениях должны быть избираемы на службу представители всех наций; в нациях не должно быть различия и во всех других отраслях труда. Чиновники правительственныех и общественных учреждений Закавказья обязаны знать два главных туземных языка, т. е. армянский и грузинский, а по-русски могут и не знать. В вопросах о земле делегат должен проводить в центральном законодательном учреждении те общие начала, на основании которых земля должна перейти в руки земледельческих общин на праве уравнительного деления и пользования сю. Окончательное же решение запутанного вопроса о земле на Кавказе должно быть передано, по его требованию, в кавказский законодательный сейм. Пользуясь первым же случаем, делегат должен стремиться к ликвидации полуфеодальных отношений, которые душат кавказских земледельцев». А вот самый интересный пункт: «одновременно с этим он должен удержать передвижение переселенцев из России, пока местное население не получит столько земли, сколько необходимо для удовлетворения его потребностей». Вот это является программой деп. Сагателяна. Но эта программа не только на устах деп. Сагателяна, но и всех армян, которые остались на Кавказе: ведь они требуют этого. Книга эта, повторяю, была издана более чем в 10 000 экземпляров, и все они разошлись, так что армянский народ ждет не дождется момента, когда эта программа выполнится. Последние несколько десятков этой книжки кавказский местный комитет по делам печати уже конфисковал. И только этим путем можно было окончательно установить, чего хотят дашнакцутюны, сиречь все армяне. И вот, чего они хотят. После таких требований вы можете, г.г. чл. Г. Д., сопоставить все те телеграммы, которые были поданы

после речи деп. Пуришкевича по кавказскому вопросу. Вы помните, все газеты российские, как местные, так и наши петербургские, были ими переполнены; вот, мол, батумское городское управление послало наместнику и г. Петерсону сочувствие, что Пуришкевич их обозвал, не знаю как. И со всех кавказских городов действительно эти телеграммы приходили и, несомненно, они будут приходить до тех пор, пока на Кавказе власть будет спать под сладкие песни г.г. армян-дашнакцутюнов. Это — программа армянской партии. Что же по этому поводу говорят грузины, грузинская интеллигенция? Хотя я имею очень обширный материал, но всего его докладывать Думе я не хочу, и поэтому процитирую только несколько строк из газеты грузинских автономистов «Новости Закавказья»³³. Между прочим, там можно прочитать следующие вещи о назначении на пост уполномоченного главноуправляющим землеустройством и земледелием на Кавказе г. Архипова. «Мы лично, — пишет газета, — не знаем г. Архипова и не намерены касаться его личности, но в его предполагаемом назначении на этот пост видим несомненное знамение времени. Переселенческий отдел, проводивший в жизнь известную политику и стремящийся к заселению Кавказа русским элементом, по-видимому, получает преобладающее значение, и эта политика будет перенесена и в управление землеустройством и земледелием на Кавказе. Слухи о назначении Архипова знаменуют, что его политика начинает вообще торжествовать, что, конечно, очень печально для всякого истинного националиста-грузина, кому дороги интересы своего народа». Вот, что говорят г.г. грузины-автономисты. Еще человек не назначен, идет только смутный слух о его назначении, а они уже говорят: бойтесь, г.г., — назначается человек, который сочувственно, кажется, относится к русскому переселению. В кои-то веки в русском чиновничестве на Кавказе оказался честный русский чиновник, который действительно трезво смотрит на этот вопрос, и они бьют тревогу: смотрите, г.г., держите ухо востро, иначе русское переселение потечет широкой волной на Кавказ. И по этому же поводу, г.г. чл. Г. Д., я позволю себе еще процитировать одну статейку из газеты «Окраина России», корреспонденцию из Батума. Она, в своем роде, представляет из себя очень яркую характеристику того, как кавказцы вообще смотрят на русское дело и на русский элемент на Кавказе. По поводу этой статьи на Кавказе поднялся большой шум, и русское население требует, чтобы было произведено расследование по поводу этой статьи, и виновные привлечены к ответственности. Вот она: «Новый год начался у нас крайне характерным инцидентом. Еще раз показали наглядно лояльные туземцы, насколько искренни и правдивы были их высокопарные излияния, когда, точно по какому-то тайному приказанию, они наперерыв стремились выразить свои верноподданнические чувства перед наместником и Государственной Думой в ответ на разоблачение деп. Пуришкевича. 3 января в городском общественном собрании была детская елка, после которой все собравшиеся батумское общество осталось окончить праздник веселым ужином. Как везде на Кавказе, они группировались по национальностям — армяне с армянами, грузины — с грузинами. Царило шумное веселье, в особенности там, где лилось шампанское, а именно, в армянской группе, где заседал популярнейший в городе директор коммерческого банка г. Худадов в обществе дежурного старшины инженера Суходольского и других. Звучал смех, раздавались тосты, вперемешку с разговорами на политические темы, и, наконец, в искреннем порыве поднялся инженер путей сообщения Маркосянц и, обращаясь как к своей компании, а также в ту сторону, где вокруг вечно путешествующего городского головы князя Андроникова собирались члены управы Месхи, Кикодзе, Журули, два офицера-грузина резервного пехотного ардаганского полка и др. грузины, громко провозгласил: «Я пью за единение всех кавказцев, но не пришельцев русских! Кавказ — для кавказцев! Мы здесь — хозяева положения! Русским же пришельцам мы скажем: руки по швам!» Речь его была прервана громким,

единодушным криком «ура», раздавшимся из уст лояльных инородцев, причем один из них, секретарь городской управы, грузин Месхи, добавил: «А я прибавлю: не руки по швам, а руки прочь!».

Вот, что, г.г., кавказцы говорят о русских людях на Кавказе. Конечно, они очень много говорили по этому поводу, но нашелся русский человек, который заявил по этому поводу протест публично, и вот, только тогда они остановились и пришли в смятение. Они думали, что тут нет ни одного человека, который мог встать на защиту за поруганную русскую честь, но в батумском клубе нашелся русский человек, который протестовал против этого. И что вы думаете после этого? Они видят, что дело плохо, и начинают упрашивать, умолять, чтобы это дело замять, это дело не выносить наружу, что это произнесено под впечатлением выпитого лишнего стакана вина, и т. д., — но это не может быть заглушено! Мы потребуем, чтобы это дело было расследовано, и виновные в этом должны быть привлечены к ответственности. Но, господа, ведь не по этим только примерам русские люди на Кавказе терпят всевозможные унижения и т. д. Например, когда всю свободную землю раздали пришельцам из Турции, Персии, армянам, то в то же время русским нет места. Даже не то, что им не дают земли, но их считают отчасти даже бунтовщиками. Русский человек сколько бы ни жаловался, сколько бы ни обижался, но он получит один ответ: «На кой шут вас сюда принесло? Только вы беспокоите людей». Больше ответа ему никакого нет. Что это, господа, совершенно справедливо, я позволю себе сослаться на документ, который характеризует вообще отношение директора канцелярии наместника Петерсона. Например, нынешним летом, когда я был на Кавказе, ко мне обратились два георгиевские кавалера, один — старик с длинной бородой, другой — сравнительно еще не так старый, но лет под сорок. Они прямо говорят: «Мы уже везде побывали, теперь пришли к вам, депутату: пожалуйста, за нас заступитесь». «В чем дело? — я спрашиваю. — У меня никакой власти в руках нет, так что как же я могу за вас заступиться? Я силы не имею никакой». Но, тем не менее, они рассказали мне следующую историю. Это — старые ветераны кавказские, которые живут на Кавказе несколько десятков лет и все время хлопочут, чтобы им отвели казенную землю, чтобы поселиться вместе со своими одноплеменниками в русском селении Джелал-Оглы. Подают прошение в канцелярию наместника, и в канцелярии наместника это прошение разбирают, и, конечно, удовлетворения просители не получают, а кроме того, что не получают удовлетворения, их признают за бунтовщиков, господа. Канцелярия наместника делает экстренное предписание губернатору и предлагает ему принять против этих одиннадцати неустроенных русских семей самые серьезные меры, а то они хотят оказать сопротивление 250 семьям армян, живущим в смежном селении Джелал-Оглы. И что же? — Губернатор, получив такое предписание от наместника, дает предписание уездному начальнику, а уездный начальник, в свою очередь, приставу. В конце концов, оказывается, что эти насильники — 11 семей русских людей, — смешно сказать, — могут оказать насилие над 250 семьями армян. Это прямо смешно, но все-таки это так засвидетельствовано в бумагах. У меня здесь бумаги налицо, но, конечно, не буду их читать Государственной Думе³⁴.

Да, г.г., очень тяжело живется русским людям на Кавказе. (*Голос слева: «A в России?»*) Не только нам в Закавказье, но и на Северном Кавказе. Я давеча сказал, что на наши ходатайства, на наши жалобы, какие бы мы ни подавали, нам говорят: «За коим шутом вы сюда ехали? Вы знали, куда ехали, и если приехали, то терпите». И чтобы не быть голословным, не остаться одиноким в моем заявлении, я сошлюсь на документ официальный, который уже всем членам Государственной Думы известен. Если кто забыл, то я позволю себе напомнить его, прочитавши из страниц «Нового времени». Помните, господа, в прошлом году в конце осени приезжала депутация к председателю Совета министров с Северного Кавказа из русских людей с жалобой, чтобы, наконец, приняли меры,

чтобы защитили их жизнь, их имущество, иначе они могут быть сегодня или завтра кругом разорены. И вот, что они, между прочим, пишут: «Уже начиная с 1901 г. из Терской области восходили к высшему правительству отдельные ходатайства о непрекращающихся убийствах, грабежах, разбоях, жертвами которых становились русские поселенцы Хасав-Юртовского и других округов. Но, начиная с 1904 г., эти грабежи, разбои, убийства, пленения возведены в правильно организованную систему и в настоящие дни совершенно убивают культуру края и делают невозможным дальнейшее пребывание в нем мирного трудящегося населения. Обращение за защитой к местной власти, как высшей, так и низшей, не приносит населению никакой пользы. Представители низшей власти, по крайней мере, некоторые из них, относятся покровительственно к организаторам разбоя и их главарям: представители высшей власти совершенно безучастны к нашим жалобам, и, как видно из нашего прошения на имя наместника Кавказа, поданного в сентябре 1905 г., мы получаем обычно такой ответ: «Зачем вы сюда переселялись? Вы знали, куда шли. Защищайтесь сами, мы вас защищать не в состоянии».

На поданное нами 9 августа 1905 г. прошение с перечнем целого ряда удержавшихся в нашей памяти убийств, изнасилований, вооруженных нападений мы через два года, 30 апреля 1907 г., получили ответ, в котором сказано, что поданное нами прошение, в котором выражено ходатайство о защите нас от нападений разбойников, по приказанию наместника Кавказа, оставлено без последствий».

Вот, господа, что отвечают русским просителям и русским жалобщикам на Кавказе. Да, вот, господа, это служит характерным показателем, насколько местная власть защищает русские интересы на Кавказе. Но, в то же время, стóйт хотя какому-нибудь туземцу написать хотя бы ложную жалобу на русского чиновника, сейчас, сию минуту делается распоряжение отстранить чиновника от занимаемого места, предать его суду и лишить его должности. И вот, в таких обстоятельствах в настоящее время на Кавказе находится не один десяток чиновников, уездных начальников, приставов и др. чиновников, вообще, по уездам. Они устраниены только благодаря неосновательным жалобам со стороны туземцев. И что же оказывается в результате? В результате оказывается только то, что чиновники по суду всегда бывают оправданы, за ними никаких преступлений — нет, но только случилось так, что г.г. туземцы пожаловались, и они были устраниены, и больше получить места им нельзя и, значит, Петерсону до них никакого дела нет. Один ли он остался без места, или десятки, до этого ему дела нет. (*Голоса слева: «Приведите доказательства, примеры».*) Вот характеристика положения дела на Кавказе. Для того, чтобы не быть в этом случае голословным относительно того, какое отношение вообще имеет директор канцелярии наместника к русским чиновникам, я позволю себе сослаться на официальный документ, который был опубликован и за который Петерсон даже чуть не уволил чиновника, заставив его написать опровержение. Вот пример: русский чиновник обращается к нему и просит, по расстроенному здоровью, разрешить ему двухмесячный отпуск. Он ему не отвечает лично, а отвечает бумагой за №: — По приказанию директора канцелярии, вы можете уехать на 2 месяца, но только в том случае вам будет дан отпуск, если вы подадите после этого в отставку, а иначе отпуск не полагается; можете умереть, а отпуска вам не будет. — Эта история очень характерна. Вот ее конец: когда этот случай был опубликован в газетах, то Петерсон призывает этого чиновника и говорит: «Как вы смели дать сведения об этом случае в газеты?». Тот говорит: «Я не давал никаких сведений; я не знаю, откуда это попало на газетные столбы». Тогда Петерсон говорит ему: «В таком случае напишите опровержение, что с Вами этого не случалось». Вот он и написал: «Со мной это случилось, но я своими руками лично не передавал в газеты эти сведения; сведения были взяты репортёрами неизвестно через какого агента». Это дело первоначально так и замялось, но,

конечно, после того этот чиновник уже не в милости у г. Петерсона, ибо он, по выражению представителя наместника на Кавказе бар. Нольде, недостоин развязать ремешка у его ног и, конечно, он через некоторое время был уволен. (*Рукоплескания справа.*)

Я, господа, дольше не буду распространяться насчет Петерсона, ибо уже достаточно охарактеризована его деятельность. Я теперь должен несколько возвратиться к объяснению, данному здесь в первый раз представителем гр. Воронцова-Дашкова бар. Нольде, который, когда давал нам здесь объяснение, между прочим, говорил: «А мирное население от революционного движения пострадало менее, чем туземное население». Извольте видеть, господа, по мнению г. Петерсона, — несомненно, та тетрадка, из которой здесь читали, была тетрадкой Петерсона, (*смех слева*), — по мнению г. Петерсона и бар. Нольде, все убитые и раненые, искалеченные русские люди являются не мирными русскими людьми, и потому они пострадали. Иначе нельзя понять. Как же иначе и понять, что мирное население пострадало меньше, чем туземное? Между прочим, он сам пишет в объяснительной записке, что русских пострадало 53 %, а кавказцев — 47 %. Между тем, русских на Кавказе 378 000, а туземного населения миллионы считаются. Как же так русское население меньше пострадало? Процент даже является больше: тут — 53, а там — 47; несомненно, русские больше пострадали.

Гегечкори (с места). Хорошая речь, очень хорошая.

Тимошкин. Дальше представитель наместника бар. Нольде из той же тетрадки, между прочим, читает, что интересы русских людей на Кавказе обеспечены, и что они не страдают. Но, господа члены Государственной Думы, я утверждаю, что русские интересы на Кавказе не обеспечены, и они страдают, и очень жестоко страдают. Я должен в подтверждение моих мыслей, в подтверждение моего удостоверения, что русские интересы на Кавказе страдают, опять прочитать официальный документ, который подан населением Сухумского округа кутаисскому генерал-губернатору. Вот, что они, между прочим, пишут: «Мы, нижеподписавшиеся, позволяем себе обратиться к вашему превосходительству с настоящим заявлением, чтобы совершенно определенно поставить Вас в известность, что жизнь наша в Сухуме с каждым месяцем делается все тягостнее и невыносимее. Дляящихся в течение ряда лет вооруженные грабежи и разбои, покушения, поранения, словесные и письменные угрозы, убийства, полная безнаказанность грабителей — делают совершенно невозможным мало-мальски спокойное существование в Сухуме. Полиция за все это время доказала полное бессилие свое, грабители являются постоянно хорошо вооруженными и остаются всегда совершенно безнаказанными; дерзость их все возрастает; в письмах своих, угрожая смертью, они открыто заявляют, что и впредь они останутся непойманными и никем не пострадают. Жизнь при таких условиях совершенно невыносима, совершенно немыслима. Необходимы какие-либо особые чрезвычайные меры, чтобы дать нам возможность хоть несколько вздохнуть свободно. Не нам, конечно, указывать, какие это должны быть меры, но мы вынуждены беспокоить Ваше превосходительство»... и т. д. Тут имеется 50 с лишком подписей, конечно, не черносотенцев, как депутат Тимошкин, или, может быть, тех патриотов, о которых говорят здесь. Тут люди привилегированные, например, я сошлюсь на Димитрия, епископа сухумского, тайн. сов. Рукавишникова, директора сухумского реального училища д. с. с. Сопилко, ст. сов. Эйлера и т. д. — все люди привилегированного сословия. Между прочим, к письму прикладывают записку о случаях, которые происходили в Сухумском округе. Вот, что они пишут: «Перечень террористических актов, имевших место в г. Сухуме: во-первых, епископ Димитрий сухумский получил угрозу смертью, почему явилась необходимость в экстренных мерах для охранения его безопасности; протоиер. Георгий Голубцов получил множество писем с угрозой смертью, а свящ. о. Сергий Протопопов, после угрожающих писем,

подвергся обстрелу; управляющий т. сов. Рукавишников был ограблен в черте города, среди бела дня, причем кучер его был ранен пулей; нападение на городской клуб — убит стражник, в клубе находилось много посетителей; на улице убит табачный торговец и т. д. Вот, тут 21 случай: то ограбили, то поранили, то в плен взяли в таком маленьком Сухуме, о котором здесь деп. Шервашидзе так красноречиво говорил.

Г.г.! Пользуясь настоящим случаем, я позволю себе еще дополнительно огласить вам тот список убитых людей, которые пострадали на Кавказе от этих г.г. туземцев. (*Голос из центра: «Не надо!»*) Их немного здесь, так что ничего. Подождите. (*Читает*): Г. Ф. Козельский — контролер электрического трамвая; В. В. Томкин — крестьянин Саратовской губ.; А. Т. Побурко — крестьянин Воронежской губ.; В. С. Семенов — мещанин гор. Казани; И. Т. Кравченко — рабочий закавказских ж. д.; А. С. Михайлов — крестьянин Тамбовской губ.; А. М. Марков — старший рабочий закавказских ж. д.; И. Дешевой — крестьянин Тифлисской губ. (*Голоса слева: «Вы это в прошлый раз читали!»*), М. Ф. Киреев — рабочий закавказских ж. д.; В. М. Дашковский — рабочий закавказских ж. д.; А. С. Ревва — ученик технического училища; К. К. Андреев — титулярный советник; В. П. Аблов, В. И. Хренов, Р. И. Степанов, М. В. Томашук, К. И. Морозов, Л. Плотников, А. И. Литвиненко, Л. Я. Типцов и И. М. Марков. Вот, г.г., еще прибавился синодик к тому, который я раньше огласил. Но, конечно, это далеко не полный список, а можно полтысячи смело насчитать. Да, г.г., я вам читал только случаи убийств: убивали, бомбы бросали, убивали из браунингов, убивали кинжалами, — но еще, г.г., туземцы на Кавказе проявили над русскими рабочими и другой способ, — это отравили их мышьяком. В мастерских закавказских ж. д. в котел русских рабочих всыпали мышьяка, и от этого отравилось 17 человек рабочих, причем виновники не были найдены, а люди пострадали. Вот, как относятся к русским людям на Кавказе. Ну, что же, — убивают, ранят, в плен берут и еще, вдобавок, пишут угрожающие письма: или уезжай, или получишь пулю в лоб. А спрашивается: для чего это делается? А это делается для того, чтобы как-нибудь сплавить с места русского рабочего, или какого-нибудь служащего и сейчас занять его место, — очень много было таких случаев.

Но мало всего этого, г.г. А еще, г.г., кавказские депутаты позволяют себе глумиться не только над русскими людьми, но и над русскими войсками. Уж чего-чего, а это г.г. кавказцам стыдно делать. Например, депутат Гегечкори что говорит? Он читал нам здесь целый список якобы изнасилованных армянок, даже 60-летних армянок. Г.г., ведь это сказки, больше ничего! Можно написать не только 60-летних, но и 90-летних, в действительности же этого не было. Он ссылается на официальные документы, он читал из книжки д. с. с. Вейденбаума, который ездил на поле сражения армян с татарами, и вот ему там армянки преподносили жалобы. Конечно, я этот случай знаю. Г. Вейденбаум ездил, действительно, в Шушу — он был командирован наместником посмотреть, что там такое творится, и, может быть, ему действительно эти жалобы были поданы. Но, г.г., эти жалобы — неосновательные. По поводу этих жалоб, — мне достоверно известно, — наместником на Кавказе была послана туда специальная комиссия. По существу своему это действительно ужасный случай. Но что же оказалось? Комиссия поехала, произвела по поводу этого самые подробные исследования, но ничего подобного не нашла, и все это оказалось клеветой. (*Возгласы справа: «Браво!»*) Просто ничего подобного не было. И вот, я должен поэтому категорически заявить, что эти сведения — есть клевета со стороны армянок и армян; и Вы, г.г. кавказские депутаты, тоже клевещете на наших доблестных казаков, тогда как наоборот, вы их должны бы были благодарить за то, что они ваше имущество и вашу жизнь спасали, не щадя своей жизни. (*Возгласы: «Браво! Рукоплескания справа.*)

Но, г.г., тут для меня вот какой вопрос является: каким образом книжка, составленная д. с. с. Вейденбаумом, оказалась в руках депутата Гегечкори, и почему она у меня в руках не оказалась? Почему эти сведения мне неизвестны? И вот, я думаю, что если г. Вейденбаум собственными руками передал эту книжку г. Гегечкори, то он, несомненно, является единомышленником г-на Гегечкори и сам также бросает грязью в наших казаков. (*Смех слева.*)

Гегечкори (с места). Это уже было напечатано.

Тимошкин (продолжает). Ведь, г.г., д. с. с. Вейденбаум отлично знал, что все эти сведения опровергнуты, что все эти сведения несправедливы, и, тем не менее, он каким-то образом сумел всучить книжку депутату Гегечкори. Поэтому я с этой кафедры скажу д. с. с. Вейденбауму: стыдно ему, такому еще чиновнику на государственной службе, состоявшему при наместнике его императорского величества на Кавказе, и стыдно тем господам, которые такого чиновника в своем кругу держат, — не место ему там. (*Возгласы: «Браво!» и рукоплескания справа. Смех слева.*) Да, г.г., за то, что наши казаки в 1905 и 1906 гг. с опасностью для своей жизни, на открытом воздухе, под дождем, под снегом, промокши до мозга костей, стояли на открытом воздухе, защищая армян от татар и татар от армян, г.г. кавказские депутаты бросают грязью в лицо наших казаков. (*Обращаясь налево*) Стыдно! Если еще подеретесь, не будут вас защищать! (*Смех. Рукоплескания справа.*)

Г.г.! Депутат Гегечкори здесь расписал ужасные картины, что вот русские казаки, русские солдаты опустошили Гурию, сожгли ее и всевозможные насилия там учинили. Но я думаю, что если говорить про это, то депутат Гегечкори должен был хоть немного доказать, какие причины вызвали появление казаков. Он об этом умолчал, потому что ему хотелось непременно представить казаков виновными. А вот, г.г., явление. В Гурии была своего рода действительно картинка великолепная. Поэтому я позволю себе хоть вкратце доложить Государственной Думе. В 1905—1906 гг., когда в Гурии хотели образовать Гурийскую республику³⁵, там, г.г., разобрали в нескольких местах полотно закавказской ж. д.; затем пустили два паровоза навстречу друг другу, которые разбились вдребезги в середине туннеля и, таким образом, не давали возможности казакам пройти в Гурию для спасения хоть своих братьев. Туземцы изломали и испортили мосты, забили туннель, так что ни с тифлисской стороны, ни с батумской нельзя было войскам туда пробраться. Тогда там правительственные чиновники арестовали, потом солдат частью бомбами забросали, — ибо кавказцы мастера лазать по горам, откуда прямо бомбы бросали, — и кого убили, а кого, т. е. часть казаков, заперли в казармах и не давали возможности выйти. Там их морили прямо голодом, предлагая сдаться. Им говорили: «Сдавайтесь и отдайте оружие, тогда мы вас выпустим, а то умирайте с голоду в ваших казармах, потому что ваши товарищи сюда не придут — путь разобран, мосты взорваны. Конечно, русские казаки предпочли лучше смерть, чем сдаться живыми и дать свое оружие. (*Возгласы: «Браво!» и рукоплескания справа.*) Но, г.г., этим дело не кончилось. Когда объявили Гурийскую республику, у населения стали собирать разные поборы. Конечно, население стало противиться этому, и тут произошла у них междуусобица, и пошло — кто кого убил, кто кого сжег, так что русские казаки и солдаты попали в Гурию уже тогда, собственно говоря, когда там нечего было жечь и разорять, потому что они сами это сделали. (*Голос слева: «Сами себя сожгли!»*) Да, да! Конечно, г.г., это г.г. Гегечкори и Чхеидзе должно быть известно лучше, чем мне, ибо это все проделывала кавказская социал-демократия, которую так хвалятся депутаты Гегечкори и Чхеидзе, и во главе которой они сами стоят.

Я, г.г., не буду больше на этом вопросе останавливаться. Полагаю, что здесь сидит представитель наместника его императорского величества на Кавказе, который сумеет этот факт осветить более подробно и сумеет рассказать Думе о тех вздорных нападках на наше добле-

стное казачество и на наши войска. Я только позволю себе доложить финал этой Гурийской республики. Как оказалось, Гурийскую республику в продолжение 3 лет судили-рядили и никак не могли окончить в Тифлисе, — пришлось перенести в Одессу. Созовут окружный суд, смотришь — то половина не явится, то все свидетели получают угрожающие письма: если явишься на суд, твой дом будет сожжен, или ты сам и твои дети расстреляны. Конечно, местные власти не оградили безопасность окружного суда; бились-бились в течение 3 лет и, в конце концов, отправили суд в город Одессу, и там доделали дело. Не есть ли это факт, ну, если хотите, бездействия власти? Ведь окружному суду не дают возможности окончить у себя суд над виновными. Ведь это прямо невыносимое положение.

Потом депутат Гегечкори здесь в очень красных красках описал события, имевшие место в августе 1905 г. в тифлисской городской думе. Очень он обвинил тут и русских властей, и казаков, и солдат, а только они невинными остались. Но я должен сказать откровенно депутату Гегечкори: вы должны быть последовательны и рассказать всю эту историю. Что же вызвало это событие? Вы об этом умолчали. Это событие говорит не в вашу пользу, а, наоборот, говорит против вас. Например, когда в 1905 г. известный предатель Шмидт забрал часть черноморского флота, и была почти объявлена Южно-русская республика³⁶, то наши кавказцы тоже не дремали, хотели воспользоваться моментом, начали бить в барабан и собирать в городскую думу, чтобы объявить Кавказскую федерацию. И вот, собирались в это время в городскую думу, без всякого разрешения, — никто не позволял и никто не давал вот на это разрешение, и когда об этом было дано знать губернатору, — а в то время был еще Яцкевич, — то он отдал приказание, чтобы они разошлись, потому что это незаконное собрание, иначе он может принять меры, которые им не понравятся. Но им что же, — как с гуся вода. Конечно, они не разошлись, и пришлось потребовать воинскую силу, которая, подходя к городской думе, была встречена целым залпом из окон из револьверов. Г.г., когда эта пальба произошла, было убито несколько солдат и несколько ранено, — я отлично знаю этот случай. В это время наши доблестные казаки и солдаты не действовали оружием и слушались начальства. А начальство говорило вам: «Г.г., уходите, иначе мы за вас возьмемся». Вы заперли двери и окна, чтобы не пустить, так что пришлось выломать двери и окна и, действительно, силой, пришлось войти в это помещение. Там, может быть, и произошло что-нибудь, я не знаю.

Депутат Гегечкори еще здесь очень так жалобно рассказывал и даже громы и молнии метал на русских солдат и казаков, что они из пушек расстреливали г. Тифлис, что пушки гремели целыми днями, сколько домов сожгли, сколько убытков наделали. Опять-таки следовало бы о причинах сказать, — может быть, вы тогда и были бы правы. Но о причинах вы умолчали, так позвольте, я напомню вам эти причины. Собственно говоря, случай сожжения домов в Тифлисе был один, а именно, был сожжен дом армянского духовного ведомства. Этот дом служил собранием революционеров, служил складом оружия и огнестрельных припасов, и из этого дома на русских казаков были брошены бомбы, была открыта стрельба, причем были убитые казаки и лошади. И вот, когда мирные люди из этого дома ушли, то там спрятались революционеры. Когда им говорили: «Сдавайтесь», — они не сдавались. Действительно, был произведен один или два выстрела из пушек в этот дом, и он загорелся. Но, г.г., причина пожара в этом случае очень характерна: когда дом загорелся, то оказалось, как будто там происходят взрывы, пальба и военные действия, — а это был дом армянского духовного ведомства, служивший складом различных огнестрельных припасов. Деп. Гегечкори, рассказывая здесь о всех тех злодейских, с его точки зрения, действиях русских казаков и солдат, совершенно умалчивал о тех еще более злодейских действиях, которые проявляли туземцы над русскими казаками. Поэтому я должен привести несколько фактов деп. Гегечкори, которые являются неоспоримыми.

Например, я напомню деп. Гегечкори 22 октября 1905 г., когда они, с получением Высочайшего манифеста 17 окт., целых три дня бесновались по городу с красными тряпками и творили всевозможные безобразия.

В это время, действительно, мы были доведены до невероятных наших обидных чувств. Чтобы со своей стороны выразить нашу благодарность государю императору за милость, мы, русские люди, собрались вместе, не разбирая ни класса, ни рангов, независимо от разницы в общественном положении, в количестве 20 000 человек, и манифестировали пред домом наместника его величества на Кавказе, имея в руках портрет его величества, иконы. Мы пели народный гимн и молитвы. (*Возглас слева: «И учинили погром».*) Когда мы подошли к стенам первой гимназии, находящейся в центре города, около дворца наместника, из окон этой гимназии посыпался град выстрелов из ружей и револьверов. Нескольких русских людей как и не бывало: они были убиты; в довершение этого была брошена бомба, которую было разорвано несколько человек. Это зверство куда ярче, чем те действия, о которых рассказывал деп. Гегечкори, говоря о действиях казаков. Но не только из окон тифлисской гимназии палили из револьверов и ружей, но палили из всех домов, и не только палили, но обливали кипятком. В некоторых случаях лили кипяток прямо в лицо. Когда русские бежали в дома с намерением спрятаться, их обливали кипятком. Это ли не зверство? Я вправе сказать, что не казаки оказались зверями, не казаки проявили свое зверское отношение к вам, а вы, туземцы, проявили зверское отношение к русским казакам и солдатам и ко всему русскому народу. Виноваты все те же господа-федералисты, автономисты, дашиакцутюны и социал-демократы в особенности. Г.г.! Депутат Гегечкори здесь нам рассказывал о нравственном уровне русских чиновников на Кавказе. По словам деп. Гегечкори, русские чиновники на Кавказе занимаются только взяточничеством; он ссылался даже на такой авторитет, как сенатор Кузминский. Но, г.г., действительно ли русские чиновники — взяточники? Ведь на государственной службе на Кавказе состоят не только русские: там много туземцев, поляков и даже крещеных евреев: ведь все это чиновники, а вы их называете русскими чиновниками. Я знаю, например, факты, которые говорят совершенно другое. Мне, например, известен факт ограбления душетского казначейства, ограбленного более чем на 315 000 р. Кто оказался виновником ограбления? Грузинский офицер, даже не чиновник. Виновником оказался подполковник генерально-го штаба грузин и офицер 4 стрелкового батальона Цагарели, которому также вменяется в вину пленение грузинского купца Муса-Нагиева³⁷. В этом преступлении участвовал также и чиновник Мамулайшвили; он дал свою одежду грузину, который в форме акцизного чиновника взял в плен купца Муса-Нагиева. После этого чиновник Цагарели скрылся. Г.г.! Русскому забитому чиновнику на Кавказе при петерсоновской политике очень тяжело. Петерсон их душит, а вы со своей стороны подаете на них неосновательные жалобы. Выходит так, что русский чиновник кругом виноват. Нет, он не виноват; я не говорю, конечно, что все чисты, как зеркало, может быть, и среди русских чиновников есть непорядочные люди, но нельзя же их огульно обвинять. Ваших грузинских и армянских чиновников, неблагонадежных, нечистых на руку, больше, чем русских. Депутаты Гегечкори и Чхеидзе, в особенности Чхеидзе, говорили здесь: помилуйте, нас задушили, нам не дают своих судей; у нас судьи русские; мы не знаем их языка, и потому они нас пощупотовски судят. Так ли это? В Закавказье во всех городах судьи — грузины и армяне: в Тифлисе, например, нет ни одного русского судьи ни в одном городском участке; все грузины и армяне. Чего же вам еще нужно? Адвокаты — грузины и армяне, судебные приставы — грузины и армяне, другие чиновники судебных установлений также туземцы. Русских очень мало. Если председатель окружного суда в Тифлисе — русский, то неужели вы думаете, что все сановники — русские? В полиции половина служащих также туземцы.

Гегечкори (с места). Цифры!

Тимошкин (продолжает). Я не могу вам привести цифры, так как если я буду читать цифры, то Государственная Дума устанет их слушать. Уездная полиция также состоит более чем наполовину из служащих туземцев. Если хотите знать цифры, то обратитесь к «Кавказскому календарю». Вы увидите, сколько чиновников-туземцев и сколько их русских на Кавказе. Г.г.! Я не могу обойти молчанием заявление деп. Гегечкори и Чхеидзе относительно местного русского патриотического общества, которое они, к их стыду, назвали даже преступным сообществом. Г.г.! Что представляет собою это патриотическое общество? Это есть общество объединенных русских людей (*возглас слева: «Погромщиков!»*), которые противопоставили свою силу вашим изезуитским забастовкам и замыслам. Оно с вами борется, и за это вы его ненавидите. Это общество не преступное, оно легализовано наместником. Я знаю, что на Кавказе существуют преступные сообщества дашнакцутюн, социал-демократов, федералистов, автономистов; я знаю, что общества эти не легализованы. Теперь я должен сказать несколько слов по поводу слов, произнесенных деп. Шервашидзе. Кому-кому, а уж депутату Шервашидзе по адресу русского чиновничества произносить такие слова более чем грешно. Вот что он говорит: «и поднята эта борьба правых с наместником его величества не во имя интересов России, не во имя здоровых начал русского государства, а во имя той гнилой части русского чиновничества, которая ютится на Кавказе и хочет сохранить за собой безответственное привилегированное положение путем разжигания племенных страстей». Вот что говорит деп. Шервашидзе, являясь в то же время чиновником русского правительства. Не говоря уже о русском чиновничестве, Бог с ним, все же такое заявление неправильно. Это клевета на русское чиновничество. Русское чиновничество не пользуется никакими привилегиями, оно забыто, унижено, оно желает вывести на свет все проделки, происходящие под флагом русского чиновничества, проделки туземцев; чтобы не быть голословным, я могу привести в доказательство факты из имеющейся у меня переписки. Если бы я все это прочитал, вы 2 часа должны были бы слушать. Факты эти имеют большую ценность и доказывают, насколько нелепы нападки на русских чиновников. Я должен вкратце доложить об одном деле уездного начальника. На уездного начальника подали совершенно неосновательную жалобу, и г. Петерсон сейчас же, с места в карьер, этого уездного начальника устраниет от должности и предает его суду. И что же, в конце концов, оказывается? Оказывается, что этот чиновник ни в чем не повинен. Все свидетели, даже туземцы, свидетельствовали в его пользу. Это было в Кутаисской губ. (*Возглас слева: «Фамилия?»*) Хотите знать фамилию? Я вам сейчас скажу. Это сигнахский уездный начальник; вы, вероятно, его знаете. (*Возглас слева: «Мицкевич³⁸ — взяточник.»*) Г.г.! Между прочим, в этой же переписке указано, что г.г. туземцы, считающие себя честными, в то же время пишут подложные метрические свидетельства и страхуют в страховом обществе умерших людей, получая через 5 дней страховые премии. Вот официальный протокол, но я не хочу утруждать Государственную Думу. (*Возглас слева: «Присям!»*) Тому, кто интересуется этим, я могу его дать для прочтения. Сами туземцы, бросающие грязью в русское чиновничество, не видят, что у них в глазах. У русского чиновника они видят в глазу сучок, а у себя бревна не замечают. Но что же делать? Им покровительствует г. Петерсон: их, значит, теперь линия, и они берут верх. Бог даст, мы дождемся, когда этого не будет; Бог даст, дождемся, когда Петерсона сменят и заменят другим лицом, которое будет относиться к своему делу лучше, чем он. Тогда мы обо всем узнаем. Вот, г.г., в кругу нашего чиновничества мы никогда не слышали о фабрикации подложных княжеских грамот, а грузинские господа князья фабриковали подложные грамоты. Вся Кутаисская губ. состоит из ложных князей, благодаря этой фабрике грамот. Правда, виновные были судимы и преданы суду. Где же

справедливость Ваша, кн. Шервашидзе, когда Вы бросаете упрек русскому чиновничеству?

Кн. Шервашидзе (с места). Разве я фабриковал? Могу сказать смело, что я не фабриковал.

Тегечкори (с места). Шервашидзе — настоящий князь!

Тимошкин (продолжает). Г.г.! Вы помните, когда я в прошлом году выступил в Государственной Думе, я в своей речи иллюстрировал армянского епископа Корюна (*возглас справа: «Архимандрита!»*), архимандрита Корюна, который был вооружен берданками, кинжалами и всевозможными доспехами военного человека. Он был предводителем армянской партии дашнакцутюн: он был руководителем и вдохновителем ее. В конце концов, он был взят под стражу; целый год его держали под стражей, добившись того, что все документы, которые против него говорили, куда-то исчезли. Корюна нельзя было судить, и его пришлось оправдать. Но, мало того, помимо убийств, на Кавказе в настоящее время явился новый способ запугивания, застрашивания. Теперь на Кавказе разыгрывается болезнь пленения. В данное время, как только кавказца увидят, так и говорят: «А, кавказский пленник, мое почтение». Вы в декабре месяце начали рассматривать кавказский запрос, и вам здесь представитель наместника на Кавказе сказал: «Слава Богу, теперь на Кавказе все успокоилось, нет тех эксцессов, которые были раньше. А между тем, в это время в Тифлисе увозят в плен местного жителя Айвазова, в это время в Баку увозят в плен петербургского гимназиста Сергеева, увозят в плен гимназиста Пфеффера, взят также в плен богатый мусульманин Муса-Нагиев. Кто в этом, г.г., виновен? Из дела Мусы-Нагиева, например, оказалось, что виновны следующие лица: Сафаров — армянин, Григорянц — армянин и Ломинадзе — грузин. Вот, г.г., кто занимается этим делом. Вопрос этот имеет еще значение вот в каком отношении: мы, русские на Кавказе, не имеем сил; войска в наши дела не вмешиваются, потому что им начальством не приказано; высшее начальство нам говорит: за каким шутом вы сюда, г.г., пришли? А посмотрите на мусульман. Мусульмане имеют силу, и очень большую. Мусы-Нагиева взяли в плен, мусульманское население не только гор. Тифлиса, но и всех окрестных деревень встало на ноги, взяло оружие и сказало армянам: «Г.г., вы должны нам выдать нашего Мусы-Нагиева, а иначе мы завтра резать будем». И что ж вы думаете? На другой день в 10 часов утра Мусы-Нагиева привезли. Мы, русские, вот этого не можем сделать, потому что, если у вас есть палка с железным концом, то говорят, что вы погромщик, потому что у вас палка с железным концом, об оружии каком-нибудь, конечно, и думать нельзя. Я, слава Богу, все-таки, выбран населением в Государственную Думу; население доверило мне свои интересы, и когда я обратился к местному губернатору с прошением, чтобы мне выдали свидетельство на право ношения оружия, то держали мое прошение 6 месяцев, а затем ответили, что его превосходительство г. губернатор не находит возможным разрешить мне носить оружие. А между прочим, г.г., я был человеком, известным всему Тифлису, я имел соприкосновение с большими деньгами: ко мне всегда являлись экспроприаторы и пугали меня. Я указал причину необходимости иметь оружие, а мне ответили, какое нам дело, — мы не можем удовлетворить вашей просьбы. Вот, в каком положении находится русское население на Кавказе. (*Возглас справа: «Кто был тогда губернатором?»*) Губернатором был тогда Рауш фон Траубенберг. Вот, г.г., татары обладали громадной силой; они и сумели взять свое без всякой для них потери. Им отпустили Мусы-Нагиева; многих из взятых в плен освободили, может быть, за плату, а некоторые еще томятся неизвестно. Разве, г.г., можно далее спокойно жить, можно спокойно спать на Кавказе? Нет, спокойно жить, спокойно спать может только г. Петерсон, ибо у него непробиваемые стены, его не тронут, а мы, русские люди, не в безопасности находимся. Все русские люди возлагают большие

надежды на этот запрос. Вот, почему Государственной Думе надлежит сказать свое веское слово. Я дальше не буду утруждать Государственную Думу. В заключение, в дополнение нашего запроса я должен обратиться к гр. Воронцову-Дашкову со следующим дополнительным запросом. Известно ли ему, что на Кавказе существует преступное сообщество — армянская партия дашнакцутюн, — вооруженное оружием последнего образца? У них есть маузеры, скорострельная артиллерия. Это я свидетельствую, а наместнику его величества разве это неизвестно? Почему не разоружают армянское население? Почему не разоружают грузин, и т. д.? Почему русским не позволяют для самозащиты иметь хоть один револьвер? Дальше: известно ли ему, что это общество легализовалось официально в Армянский культурный союз? В. М. Пуришкевич говорил здесь об этом союзе. По уставу он как будто ничего из себя не представляет: ну, что такое — мирное армянское общество, решившее создать свою школу, обучить фехтованию, гимнастическим приемам, ружейной стрельбе своих сородичей-армян для развития мускулов? Великолепно! Но под этим союзом скрывается ранее не легализованная, а теперь легализованная партия дашнакцутюн, — ни более и ни менее. Им нельзя было раньше открыто выступать, а теперь они легализовались под названием «Армянский культурный союз». Этот союз, безусловно, преступен, и наместник должен его закрыть. Известно ли ему, наконец, что на Кавказе все туземное население поголовно вооружено, вопреки запрещению носить оружие, а русским жителям даже по прошению не позволяют носить оружие? Так оно и есть: если кому-нибудь придется на Кавказ поехать, может на месте это проверить: я говорю чистую правду. Известно ли ему, что десятки русских чиновников без причины уволены директором его канцелярии Петерсоном и переведены, вопреки их желанию, в другие города? Известно ли ему, что после убитых русских людей на Кавказе остались сотни нищих семейств? Они голодают, и нигде нет им помощи. Я помню: только один раз выдали из канцелярии наместника 600 р. на 150 семейств. Выдали 600 р., и близко к дворцу не подходи, двери закрыты. Известно ли ему, что русские чиновники, служащие и мастеровые на закавказских ж. д. за то, что не бастовали и боролись против забастовок, терпят гонение; а все главари забастовки приняты обратно на службу с повышением окладов? Русские люди боролись против забастовки, не жалея жизни, восстанавливали движение во время возмутительных выходок кавказских аборигенов, и что же? Одних выгоняют, других увольняют, третьих оставляют за флагом и жмут их на каждом шагу. Известно ли ему, что представители от мастерских закавказских ж. д., которые ходят от рабочих к начальнику, по делам, — все с.-д., туземцы, ни одного русского среди них нет? Русские, сколько ни проси: позвольте нам лично обратиться к вам, позвольте войти в комиссию нескольким человекам, — ничего не выходило. «Хорошо, хорошо, мы вас пустим». До сих пор не пустили, а эти господа ходят к начальнику дороги и гадают на бобах, будет ли забастовка или нет. Если все это ему известно, то считает ли он нужным принять какие-либо меры к устраниению этого зла и к обеспечению русских людей от произвола со стороны туземцев? (*Рукоплескания справа.*)

Хас-Мамедов. Прежде, чем перейти к существу запроса, я позволю себе сказать несколько слов об отношении крайних правых депутатов к инородцам. Из уст правых депутатов нам, инородцам, не приходится слышать по своему адресу ничего такого, что содержало бы в себе элементарные требования справедливости, благожелательности и деликатности. Я не буду возобновлять в вашей памяти все, что приходилось нам слышать со времени открытия Государственной Думы. Я скажу лишь, что мы этому нисколько не удивляемся: нельзя же ожидать иного к себе отношения от таких господ, девизом которых является национальная исключительность. Если все-таки бывают исключения, то мы не верим искренности их, мы усматриваем в них не что иное, как попытку сознательно ввести нас

в заблуждение, чтобы вызвать желательные для них самих, заранее уготованные результаты. С этим исключением мы встречаемся в речи чл. Г. Д. Пуришкевича, в той ее части, где он касается нас, закавказских мусульман. Деп. Пуришкевич сказал, что наиболее консервативным, стойким и верным населением на Кавказе являются мусульмане, и далее воскликнул: «Да, если бы правительство на Кавказе опиралось на мусульман, Кавказ не представлял бы того безумия народа, какое он представляет в данную минуту, и мы могли бы быть совершенно спокойны за будущее на Кавказе, какие бы политические бури и осложнения ни разразились над Россией. Но в том-то и горе, в том-то и несчастье, что, к глубокому сожалению, мусульмане в загоне, а власть опирается на тех, которые являются искони противниками русского влияния, опирается на армян». В чем именно заключается консерватизм, стойкость и верность закавказских мусульман, и в чем выразились эти черты, деп. Пуришкевич не выяснил. Я должен сказать, что эти высокие черты — здоровый консерватизм, стойкость и верность — действительно присущи мусульманам, но если деп. Пуришкевич приписывает им эти черты в том смысле, в каком он сам их исповедует с единомышленниками, то он глубоко заблуждается. (*Рукоплескания слева.*) В то же самое время — время, указанное деп. Пуришкевичем, мусульмане наряду со всеми другими национальностями Закавказья одинаково подняли свой голос протesta против старого режима, режима произвола и общественного бесправия. Мусульманское общество несколько не поколебалось с тех пор: и поныне оно думает, что ни одна страна, где будет существовать такой режим, не гарантирована от несчастий, при нем испытанных. Деп. Пуришкевич рекомендует власти опираться на мусульман и негодует против той линии, которой держится центральное правительство. Он говорил, будто министр иностранных дел препроводил бумагу к министру внутренних дел. При ней была приложена записка одного из бесчисленных Гирсов о положении армян на Кавказе, и в ней указано, что если русская власть желает иметь успех, то должна сочувственно относиться к армянам. Насколько правдоподобен документ, на который ссылается деп. Пуришкевич, я не знаю, но если это действительно так, то я должен сказать, что как проповедь деп. Пуришкевича, так и точка зрения правительства — антигосударственны. Мы полагаем, что власть не должна делать никакого различия между национальностями, мы полагаем, что национальности должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые обязанности. Только при этом условии возможно доверие населения к власти, а без этого нет здорового управления. (*Рукоплескания слева.*) Далее деп. Пуришкевич сказал, что мусульмане Закавказья в загоне, — об этом моя речь будет впереди. Переходя к существу запроса, я не стану отрицать, что действительно за последние годы на Кавказе беспорядки усилились, но ведь таково положение дел не только в нашем крае, но и в остальной России. Об этом свидетельствуют ежедневные сведения о грабежах, разбоях и насилиях, которые мы читаем в газетах, и на это закрывать глаза нельзя. Нам казалось бы, что авторы запроса должны были бы предъявить свой запрос по поводу повышенной преступности в России, но они, очевидно, преследовали иную цель. Цель эта была своевременно выяснена правой прессы, и категорически указана одним из кавказских депутатов, кн. Шервашидзе. С какими же приемами они подошли к своей цели? В запросе мы находим 15 случаев убийств: 14 в Тифлисе и 1 в Александрополе, 9 побегов арестантов из разных мест заключения, и на основании этих данных они сделали вывод, что беспорядки являются лишь следствием бездействия власти, и что они имеют целью изгнание русского населения из Закавказья для осуществления идеи инородческого сепаратизма. Не надо быть знатоком кавказских дел, чтобы сказать, что авторы запроса проявили легкое отношение к населению целого края и к его жизни. Заместитель наместника на Кавказе бар. Нольде объяснил нам сущность и содержание этих убийств. Мы могли усмотреть, что убийства совершались

частью на почве террористической, частью на почве частных отношений, и жертвами этих убийств являлись не только русские, но и туземцы. Авторы запроса видят причину их в одном только бездействии власти. Если даже признать, что число убийств в нашем крае превышает число таких же печальных явлений в других частях империи, то не являются ли эти убийства неизбежным результатом того отчаяния, которое испытывает население под влиянием произвола и усмоктения администрации, раз они совершены на почве террора? С другой стороны, не объясняются ли они особым характером туземного населения, его бытом, его жизнью, раз они совершены на почве частных отношений? Неужели же искоренения этого зла можно достичь путем репрессий, как того требуют авторы запроса? Не происходят ли эти явления от других причин, более глубоких, которые упускают из виду авторы запроса? Они заявляют, что учащение побегов из мест заключения является тоже последствием бездействия кавказских властей. Заместитель наместника на Кавказе бар. Нольде описал состояние кавказских тюрем. Он объяснил, что тюрьмы были построены в расчете на определенное количество заключенных, и что теперь число заключенных значительно превышает этот расчет. Не естественно ли, что побег арестантов является результатом недостаточности тюрем и стражи, а не бездействия властей? Далее, в запросе указывается, что беспорядки имели целью систематическое изгнание русского населения из Закавказья. Какая ирония звучит в этих словах! Не называют ли они изгнанием русского населения устройство для него переселенческих участков в разных местах? Не называют ли они изгнанием русского населения выселение несколько лет тому назад мусульман Шушинского у. в Каракоюнлы и в другие местности? Известно, что от аборигенов мусульман были отобраны их земли, дома и пастбища и отданы переселенцам. Бар. Нольде удостоверил, что за последние три года русское население Закавказья увеличилось на 10 000 человек, т. е. на 36 % всех переселенцев, прибывших с 1898 г., времени открытия колонизации Закавказья³⁹. Отсюда видно, что переселение все время продолжалось, несмотря на объявление наместника в 1905 г. о закрытии колонизации впредь до устройства крестьян. Авторы запроса указывают, что русское население изгоняется, а на самом деле оно увеличилось на 36 %. Деп. Чхеидзе довольно подробно остановился на тяжелом состоянии туземных крестьян. Он говорил, что на Кавказе осталось крепостничество, он подробно выяснил положение временнообязанных крестьян в западной части Закавказья и зависимых поселен в восточной части. И при таком положении туземного населения на его глазах тратятся сотни тысяч руб. на устройство переселенческих участков! Когда же оно заявляет, что необходимо и для него либо что сделать, ему говорят: нет финансов!

Я все это отмечаю, г.г., для того, чтобы сказать, что кавказская администрация к туземному населению была не так сантиментальна, как предполагают авторы запроса. При всем этом, я должен сказать, что кавказское население не питает никаких неприязненных чувств к русскому населению; но с той же самой категоричностью я не могу сказать этого о русском чиновничестве. И к тому имеются глубокие причины, которые станут очевидны вам из того небольшого очерка отношений власти к национальностям на Кавказе, который я представлю на ваше усмоктение. Ненормальность положения на Кавказе, по нашему мнению, является результатом системы управления на Кавказе в связи с общей правительственный политикой. Более 100 лет Закавказье присоединено к России: население его составляют три крупные национальности: татары, грузины и армяне. В первые 10-летия, действительно, на Кавказе водворялись начала гражданственности и не делалось различия между различными национальностями. Но эта политика изменяется в России с 40-х годов. Все население Закавказья делится на две части: на христианскую и нехристианскую. Деление это проводится красною нитью во всех отраслях управления края и его жизни. С тех пор

кавказские мусульмане для кавказской администрации становятся уже не сынами государства, а пасынками, они — лишь чуждый элемент для кавказской администрации, всякое отношение с которым устанавливается лишь вероисповедным началом. Они не христиане, к ним нет доверия, они — чуждый элемент, с правами которого не принято считаться; а потому — чужие мусульмане. Установив вероисповедный взгляд на Кавказе, правительство создало для мусульман ряд изъятий, ограничений, основанных частью на существующих законах, и в особенности, на административных, правительственные распоряжениях и административной практике при пользовании гражданскими политическими правами. Для иллюстрации я укажу на некоторые из них: мусульмане устраниены были не только от занятия высших должностей в крае, но в обычном порядке они не допускались и на низшие. Здесь деп. Гегечкори привел статистические данные о составе по национальностям должностных лиц во всем управлении Кавказа, и вы могли увидеть, какой ничтожный процент мусульман состоит на этих должностях. Фактически мусульманам прегражден был путь к такому могучему рычагу культурного развития, как народное образование: существующие в крае школы, и то в незначительном количестве, отталкивают мусульманских детей, не находящих в школе родного своего языка и терпящих бесчисленные оскорблении от педагогов своих. Г.г., чтобы не быть голословным, я укажу на следующее обстоятельство. В Закавказье в тех местностях, где живут мусульмане, приходится одна начальная школа на 14 000 жителей; между тем другие национальности имеют несколько больше, напр., у армян и грузин одна начальная школа приходится на 4 000 населения. Я никак не могу забыть того времени, когда я сам воспитывался в средне-учебном заведении. Мы встречали там чуждые предметы: преподавание, мы встречали там такие учебники, в которых оскорблялось наше религиозное чувство. Никогда не забуду того факта, бывшего тогда, когда мы были еще в 3-м классе и проходили историю по учебнику Белярмина. На страницах этого учебника мы находили: «Магомет — лжеpronok». Я помню одного мальчика, которого это привело в такое состояние, что он с плачем высыпал эту книгу вон. Вот, по каким учебникам воспитывали нас в гимназии. Очевидно, что при таких условиях не может быть любви к этим гимназиям. Я буду говорить о том, как относились педагоги к мусульманам. Ведь вы знаете, что в Закавказье не принято в гимназиях вызывать учеников по фамилиям, а обычно: «татарин», «армянин», «грузин» и т. д. Вот, как эти педагоги называют, и, естественно, как это отзывается на детях. Если ученик неудачно сдает какой-нибудь ответ, так ничего не стоит этим педагогам издеваться над национальным чувством этих учеников и сказать: «Ваш ответ пахнет местными кушаньями...» (*называет местные кушанья*). Вот, при каких условиях воспитывались дети разных национальностей. Но счастье их, что они попадали в русские университеты — московский, петербургский и др., где встречались с другими русскими людьми. Возвращаясь домой, они говорили своему населению: не судите о русских людях по тем, которые встречаются здесь; есть лучшие элементы, а сюда попадают только те, которые, по выражению представителя наместника Кавказа бар. Нольде, не могут устраиваться у себя на родине. Отсутствие какого-либо учебного заведения для подготовки лиц на духовные должности, и приниженное, подчиненное положение духовных властей и учреждений решительно пошатнули влияние духовных наших властей, которые вместе с мусульманским обществом лишились своего вакуфа, лишились возможности оказывать влияние на духовное, учебное и просветительное дело мусульман. Приниженное, подчиненное положение духовных властей наших на Кавказе является результатом пренебрежительного отношения правительства к управлению делами о вере мусульман. Я должен сказать здесь, что часть населения на Кавказе, именно, мусульмане Дагестанской области, Кубанской и Терской, не имеют решительно никакого духовного управления — оно находится в заведывании местной администрации. Несмотря

на то, что в Закавказье имеются два духовных правления, они не подчиняются им. Вы можете себе представить положение этих мусульман, которые не имеют своего учреждения, чтобы по делам своей веры получать то или другое компетентное указание. Пренебрежительное отношение мы видим еще и в тех окладах, которые назначены членам духовных правлений. Достаточно вам сказать, что шейх-уль-ислам⁴⁰ и муфтий⁴¹, эти духовные лица, которые, по воззрениям и взглядам мусульман, занимают такое же положение, как епископы у христиан, получают всего содержания 1600 р., — содержание, которое получает полицейский пристав, а в столице — и помощник пристава. Г.г., в краевой нашей жизни бывают случаи, когда в Тифлис съезжаются представители различных религий. И вот, мы видим иерархов других исповеданий, приезжающих цугом в колясках, а наши шейх-уль-исламы и муфтий лишены возможности приезжать даже и на простом извозчике. Вот, какое отношение к нашим духовным властям. Наконец, у нас отобраны несколько десятков лет тому назад наши вакуфы — это наше, так сказать, национальное достояние. Мы не можем им распоряжаться. У нас валятся мечети, рушатся минареты, и для того, чтобы получить какие-либо деньги из этого вакуфного имущества для исправления наших мечетей, приходится испытывать все ужасы канцелярской переписки: проходят годы, пока мы получаем разрешение пользоваться деньгами для исправления этих своих построек. Но это имеет еще другое пагубное значение: ввиду того, что эти вакуфы отобраны, нет прилива к этому богатству, нет прилива потому, что население видит, что мусульманское духовенство и общество не могут свободно пользоваться ими для своих просветительных целей. Масса есть случаев, когда тот или иной человек из религиозного чувства хочет сделать пожертвование, но не получает утверждения у правительства. Различные ходатайства мусульман об учреждении тех или других просветительных учреждений всегда оставлялись без удовлетворения. В этом отношении достаточно мне привести историю мусульманского благотворительного общества в гор. Тифлисе: 25 лет мусульмане бились, пока получили разрешение на учреждение этого своего единственного благотворительного общества. Мусульмане в Закавказье ограничены в сфере частной деятельности, мусульмане, даже с высшим образованием, не допускаются в средние учебные заведения для педагогической деятельности, мусульмане не могут заниматься адвокатурой без министерского разрешения. По городовому положению число гласных мусульман и число членов управы не может быть более половины всего состава. Вы видите, что мы ограничены даже в заведовании хозяйственными делами родных наших городов. На других ограничениях мусульман я не буду останавливаться, так как думаю, что достаточно этого, чтобы сказать, что положение мусульман на Кавказе, сравнительно с другими национальностями, бесправно. Благодаря такому несправедливому к ним отношению, мусульмане должны были естественно отстать от своих соседей в культурном отношении. Этим объясняется, почему мусульмане уступают другим национальностям и в промышленности, и в торговле, и в технических знаниях: другим национальностям давали все средства экономического благосостояния и для национального развития. Такое привилегированное положение других национальностей на Кавказе, сравнительно с мусульманами, естественно, должно было вызвать стремление этих национальностей духовно господствовать над мусульманами и поработить их экономически. Такое положение вещей, в свою очередь, должно было вызвать рознь и распри между национальностями. Вот, в таких тяжелых условиях протекает жизнь Закавказья до 80-х годов, когда курс правительственной политики сильно изменяется и направляется по другому руслу, которое еще пагубнее отражается на жизни всех национальностей. Ближайшей причиной такого изменения было известное событие в Турции — столкновение армян с турками, когда закавказские армяне откликнулись вполне естественно на несчастье своих собратьев. Для кавказской администрации этого было доста-

точно, чтобы относиться с тем же недоверием и к армянам. Они были объявлены тоже такими же чуждыми и чужими элементами, как и мусульмане. Создав такое положение национальностей на Кавказе, для управления ими кавказская администрация усвоила известную систему управления: *divide et impera* — разделяй и властвуй. Вот, какой лозунг был у нашего кавказского правительства. Этот лозунг красною нитью проводился во всех отраслях управления краем: то поощрялась одна национальность, то другая, играли на самых низменных струнах того, или другого общества, подавлялось всякое культурное начинание. Короче говоря, все национальности были объявлены инородцами, с правами которых не принято было считаться. Вся эта система дошла до кульмиационного своего пункта при управлении краем кн. Голицыным, и была известна под названием «голицынского режима». Отдельные проявления последнего слишком общеизвестны, чтобы на них останавливаться; я только укажу на те из них, которые касались нас, мусульман. Одновременное изгнание тех немногих чиновников-мусульман, которые были на должностях, было результатом этой системы; и если оставались еще немногие из мусульман на службе, то к ним применялся принцип нейтральных народностей, заключавшийся в том, что мусульман не оставляли в тех местностях, где жили мусульмане. Точно так же поступали и с другими национальностями. Грузин не оставляли в Кутаисской губ., а посыпали в Елизаветпольскую. Вот в чем заключался принцип нейтральной народности, являющийся логическим последствием того управления, которое я назвал *divide et impera*. Затем — бессистемное открытие переселенческой волны в местности, преимущественно населенные мусульманами. В одном из своих выступлений в прошлом году, при обсуждении смет переселенческого управления, я подробно остановился на бессистемности переселенческого дела на Кавказе. Поэтому я не буду сейчас утруждать ваше внимание. Отмечу только, что переселенческое движение и поселение на Кавказе всегда затрагивало интересы местного коренного населения. Еще в этом году в бюджетной комиссии, когда по случаю отвода новых переселенческих участков я задал вопрос, не нарушает ли отвод новых переселенческих участков интересов коренного населения; командированный с Закавказья управляющий переселенческим делом там заявил мне, что в этом году как будто этого там нет, но что, действительно, такие нарушения бывали до 1897 г. Вот заявление, сделанное в бюджетной комиссии мне управляющим переселенческим делом на Кавказе. Из него вы можете судить, что всегда так или иначе нарушались права аборигенов — туземного населения. Я не могу не коснуться того факта, когда одно время совершенно неожиданно для нас, мусульман, в городе Елизаветполе были арестованы лучшие наши люди, в числе до 25 человек. Среди них были уважаемые нами духовные лица и другие сограждане. Что же служило, — вы можете спросить меня, — причиной такого массового ареста? При городской мечети нашей была обыкновенная мечетская школа: детишки в то время сидели на циновках, на коврах и изучали священные книги — Коран, — учились грамоте. Нашлись в городе лица, которые пожелали придать иной вид этой школе, поставили скамейки, чтобы детишки сидели на них. Этого было достаточно для местных властей, чтобы обвинить население в подготовлении к вооруженному восстанию, взять этих лиц и держать полтора года под стражей. Через полтора года их выпустили и заявили: случилось маленькое недоразумение. Когда началось в России освободительное движение после несчастной японской войны, открывшей все язвы бюрократического правления в России, когда всенародно был поднят голос против этого режима, то, конечно, и наш край не мог молчать, тот край, который на себе нес все тяжести этого управления. Движение это, вообще, было тождественно с таким же движением в России.

Я не буду доказывать этого. Мне достаточно сказать только, что и представитель наместника бар. Нольде здесь подтвердил нам это с достаточной ясностью. Если в

противовес этому движению в России устраивались погромы и избиения интеллигентии, то в нашем крае был применен иной способ воздействия. Подготовив всей своей предыдущей деятельностью рознь и расприю национальностей, агенты власти прибегали к иному способу воздействия: они стали слабо реагировать на частичные столкновения между отдельными лицами той или иной национальности: благодаря их бездействию эти столкновения участились, и в конце концов, создались кровавые братоубийственные столкновение между армянами и мусульманами. Создав эти столкновения, те же власти объяснили их сепаратизмом инородцев. Туземные армянские газеты, правая пресса русская и, к сожалению, одна из прогрессивных газет, именно, «Русь»⁴², объясняли это столкновение панисламизмом; они говорили, что панисламизм есть движение, имеющее своей целью объединенную на почве фанатизма силу всех мусульман уничтожить европейскую цивилизацию и разгромить весь христианский мир. Это была такая клевета на мусульманский мир, что она не выдерживает и слабой критики. Чтобы раз навсегда поставить предел таким заявлениям, или такому мнению, я позволю себе процитировать известное место из велений нашего пророка, чтобы вы пришли к совершенно другому убеждению. Вот, что говорят веления пророка: «Евреи и христиане, — повелевает наша священная книга, — не чужды нам, мусульманам; они наши братья; все, что связано с именем Иисуса и Моисея, должно быть свято для нас. Оскорбить христианина, еврея, оскорбить христианское, еврейское — все равно, что оскорбить мусульманина, все равно, что оскорбить магометанское». Все народы, исповедующие ислам, воспитывались на этих учениях. Мусульмане никогда не посягали ни на чужую религию, ни на чужие национальности, и этой чертой мусульманской истории объясняется, почему многие мелкие национальности, находящиеся веками под мусульманским владычеством, сохранили свою национальную, религиозную и политическую цельность. После всего этого вам станет ясно, насколько тенденциозно, насколько умышленно и недобросовестно говорили о панисламистском движении, и этим объясняли кровавые столкновения армян с мусульманами.

Из сделанного мною здесь очерка вы могли заметить, что не это было причиной, а причиной явилась вековая, провокационная система управления в нашем крае... (*Голос справа: «Довольно!»*) Нет, господа, не довольно. Мы редко злоупотребляем с этой трибуны.

Председательствующий (прерывая). Пожалуйста, не вступайте в переговоры.

Хас-Мамедов. Я подчиняюсь замечанию председателя и не отвечаю вам. (*Смех справа.*)

Обращаясь к настоящему положению вещей на Кавказе, что мы, господа, находим? Все Закавказье находится в тисках военного положения. Общие законы, хотя и архаические, и неприспособленные к интересам местного населения, приостановлены, и вместо них действуют законы исключительные, а вернее — обязательные постановления и усмотрение отдельных наших генерал-губернаторов, наложение групповых денежных взысканий за действия отдельных лиц, а эта групповая ответственность заключается в том, что если кто-нибудь из жителей совершил какое-нибудь преступление, и виновный в этом преступлении не будет обнаружен, то налагается денежное взыскание на целый город, на целую деревню, а иногда и на несколько деревень; бесконечные административные высылки, подавление всякого культурного начинания — вот, чем управляет в настоящее время кавказская администрация. Какое уважение к законности и к порядку могут привить населению эти властелины, когда они на каждом шагу их нарушают? Все это видит, господа, население. Я осенью был у себя на родине в г. Елисаветполе, и там действовали в это время одновременно общие наши суды и отделение военно-окружного суда. Я сделал такое наблюдение, господа, что за одно и то же преступление человек судится военным судом и за такое же преступление обыкновенным нашим судом: там выносят более тяжкое наказание за одно и то же преступление, а тут, в общих судах — наказание более мягкое.

И это, конечно, непонятно для населения, и оно усматривает в этом, и вполне справедливо, произвол и усмотрение администрации. Ничего не стоит генерал-губернатору какое-нибудь преступление изъять из действия общего закона и передать военному суду. Я привожу это для того, чтобы не было голословно. Рядом с этим культурные потребности народа если не забыты, то удовлетворяются в самой незначительной степени. Для подтверждения этой мысли я приведу следующую справку. Статистические данные ярко характеризуют, как удовлетворяется эта потребность Закавказья, сравнительно с Европейской Россией: «В то время как в последней приходится одно начальное училище на 55 кв. верст и на 1 376 ч. жителей, одна больница — на 777 кв. верст и на 19 000 жителей, один врач — на 650 жит., в Закавказье одно училище приходится на 108 кв. верст и на 2 965 жителей, одна больница — на 1218 кв. верст и на 38 000 жителей, один врач — на 13 тыс. жителей». Словом, народное образование и заботы о народном здравии в Закавказье находятся в положении вдвое худшем, чем в Европейской России, которая, в свою очередь, очень отстала от Западной Европы; но в Европейской России земства ставят эти культурные вопросы на первый план и расходуют на них почти половину своего бюджета; на народное образование земство расходует 18,8 % и на народное здоровье — 29,9 %; в Закавказье на первое ассигнуется 3,3 % земских доходов и на второе — 13 %. Если вы спросите, куда же расходуются остальные суммы из земских денег, то я скажу, что добрая половина уходит у нас на земскую стражу. Господа, мы часто слышим обвинение в том, что все управление Закавказья заполнено туземцами — засилье, как выражаются г.г. авторы запроса. Господа, сегодня, еще недавно, мы слышали от депутата Пуришевича заявление по этому поводу. Я не буду приводить статистических данных, которые у меня имеются, о том, какое количество туземцев находится на службе, но я сошлюсь на ту справку, которую приводил здесь деп. Гегечкори. Если вы припомните, из этих статистических данных ясно было, какое незначительное количество туземцев находится там. Но я коснусь другого вопроса здесь — того, насколько все эти лица, состоящие на службе, удовлетворяют своему назначению. В этом отношении я своего ничего не буду говорить. Я только приведу мнение, или разъяснение, которое сделал заместитель наместника на Кавказе бар. Нольде в отношении администрации и полиции. Он нам здесь заявил: «Генерал-адъютант гр. Воронцов-Дашков не может со своей стороны не высказать убеждения, что недостатки в предупредительных действиях полиции во вверенном ему крае следует объяснять тяжелыми условиями службы на Кавказе, особенно для незнакомых с местными языками русских людей в должностях полицейских чиновников». Далее он говорил: «Наместник не может не считать, что общая полиция эта едва ли могла бы сделать больше, особенно потому, что комплектование это доброкачественными элементами русских людей является весьма затруднительным, так как на долю Кавказа достаются только такие элементы, которые не могли лучше устроиться ближе к родине». Что именно заключается в этих осторожных выражениях представителя власти, это достаточно понятно, чтобы на этом заявлении более не останавливаться, и поэтому я не буду распространяться. Господа, здесь часто жалуются на чиновничество Закавказья. Я отсюда должен заявить, что в этом отношении должно быть сделано исключение для чинов судебного ведомства: в рядах должностных лиц судебного ведомства на Кавказе находится много таких уважаемых, почтенных людей, которые могли быть достойны этих должностей и в центре самой России, так что относительно этих должностных лиц должны мы всегда отзываться с уважением. Но при всем этом я должен сказать, что на Кавказе нет правосудия. Это объясняется не тем, что лица, творящие суд, не на высоте своего призыва, а является результатом постановки самого дела. Господа, вся следственная власть на Кавказе находится в руках так называемых дешевых следователей, а вы знаете, что это такое дешевые следователи — это

кандидаты на судебные должности. Вместо того, чтобы в Закавказье, как и в России, дать нам судебных следователей, создан у нас институт помощников мировых судей, заведующих следственной частью. Их очень недостаточно, и в подмогу им существуют так называемые кандидаты. Эти кандидаты — те же судебные следователи со своим определенным участком. Молодой кандидат прослужит полтора года и получает следственный участок, не зная местных языков, не осведомленный хорошо в технике производства предварительного следствия; предварительное следствие находится не в его руках, оно находится в руках его переводчика, который страшно злоупотребляет, и все то, что там делается, едва ли можно признать за достоверное. Этим объясняется, что на Кавказе на судах часто не подтверждается то, что показано на предварительном следствии. Обыкновенно это принято приписывать лжесвидетельству туземного населения; но если вы примете во внимание, при каких условиях производится предварительное следствие, если примете во внимание, что на предварительном следствии переводят показания сторон и свидетелей десятирублевые переводчики, то можете себе представить, что это за переводы, которые они делают. Нет правосудия и в наших мировых установлениях. Вам должно быть, безусловно, известно, что мировые учреждения на Кавказе построены были на тех же началах, как были построены эти суды раньше и в России, но с той только разницей, что у нас они — по назначению, а здесь были по выборам. Во-первых, я должен сказать, что районы этих мировых участков громадны. С другой стороны, мировые судьи, не знающие местных языков, местных обычаяв и других особенностей местного населения, конечно, не могут творить так правосудие, как это требовалось бы. Они тоже находятся в руках безграмотных переводчиков, которые сильно злоупотребляют. Я должен констатировать такую вещь, что когда население является в эти мировые учреждения, оно не ищет мирового судью; оно ищет, первым делом, этого переводчика, который является фактически судьей. Мировой судья объясняется с местным населением, конечно, на государственном языке. Бывают такие случаи, когда мировой судья знает местный язык, но, тем не менее, он не может и не имеет права объясняться с туземным населением на этом языке. Конечно, ясно, что при таких условиях население, прежде всего, имеет дело с переводчиком — через него оно должно переводить все, что нужно, добиваться того, зачем оно является туда. Вот, почему нарекания населения большие на эти суды. Вы знаете, как эти мировые учреждения называются? — «Отложить-хана» и «решить-хана», т. е. учреждение, где фабрикуется решение и откладывание его. Является население в суд, мировой судья разбирает дело: переводчик в двух-трех словах объявляет резолюцию судьи, и оттуда обыватель уходит с тем мнением, что решилось его дело, или отложено. По каким соображениям, по каким данным — обыкновенно переводчики не считают нужным об этом говорить, хотя мировой судья объясняет это на государственном языке. То же самое явление наблюдается и в общих судебных установлениях. Господа, я должен здесь привести один случай из своей практики: я служил 13 лет по судебному ведомству. Будучи кандидатом на судебные должности при елисаветпольском окружном суде, я в качестве помощника секретаря участвовал в судебных заседаниях. Разбиралось уголовное дело; когда один свидетель давал свои показания, показания эти были переводчиком переведены неправильно. Это было настолько важное показание, что на нем, может быть, должен был быть основан обвинительный приговор. Во время перерыва — до этого, конечно, я не мог во время судебного заседания обратить внимание г.г. судей, — я обратил внимание председательствующего на то, что перевод сделан переводчиком неправильно. Надо сказать, что я записывал показания свидетелей, когда они еще говорили на туземном языке, не ожидая перевода переводчика. Когда возобновилось заседание, председательствующий вызвал вновь этого свидетеля и стал передопрашивать, и действительно, полу-

чился тот ответ, о чем я заявлял председательствующему. Это исправление показания было основанием того, что этот подсудимый не был приговорен к страшному уголовному наказанию и был оправдан. Мне председательствующий говорил: «Не будь этого Вашего заявления, мы были бы убеждены в виновности этого подсудимого и, без сомнения, должны были бы его приговорить». Я читал мотивированный приговор, и он был основан действительно на этом втором моем исправлении.

В связи с этим вопросом я должен коснуться еще одного вопроса: каким требованиям должно удовлетворять лицо, стоящее во главе управления краем? Мне кажется, оно не должно смотреть на вещи с истинно-русской точки зрения, ибо эта точка зрения есть национальная исключительность и борьба с инородцами, а он должен смотреть на вещи единственно с государственной точки зрения, — эта точка зрения есть благожелательность к населению, неделание различия между национальностями, привитие законности и порядка ко всему управлению и ко всему населению, сближение последнего с отдельными народностями государства и вселение любви к государству. Если такое лицо в настоящее время имеется во главе управления, то, мне кажется, надо это лицо приветствовать, как лицо, укрепляющее мощь и силу государства, а не объявлять его нежелательным и ненавистным. Я далее коснусь еще одного вопроса. Г.г.! уже десятка два лет, как кавказские народы заявляют об ужасном положении, в котором они находятся. Они заявляют о том, что им необходимы реформы: введение земских учреждений, преобразование местного суда, администрации также, земельное устройство местного населения и т. д. Нам здесь представитель наместника на Кавказе бар. Нольде заявил, что власть, администрация вполне сознают необходимость этих реформ, но что они у нас будут введены только тогда, когда соответствующие реформы будут введены во внутренних губерниях России. Это обычные обещания и обычные слова, которые мы всегда слышим, когда нужно какую-нибудь новую обязанность наложить на кавказское население. Нам никогда не говорят: подождите, сначала эти обязанности мы наложим на внутренние губернии России, а потом на окраины; но, как только идет дело о реформах, могущих так или иначе поднять благосостояние населения и культурное его развитие, нам говорят: ждите. Мы находимся в каком-то заколдованным кругу: говорят, что в центре нельзя пока ввести реформы, потому что нет успокоения; а нам говорят: у вас реформы будут, когда они будут в центре, — и нет конца этому. Мы полагаем, что только эти реформы могут успокоить наш край и вызвать общественные силы для созидательной работы. Только благодаря реформам можно создать доверие население к власти; репрессиями же, г.г., и угнетением населения, чего добиваются авторы настоящего запроса, можно только добиться обратных результатов. (*Рукоплескания слева.*)

Гайдаров. Г.г. члены Г. Д.! Чтобы не быть ни на минуту голословным, я все время буду ссылаться на все те данные, какие у меня есть, так что ни одного слова у меня не будет в роде того сегодняшнего фейерверка, какой был у г. Шульгина 2-го, который взял какую-то вульгарную цитату из лживой газеты и привел ее здесь. Г.г. члены Г. Д.! От предыдущего оратора вы слышали убийственную критику русской политики в Закавказье, но Северного Кавказа ни один из ораторов не затронул в той исчерпывающей полноте, какую он должен был получить. Это произошло потому, именно, что Северный Кавказ — горское население, — благодаря акту 3 июня и административному произволу, лишился своего представителя, и среди нас, депутатов, нет такого, который представлял бы горское население Северного Кавказа. Поэтому, г.г., позвольте мне, как представителю горского населения Дагестанской области и Закатальского округа, попутно в своей речи коснуться положения населения Северного Кавказа.

После покорения Кавказа рескрипт императора Александра II на имя кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича от 13 окт. 1871 г. гласил: «С окончанием

кавказской войны предстало выполнить задачи не меньшей государственной важности: окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить над горскими племенами нашу нравственную власть, которая составляет верный залог спокойного обладания». Какое же реальное содержание приняла эта нравственная власть, мы увидим из дальнейшего. Из процитированного товарищем Чхидзе донесения князя Воронцова на высочайшее имя вы видели, что русская бюрократия, тогда еще официально крепостническая, всеми силами поддерживала дворянское сословие в борьбе с демократией. Что касается Северного Кавказа, то здесь сословная дифференциация до появления русских была незначительна, почти ее не было, и вот, здесь русское крепостническое правительство всеми силами старалось искусственно создать сословие аристократическое, и в некоторых местностях даже создавало целые ханства, как, например, Кюриинское ханство Дагестанской области. «Хан кюриинский, получивший власть над свободным кюриинским населением от русского правительства, — доносит генерал Пестель, — налагает на кюриицев чрезмерные подати, отбирает у своих подвластных силой дочерей, продает их, многих казнит». В то же время само население отправило депутатию в Темир-Хан-Шуру, в числе 200 человек, в 1860 г., жаловаться начальнику Дагестанской области⁴³ на хана в следующих выражениях: «За что нас, никогда не враждовавших против русских, отдали злому волку, который нас грабит?» Тоже надо заметить, что в Дагестане с помощью русской власти, путем пешкешей и всевозможных взяток, общественные земли перешли в руки беков, т. е. дворян. Вот, что говорит по этому поводу Гидулянов: «И всегда ходатайствам беков по предмету их владения деревнями помогали пешкеши, которые князь Цицианов признавал величайшим злом для нравственности чиновников и старался искоренить. Пешкеши сии сначала делаются оружием, лошадьми, а потом, когда совесть мало-момалу смягчится, все это заменяется деньгами».

А в Кубанской и Терской областях русское правительство, вопреки своим неоднократным прокламациям о том, что не будет посягательств на горские земли, экспроприировало эти земли в пользу казаков и казны. «Со времени покорения Кавказа, — говорится в трудах комиссии, избранной владикавказской городской думой для рассмотрения вопросов о причинах грабежей и разбоев в гор. Владикавказе, — казаки смотрят на туземцев, как на своих врагов, казаки отобрали у них лучшие земли, загнав их в глубь диких горных ущелий, откуда, поддерживаемые администрацией, вновь домогаются удалить их с обработанных с величайшим трудом земель. Подобное отношение казаков к туземцам не могло не порождать неприязни между ними. Администрация не только не принимала никаких мер к прекращению враждебных отношений, а, наоборот, руководясь принципом *divide et impera*^{*}, постоянно приносila интересы одной половины населения, туземного, в жертву другой — казакам. Таким образом, поставленное вне действий общих законов, систематически преследуемое властями и военным сословием, в безграничном закабалении последних, не только юридически, но и экономически дезорганизованное и лишенное всяких законных способов защиты своих интересов, — туземное население разоряется, дичает, озлобляется и деморализуется, проявляя изредка свое недовольство в диких и кровавых формах открытого мятежа, как это было в Чечне в 1898 г.» Г.г.! Это говорят люди, далеко не пристрастные к горцам. Одновременно с отобранием земель у горского населения велась агитация в пользу выселения горцев в Турцию. «Задача кавказской армии близится к концу, — говорится в письме генерала Карцева к Новикову, российскому поверенному в делах в Константинополе, от 19 октября 1863 г., за № 8, — стесненные в узкой прибрежной полосе горцы при дальнейшем выступлении войск будут поставлены в отчаянное положение. Немногие из

* *Divide et impera* (*лат.*) — разделяй и властвуй.

них могут согласиться покинуть живописную природу — родину, чтобы переселиться на прикубанскую степь. А потому, в видах человеколюбия и в видах облегчения задачи, предстоящей нашей армии, необходимо открыть им другой выход: переселение в Турцию». Из-за человеколюбия русского правительства черкесы, чеченцы и осетины покидают могилы своих предков и роскошные цветущие поля и переселяются в степи малоазиатских пустынь, и по человеколюбию того же правительства почти 50 % их вымирает по дороге, а остальные превращаются в диких бродящих башибузуков. А что становится с оставленными ими садами и другими богатствами? Они превращаются, под ударами казаков, в пустыни, и по сей день пришлый элемент не в состоянии восстановить былые нивы и луга, созданные буквально на голых скалах.

В Дагестанской области политика русской бюрократии была несколько иная. Правительство, на основании мусульманского права — шариата, экспроприировало общественные земли в пользу казны, так что вся почти годная земля принадлежит или казне, или дворянам. Рядом с безземельем и малоземельем крестьянства процветает до сих пор у нас крепостнический институт — раят⁴⁴. Один из лучших знатоков Дагестана, историк Козубский, вот что говорит по этому поводу: «С водворением русской власти в Дагестане, с начала 19-го века, сначала в приморской его части, ханская власть, ограниченная прежде обычаем и вольностями жителей, благодаря политике невмешательства во внутренние дела ханств и поддержке ее при помощи военной силы, превращается в деспотическую. Вместе с этим, благодаря неограниченному праву хана раздавать деревни и, тем самым, возводить в бекское достоинство, а также благодаря содействию русских властей, усиливается сословие беков, и появляется в некоторых владениях новое сословие — раят, образовавшееся из жителей деревень, отданных ханами бекам. Воспользовавшись незнанием русских властей, не могших отрешиться от воззрений, выросших на почве крепостного права, беки превращают временное, всецело зависящее от воли хана, право на управление и извлечение доходов с деревень, в наследственное, и мало-помалу, пользуясь благоприятными условиями в некоторых частях края, начинают отчуждать деревни с населением по своему произволу. Когда последнее вошло в обычай, беки стали показывать русскому начальству земли вверенных им деревень за их собственные и таким образом превратили, несмотря на протесты жителей, административно-финансовую, как показано выше, зависимость населения в поземельную и, увеличивая на этом основании доходы и свои права над населением принадлежащих им деревень, постепенно фактически закрепостили вольных доселе узденей». А каково современное положение раят, видим у другого историка, у Гидулянова: «Для раят Дагестана великая реформа 1861 г. не принесла ничего нового. Все здесь осталось по-прежнему, не исключая даже права продажи раят. Отчуждая землю, на которой живут раят, бек, вместе с тем, продает и права на сбор податей и личный труд сидящих на ней раят. Для приобретения земли и владения раятами в настоящее время нет даже надобности принадлежать к бекскому сословию: достаточно одних денег, — почему даже сам раят может сдаться господином своих бывших собратий». К сведению представителей правительства нужно сказать, что существуют и казенные раяты. Большие пространства земли, всегда бывшие в общественном владении поселенцев Дагестана, перешли в собственность казны, а жители из вольных узденей, подданных хана, стали раятами казны. Размер натуральных повинностей и налогов раят в переводе на деньги простирается от 3 р. до 33 р.

Нечто еще худшее встречается в Закатальском округе, как вы увидите, г.г., из следующего обращения ко мне представителей выборных от Закатальского округа: «До прихода русских подгорные селения Закатальского округа — Джагры, Мацехи, Катехи и т. д. силою оружия наложили на нас дань, и мы, слабые тогда, подчинились этому решению силы. Русское правительство, обложив нас, наравне с остальными, общим подымным сбором,

потом оброчной податью с земским сбором, не сняло, однако, до сих пор дань лезгинскую — горцам, сначала потому, что лезгины жили в соседстве с непокоренным тогда еще Дагестаном, теперь потому, что дело передано в образовавшуюся сословно-поземельную комиссию в частях Кавказского края по военно-народному управлению. Комиссия эта образована более 40 лет тому назад, но она до сих пор не может кончить этого вопроса. С самого начала русского управления, не переставая, обращали мы внимание подлежащих властей на столь вопиющую ненормальность, что одни общества, помимо государства, обложены еще в пользу других, по правам себе равных обществ, и это терпится потому, что взымающие не чувствуют тяжести платящих. Мы, жители селений Алиабад, Верхиан, Киндиргало, Лалало, Заган и т. д., — в общем 3 000 дымов, даем ежегодную дань селениям Ддар, Мацех, Катех и т. д. в определенном количестве 6 028 тагаров зерна (тагар = 7,5 пуда), стоимостью 36 138 р., по 12,3 р. с дыма, да еще государству и сторонним селениям, по недостатку земли. Например, сел. Алиабад дает: оброчную подать с земским сбором — 9 000 р., а дань лезгинам — 9 180 р. ежегодно; сел. Верхиан дает государству — 4 340 р., лезгинам — 3 618 р. ежегодно; сел. Енгиян дает: государству 1 523 р., лезгинам — 924 р.; сел. Заган дает: государству — 2 071 р., а лезгинам — 1 536 р. и т. д., также и остальные селения обложены в пользу лезгин иногда больше, иногда немного меньше, чем в пользу государства. Так выходит теперь, когда обложение наше в пользу государства добилось того, что взыскать больше ничего и не могут; но прежде сбор для государства составлял четвертую часть сбора в пользу лезгин. Наше земельное неустройство много лучше выяснится и устроится через местные земельные комитеты; но наше положение данников лезгин — зло, слишком вопиющее, чтобы его терпеть и решение его откладывать, и не найти способа к скорейшему его прекращению. Многострадальное, так называемое податное сословие, мы, по чьей вине — не знаем, но не по нашей, составляем что-то, стоящее даже ниже податного сословия, раз мы постоянные данники себе равных».

Если для урегулирования земельных отношений временнообязанных крестьян с вашей стороны, г.г., потребуется законопроект, то для окончательной ликвидации института раятов, или данников, по Закатальскому округу, надобности в особом мудреном законо-проекте не имеется. Г.г.! Будьте немного выше позорной действительности и потребуйте от вашего крепостнического правительства окончательной отмены позорного института!

Председательствующий. — Призываю Вас к порядку по поводу этого выражения.

Гайдаров (продолжает). Пусть г.г. Павловичи не говорят нам об упадке национального достоинства в высших сферах правительства. Пусть знают, что если бы национальное достоинство русского народа заговорило в этой зале, то мы бы уже второй год не были бы свидетелями существования позорного положения у нас на Кавказе. Г.г., Володимиров повествует нам об объединенной Совести большинства Государственной Думы. Пусть же она скажется в отмене безнравственного порядка, заключающегося в том, что в числе повинностей, переведенных на деньги в некоторых местностях, есть и «право первой ночи». Я знаю, что г.г. правые скажут мне, что ваши права вы сами отменили. Да, в некоторых местностях крестьяне давным-давно явочным порядком, уже 10 лет тому назад отменили этот институт; они бекам не платят ни копейки, хотя бы их и убивали. Пускай же теперь правительство не вступится за беков и не заставит платить то, что уже прекратили платить.

Перейдем теперь к характерным чертам управления краем русской бюрократией. Они заключаются, прежде всего, в системе провокации, т. е. в натравливании одной национальности на другую, в тщетном стремлении развить у местного населения сепаратизм с применением крайне жестоких мер под видом системы подкупов и взяточничества. Господствующие слои населения эксплуатируют низшие слои его, совершенно игнорируя

нужды края, а иногда тормозят даже предъявление требований со стороны населения. Кавказские горцы в глазах местной бюрократии как бы низведены до степени низшей расы. О наших горцах Кавказа говорят не иначе, как о ворах и разбойниках. Если проследить историю их деяний и историю деяний русского правительства, то можно смело назвать последнее провокационным, а первое — благородным. Обратимся к истории. В 1744 г. российское правительство обратило внимание на ингушей с целью восстановления у них христианства⁴⁵, а в 1747 г. последовало разрешение о принятии их в подданство России⁴⁶. Что делали с нацией ингушей по принятии ими подданства российского в целях распространения христианства? В 1782 г. появились попытки и даже принималось за правило для упрочения нашей власти ссорить между собою кавказские племена, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли нас в покое. В виду достижения этой цели, различными способами ингуши и чеченцы были между собой поссорены, и в июне 1883 г. сразились, имея с каждой стороны до 10 000 человек. Результатом этой борьбы было поражение ингушей, отбитие у них до 2 000 человек. А ингуши как поступали? Безусловно, они были наивны. Вообще нужно сказать, что кавказские горцы были слишком наивны и вели братоубийственную войну. Шамиль 3 раза порывался привлечь на свою сторону ингушей, но терпел неудачи. Особенно чувствительное поражение было ему нанесено почти исключительно силами одних ингушей в апреле 1840 г. 40-тысячная армия Шамиля, с которой он, по уверению ингушей, подступал к Ханазану, как и прокламации, как разные обещания земных и райских благ, не сломила ингушей. За блистательное отражение скопищ Шамиля ингуши удостоились получить знамя и некоторые привилегии, которыми и пользовались до 1888 г. Вы, может быть, скажете, что система провокации в видах государственных существовала тогда, но теперь этого нет; теперь на Кавказе живут мирные подданные Российской империи, и нет надобности в провокации. Вы, г.г., ошибаетесь. Если в то время провокация была государственной, освещенной государством, то и теперь г.г. провокаторы à la Азеф там существуют и, может быть, в еще худшей форме; эти г.г. там облечены еще властью. В конце 1907 г. и в начале 1908 г. в гор. Грозном был убит часовой на посту. — Бумага получена мною из Владикавказа. — В это время старшим помощником начальника Грозненского округа и исполняющим должность полицеимейстера гор. Грозного состоял подполковник Чернов, который воспользовался этим случаем для достижения намеченной цели — добиться увольнения от должности начальника Грозненского округа полковника Яковлева и занять его должность самому. Явившись в средних числах января 1908 г., подполковник Чернов доложил бывшему временному генерал-губернатору Колюбакину, «что ему достоверно стало известно, что в Чечне готовится восстание; убийство часового не есть простая случайность, а есть начало политического движения в Чечне; но он, не будучи начальником округа, не имеет возможности действовать открыто». Так как доклад таковой был сделан в период передвижения турецких войск к русско-персидской границе, то ему придали некоторое значение, и внимание администрации сосредоточилось на Чечне. Вернувшись из Владикавказа в Грозный, подполковник Чернов обратился с просьбой к начальнику гарнизона, генералу Кузьмину-Караваеву, выставить на базаре против чеченских рядов караул в одну роту. Когда на базаре неожиданно появился караул, чеченцы-торговцы встревожились, напуганные обстоятельствами нападения запасных нижних чинов в 1905 г., когда чеченцы-торговцы все были ограблены и частью перебиты, и отправились к начальнику округа полковнику Яковлеву узнать причины выставления у них караула. Полковник Яковлев сказал, что он ничего не знает, пусть они обратятся к подполковнику Чернову. Чеченцы отправились к Чернову, который принял их и объяснил, что против них, чеченцев, солдаты и казаки сговорились, в казармах идет гул, надо ожидать нападения с часа на час,

что ни он как полицеймейстер, ни как помощник начальника округа, ни офицеры частей удержать нижних чинов не могут, а потому чеченцы пусть сами ищут себе защиты. Встревоженные объяснением Чернова, чеченцы немедленно закрыли всю торговлю и предупредили все окрестное население о готовящемся нападении, о том, чтобы никто не ездил на базар. В тот же день они поехали в город Владикавказ и за отсутствием генерала Колюбакина доложили обо всем старшему помощнику начальника области генералу князю Орбелиани⁴⁷ и начальнику 21 пехотной дивизии генералу Ясенскому. Произведенным расследованием выяснилось, что в Чечне никакого восстания не готовилось, что это полнейший вздор, не имеющий под собой никакой почвы. Позднее, в феврале месяце, генерал-лейтенант Колюбакин, чтобы доказать населению, что он не придал значения докладу Чернова, а также чтобы успокоить население, лично поехал в Чечню, а Чернова, как человека не подходящего, перевел из Грозненского округа в Кизлярский отдел. Летом 1908 г., согласно предписанию окружного штаба, Чернов назначен начальником назрановского округа, к ингушам, которые представляют собою ветвь чеченского племени. Таким образом, г.г., г. Чернов может производить свои провокационные проделки и над чеченцами, и над ингушами. Что же говорит нам вопрос о грабежах и разбоях? Этот вопрос вас, кавказцев, очень волнует. По своему социальному и экономическому положению горцы находятся в ужасном состоянии; положение их невыносимо. «Казаки обеспечены огромными наделами земли, — читаем мы в трудах комиссии, избранной владикавказской городской думой, — доходящими в среднем до 101 десятины на двор: они живут, по-видимому, привольно, а рядом — туземцы, которые слышали от своих стариков, что все эти земли принадлежали им, терпят во всем недостаток. В той же книге мы читаем: «Наша администрация подвергала население ингушей, в период управления генерала Коханова, за имение усовершенствованного оружия штрафу в 15 р. и каждого из его родственников, не донесших на него, по 5 р. Такие чрезвычайные сборы с наших ингушских сельских обществ, простирающихся до 45 000 душ обоего пола, вместе с земскими и государственными платежами в продолжение нескольких десятков лет и в размере вдвое большем, чем платили соседние горские племена осетин и кабардинцев, окончательно убили материальную состоятельность и обеспеченность наших сельских обществ и создали из ингушей, по выражению публициста Цаголова, «в центре Терской области, богатой природой, обнищавшее племя». Эти же непомерные и непосильные платежи лишили и лишают возможности многих сельчан, понимающих все блага и выгоды европейской школьной науки, заняться образованием своих детей. Большинство ингушского населения, преданное тихому и мирному труду, страдает само же безмерно от беспокойной хищнической жизни меньшинства своей преступной молодежи в области. Оно выносит такие платежи и тяготы, о которых ни другие соседние горские племена, ни русские крестьяне понятия не имеют; в каждом селении держат внутренний ночной караул на 10 человек, оплачиваемых по 10 р. каждому в месяц, по 7–8 человек так называемых конно-разъездных, оплачиваемых по 7–8 р. каждому, по 4 человека полевых объездчиков, получающих от общества тоже по 10 р.; сельскому старшине жалованья без квартиры, отопления и освещения каждое общество платит не менее 240 р. в год, старшему сельскому писарю — 300 р., его помощнику — 80 р., сельскому сторожу — 120 р. Еженочно безвозмездно выгоняют на охрану железнодорожного пути по 4 человека с каждого селения, что тоже стоит по 10 р. каждому, а весною и летом даже по 20 р. На охрану ставки начальника участка каждое селение по очереди посыпает по 4 человека, иногда на 30–80 верст расстояния. Если сосчитать эти платежи при допустимости состава каждого селения из 300 дворов, то выходит, что каждое селение выплачивает, без платежей на пастухов и общественных табунщиков и без государственных земельных и других сборов, на одни вышеуказанные

потребности 3 682 р. А если к этой сумме прибавить сумму уплачиваемых поземельного сбора в 2 400 р., земских сборов 600 р. и платежей пастухам в 600 р., чего меньше быть не может, то общая сумма ежегодных платежей каждого сельского общества выразится суммой в 7 282 рубля, а платежи каждого двора — более 24 р. в год без тех случайных платежей штрафов, которые накладываются еще на сельские общества время от времени за разные проступки отдельных лиц. Г.г.! Интересно знать, с чем обращались ингуши в первую Государственную Думу. (*Читает.*) «Петербург. Председателю Г. Д. Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50 000 (?) человек, занимаясь испокон веков земледелием. Весь маленький народ составлял как бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовые деления, привилегированные и непривилегированные сословия, управляемые общинными началами. Но после покорение Кавказа, в 60-х годах, невзирая на всю горячую любовь к России, высказанную нами не раз в трудные исторические моменты, местные власти, охваченные пагубной идеей русификации края, начали отбирать у нас земли и заселять их казаками. В настоящее время $\frac{2}{3}$ наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, мы должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком 30 000 арендной платы. Это ничто иное, как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячетелетия. Но, к нашему несчастию, казаки не довольствуются этим. Они, по-видимому, окончательно решили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всяkim случаем, чтобы придаться к нам, взыскивать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось уплатить в пользу казаков 50 000 рублей, а между тем, местные власти состоят исключительно из казаков, и областной начальник, будучи в то же время атаманом терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении. Особенно энергично подстрекать их стали за последний год, когда освободительное движение, идя с России, захватило светлыми волнами и наши горы. Вследствие подобных отношений к нам властей, изуверствам и дикости казаков не стало пределов. За истекший год мы должны были вынести со стороны казаков 5 вооруженных нападений, приводивших к кровавым столкновениям. Но самым возмутительным из них было последнее столкновение, возмутительное не столько по проявленной в нем казаками смелости и необузданности, но и по отношению к этому событию местных властей. Столкновение имело место при ингушском ауле Яндырке 20 мая. Один яндырец, имея в руках один только зонтик, поехал нанимать рабочих. Дорогой в городах казачьей станицы Троицкой на него напали казаки и убили. Лошадь убитого прибежала окровавленная домой, и родственники убитого пошли убирать тело покойника. Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Семашкинской, Осиновской, Нестеровской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, немедленно собрались и совершили нападение на аул Яндырки, отстоявший на расстоянии 6 верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям. Невзирая на донесение начальника 2 участка Назрановского округа, власти подоспели лишь на второй день. Из Владикавказа выступили батальон пехоты ашлеронского полка и пулеметная рота под начальством подполковника Попова. В то же время прибыли и три сотни казаков под начальством атамана Сунженского отдела генерала Суровецкого. Когда отряд прибыл на место, то по распоряжению часть пехоты с пулеметами взобралась на гору, доминирующую над Яндыркой, а другая часть смешалась с казаками и обстреливала Яндырку. Попов, вместо

того, чтобы защищать осажденный и обстреливаемый аул, находясь под влиянием Суро-вецкого, девиз коего „согнуть в бараний рог горцев“, — приказал громить пулеметами. Никакие мольбы и увещания начальника округа полковника Котляревского не громить беззащитный аул не помогли, и аул, как вражий лагерь, был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых и 13 тяжело раненых пулеметами.

Дети, женщины и старики в ужасе разбежались в соседние леса. Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить вконец. Справедливости и защиты нам искать негде. Куда бы мы ни обратились, нам говорят: „С казаками мы ничего не можем делать“. Для полноты иллюстрации я еще кое-что вам прочту. (*Голоса справа и в центре: «Довольно!»*) Нет, еще не довольно. «Казаки, будучи вооруженным военным сословием, злоупотребляя своим оружием, истребляют обезоруженных ингушей при одиночной встрече и даже при проезде партий отставных казаков, или казачьих команд через наши села. Года 4 тому назад у проезжавшего через Базоркинское селение казака выхватил из воза мальчик несколько огурцов: казак тут же застрелил его, и за это не подвергся никакой ответственности; в 1902 г. в Базоркинском селении ехавшая из г. Владикавказа партия в 11 человек казаков застрелила молодого ингуша, сына Даубека Ахвиева, порывавшегося, будто, у убийцы-казака посреди бела дня и многолюдного селения отнять берданку. Происшествие не получило должного направления и выяснения судом» и т. д., и т. д. Я мог бы прочесть не о 15 убийствах, отмеченных в запросе, а о 1 015. Мы достаточно установили, какие преступники проводят начало власти в крае, и я должен сказать, что лезгины Дагестанской области с отвращением относятся к разбоям и грабежам. Нет ни одного случая поимки разбойника без помощи самих жителей. Несколько лет тому назад жители г. Дербента обратились к губернатору⁴⁸ с просьбой защитить их от крупной шайки разбойников. Губернатор ответил, что разбойники, как ветер в поле, — их не поймаешь. Начальник Терской области⁴⁹ считает поголовно всех туземцев разбойниками. Это факт, и я сейчас это докажу.

В прошлом 1908 г. начальник Терской области издал такой циркуляр: «При возбуждении уголовного преследования по обвинению некоторых туземцев в тяжких преступлениях, обвиняемые в самом начале расследования, или во время производства дознания скрываются в Европейскую Россию, поступая там в стражники. Отыскать их и привлечь к законной ответственности чрезвычайно трудно. В интересах правосудия и освобождения России от элементов, никоим образом не могущих служить к охранению населения, предписываю, чтобы впредь туземцы, отправляющиеся в Россию на службу, получали удостоверение на право выезда лишь по проверке, не имеется ли причин к их задержанию». Это, так сказать, вступительная речь к возбуждению сепаратизма, а вот и самая речь: «В большинстве обществ хуторян и сельских хозяев, расположенных на казачьих и частновладельческих землях в Кизлярском и Моздокском отделах, по левому берегу Терека, нанимаются для службы в качестве приказчиков, объездчиков, сторожей, пастухов и работников туземцы из осетин, кабардинцев, ингушей, чеченцев и кумыков, причем, ради дешевизны, в большинстве случаев неблагонадежных. Служащие эти, хотя и представляют охрану для данной экономии, но, в общем, являются большим злом для всего района, так как, поступив на место и ориентировавшись, начинают систематически заниматься воровской деятельностью, являясь проводниками, пособниками и укрывателями воров-туземцев. Ввиду того, что принимавшиеся мною для искоренения этого зла меры до сего времени положительных результатов не дали, я, на основании ст. 19 правил о местностях, объявленных на военном положении, постановил: воспретить овцеводам, хуторянам и сельским хозяевам, как русским, так и туземцам, проживающим на казачьих и частновладельческих землях названных двух отделов, иметь у себя служащих из перечисленных

выше туземцев в качестве работников, приказчиков, объездчиков, пастухов и сторожей. Для проведения этой меры даю упомянутым хозяевам месячный срок со дня объявления этого постановления, в течение которого они должны заменить всех служащих у них туземцев русскими, грузинами или ногайцами. Запрещение это по тем же соображениям нахожу необходимым распространить и на караногайцев, которым, сверх того, не дозволяю допускать на свои земли (второй участок Кизлярского отдела), перечисленных туземцев с их стадами и табунами, а допущенных уже, если таковые имеются, с объявлением сего в месячный срок удалить. За нарушение и неисполнение этого постановления виновные будут подвергаться мною денежному штрафу в размере от 50 до 1000 р. или тюремному заключению до одного месяца». Что же выходит? Земля отнята и передана казакам, а туземцам не дозволяют даже быть караульщиками бывшего их имущества. Нельзя приложить свои руки к какой-нибудь работе, нельзя выехать куда-нибудь в Россию, потому что туземцы неблагонадежны. Очень интересное и оригинальное обращение посылают жители аула Хунзах губернатору Дагестанской области. (*Протесты в центре и справа.*) Это вам понравится, оно очень патриотично. Послушайте его!

Гр. Бобринский 2-ой⁵⁰ (с места). Издайте брошюру и раздайте ее!

Гайдаров (продолжает). Вы обвиняете туземцев в том, что они воры и мошенники. Я прочитаю вам, что говорят сами туземцы. Вы увидите, насколько у них правосознание больше развито, чем у администраторов. (*Читает*): «Со дня покорения русским оружием Дагестана в Аварском округе не было ни одного случая пролития русской крови горцами. Считая себя верноподданными русского царя, мы, хунзахцы, ревниво охраняли честь и жизнь всех русских в течение нескольких десятков лет и считали их и теперь считаем своими братьями». (*Возгласы справа: «Браво!»*) Вам это нравится! Вот теперь дальше посмотрите: «Еще до Шамиля мы, хунзахцы, способствовали покорению еще непокоренной части Кавказа, за что удостоились высочайшей милости, получив георгиевское знамя». (*Голоса справа: «Вот хорошо!»*) Ну, и т. д. (*Голоса справа: «Нет, нет, читайте все! Смех. Голоса: «И это с.-д.?»*) Да, с.-д. Совершенно верно. «Мы поняли все благотворное влияние на нас покорителей и слились с ними в одно целое, не оставив в душе и тени неприязни к ним. Интересы наши слились с интересами русских, благосостояние в kraе русских стало благосостоянием нашим...» (*Возгласы: «Браво! справа.*) Не обвиняйте же нас в сепаратизме!» (*Смех справа.*) «Спокойствие русских стало спокойствием нашим. (*Голоса справа: «Браво!»*) Чего вы удивляетесь? Горское население с русскими живет по-братски. (*Голос справа: «И слава Богу!»*) С марта месяца минувшего года в Аварском округе и, в особенности, в окрестностях Хунзаха был совершен ряд злодейств». Тут перечисляются убийства русских людей, которых г. Тимошкин, конечно, не знает. Наши туземцы лучше знают, а г. Тимошкин, наверное, составил бы новый запрос и опять обвинил бы Кавказ в сепаратизме. «Значит, между нами появились злодеи, кладущие пятно на всех остальных мирных и непорочных жителей. (*Переворачивает страницу. Голоса справа: «Господи! Еще 3 страницы!»*) Злодеи должны во что бы то ни стало быть открыты и понести достойную кару, но чья же это обязанность? Казалось бы, местной администрации. Но что же она может сделать? Начальник Аварского округа, не успевший в течение истекших 7 лет службы в округе посетить большинство подведомственных ему селений и на месте ознакомиться с условиями жизни вверенного ему округа?! Семилетнее управление округом посредством шаблонно написанных бумаг слишком отдалило его от течения действительной жизни и непосредственных столкновений с людьми. Тяжело и обидно нам, аварцам, носить клеймо позора: между нами нашлись убийцы, грабители, воры. Нам самим приходится отыскивать зло и вырывать его с корнем: два убийства рядовых крымского полка и ограбление Магомета Муртуза-оглы были открыты нами, и обнаружены четыре злодея.

Но все ли это? Можем ли мы возвратиться к своим мирным занятиям, отдав временную полицейскую обязанность в руки законной, но бездействующей власти, и не думать, что вновь услышим о злодеяниях? Мы думаем об этом, и дума наша приводит нас к тому, чтобы просить Ваше высокопревосходительство...» Это прошение привезли три лица, и все они, по настоянию начальника округа Барляева, против которого была направлена бумага, посажены в тюрьму на 2 месяца. (*Голос справа: «Браво!»*) Вы кричите браво, а как ваша администрация поступает с нашими горцами? Против нее и делайте запрос! (*Голоса справа: «Мы и хотим их выгнать вон!» «Мы вас одобляем!»*) Г.г.! Один из бывших разбойников в Дагестане всегда выражался так: «Разбойники не мы, разбойники — администрация, а мы — исполнители воли начальства». Я еще маленький факт приведу (*смех*), который вам это докажет. В начале 1906 г. был препровожден житель села Караги-Уса-Сеул в тюрьму на два месяца за оскорбление старшины того же селения. Т. к. это лицо по своей профессии бывший кучер, то г. Барляев назначил его своим кучером на эти 2 месяца. Затем он отпустил его домой, и 19 февраля названный арестант-кучер возил г. Барляева в с. Караги, что может быть подтверждено обществом селения. Таким образом, арестанты являются у нас простым объектом расчета г. Барляева, чем и нарушаются уважение к законности. Комментарии излишни. Наша администрация, сама будучи преступной, палец о палец не ударяет для обеспечения безопасности населения, а в то же время часто наказуются штрафами аулы, якобы за укрывательство преступников. Вот сегодня я получил письмо. (*Шум и смех справа.*) Короткое письмо: оно заключается в том, что после похищения некоторых лиц была отправлена карательная экспедиция в Терскую область. И вот, 4 человека были расстреляны казаками. По показанию офицера, на этих 4 лиц ему указало общество, которое, так сказать, «обязуется за ним». Это значит, что оно обязано за расстреляние преступников. Вот, как вольничают у нас на Кавказе! Вот будничная жизнь Кавказа! Теперь я буду говорить о требованиях религиозных, школьных и земских... (*Смех, шум справа. Оратор вполголоса говорит с председательствующим. Голоса: «Просим продолжать!» Смех.*) Для кавказского мусульманина ислам — единственная религия, а потому удовлетворение религиозных нужд безотлагательно необходимо. Мои избиратели стоят за принцип полной свободы вероисповедания без всякого вмешательства государства. Они требуют уничтожения привилегий господствующей церкви и бесправия магометан. Все вакуфы⁵¹ должны быть возвращены, чтобы они могли открыть медресе⁵², откуда могли бы выходить светски образованные муллы. О школьном голоде нечего говорить при 0,1 % грамотных. Население собирает на свои гроши десятки тысяч руб., строит школы, желает только открытия правительственной школы, но администрация препятствует им. Такой пример был в с. Курах. Очевидно, эти самобытные культуртрегеры так же думают о горцах и о школе, как г. Марков 2-й о мужике и о земле. Школ у нас почти нет, а если есть, то они — механизм для изуродования детской души и бессмысленной русификации. О врачебной помощи и толковать нечего, этой роскоши у нас нет, больниц совсем нет, а в аптеках — одна аптека на округ — даже хинина нельзя найти. Докторов почти совсем нет, если не считать, что один доктор приходится на округ с населением около 70 000 ч. Этот доктор, очевидно, не может удовлетворить даже и десятой части населения. Правосудия, в смысле учреждения суда, в Дагестане совершенно нет. Судьи выбираются под сильным давлением администрации, которая председательствует как в окружных судах, так и в дагестанском областном суде. Этот военно-бракованный материал, по выражению деп. Чхейдзе, судит на основании своих мнений. Население так и говорит, что судят по мнению господ председателей. А в чем компетентно мнение бракованно-военных, являющихся у нас вершителями правосудия, видно из

следующего факта. В одном округе начальник его взял 700 р. со стороны убийц и 500 р. со стороны родственников убитого и осудил его по принципу: «и волки сыты, и овцы целы». Большинство судей и безграмотных переводчиков, благодаря своему мизерному жалованью и еще по многим другим причинам, — взяточники. Г.г., тут у нас, в Дагестане, — источник деморализации, дикости и развития несправедливости в населении. Достаточно, напр., сослаться на всеподданнейший доклад гр. Воронцова-Дашкова: «Сельские суды, подлежащие ныне, согласно одобренному Советом министров принципу, упразднению; наравне со всеми волостными судами империи, имеют крайне ограниченную компетенцию... Однако, их ведению подлежат все, хотя и мелкие, но чувствительные для населения правонарушения против сельскохозяйственной собственности. Более того, обязательное участие в ныне существующих народных судах административных чинов часто нарушает понятие не только о народном, но и вообще о суде, так как дела в них решаются под давлением чиновников».

Г.г.! Население требует себе выборного суда и администрации. Я вам не буду читать наказа, это слишком долго. Как обстоит у горцев вопрос о введении земства на Кавказе? Если спросить начальствующих лиц, то от них вы услышите, что горцы земства не желают. Они сами вели по этому поводу агитацию против введения земства. Г.г., вот, что говорит по этому поводу гр. Воронцов-Дашков: «Инициатива всех культурных начинаний в местностях военно-народного управления до сих пор исходила всегда от высших органов управления, а не от местных властей, приводивших при этом, наоборот, только возражения о невозможности применения данной меры к подведомственному им населению из-за косности его». «Только указанным отрицательным отношением местных властей вообще к реформам, создающим им новые обязанности, отношением, опирающимся на инертность самого местного населения, и можно объяснить себе, напр., поголовный двукратный отказ сельского населения в нескольких округах Дагестана от участия в выборах в Государственную Думу под предлогом предосторожности, как бы избежать новых налогов. Те же округа Дагестана высказались на совещаниях, созванных по моему распоряжению, местными властями для обсуждения вопроса о введении земских учреждений, против последних из опасения учреждения в Дагестане земской полицейской стражи вместо существующей милиции». Я кончаю, г.г. (*«О-о-о! Хорошо!»*) Итак, вы видите, что кавказские горцы, будучи крайне чутки к культуре, до сих пор служат объектом завоевательных стремлений для администрации, кавказские горцы служат лабораторией, где производятся всевозможные опыты на повышение чина, к кавказским горцам относятся не иначе, как с точки зрения политики — согнуть в бараний рог, их терпение, их презрительное отношение к истинно-русской политике, которая называется бюрократическим произволом, со стороны господ Пуришкевичей, встречает похвалу. Г.г., им противны объятия г.г. черносотенцев. (*Смех справа. Голоса справа: «Мы их не просим в свои объятия».*) Г.г., вам смешно, потому что вы на Кавказе мусульманского вопроса до тех пор не увидите, пока еще раз не повеет революцией на Кавказе. Тогда мусульмане тоже примкнут к тому освободительному движению, которое у нас только что прошло, и к которому мусульмане не примкнули. Тогда, я надеюсь, г.г., вы смеяться над мусульманами и горцами не будете. (*Голоса справа: «Мы над мусульманами не смеемся». Рукоплесканья слева.*)

Председательствующий. Слово принадлежит по личному вопросу чл. Г. Д. Гегечкори.

Гегечкори. Я взял, г.г., по личному вопросу слово для того, чтобы успокоить представителя истинно-русских людей, г. Тимошкина. Я заявляю, что никаких отношений к д. с. с. Вейденбауму я не имею и никаких сведений от него не получал. Сведения, сообщенные мною Государственной Думе о зверствах и насилиях над женщинами, я черпал из книжки г. Старицкого⁵³ — «Кровавые дни на Кавказе». Покидая эту трибуну, я

должен заявить, что рад констатировать тот факт, который был отмечен еще моим товарищем по фракции Чхеидзе. Он сказал вам, г.г. чл. Г. Д., что ворон ворону глаз не выклюет. И, вот, в своей речи г. Тимошкин доказал, что он, действительно, обратил свою речь в защиту той самой администрации, которую вы сделали объектом своего запроса.

Заседание закрывается в 12 ч. 15 м. ночи.

IV.

Заседание 4 февраля 1909 г.

Председательствует Н. А. Хомяков.

Председатель. Заседание возобновляется. На очереди п. 5 повестки. Поступило заявление за надлежащим числом подписей о прекращении записи ораторов. Ставлю на голосование. (*Баллотировка.*) Принято. Чл. Государственной Думы Сагателян.

Сагателян. Г.г. члены Гос. Думы! Моя задача значительно облегчилась. Мои товарищи, представители Закавказья, целым рядом данных выяснили вам, в каком экономическом благополучии находится Закавказье, до чего дошло засилье туземцев, совершенно устранных на всех высших государственных поприщах, как мирволит туземцам либеральный наместник. Какая мистификация! Нашлись консерваторы, которые решили заподозрить в либерализме одного из столпов всего царствования императора Александра III. Смотрите, с каким эпическим спокойствием рассказывается в докладе, прочитанном нам либеральным бар. Нольде, как выслано из одних только грузинских областей за 1906 г., из Тифлисской и Кутаисской губерний, только 1 525 чел., за 1907 г. — 3 704 чел. и за первые три месяца 1908 г. — 301 чел. Армянские и мусульманские области в этом списке не фигурируют. Прибавьте к этому, как в одно время карательные отряды исходили Закавказье, как действовал там военно-полевой суд, а в настоящее время повсеместно военный, так как весь край находится в распоряжении временных генерал-губернаторов, — и вы увидите, что Кавказ как раз управляет так, как того желает депутат Пуришевич (*Голос справа: «Слабо!»*); но это не все: прибавьте к этому небывалое в истории Кавказа чудовищное армянско-татарское столкновение, свирепствовавшее на протяжении $3\frac{1}{2}$ губерний в течение $1\frac{1}{2}$ года и давшее несколько тысяч человеческих жертв, многомиллионные потери, причем немало пострадала даже и сама казна, — и вы удивитесь, о каком мирволении туземцам может возникнуть даже мысль. Я не буду останавливаться на запросах деп. Тимошкина, скажу только, что по какой-то непостижимой логике факты, имевшие место в двух международных городах Закавказья Тифлисе и Баку, — Тифлисе, где армян — 47 000, русских, помимо других пришлых элементов — 47 500, грузин — 42 000; Баку, — где татар — 41 000, русских, помимо пришлых элементов, — 38 900, армян — 19 000, т. е. в два раза меньше; по какой-то логике факты, имевшие место в этих двух чисто международных городах, засчитываются всему Закавказью, набрасывается картина для всего края, при чем в объяснение ее придумываются специальные причины. На мне лежит более ответственная задача, я обязан перед вами разоблачить злостную провокацию, созданную старой кавказской бюрократией, водворившейся там после смерти императора Александра II, провокацию, подобная которой едва ли имеется в истории по предосудительности замысла и чудовищности результатов. Это, г.г., восстановление великой Армении с границами до Воронежа — армянский сепаратизм. Меня не удивило, что инициативу в этом принял на себя председатель союза Архангела Михаила... (*голос справа: «Товарищ председателя!»*) ...товарищ председателя; меня не удивило то, что высшая кавказская администрация не решилась открыто опровергнуть злостные басни. Наместник кавказский, очевидно, не решился прямо сказать истину, а может быть, тогда деп. Пуришевич назвал бы его армяnofилом. Ведь достается же наместнику за то, что он раза

два был на армянских благотворительных балах, что он рыбные промыслы хотел сдать фирме, во главе которой стоит какой-то армянин Питоев, и что среди военных, состоящих в его распоряжении, имеется один армянин, полковник Лазарев, кстати сказать, сын героя, взявшего Карс⁵⁴. И вот, в докладе бар. Нольде пересказывается старая басня, что, действительно, среди армян был-де сепаратизм, но за неосуществимостью оставлен, причем не скрывается, что благополучный исход опасного для Российской империи начинания армян — есть заслуга наместника кавказского. Вот перлы его речи по этому предмету, не поддающиеся ни логическому, ни историческому анализу. Он говорил: начало 1905 г. было время наивысшего развития революционных идей среди местных армян, которые под влиянием вспышки армянской резни в Турции, а также фантастических слухов об отобрании в казну имуществ от всех частных лиц армянского происхождения, увлеклись мечтами о восстановлении самостоятельной Армении. Его слова я привел буквально. Потом рассказывается, что с возвращением церковных имуществ и с восстановлением прав на открытие школ влияние сепаратистских идей падает, а теперь оно — достояние только нескольких политиков. Читаешь, прямо глазам не веришь: слух об отобрании у армян еще частных имуществ в первый раз появляется в докладе бар. Нольде, до этого никто на Кавказе о нем не знал. Дальше, в 1905 г. в Турции никаких вспышек резни не было. Правда, кровь лилась, но только в Российской Армении, на глазах властей; на глазах армии, принужденной молчать. Спрашивается, каким образом могла развиться в такой момент сепаратистская идея, когда нация целиком была поглощена самообороной? Я удивляюсь, каким образом можно такую вещь преподнести Государственной Думе. Был сепаратизм в среде армян и исчез. Каким же образом? Туман, заволакивающий глаза армянской нации, сразу рассеялся? Целая нация не знала существенных данных, касающихся ее, данных о числе, географическом положении, этнографическом распределении, процентном отношении к своим соседям? Она только недавно узнала эти данные, впервые, и от кого же? От кавказской администрации. С идеей, с легендой об армянском сепаратизме связаны самые мрачные страницы истории деятельности кавказской бирюкратии и некоторых руководителей нашей внутренней политики и от нее отраженной внешней политики, — страницы, залитые кровью в буквальном смысле. Г.г., здесь мы имеем дело не только с обычными гонениями в виде арестов, ссылок и т. д. Резня в Турецкой Армении в 1894—96 гг., по мнению всех европейских знатоков, выразившаяся в несколько десятков тысяч человеческих жертв и в полном разорении Турецкой Армении, затем, 10 лет спустя, армяно-татарское столкновение на Кавказе, развернувшееся в гражданскую войну между подданными одного и того же государства — были результатом всей этой политики. С этой политикой связаны гонения на армянские церковно-приходские школы, завершившиеся их закрытием, отобрание церковных имуществ, которые пришлось вернуть. Я не говорю о том, что в течение этого продолжительного и мрачного времени наша кавказская администрация играла роль жандармов старого турецкого режима: необыкновенными жестокостями и арестами она преследовала всякие попытки помощи Турецкой Армении. Но, г.г., это половина ужаса. Что вы почувствуете, если я вам установлю, что все эти ужасы были результатом полного затмения государственной мысли и, притом, в явный ущерб Российскому государству? Талейран по поводу одного политического акта говорил: «Это не преступление, это больше — это ошибка». Едва ли в истории найдется более яркий пример для подведения под афоризм французского Макиавелли, чем продолжительный период отношения нашего правительства к армянскому народу. (Голос справа: «Слова, слова!») Вы увидите, установлю это. Самого поверхностного взгляда на этнографическое распределение армян в пределах самой же Армении достаточно для того, чтобы убедиться, что сепаратизм для этого элемента немыслим. Русская Армения

заключается в Эриванской губ., части Тифлисской и Карской области. На это пространство, на общее число всего населения в 3 000 000, армян всего 1 200 000, т. е. немного более $\frac{1}{3}$, кроме этого, 200 000 армян живут в остальных областях Закавказья. Имейте в виду, что этнографическое распределение армян в Турецкой Армении совершенно такое же. Спрашивается, можно ли приписать этому населению стремление к сепаратизму, можно ли подозревать население в созидании государственной территории, где оно должно очутиться в меньшинстве. (*Голос справа: «Можно!»*) Между тем, из такого явно безумного положения исходила политика правительства, давшая чудовищные результаты, которые я вам описал. В 1894–1896 гг. руководитель нашей иностранной политики Лобанов-Ростовский⁵⁵ этих элементарных данных не знал, потому что он не только не протянул руку помощи Турецкой Армении, ставшей жертвой старого турецкого режима, к счастью, теперь похороненного навсегда, в открытую воспротивился даже европейскому вмешательству в пользу армян, боясь восстановления армянского царства на этой границе. Вот вам факты, из которых исходил князь Лобанов-Ростовский в своей политике. Г.г., кто лишен способности понимать настоящие объективные данные действительности, тот может ли помнить прошлое? Исторически отношение армянского народа к государству российскому такого сравнительно недавнего происхождения и отмечены такими рельефными и характерными фактами и событиями, что казалось, они должны были помочь бюрократии в ясном понимании вещей и удержать от предосудительных ошибок и бессмысленно-жестокой политики. Но кавказская бюрократия забыла или не хотела помнить эти отношения. Но и она, эта бюрократия, никогда не решалась набросить на эти отношения тень, даже в эпоху всемогущего кн. Голицына.

Среди нас нашелся смельчак, носящий звание депутата, который решился это сделать. Депутат от Бессарабской губ. заставляет меня хотя бы краткими данными, г.г., восстановить историческую истину, которая от него так пострадала, если только история может от кого-либо пострадать. Я поставлю деп. Пуришкевича на очную ставку с историей и буду просить вашего суда. Я буду пользоваться источником нарочно официальным, сочинением генерала Потто «Кавказская война». Еще со времени Петра I армяне делали отчаянные усилия соединиться с Россией и смотрели на это, как на свое освобождение. Петр неоднократными грамотами, — говорит историк, — обнадеживал армян на скорое освобождение. Петр вступил на Кавказ, дошел до Дербента, но продолжать покорение ему не удалось, пришлось вернуться обратно. Вот, что говорит историк: «уже 12 000 армян под предводительством карабахских меликов⁵⁶ и 30 000 грузин с царем своим Вахтангом стояли в ожидании царя и его приказания. Как громовой удар разразилась среди нас весть, что Петр возвращается с Кавказа». Далее, писали армяне Петру: «до сих пор, имея неприятеля с четырех сторон, мы, по возможности, оборонялись, но теперь пришло множество турецких войск». Остальное вам понятно. Наконец, когда с императора Александра I-го Россия серьезно принялась за покорение Кавказа, началась грандиозная война за овладение. Русские войска вступили в край.

Тот же историк говорит: «армяне с восторгом приветствовали русские войска, всячески оказывая им содействие и принимая непосредственное участие в войне». «Во время гянжинского и эриванского походов кн. Цицианова и Гудовича архиепископ Иоаннес и монах Нерсес собрали армянскую дружину и стали во главе этого ополчения армян». Г.г., это те самые духовные лица, которых вам Пуришкевич представил как противников возвращения русского владычества на Кавказе. Далее об ополчении говорится: «армяне постоянно находились в авангарде, штурмовали Ганжу и понесли большой урон в знаменитом сражении при разгроме Цициановым персидской армии». Вот, какими актами отмечена роль армян в перипетиях этой грандиозной борьбы. В грамоте императора

Александра I от 15-го сентября 1815 г. говорится, между прочим, об армянах: «посреди смутных обстоятельств приобрели твердый непоколебимый навык, жертвуя имуществом своим и самою жизнью в пользу службы нашей и общего блага. Да сохранится сие свойство в честь и славу их в памяти потомков». Относительно всего армянского населения и поведения тот же историк говорит: «обрабатывая пашни, те же служили проводниками для русских войск, предупреждали измену, возмущение, доставляли сведения о неприятелях, доставляли провиант и, когда нужно было, храбро дрались в рядах русских войск».

Про это самое население Пуришкевич сказал, что оно искони было противником русского влияния, русской силы, русской моши, почему-то повторяя одно и то же слово три раза.

С императора Николая, как известно, здесь войны приняли еще более широкие размеры. И вот, что повествует та же история. Когда началась персидская кампания 1827 года, армяне персидских провинций встретили русские войска с восторгом, как своих избавителей. Выразителем народных стремлений, предводителем армян, был архиепископ Нерсес, тот самый Нерсес, которого Пуришкевич изобразил противником России. Интересна причина столкновения Нерсеса с Паскевичем. Пуришкевич говорил, будто это произошло вследствие происков Нерсеса против России, а вот, что говорит история. Я прочту вам выписку: «При заключении мира с Персией архиепископ Нерсес через известного генерала Красовского подал записку гр. Паскевичу о необходимости присоединения к России еще ханства Бакинского, того самого ханства, где теперь разыгрываются события и грабятся наши караваны. Это вмешательство Паскевичу не понравилось, и вот, началась вражда против Красовского и Нерсеса, окончившаяся удалением их с Кавказа». В переписке по этому поводу Паскевич пишет императору Николаю: «Я не мог терпеть под своим начальством республиканских правил», — подразумевается именно возможность подачи совета со стороны подчиненных, — «что же касается до предложения архиепископа Нерсеса, то я должен сказать, — говорит Паскевич, — что и без этого округа мною с персами заключен мир довольно выгодный». Не правда ли, оригинальный противник России — Нерсес, ставшийся присоединить к России еще одно ханство? Относительно армянского населения в персидской провинции Азербайджан история говорит: «Со вступлением русских войск в Тавриз со всех сторон явились депутатии к Паскевичу с просьбой о переселении их в пределы России». Им приходилось бросать жилища, имения, землю, и это вполне соответствовало видам русского правительства. Так говорит историк. Как вы знаете, это переселение совершилось, к нему в 1830 году присоединилось переселение из Турции, и была образована армянская область, как оплот из надежных элементов на этом рубеже империи. Что же, армянское население оправдало виды государства, или нет? Та же история дает слишком ясные ответы на это. Впоследствии произошли более серьезные войны: империи дважды пришлось померяться силами с Турцией, у которой уже тогда войска были по-европейски обучены, причем, один раз ей помогали три европейские державы, и тогда судьба Кавказа была на волоске. Как вело себя в этот критический момент армянское население? Хоть один солдат был парализован в тылу армии опасением армян? Хоть единственным актом враждебным запятнано оно свое историческое отношение к России не только в ее пределах, но и в Турции, где духовенство в облачении встречало русские войска и оказывало всякое содействие им, рискуя жизнью? Вам известно — это было в 1877 г., недавно — вам известно, как расплатилось население за это после заключения мира, будучиброшено на произвол турецкого правительства! Это не новое доказательство для тех, у кого есть память. С присоединением значительной части Армении к России для армян открылась возможность государственной службы. Как они заявили себя в этой области? Запятнан ли себя хоть один чем-нибудь и когда-нибудь? А на

них государство беспредельно полагалось, крупные войсковые части вверялись генералам-армянам, а иногда и все действующие войска. Как они вели себя? Еще в начале столкновения с Персией, в знаменитом сражении при Шамхоре, всеми русскими войсками командовал генерал-армянин кн. Мадатов. В 1854 г., когда Севастополь был обложен союзниками Турции, а все войска Турции были сосредоточены на Кавказе, и когда решалась судьба Кавказа, в сражении, которое решило участь кампании, всеми русскими войсками командовал генерал-армянин Бебутов. В героической борьбе Дагестана за самостоятельность выдвинулись многие военачальники. Из них армянину кн. Аргутинскому⁵⁷ правительство воздвигнуло памятник в том же Дагестане. В 1877 г. на Кавказе все войска были сведены в один действующий корпус и вверены генералу-армянину Лорис-Меликову. Отдельным отрядом командовал генерал-армянин Тергукасов. Еще до успехов Дунайской армии, в период ее отступления, Лорис-Меликов нанес туркам окончательное поражение. Штурм Карса также доверили генералу-армянину, который блестяще выполнил возложенное на него поручение. Кроме этих военачальников были многие выдающиеся генералы из армян и много офицеров разных рангов. Запятнал кто-нибудь свою службу государству? Сколько их пало! А теперь деп. Пуришкевич что воздает их памяти? В критический момент империи разве не нашли возможным вверить диктатуру армянину, тому же самому Лорис-Меликову? Ведь это второй государственный человек после Сперанского, который сделал нечеловеческие усилия, чтобы направить государство на путь правового развития. Конечно, такие господа, как Пуришкевич, рады, что его начинания постигла участь начинания Сперанского. Вот вам данные действительности, данные истории. Судите же, что хотел поднести вам деп. Пуришкевич. Но не измышления Пуришкевича наводят на грустные мысли. Сопоставьте эти данные с политикой в отношении армянского народа и скажите, что в этой политике отнести к области чистого невежества, а что — к провокации? Но помимо этих данных действительности и истории, реально устанавливающих пределы и характер политических стремлений армянского народа, нация сознательно высказывалась дважды по тому же краеугольному вопросу о существе и характере своих отношений к Государству Российскому. В министерство кн. Святополк-Мирского, когда национальностям была предоставлена возможность высказать свои нужды и требования, на армянском национальном съезде из выборных, собравшемся в Тифлисе весною 1905 г., армяне единогласно высказались за приобщение кавказских областей к одинаковым с внутренними частями империи реформам. Требование автономии не было возбуждено по причинам, уже мною изложенным. Эта петиция была подписана всеми делегатами и 25 000 почетных лиц из армян и представлена наместнику. В Петербурге, в том же году, осенью, на съезде всех национальностей империи⁵⁸, представители армян заявили, что они стоят за постановление тифлисского съезда, за приобщение их областей к одинаковым со внутренними частями империи реформам. Требования автономии они не выставляли. Ведь стремление к автономии не есть что-нибудь преступное, или позорное, это даже не сепаратизм. Удивительно, что после этого бюрократия и здесь, и на Кавказе не задала себе вопроса: что это значит? Мы продолжительное время преследовали нацию за стремление к сепаратизму, т. е. к отложению, а она и автономии не домогается! Заниматься ли мне разбором данных, приведенных деп. Пуришкевичем в качестве доказательств антирусского направления армян? К прискорбию, при всем желании, я избегнуть этого не могу. С этими доказательствами в руках он взывал к вам, ко всей стране. Вот открытые им опасности: армяне в Баку учредили культурное общество, субсидирующее сельские училища, открыли мастерскую для бедных девиц, помогают крестьянам в открытии мелиоративных и кредитных учреждений, открыли школы для бонн. Все это в высшей степени опасные предприятия. Для усиления

впечатления деп. Пуришкевич перенес утверждение устава от личности генерала Фадеева к личности наместника, сочинил пункт, не существующий в действующем уставе общества — о содействии крестьянам при покупке земли у помещиков, — раздул бюджет общества. Помните: он объявил, что наместник выдал культурному обществу 500 000 р. На беду наместник не позволил впечатлению от его потрясающего открытия развернуться во всю. Совершенно прозаический наместник раскрыл, что устав как раз утвержден героем Карса генералом Фаддеевым, а им, наместником, только урезан, причем исключен пункт о содействии крестьянам при покупке земель. Он, наместник, этому обществу не только 500 000 р., даже 5 коп. не дал, и — что самое главное, бюджет общества, составляющийся по преимуществу из пожертвований, не превышает 50 000 р. Г.г.! Неужели с 50 000 руб. можно поколебать Российскую империю методами культурного общества «Баку»? Я думаю, что с этими средствами даже при открытом походе ничего не добиться! Этот тон должен быть вам понятен, — разве можно другим тоном говорить об открытиях деп. Пуришкевича? Не напоминает ли история поднятого им шума одну сатирику Шедрина, по которой какой-то товарищ прокурора, желая отличиться, мистифицировал в революционную организацию тайное общество библиографов? Сначала сбитый им с толка начальник поощрял его, но когда проза открылась и оскандалился сам начальник, то он его отставил со словами: «Молодой человек, вы слишком увлекаетесь!» Конечно, вы скажете, что там общество библиографов, по крайней мере, тайное, а здесь общество утверждено временным генерал-губернатором, т. е. при действии военного положения. Далее, — я бы просил особенного внимания Государственной Думы, — до какой степени изобретательная провокация ни перед чем не останавливается. Деп. Пуришкевич — новая опасность — заявил, что имеется карта Армении, с границами до Воронежа, от Араката до Воронежа, причем не сказал, будущей или исторической Армении. Если эта карта будущей Армении, то тут намечено не больше не меньше, как покорение всех татарских областей, Грузии, Дагестана, Чечни, Терской и Кубанской областей, Ставропольской губ., области Войска Донского, наконец, части коренной России. Я удивился: почему никто не спросил деп. Пуришкевича о том, что это за карта, кем и для кого она составлена, — питомцем дома умалишенных или для питомцев дома умалишенных? (*Смех.*) Имейте в виду, что деп. Пуришкевич очень слаб в истории и географии. Если это карта исторической Армении, то у него Аарат — южная граница Армении, между тем как это центр. Он берет границу к северу до Воронежа, откинув целую половину. Очень интересно, как на Кавказе возникали провокации. Это бессмысленное явление, но я считаю нужным рассказать вам историю этих провокаций. Еще со времени Страбона и римского владычества Армения делится на Великую и Малую, — Armenia maior et minor, как Россия делится на Великороссию и Малороссию, с границами от Ливана до Куры, от северной границы даже переваливая на Северный Кавказ. Эту карту вы можете видеть во всех исторических атласах. Вот эта самая карта исторической Армении maior et minor, вышитая одной девицей в Баку, была задержана покойным кавказским попечителем, бичом туземцев — Яновским. Из этой карты г. Тимошкин, не из какой-либо другой, сочинил политическое дело. Потом провокаторы начали раздвигать границы, — сначала до Воронежа, потом до Ростова. Деп. Пуришкевич говорил, что эта карта у него имеется, что он ее может представить. Я говорю вам, что ничего подобного нет. (*Голос справа: «Есть!»*) И прошу Государственную Думу потребовать эту карту у деп. Пуришкевича и у того господина, который свидетельствует, что она есть, т. е. у деп. Тимошкина. Наконец, перл из области чисто государственной мудрости деп. Пуришкевича. Он находит, что русское государство ошиблось, добившись, по присоединении значительной части Армении, того, что армянский католикос, глава армянской церкви, избираемый всем армянским народом, делега-

тами от всех армян, — русских, турецких и персидских, — всех епархиальных начальников всех стран, — утверждается русским государем и подчиняется русским законам!

Другого смысла я не вижу в его нападках на устройство армянской церкви. Имейте в виду, что в высшем духовном установлении армянской церкви — синоде, устроенном совершенно по образцу Св. синода, имеется такой же правительственный обер-прокурор, с такими же функциями. Измышлениеми, г.г., историю изменить нельзя; искажением действительности можно только несколько сбить с толка, и то ненадолго. Но в одном отношении деп. Пуришкевич достиг большого эффекта, — он взбудоражил Кавказ, и все армянские области слились в один голос негодования, и пошли протесты из всех центров, потому что там, по-видимому, другое значение придают речам Пуришкевича, чем здесь. Вот телеграммы, — я их читать не буду, а только заглавия укажу. Телеграммы эти на имя председателя Государственной Думы, а также на мое имя; в них население выражает свое негодование по поводу обвинений, брошенных деп. Пуришкевичем. (*Голос справа: «От какого населения, от армянского?» Голос слева: «И от русского!»*)

Председатель. Пожалуйста, г.г., без переговоров с места.

Сагателян (*продолжает*). Армяне за себя протestуют. Так вот содержание этих телеграмм, г. Тимошкин. Из Тифлиса — от армянского общества, которое протестует против обвинения, брошенного армянскому народу. Потом опять из Тифлиса — от тифлисского армянского духовенства; из Баку, — от армянского общества; из Эривани — от городского самоуправления. (*Голос справа: «Читайте!»*) Читать — это длинная история. (*Голоса справа: «Довольно!»*) Довольно? Заглавия вас утомляют?.. Из Батума — от армянского общества; от армянского населения г. Шуши; из м. Армавир — от городского самоуправления, и т. д. (*Голос справа: «Из Воронежа нет?»*) Г.г.! Вот содержание этих телеграмм: армянское население, задетое за живое, в своем безукоризненном отношении к государству Российскому, — я подчеркиваю — к государству Российскому, ибо, может быть, г. Тимошкину или какому-нибудь чиновнику оно неприятно, — армянское население выражает свое негодование и, обращаясь к вам, взыскивает к фактам истории и к фактам действительности. Вот в этом содержание телеграмм, а не о наместнике я вам хотел говорить, — я о наместнике уже высказался. Относительно анекдотов деп. Тимошкина я мог бы многое сказать, но нельзя же вас занимать разоблачениями и анализом совершенно непонятно откуда взятых и на основании каких данных построенных соображений. У него до сих пор архимандрит Корюн фигурирует епископом, наводя на него ужас своим вооружением. Этот недавний пришелец на Кавказе до сих пор не знает, где что делается и кем совершается; у него даже не дифференцировались понятия, у него общие представления о Кавказе, наводящие на него ужас. На Пушкина и Лермонтова Кавказ действовал иначе, а на г. Тимошкина он так именно действует. Деп. Тимошкин, в особенности его учителя, никак не могут представить себе, чтобы в нации были партии, и чтобы эти партии имели свои идеалы о государственном строе, потому что всякое такое явление им представляется сепаратизмом и опасностью для государства. Но вопрос: для какого государства? Из государств мы знаем Московское государство. У г. Пуришкевича, безусловно, ясная цель. Он воображает, так как он очень верит в свою тактику, — воображает, что может на одни народы Кавказа набросить тень, а другие сбить с толка, вселить между ними раздоры, и воображает, что все это может служить его архиреакционным целям. Но, г.г., ни г. Пуришкевичу, ни тем, кто одинаково с ним мыслит, не удастся опровергнуть отношения, которые отмечены историей, не удастся вселить вражду среди народов, которые одинаково его понимают, как не удастся ему и его единомышленникам повернуть Российское государство к прежнему московскому идеалу. Самое большое, чего они могут добиться, — это остаться под колесами истории. (*Рукоплесканья слева.*)

Марков 2-й. Г.г.! Положение членов Государственной Думы, отстаивающих запрос по Кавказу, чрезвычайно трудно. Мы имеем массу сведений с мест, — писем, жалоб; масса людей бежит с Кавказа, преимущественно русских, и они гибнут. Но, между тем, у нас нет нотариальных документов, или очень мало таких; а от нас требуют именно такие документы, требуют, чтобы мы доказали каждый факт, как бы он совершился здесь, в этом зале. Я считаю необходимым указать на весьма большую затруднительность для нас обосновать действительно наш запрос. Тем не менее, мы попытаемся это сделать. В особенности трудно нам было найти свидетелей, живых людей, которые могли бы подтвердить, которые не боялись бы подтвердить громко перед лицом всего русского народа то, что делалось на Кавказе. Свидетели из служащих, из находящихся в том или другом отношении зависимости — или от начальства, или от денежного кредита, или других общественных отношений, — таких людей почти невозможно добыть. Свидетели запуганы, они там бойкотируются, и всякий, кто подозревается в сообщении хотя бы совершенно верного факта, немедленно страдает. Насколько это так, я позволю себе доказать одним документально проверенным фактом — это докладная записка, поданная одним из служащих на Кавказе, уволенным по третьему пункту. Я прочту несколько выдержек из этого документа: «Будучи приглашен в 1905 г. при учреждении наместничества на Кавказе, — обращаю ваше внимание, это назначение самого наместника гр. Воронцова, — занять должность делопроизводителя в канцелярии заведующего полицией на Кавказе, я продолжал оставаться в этой должности и по переформировании означенной канцелярии в особый отдел по полицейской части канцелярии наместника. Что служба моя государю и отечеству протекала весь этот период беспорочно и являлась достойной поощрения, свидетельствует то обстоятельство, что, с одной стороны, я был удостоен высочайше пожалованным орденом, а с другой стороны, в начале текущего года повышен был в классе должности названного отделения назначением на освободившуюся вакансию секретаря VI класса». Тут далее описывается его дальнейшая служба, — я пропускаю. Дальше говорится: «Гофмейстер Петерсон, признав, что назначение особого отдела понималось до сих пор неправильно, отдал распоряжение, в силу которого особый отдел должен был выродиться в бюро регистрации преступлений, и чиновника VI класса заставили просто вести список актов террора». И вот тут для него наступили тернии. «Если оказывалось, что цифра преступлений возросла за последнюю неделю по сравнению с предыдущей, то доклад мой возвращался для соответствующих исправлений, мотивируя это тем, что наместник болен и нельзя его огорчать, и поэтому оказывалось необходимым выбросить некоторые из менее важных преступлений, и тем понизить цифру преступлений». На этой почве трения стали увеличиваться, ибо подобная деятельность не отвечала представлению его о добровсестности службы; в результате он почувствовал, что его желают уволить, и получил предложение, словесно, чтобы он подал прошение с тем, что ему исходатайствуют пенсию в усиленном размере, только бы убирался с Кавказа. Но он этого не сделал. Между тем, распространился слух, что он будто бы сообщает компрометирующие в должности гофм. Петерсона слухи. В результате он был вызван, и в присутствии вице-директора, завед. особ. отделом канцелярии наместника сенатора Мицкевича, г. Петерсон потребовал от него подписку с утверждением или отрицанием факта взятия им, Петерсоном, с Питоева взятки в размере 120 000 р. по делу о сдаче рыбных промыслов. «Отказавшись устанавливать или отрицать факт, свидетелем которого не мог быть физически, я заявил, что могу лишь свидетельствовать о слухах, по этому поводу упорно циркулирующих в Тифлисе. В результате я узнал из газет 20 ноября приказ об увольнении меня 17 ноября по третьему пункту». Вот, г.г., один из тех документов, которые свидетельствуют, что не так легко на Кавказе о чем-нибудь рассказывать, как это некоторым кажется. Но, может быть, тем, кто

уже кончил свои служебные расчеты с Кавказом, по объяснениям, сообщенным наместником через бар. Нольде, может быть, им верить не следует, — раз они ушли с Кавказа, раз они потеряли службу, то, следственно, они не более, как клеветники и мстители за то, что их прогнали. Короче говоря, наместник признает всю эту категорию недостойной доверия. И я, признаться, иду навстречу желаниям наместника и буду стараться этой категории свидетельств не приводить. Наместник на Кавказе пытается вас уверить, что там все спокойно, и представил через бар. Нольде пространные объяснения. Кроме того, вы все читали то официальное опровержение, правда, анонимное, но на громадном листе напечатанное в типографии Министерства внутр. дел, в котором опровергались все опровержения деп. Пуришкевича. Так вот, из этих двух документов мы должны вывести заключение, что на Кавказе делалось то же самое, что делалось во всей России, и ничего особенного, ничего необычайного там не было, а в общем, все идет к лучшему в лучшем из миров. Но с другой стороны, г.г., мы из газет и из жизни видим, что на Кавказе творится нечто ужасное. Никто не может отрицать, что там идут грабежи, берут в плен среди бела дня, выкупы платят, как в какой-нибудь дикой стране, что там убийства на каждом шагу и, вообще, что стон идет с Кавказа. Это ведь факт несомненный, следовательно, тут есть какое-то противоречие: власть говорит, что все недурно, а жизнь говорит, что там жить нельзя, что происходит нечто ужасное. Нам необходимо в этом разобраться. И вот, из желания разобраться в этих противоречиях я и позволил себе утомить ваше внимание. Мы, правые, подписавшие запрос, вовсе не стремимся к свержению гр. Воронцова-Дашкова с его поста; у нас, у правых, нет futur-наместников, futur-министров^{*}, — вообще, личные счеты в этом смысле у нас отсутствуют. Если мы ополчились, если мы, до известной степени, вооружились против гр. Воронцова-Дашкова, то не как против данной личности, а как против представителя неверной политики, по нашему мнению, неверной, и просим так нас и понимать и не придавать нашим действиям того смысла, которого они не имеют. Тем не менее, мы не желали бы оскорбить или нанести какой-либо вред или ущерб и туземным народностям Кавказа. Лично я вырос и воспитан в понятиях уважения, и даже любви к кавказским жителям. Все мы воспитаны на поэзии Пушкина и Лермонтова, которые относились к жителям Кавказа чрезвычайно сочувственно и даже, быть может, преувеличивали их достоинства. Думать, что мы предвзято относимся к туземцам, желаем учинить над ними какое-либо насилие ради насилия — это несправедливо. Горцы, грузины и даже армяне пользуются нашим полным уважением. Но так как, по убеждению моему, мы — русские члены Государственной Думы, мы принадлежим к русскому народу, должны отстаивать преимущественно интересы русского народа и, в особенности, интересы русского государства, то с этой точки зрения я и буду рассматривать данный вопрос.

Мои товарищи по фракции Пуришкевич и Тимошкин уже сообщили массу фактов с мест; я буду этого избегать, ибо, сколько бы новых фактов ни сообщалось, они, по-моему, ничего не прибавят, тем более, что найдутся всегда люди, которые скажут: «Докажите это в нотариальном порядке», — а это весьма трудно. Поэтому я буду основываться преимущественно на таких данных, которые я могу здесь, с этой кафедры, документально подтвердить, или на объяснениях самого наместника, сообщенных через бар. Нольде, обосновать. Я лично полагаю, что объяснения наместника, представленные через бар. Нольде, дают великолепный материал для обвинительного акта против наместника: сам автор представил уничтожающий для себя материал, и лучшего я не желаю для того, чтобы установить основательность нашего запроса. Наместник его императорского величества на Кавказе заявил нам, что вне неразрывной связи с Россией ни одной из кавказских

* Futur — будущих.

народностей нечего искать национального самоопределения. Этим он убаюкивает и себя, и Государственную Думу. Нам было бы очень приятно убедиться в том, что это так, но спрашивается, чем же он подкрепил и доказал это? Ровно ничем. Он просто сказал это, как нечто несомненно доказанное, не требующее никаких доказательств. Но, г.г., у нас есть история; знание истории обязательно даже для наместника на Кавказе. История говорит, что норманны Вильгельма Завоевателя вместе с саксами, с кельтами образовали Великобританию, а эти племена были и по культуре, и по крови, и по вере, и по языку совершенно различные, как бы этому ни удивлялся профессор Лучицкий. Такой же пример мы видим на Швейцарской республике. В Швейцарской республике объединены германцы, французы, итальянцы, словом, люди разных племен, разных религий и разных языков; и тем не менее, они преблагополучно существуют. Мы имеем перед собой Австро-Венгрию, которая объединяет в одно государство немцев, венгров, чехов, поляков, хорватов. Говоря короче, примеры доказывают нам неопровергимо, что из различных народов, имеющих различную культуру, исповедующих разные религии, говорящих на разных языках, сплошь и рядом может образоваться государство. (*Возглас слева: «Зависит от условий».*) Следовательно, утверждение наместника, что из грузин, армян, татарских и горских племен не может составиться государство вне неразрывной связи с Россией, голословно и совершенно неосновательно. Я признаю и заявляю, что союз соединенных закавказских Армяно-Грузино-Дагестано-Азербайджано-Тавризо-Курдских Штатов реально возможен; я полагаю, что умная государственная власть, — я это подчеркиваю, — должна с этой возможностью считаться, должна ее предвидеть, дабы не быть захваченной врасплох! (*Возглас слева: «Пуганая ворона».*) Я полагаю, подсказанную сепаратизмом фразу, явно направленную к убаюкиванию русского чувства, можно сообщить ее перед Государственной Думой, как нечто неопровергимое, только тогда, когда весьма мало предаешься государственному мышлению, а это — занятие, необходимое даже и для наместника его императорского величества на Кавказе. Нам все время утверждали, что не существует сепаратизма туземных народов, что сепаратизм выдуман Михаилом Архангелом и Пуришкевичем; это было бы великодельно (*Смех.*) Я оговорился; я хотел сказать «Союзом Михаила Архангела» и Пуришкевичем. Если бы это было так, то это было бы великодельно; если бы только В. М. Пуришкевич нам выдумал сепаратизм, мы могли бы над этим потешиться и быть спокойными. К сожалению, это не так. Рассмотрим вопрос об армянах. Армяне управляются своей теократией, своим духовенством. Это управление носит не только духовный, но и несомненно гражданский характер. Ближайшая власть армян — это их католикос и ему подчиненное духовенство. Из теократии сплошь и рядом развивается государственная светская власть. Еще отец нынешнего князя черногорского Николая⁵⁹ — владыко Петр⁶⁰ — был духовным владыкой Черногории, а сын его сделался светским князем. Теократия есть переходная ступень к образованию гражданского государства. Существование теократии, управляющей Арменией, есть исторический, вполне естественный, законный факт, с которым нужно считаться русской государственной власти, ибо при известных условиях католикос может превратиться в светского главу государства. Нам здесь рассказывал Пуришкевич про то, что армяне работают весьма усиленно на почве развития культуры, дабы обармянить все местные народы, входящие в район их влияния, и объединить самих армян вокруг Эчмиадзина. Я не стану повторять всех фактов, несомненно, существующих, но скажу только, что проповедь Армении до Воронежа — вовсе не такая белиберда, над которой можно смеяться. Эта проповедь при известных обстоятельствах и при известных исторических условиях может реализоваться. (*Смех слева. Возглас слева: «О, батюшки, как страшно».*) Многие перед японской войной смеялись, многие смеялись перед турецкой революцией, но теперь они не смеются, ибо

совершается нечто такое, чего никто не ожидал. (*Возглас слева: «Это вы смеялись».*) Итак, я возвращаюсь к вопросу об Армении. Армяне, несомненно, ведут культурный захват всего района, в котором они могут оказать влияние; они захватили города в смысле торговли и промышленности; деньги находятся в распоряжении армян; теперь они захватывают школу, и совершенно правильно поступают, с армянской точки зрения. Все, что я говорю, я говорю, конечно, не для осуждения армян, а только для установления фактов. Они ведут культурную войну во имя великой Армении. Я думаю, что всякий народ, желающий быть народом, а не удобрением для других народов, так должен — я говорю это к слову — поступать. Армяне путем культурных союзов, о которых говорил Пуришкевич, захватывают школу. Преподавание в школах там ведется, конечно, на армянском языке, а не на государственном русском, в чем я вижу большую опасность для русского государства. Армяне вытесняют русских отовсюду, от всех должностей и всякого рода служебных положений; они вытесняют русских переселенцев из всех тех мест, которые могут служить местами колонизации для армян. Это все несомненные факты. Несомненно, что если в этом отношении русская государственная власть не поставит им предела, то рано или поздно, — скорее рано, чем поздно — Армения обратится в небольшое компактное государство, быть может, зависимое от России, но, во всяком случае, автономное, вроде нашей Финляндии, которую мы уже имеем честь заниматься. Наши русские государственные деятели армянского происхождения, напр., гр. Лорис-Меликов, усиленно этому содействовали. Когда они только могли, они содействовали армянскому переселению, затрудняя русское. Они препятствовали всему тому, что было полезно русскому государству, и облегчали все то, что было полезно армянскому народу, ибо они сами были армянами и действовали как армяне, а не как чиновники русского царя. (*Возглас справа: «Браво!»*) И теперь, при гр. Воронцове-Дашкове, имеется свой министр за Армению, некто полковник Лазарев, который совершенно открыто ведет полезную для армян и вредную для русского государства политику. Но, г.г., образовывать государство, борясь с русским государством очень трудно, раз нет денег; армяне отлично это сознавали. Для своей пропаганды против русского государства, а следовательно, в пользу армянского народа в смысле будущих его надежд, они пользовались громадными, неистощимыми средствами церковных имуществ. Русская государственная власть в свое время обратила на это внимание и наложила свою руку на право свободного распоряжения этими имуществами; известным законодательным актом 1898 г. свободное распоряжение армянскими церковными имуществами было изъято из ведения Эчмиадзина. Армянская теократия немедленно же повела борьбу против русской государственной власти; она сейчас же распространила в армянском народе уверение, будто бы русская государственная власть отобрала армянские имущества в казну. Все знакомые с этим делом, конечно, отлично понимают, что между свободным распоряжением церковным имуществом и отобранием его в казну есть громадная разница. Но темный невежественный армянский народ ничего в этом не понял и возмущался тем, что веками собранное церковное имущество у него отобрали. «Потом будут отбирать и частное имущество», — прибавляли агитаторы. Что так действовали агитаторы, не удивительно, но удивительно, что наместник его императорского величества на Кавказе в своем объяснении Государственной Думе прямо так-таки говорит, что, благодаря его стараниям, 1 августа 1905 г. эти имущества были возвращены армянам. Заявление это как бы подтверждает, что бунт армянского народа имел основание, так как у него отбирали церковные имущества. Однако, вот теперь, благодаря доблестным стараниям наместника его императорского величества на Кавказе, эти имущества возвращены. Я считаю такой прием слишком рискованным. Наместнику его императорского величества на Кавказе хорошо известно,

что армянские имущества никогда не отбирались, что армянское духовенство было только лишено права бесконтрольно расходовать церковные имущества.

Армянское духовенство в этом отношении в своих правах было уравнено с православным духовенством. Ничего больше не произошло, но вот это называли отобранием церковных имуществ. Вы понимаете, г.г., какая игра слов здесь происходит? И в этой игре слов наместник его императорского величества на Кавказе принимал непохвальное участие. (*Рукоплесканья справа*). В объяснении наместника мы читаем: «Начало 1905 г. было временем наивысшего развития революционных идей среди местных армян, которые, под влиянием вспышки армянской резни в Турции, а также — прошу внимание — фантастических слухов об отобрании в казну имуществ от всех частных лиц армянского происхождения, увлекались мечтами о восстановлении самостоятельной Армении». Эти слова наместника его императорского величества доложены Государственной Думе через его заместителя, бар. Нольде. (*Смех справа*) Итак, г.г., нелепый и явно чудовищный, бессмыслицкий слух о том, что русский царь может приказать ни с того ни с сего отбирать у частных лиц армянского происхождения их имущества, слух, основанный на двусмысленном выражении, допущенном высшей властью на Кавказе, был достаточен для того, чтобы верноподданный армянский народ стал увлекаться мыслью о восстановлении Армении. Нам говорят, что сепаратизма нет. Но я в таком случае отказываюсь понять, что такое сепаратизм. Если народ, которому говорят явную чепуху во время войны, истощившей Россию, после временного ослабления русского государства начинает увлекаться мыслью о восстановлении Великой Армении, то не есть ли это прямое подтверждение со стороны самого наместника того, что Армения увлекалась сепаратизмом? (*Рукоплесканья справа*) Правда, наместник нас успокаивает. Он говорит — это было, но с его приездом все это исчезло. Наместник явился и выхлопотал высочайший указ 1 августа 1905 г., он вернул отобранное, якобы, церковное имущество, и все успокоилось. Великолепно, но те, кто знают, что происходило среди армян, те скажут, что после этого указа не наступило успокоения. Пусть наместник сам проверит факты. Успокоение Армении наступило, но не ранее, как их вырезали татары в Баку. Когда они наткнулись на другой сепаратизм — татарский, когда они попали на татарский нож, они тогда успокоились, они тогда увидели, что если русская государственная власть не будет оберегать их, то их вырежут их соседи татары. Армяне тогда перестали увлекаться мыслью о восстановлении Великой Армении. Но, г.г., ведь, из этого вовсе не вытекает, что армяне — не сепаратисты. Документ доказывает, что сам наместник признал их сепаратистами, но он только не хочет признать это открыто перед Государственной Думой. Но Государственная Дума ведь наполнена не младенцами; она должна читать между строк.

Шингарев (с места). Хорошее занятие!

Марков 2-й (продолжает). Государственная Дума должна признать, что армянский сепаратизм доказан самим наместником. Перейдем к грузинам. В объяснении наместника сказано: «среди грузин мысль об отделении от России никогда не имела ни широкого распространения, ни серьезного значения». Но несколькими строками ниже, в том же объяснении наместника мы читаем: «идеи же автономного устройства Грузии в составе империи и автокефалии грузинской православной церкви пользовались временно известным успехом у некоторой части грузинского общества и духовенства». Сепаратизма нет, — говорит нам наместник, — но есть стремление к автономии, есть стремление к автокефалии. Если наместник его императорского величества на Кавказе предполагает, что миллионы грузинского народа собираются образовать грузинскую империю, отделиться от России, то в этом смысле сепаратизма нет, потому что в Грузии слишком достаточно умных людей, что бы не затеять такую нелепость. Конечно, грузины увлекались не таким

сепаратизмом; они увлекались автономией и автокефалией, и увлекаются этим и в данное время, что будет доказано дальше. Они желают сделать то, что мы имеем теперь в 30 верстах от Петербурга — в Финляндии; они желают создать полную автономию, но при условии обязательства Российской империи защищать их от армянских и татарских ножей, при условии защиты со стороны русских войск, если на них, скажем, нападет Турция. В свои же дела, во все дела, касающиеся их интересов, Россия не должна вмешиваться. Вот это называется автономией и автокефалией, а не сепаратизмом. Я, г.г., прямо заявляю вам, что России выгоднее сепаратизм, ибо за ним последует полное уничтожение, чем подобная автономия на финляндский образец. Говорить, что нет сепаратизма, есть только стремление к автономии и к автокефалии, значит говорить, что люди не воруют, но зато убивают. Ведь в данном случае говорят о явлении гораздо более опасном с точки зрения русского государства, чем полное отделение. Но в словах наместника есть утешительные выражения: это было временно, увлекались автономией и автокефалией временно. Выражения эти несколько неопределенные, ибо понятие «временно» может быть равноценно понятию «200–300 лет»; под этим понятием можно, конечно, разуметь, и 2–3 дня. Полагать, что в данное время не существует стремления к автономии и автокефалии, к сожалению, нельзя. Все факты говорят против этого. Мы знаем, что экзарх Алексий бежал из Тифлиса, ибо боялся за свою жизнь. Мы знаем, что русский экзарх Никон был злодейски убит, так как своевременно не бежал; ему ежедневно посыпались анонимные письма, смертные приговоры. Мы знаем, что экзарший трон, экзарший престол до сих пор не занят; он пустует, и русская государственная власть не смеет даже послать своего экзарха, ибо не может послать ни одного архиерея на верную смерть. Что это, успокоение, отсутствие сепаратизма, или стремление к автономии и к автокефалии? Простите, я никак этого не могу понять. (*Рукоплескания справа.*) Из речей уважаемых наших товарищей членов Государственной Думы, представителей Грузии, я не мог вывести того заключения, что они не стремятся к автономии и к автокефалии. Что они Бога не признают, это, может быть, так, но что они не стремятся к автономии, из их слов не видно. Ни один факт не подтверждает справедливости утверждений наместника его императорского величества, что будто это явление временное, и все факты говорят, наоборот, что то явление постоянное, действующее и прогрессирующее. И под сурдинку, пока наместник его императорского величества так сладко дремлет под успокоительные заверения своих помощников, огрузинивание происходит на всех парах. Абхазцы говорят на своем языке (*голос слева: «Такого нет!»*), но не на грузинском, не на имеретинском, они были недавно врагами грузин и говорят, что мы завоеваны русским царем, а грузины — простите — были всегда, и мы не хотим быть под грузинами. Но, благодаря дремоте русских властей, русские власти постепенно огрузинивают этих самых абхазцев, они посыпают их в церкви грузинских попов, которых абхазцы не понимают так же, как они не понимают русских, хотя, казалось бы, что раз им непонятны и русский, и грузинский язык, то лучше было бы все-таки ввести русский, так как это язык государственный, а грузинский язык — это язык будущего, грузинской автономии. Мы знаем, что после запроса был уволен знаменитый князь Джандиери, начальник Сухумского округа, знаменитый князь Джандиери, который во времена революции являлся к абхазцам и требовал от них приговора, в котором бы они выразили желание самоуправления с грузинским языком, а абхазцы в этом отказали, и вместо этого они явились в Сухум вооруженными и заявили: «Если вы не прекратите революцию, мы вас всех перережем». Это была одна из самых реальных мер, которая успокоила Сухум. В наказание за это русский нач. окр. кн. Джандиери представил к высылке 8 абхазских князей, чуть ли не в Сибирь. Это может рассказать кн. Шервашидзе, который хлопотал за них и просил, чтобы этих героев не

сылали в Сибирь по приказанию наместника его императорского величества. (*Справа возгласы: «Браво! и рукоплесканья.*) Армяне ведут свою пропаганду, создают свою Армению до Воронежа, тратя деньги и церковные имущества; грузины тоже нуждаются в деньгах, они собирают эти деньги с имеющихся промышленных предприятий. Перед моими глазами отчет съезда марганцепромышленников, — по этому делу Государственная Дума будет иметь еще много суждений, — и вот, мы видим, что съезд марганцепромышленников руководится неким Здановичем, который, правда, не грузин, но зато Зданович был, кажется, 10 лет в кариjsкой каторжной тюрьме, что дает ему некоторый ценз. И вот, этот бывший каторжник Зданович просвещает Грузию, грузинский темный, невежественный народ. Просвещает он очень просто — путем выдачи денег из своего съезда. Что может быть невиннее съезда марганцепромышленников — и, казалось бы, политике тут нет места: добывают марганец для того, чтобы дать торговле лучший ход, устраивают съезд собственников и участников торговли марганцем и обсуждают свои чисто промышленные дела. Но, тем не менее, из рассмотрения сметы расходов этого съезда мы узнаем следующее: во главе пособий разным лицам мы читаем: Хонскому сельскому обществу на открытие гимназии — 5 000 руб. в год, обществу распространения грамотности среди грузинского населения — 2 000 р., на издание учебников и руководств на грузинском языке — 1 000 р., библиотеке имени епископа Гавриила — 300 р., кутаисской сельскохозяйственной школе — 1 000 р., на открытие грузинских школ в Персии — 1 500 р., Захарию Чичинадзе на издание грузинских книг для грузин-мусульман — 300 р., на голодающих — 1 500 р. (*возгласы слева: «Ай, ай, ай!»*) ...на голодающих грузин, конечно, я только хвалю. Затем, очевидно, этих сумм не хватило, и на стр. 42 занесено в расход под странным титулом: «похищено 5 ноября 6 000 р.». (*Смех справа.*) Затем на поездку депутатии для возложения венка на гроб кн. Чавчавадзе — 750 р., пособие служащим в случае увольнения — 2 750 р., разным лицам — 980 р. Короче говоря, этот съезд марганцепромышленников отчисляет весьма значительные суммы на культурную грузинскую работу, на огрузинивание мусульман и на обучение грузинскому языку. Я, г.г., опять-таки повторяю, что я нисколько не осуждаю грузин, и, будь я сам грузин, я все это проделал бы, вероятно, в большем масштабе, но я возвращаюсь к тому, что я — член русской Государственной Думы, и рассматриваю вопрос с точки зрения Русского государства. С точки зрения Русского государства, это не совсем правильно, ибо, все мелкие племена должны обучаться в русской школе, их нужно вести к объединению с Русским государством, а не к созданию своей местной автономии. Нам в Думу представлен даже законопроект об увеличении обложения марганцепромышленников вдвое, — кажется, вместо одной копейки по две копейки, что-то в этом роде; одним словом, сделают так, что доход этого почтенного общества дойдет до 500 000 р. в год, и я уверен, что эта прибавка в 200 000 р. пойдет на огрузинивание кавказцев и на пропаганду грузинской автономной идеи, а конечно, не на создание Грузинской империи, о чем никто и не думает. Из этого, г.г., я должен сделать вывод, что грузинская работа, направленная на обособление от России, несомненно, существует. Называют ее автономией, называют в духовных сферах автокефалией, но, тем не менее, на отделение и на отчуждение от России расходуются и деньги, и энергия, и время, и труд грузинский. Короче говоря, это вредное явление, известное под общим названием сепаратизма, должно быть русской государственной властью устранено. К сожалению, этого она не делает, ибо даже отрицает это явление. Теперь перейду к третьей народности, или, лучше сказать, не к народности, а к народностям, объединенным религией, к мусульманам. По поводу мусульман наместник его императорского величества говорит следующее: «О сепаратизме татар и других мелких народностей на Кавказе говорить не приходится». Это кратко и выразительно, даже и говорить нечего. Так говорит

наместник его императорского величества, а между тем я вам сейчас прочту несколько зыдерек из документа тоже официального, а именно из документа, носящего название: «Донесение начальника бакинского губернского жандармского управления от 18 марта 1908 г.», т. е. прошлого года, за № 1773. Совершенно секретное... (Смех, голоса слева: «Как же вы это читаете?») Весьма характерно, что совершенно секретный документ так легко достать. (Голос слева: «Это для вас легко, но мы не достанем».) Это интересно, г.г., имейте терпение. «В особый отдел по полицейской части канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе. Помощник мой в Дагестанской области, ротмистр Кумсков, занес мне о следующих имеющихся у него сведениях о настроении мусульман в пределах Кавказского края вообще и в Дагестанской области в особенности». Я готовлюсь вам прочесть тоже официальное заявление лица, занимающего достаточно видный пост на Кавказе, правда, не подчиненного непосредственно наместнику, но, тем не менее, обязанного связывать свою деятельность с деятельностью наместника, а следовательно, о незнании этого документа наместником не может быть и речи. От одного из офицеров русской службы ротмистр Кумсков был осведомлен негласно о том, что последнему пришлось быть невольным свидетелем такого интимного разговора между двумя влиятельными туземцами Дагестана: «Слава Богу, наконец, удалось занять у власти положение, при котором отныне Дагестан будет только для дагестанцев». Сказавший эту фразу был Асельдербек Казаналипов, помещик-землевладелец Темир-Хан-Шуринского округа, чиновник для поручений при наместнике его императорского величества на Кавказе, шталмейстер высочайшего двора; слушавший его был офицер, уроженец Дагестана. Казаналипов пользуется огромной популярностью среди местного населения, имеет на него влияние, при этом отличается мусульманским фанатизмом и плохо скрываемой нетерпимостью ко всему русскому. Тут не особенно интересно. Дальше: «Наряду с этим, 6 марта в г. Темир-Хан-Шуре от русских офицеров и чиновников негласно ротмистром Кумковым получены сведения о том, что в последнее время ими все более и более замечается перемена отношений к ним и к русскому населению со стороны туземцев, неприязнь обнаруживается в большей мере. В городе был случай, когда два туземца, столкнувшись с русскими, выразились так: «Скоро мы вас, русских, повыкинем из Дагестана или всех перебьем». Тождественный случай был в селе Ишкарты между русскими поселенцами и гуземцами, когда последние, упомянув о приближении войны с Турцией, говорили, что начало войны будет временем, когда русские должны будут уйти из Дагестана или их всех перебьют. Приводившие ротмистру Кумскому случаи добавляли, что это является, несомненно, общим настроением туземцев, с чем согласны и некоторые чиновники администрации. Жандармские унтер-офицеры в г. Темир-Хан-Шуре от разных лиц получают негласные сведения о том, что туземцы усиленно закупают револьверные патроны, уплачивая по 20 коп. за штуку, туземцы ближайших к Темир-Хан-Шуре селений поголовно вооружены винтовками и револьверами и ведут речь о том, что в случае войны с Турцией названный город будет ими немедленно разнесен. Это же подтверждают и персианеторговцы в городе. От русского офицера, служащего по администрации в области, ротм. Кумсков лично слышал, что в горном Андинском округе, смежном с Чечней, нет туземной сакли, в которой не было бы винтовки, а также в больших селениях других округов в темир-хан-шуринском участке. Затем в Темир-Хан-Шуре многие из русских офицеров и чиновников высказывались в том смысле, что существующие в городе общества распространения просвещения среди мусульман Дагестана, состоя из туземцев, занимающих видное общественное и служебное положение, едва ли не преследуют и других тайных целей. Незнание русскими местных языков служит наилучшей конспирацией для деятельности общества, между тем, оно чувствует себя вне подозрений, так как через посредство

упомянутого Казаналипова состоит под покровительством наместника его императорского величества. Более общее мнение русских служащих сводится к тому, что туземцы совершенно не заслуживают и не внушают того слепого доверия, которое оказывается им высшей в крае властью». Вот, г.г., документ, подписанный жандармским полковником Козинцевым, ныне генерал-майором, который не позволяет так легко согласиться с утверждением наместника, что даже и говорить не приходится о настроении мусульман. Я очень далек от мысли говорить, что тот или другой документ верен, но если начальник жандармского бакинского управления пишет, что там готовится, в случае войны с Турцией, нападение на русские города, а наместник его величества говорит, что даже говорить не приходится о сепаратизме мусульман, то, г.г., русская Государственная Дума может почесать в затылке. (*Смех слева и возгласы: «Приятное занятие!»*) Но дело на этом не кончилось. Оказывается, что вышеупомянутый шталмейстер высочайшего двора Казаналипов не только не продолжает свою полезную деятельность в роли министра для мусульман, но и влияет на служебную деятельность тех русских чинов, которые имели несчастье отнестись к его деятельности критически. Военный губернатор Дагестанской области генерал Альфтан, уже более не военный губернатор этой области; начальник бакинского жандармского губернского управления уходит со службы с производством в генерал-майоры, а что касается автора этого донесения, заведующего Дагестанской областью, ротмистра Кумского, то вот, что он пишет в своем официальном донесении: «27 апреля с. г. в г. Петровск прибыл помянутый Казаналипов, искал случая объясниться со мною по означеному, — т. е. по поводу его совершенно секретного донесения, — а городскому полицеймейстеру передал, что я в донесении начальству выставил его, Казаналипова, возбудителем восстания в Дагестане, что сделал это по непохвальным побуждениям и что на совете приближенных к наместнику решено было убрать меня со службы за это. Полицеймейстер, штабс-капитан Скворцов, доложил об этом бывшему военному губернатору Дагестанской области генерал-майору Альфтану, засим явился жандармский ротмистр Старов, приехавший из Тифлиса по просьбе того же шталмейстера высочайшего двора Казаналипова, и передал мне, что, вследствие моего донесения о Казаналипове, мое служебное положение весьма шатко и что в личных моих выгодах необходимо указать те источники, из коих я получил представленные сведения о нем». Я, г.г., обращаю ваше внимание, что в Дагестане, где за малейшее оскорбление полагается кровавая месть, Казаналипова, который играет роль некоронованного короля в Дагестане, обвиняет русский жандармский ротмистр чуть ли не в государственной измене; это донесение, направленное наместнику, передается Казаналипову, который делает расследование и под угрозой потери службы требует от несчастного ротмистра выдать тех, которые на Казаналипова показали, т. е., короче говоря, объявил бы им смертную казнь, потому что после этого туземцам осталось бы жить максимум 24 часа. Вот положение русской власти на Кавказе. Я не знаю, служит ли теперь ротмистр Кумсков, ни одного из перечисленных лиц я в глаза не видел, никакого знакомства с ними не вел. Но я читаю вам документы и прошу вас сделать выводы по совести из сопоставления их смысла. Я обращаю ваше внимание на то, что имеется культурный армянский союз, работающий в пользу Армении до Воронежа; имеется культурное общество, поддерживаемое марганицепромышленниками; имеется, повторяю, общество просвещения среди мусульман, но нет только общества распространения русских государственных идей, — этого общества на Кавказе нет. (*Возгласы справа: «Браво!»*) Так вот, общество распространения просвещения среди мусульман объединяет разные племена горцев Кавказа: чеченцев, лезгин, азербайджанских турок, которых неправильно называют татарами, и затем всяческие другие племена; их образовывают на турецком языке, ибо азербайджанский язык есть диалект турецкого. Таким

образом, объединение мусульман происходит не на русском государственном языке, который столь же непонятен мусульманам этим, как и турецкий азербайджанский язык, ибо лезгины совершенно не понимают этого языка, а с помощью шталмейстера высочайшего двора и с благословения наместника его императорского величества объединяются на турецком языке, на языке близкой нам и несомненно враждебной Турецкой империи. (*Голоса справа: «Верно!»*)

Я, г.г., николько не осуждаю мусульман, я чрезвычайно уважаю их стремление к объединению; они действуют с своей точки зрения великолепно. Для них важно, чтобы азербайджанские турки благоденствовали, и вовсе не важно, чтобы это благоденствие было под властью русского императора, если оно может быть под властью турецкого султана или персидской республики. С их точки зрения важно, чтобы азербайджанским туркам хорошо жилось, а уж будет ли это в русской империи или в турецком султанате, — это для них до известной степени безразлично. И с этой точки зрения я их понимаю и не осуждаю ни одним словом. Но с точки зрения русской государственной власти я считаю, что поощрять такие действия, содействовать таким явлениям и посыпать для этого поощрения шталмейстера высочайшего двора, и разрешать это с ведома наместника его императорского величества я считаю недопустимым. (*Голоса справа: «Верно!»*) Идеалы турецкие, мусульманские, при всем их величии, по существу своему враждебны идеалам русским, идеалам христианским. Это, г.г., не требует доказательств. Из всего вышеизложенного я позволю себе сделать заключение, что тот панисламизм, который здесь талантливо отрицал представитель мусульманской фракции, это не есть вовсе какая-то утопия, это есть реальная и весьма страшная для России опасность. Панисламизм, объединение мусульман на турецком азербайджанском языке, ведет к тому, что лезгины, не понимающие по-турецки, ничего не имеющие общего с турками, делаются турками, ибо говорят по-турецки, верят по-турецки. И, таким образом, эти общества распространения просвещения среди мусульман, пользующиеся высокой милостью наместника его императорского величества, превращают лезгин, которые по крови вовсе не османы, принадлежат совсем к другой расе, — в турок, обращают в будущее население враждебного нам государства. Это, г.г., явление ведет к тому, что в общежитии называется государственной изменой. (*Рукоплескания справа.*) Я обращаю внимание Государственной Думы, что мусульман в России более 15 000 000 и что пропаганда мусульманства не есть вовсе явление кавказское, это явление не только общероссийское, но явление всемирное. И в России сильно работают в этом направлении. Лучшим доказательством служит то, что в Государственной Думе есть мусульманская группа: нет группы католической, и нет группы лютеранской, нет группы православной, а есть группа мусульманская. Они заменили народность религией. Они правильно сделали, они умно сделали с точки зрения своих будущих целей, но с точки зрения интересов Русского государства это надо прекратить, ибо это грозит целости Русского государства. (*Рукоплескания справа.*)

Председатель. Объявляю перерыв на полчаса.

Перерыв объявляется в 4 часа 15 минут.

Заседание Государственной Думы возобновляется в 4 часа 50 минут.

Председатель. Слово принадлежит члену Государственной Думы Маркову 2-му.

Марков 2-ой. Мойуважаемый товарищ по фракции В. М. Пуришкевич во время своей талантливой речи заявил, что России на Кавказе следует опираться на одних мусульман, так как, с его точки зрения, армяне и грузины не годятся для опоры русской власти. На это он получил вполне, по-моему, заслуженную отповедь от представителей кавказских мусульман: они вполне доказательно выяснили всю ошибочность его утверждения. Я присоединяюсь к г.г. мусульманам и со своей стороны должен сказать, что на основании

всего того, что я имел честь доложить Государственной Думе, нельзя русской государственной власти опираться ни на кавказских армян, ни на кавказских грузин, ни на кавказских мусульман. Русскому государству надлежит опираться единственно на один великий, мощный, богатырский русский народ. (*Рукоплескания.*) Но, г.г., я считаю, что мы здесь, предъявив запрос председателю Совета министров о деятельности наместника на Кавказе, не предъявили запроса кавказским народностям. Поэтому препирательства с уважаемыми товарищами в Государственной Думе, представителями туземных народностей, по-моему, были вполне излишни. Дело не в них, дело в русской государственной власти. Вот, куда должны мы направить наше внимание, нашу энергию. (*Рукоплескания справа.*) Наместник на Кавказе не решается оспаривать, что на Кавказе действовал и действует по сей день террор. Но он оправдывается; он оправдывается, во-первых, тем, что террор был не только на Кавказе, революционное движение объяло почти всю Россию, и он в своем объяснении указывает на Москву, Прибалтийский край и др. пункты; он оправдывается тем, что меры борьбы с террором им, наместником, предпринимались те же самые, как вообще в России русским правительством; он оправдывается, наконец, тем, что террор на Кавказе, благодаря его мудрой деятельности, идет на убыль. Вот три главных оправдательных мотива, представленные нам наместником его императорского величества. Я, г.г., внимательно проштудировал записку, предъявленную Государственной Думе, и в этой записке не нашел ни одной строчки, которая бы подтвердила оправдательные заявления наместника, а наоборот, я нашел массу материала для суждений обратного свойства. И я дерзко заявить Государственной Думе, что все три заявления наместника не соответствуют действительности. (*Возгласы справа: «Верно, правильно!»*) Г.г., не так давно чл. Г. Д. Половцов в своей речи 10 декабря 1908 г. по совершенно другому вопросу указал, что в России в течение трех лет произошло до 12 000 революционно-террористических актов, как-то: убийств, поранений... Я не различаю поранений от убийств, ибо человек, ранивший другого, несомненно, желал его убить. Итак, чл. Г. Д. Половцов, на основании официальных, как он выразился, сведений, напечатанных в газетах и которых никто не оспаривал, дал нам ту цифру, которую отказывался дать наместник, говоря, что она ему неизвестна. Так вот, я позволю себе сообщить наместнику его императорского величества эту цифру, ему неизвестную: в России за три года произошло около 12 000 убийств террористического характера, в то время как, по объяснению наместника его императорского величества, на Кавказе было совершено 9 117 убийств. Я доведу до сведения наместника, что в России 140 000 000 жителей, а на Кавказе 9 000 000 жителей. Я позволю себе произвести некоторые арифметические действия, после которых оказывается, что случаев террора пропорционально населению Кавказа за три года было в 12 раз более, нежели в Российской империи, включая и Прибалтийский край, и Москву. Следовательно, говорить, что на Кавказе делается то же самое, что делается в России, по меньшей мере, смело. В 12 раз террор действовал сильнее и властнее, чем в России! Затем, какие же меры были наместником его императорского величества приняты для борьбы с террором? Он говорит, что те же, что и в Прибалтийском крае, и в Москве. Обращаюсь к языку цифр, неподкупных цифр. В Прибалтийском крае, как нам поведал уважаемый чл. Г. Д. Предкальн, отставая запрос социалистов 2 мая 1908 г., расстреляно более 600 человек. Ну, допустим, что уважаемый товарищ преувеличил; вероятно, цифра весьма велика. Другой наш, столь же уважаемый товарищ, чл. Г. Д. Булат, в речи своей от 28 января с. г., отставая необходимость отмены смертной казни, дал нам цифры о смертных казнях в России: в России за 3 года было казнено правительством властью 2 835 человек. Это нам было сообщено с точки зрения ужасов этих казней; но я, г.г., не оцениваю, хорошо это или дурно, я только сообщаю цифры. Итак, в России на 12 000

террористических убийств государственная власть ответила 2 835 казнями: на 5 убийств Российское государство ответило одною казнью. Вот грубая схема, как боролась государственная власть в России с террором. Как же боролась кавказская власть, наместник его императорского величества? На 9 117 убийств на Кавказе казнено 73 человека; на 125 убийств невинных граждан наместник отвечал одною казнью, тогда как русская центральная власть отвечала одной казнью на пять убийств. Переводя смысл этот из мира цифр, мы видим, что кавказская репрессия была слабее российской, имперской в 25 раз. Нам могут, конечно, сказать: великодельно, это так и нужно, не нужно было даже убивать этих 73 человека, не надо было убивать ни одного. Я, г.г., эту точку зрения уважаю, понимаю, но в данном случае о ней не говорю: я только свидетельствую, что в то время, как в России на 5 террористических убийств государственная власть отвечала одною казнью, в той же Российской империи наместник отвечал одною казнью на 125 террористических убийств. Разница в политике громадная. Вы видите, что это как будто происходило в разных государствах. Какие же результаты? Результаты те, что в Российской империи террор почти задавлен, революции нет. Что происходит на Кавказе и сейчас, мы узнаем это дальше; но, во всяком случае, я полагаю, что не хватит смелости даже у бар. Нольде сообщить, что на Кавказе все прекрасно. (*Рукоплескания справа и слева: «Браво!»*) Я, г.г., думаю, что наместнику кавказскому не след было ссылаться на примеры Прибалтийского края и Москвы. Я полагаю, что гр. Воронцову-Дашкову надо было в это время вспомнить, что ведь Прибалтийский край усмирял доблестный генерал Меллер-Закомельский, Москву бунтующую усмирял адмирал Дубасов, а ведь он, гр. Воронцов-Дашков, не Меллер-Закомельский, не Дубасов. Он должен же был это понимать. Он говорит нам в своем объяснении, что меры были одинаковы. Нет, он слишком скромничает: таких мер борьбы с революцией, какие принимал гр. Воронцов-Дашков, в Российской империи, в других местах, кроме Кавказа, нигде не применяли. Там были обычные меры репрессии: военный суд, каторга, расстрелы, убийства... (*Рукоплескания слева и голоса: «Убийства, браво!»*) ...повешение и т. д. Не радуйтесь, г.г., случайному слову: важна мысль, а не обмоловка.

А между тем, мир разинул рот от удивления, когда узнал о тех мерах борьбы с террором и революцией, которые проявил в начале своей деятельности мудрый гр. Воронцов-Дашков. Во всем мире не было примера, чтобы наместник царствующего монарха, уполномоченный свершать все в пределах законной власти, в минуту государственной опасности, в то время, когда государство поражалось ударами крамолы, когда русские люди избивались сотнями тысяч, когда кругом горели пожары, когда нефтяные промыслы были стерты с лица земли, — вооружал русскими берданками, русскими патронами шайки мятежников, шайки крамольников, убивавшие русских солдат, русский народ. Таких мер борьбы с террором нигде в России не было: ни доблестный Меллер-Закомельский, ни доблестный Дубасов таких мер не принимали, таких мер не предпринимал даже и ваш Логухин, сидящий в тюрьме. Эта часть принадлежит всецело гр. Воронцову-Дашкову и никому более. (*Рукоплескания справа и голоса: «Браво!»*)

Третье утверждение, третье оправдание наместника его императорского величества. Он говорит: все это, может быть, и так, но теперь-то террор идет на убыль, теперь, благодаря его мудрому правлению, благодаря его мерам борьбы с террором, террор идет на убыль. И, Бог даст, все успокоится.

Ответом на это служит следующее заявление. Нет, не заявление, а моление, молитва, потому что это написали люди, боящиеся умереть через несколько часов. Это недавнее сообщение. Я прочту вам заявление кутаисскому генерал-губернатору от жителей Сухума:

«Мы, нижеподписавшиеся, позволяем себе обратиться к вашему превосходительству с настоящим заявлением, чтобы совершенно определенно поставить в известность, что

жизнь наша в Сухуме становится с каждым месяцем все тягостнее и невыносимее. Длящиеся в течение многих лет вооруженные грабежи, разбои, покушения, словесные и письменные угрозы, убийства, полная безнаказанность грабителей, делают совершенно невозможным мало-мальски спокойное существование в Сухуме. Полиция за все время доказала полное бессилие свое, грабители являются постоянно хорошо вооруженными и остаются всегда совершенно безнаказанными, — вооруженными наместником его императорского величества, добавлю я, — дерзость их все возрастает, в письмах своих они, угрожая смертью, открыто заявляют, что и впредь останутся непойманными и нимало не пострадают. Жизнь при таких условиях совершенно невыносима, совершенно немыслима. Необходимы какие-нибудь чрезвычайные меры, чтобы дать нам возможность вздохнуть свободно». Дальше не читаю, а прочту подписи не хулиганов, не членов Союза русского народа, которых смешивают с хулиганами. (*Рукоплесканья слева, смех.*) Я имею честь быть членом Союза русского народа и горжусь тем, что состою в этом доблестном союзе, а ваши насмешки для меня то же, что прошлогодний снег. Я презираю их! Подписали: Димитрий, епископ сухумский, т. с. Рукавишников, директор реального училища Стеценко, статский советник Эйлер, инспектор реального училища, ст. сов. Измайлова, ст. сов. Преображенский, непременный член Императорского общества естествознания Черняевский, окружной врач Дарский, заведующий санаторием «Огазери» врач Добронравов, врач сухумской больницы Попов, т. е. вся наличная интеллигенция этого города, конечно, русская. Вот, какой царствует покой в этом оберегаемом наместником его императорского величества крае! Все население молит спасти его от смерти, грабежа и нападения, а нам говорит бар. Нольде: «Все идет на убыль, русское население пострадало сравнительно менее». Затем идут проценты. О них будем говорить. Наместник исчисляет, что в Закавказье пострадало 50 % русских, и потому одинаково страдают и туземцы, и русские, но он забыл добавить, что русских там 250 000, а всего населения пять миллионов, т. е. русские составляют $\frac{1}{20}$ всего населения. Итак, $\frac{1}{20}$ русского населения Закавказья дала 50 % убитых террором, и это называется «сравнительно менее». По-нашему это значит, что русских убито в 20 раз больше, чем туземцев! Г.г.! Я не знаю, как на вас, но на мне это утверждение, когда убивают в 20 раз больше, что убивают меньше, — оно отзывается издевательством над Государственной Думой, а никак не объяснением. Говорят «сравнительно менее». Что значит менее? Если мало того, что русских убивают в 20 раз больше, чем туземцев, то когда же наместнику его величества на Кавказе будет довольно убийств русских? Когда всех убьют и ни одного не останется? Тогда только будет довольно? (*Голос справа: «Он останется».* Голоса слева: «Что за глупости?») Я надеюсь, что этого не случится. Вообще, у наместника весьма странная статистика. На странице 6 говорится, что, кроме убийства известных генералов, — мусульманина Алиханова, грузина Карапангозова, а также бакинского губернатора кн. Накашидзе, гурийца по происхождению, могут и т. д. По этой статистике Алиханов и бывший одесский генерал-губернатор Карапангозов — туземцы, в 50 % туземцев значатся Алиханов, Карапангозов и кн. Накашидзе! Так действительно можно вывести что угодно, если известных доблестных погибших за Россию генералов, несомненно, русских душою и сердцем, зачисляют в туземцы. Что же эта статистика сделает с городовым, околоточным и проч.? Все будут туземцы, чтобы понизить процент, ибо понижение процента не расстраивает здоровья и настроения наместника, как мы читали в докладной записке одного из уволенных служащих. Во всяком случае, я рекомендовал бы Государственной Думе к статистике, представленной наместником, отнестись с заслуженным недоверием. Весьма странный отзыв дает наместник о своей полиции. Вот, что сообщается нам в его объяснении: «Наместник не может не считать, что, в общем, полиция едва ли могла бы сделать больше, особенно потому, что комплектование ее доброкачественным

элементом из русских людей является весьма затруднительным, так как на долю Кавказа достаются только такие элементы, которые не могли лучше устроиться ближе к родине. В зависимости от этого посягательства на полицейских иногда бывают лишены политической окраски и являются актом личной против них мести, — «а не актом террора», — говорится между строк. Итак, вам говорят, что полиция, служащая на Кавказе, не может быть доброкачественной, ибо эти люди не могли устроиться лучше у себя на родине. Это единственное объяснение недоброкачественности полиции. Я совершенно не знаю качеств кавказской полиции, но меня удивляет этот силлогизм: «потому что они не могли лучше устроиться у себя на родине». Но ведь и в должности гофмейстера Петерсон, и сенатор Мицкевич, здесь присутствующий, но и сам наместник его императорского величества гр. Воронцов-Дашков — ведь и они тоже не могли лучше устроиться на родине. Значит ли это, что они недоброкачественный элемент? (*Рукоплесканя справа, возгласы «браво».*) Я не могу сделать такого вывода, я слишком уважаю власть царскую, чтобы думать, что всякий служащий на Кавказе, раз он только русский, поэтому недоброкачественный, — это, по-моему, позорное утверждение, и я к нему присоединиться не могу. Вывод отсюда, что хороших русских не может быть на Кавказе, ибо про всякого можно сказать, что раз ты приехал на Кавказ, значит, ты не мог устроиться лучше у себя на родине, значит, ты недоброкачественный, значит, нельзя иметь на Кавказе ни одного служащего незуемца. Вот вывод из этого провокаторского заявления (*Рукоплесканя справа.*) Я не хочу верить, чтобы старый гр. Воронцов-Дашков, представитель древней аристократической фамилии, писал это объяснение, я могу объяснить только тем, что ему подсунули его, и он подписал его, не читая. Я бы на его месте автора этого объяснения в 24 часа выгнал вон. (*Рукоплесканя справа.*) Наместник его императорского величества не щадит не только своих здравствующих служащих, он не щадит даже и погибших, уже сложивших свою голову за Россию, за его, быть может, собственный покой, на охране его сиятельного благополучия. Он и их не щадит. Прочтите, что он пишет, — не он пишет, а от его имени пишут в этом ужасном объяснении: «1) Франц Корчевский — поляк, служил городовым и сторожем при участке, но за пьянство, грубость и дерзость был уволен; 5) Сергеев и Гешевый — русские, убиты при сопровождении в качестве добровольных охранителей члена местного патриотического общества Перушкина, подвергавшегося многократным покушениям. Данное убийство было, в сущности, новым посягательством на жизнь Перушкина, который выдавал себя за агента охраны, бравировал совершившимся на него покушениями и ходил всегда вооруженным, в сопровождении вооруженных же телохранителей». Значит, сам виноват, не ходи в сопровождении вооруженных. «10) Наталья Луцкус — грузинка, жена железнодорожного кондуктора, была ростовщицей, кроме того, ее считали агентом сыскной полиции; 14) Тюменьков — русский, околоточный надзиратель, грубого характера и нетрезвого поведения; 15) Издебский и Пустовойтов. Пустовойтов убит случайно, а Издебский, по объяснению временного тифлисского генерал-губернатора, был человек грубый, дерзкий, мот и кутила, наживший себе много врагов». Это все сообщается для того, чтобы вам подсказать: не стоит-де этих людей и жалеть. Правда, они служили и их держали на службе. Наместник три года наместничествует, он их держал на службе, но когда их убили, он говорит: это кутилы, мошенники, ростовщики, не жалейте их, туда им и дорога. Вот смысл этого объяснения, которого мне не хочется даже в руках держать. (*Голоса справа: «Верно!»*) А вот пример, как относится наместник к семействам убитых, про которых нельзя было сказать, что они мошенники, кутилы и пьяницы. Я вам прочту выдержку из прошения вдовы известного убитого в Тифлисе пристава, Марии Александровны Свитко, живущей в Тифлисе — адрес указан: «По высочайшему повелению от 20-го мая чины полиции, оставшиеся вне службы

вследствие зверских покушений, ран и увечий, а равно семьи тех чинов полиции, которые убиты революционерами, должны получать пенсию в размере до полного годового содержания. Это высочайшее повеление не исполняется почему-то по отношению ко мне и к моей семье». Ей назначили всего 45 руб. в общем, деньгами получает чистыми. Дальше следующее: «Муж мой, служивший приставом 9 участка гор. Тифлиса, был смертельно ранен 20 декабря 1905 г., будучи послан генерал-губернатором открывать магазины, закрытые забастовщиками. За два дня до этого моему мужу был объявлен революционерами смертный приговор», — любителям отмены смертной казни к сведению, — «и напечатан в №№ 16 и 17 „Елисаветпольского вестника“» — г.г., смертный приговор был напечатан в казенном «Елисаветпольском вестнике»!⁶¹ — «За то, что мой муж отказался пристать к союзу полицейских, образовавшемуся на Кавказе. Муж был убит за то, что задержал бывшего полицеймейстера тифлисского Циеса, когда последний, переодетый в штатское платье, говорил революционную речь на митинге. Этот Циес, еврей, был за три дня до смерти моего мужа уволен, но теперь, в то время, когда верные слуги царя, семья Снитко, мы голодаем, — крамольник Циес благороденствует и вновь получает место ленкоранского уездного начальника. Не возмутительно ли, что в то время, когда правительство обеспечивает таких господ, изменников, как еврей Циес, — семейство таких героев, как мой покойный муж, голодает, а я, вдова убитого полицейского, женщина среднего образования, знающая французский и немецкий языки, тщетно молю получить хотя какое-нибудь скромное местечко, где-нибудь в канцелярии правительенного учреждения, хотя бы на 40 р. в месяц, но меня оставляют на произвол судьбы в чужом городе среди враждебного инородческого населения, и я не имею средств, чтобы выехать из Тифлиса и даже нанять кухарку и судомойку. Ведь это ужасно оставлять в нищете и беспомощности вдову верного слуги самодержавного царя. Если бы мой муж был слугой революции, армян, ему не пришлось бы умирать насильственной смертью, и семья его не голодала бы». Г.г.! Вы из этого видите, как ценят царских слуг на Кавказе, как хорошо служить верно и правдиво при наместнике гр. Воронцове-Дашкове. Вот из того, что я вам сообщил, из того, что я прочел, вы увидите, почему наместнику его императорского величества на Кавказе трудно получить доброкачественный русский элемент. Посудите сами, нужно ли ему искать рукавиц, которые у него за пазухой? Причина ясна. При таких условиях служить доброкачественному элементу невозможно, и не суть ли те доброкачественные элементы, которые остаются служить, герои долга и веры, жертвы своей верности царю? Конечно, раз нельзя иметь доброкачественный элемент из России, наместник поневоле пользуется, и широко пользуется, недоброкачественным элементом на месте. В числе причин, объясняющих слабость полицейских и административных мер борьбы с террором, объяснение наместника указывает на недостаток денег, отпускаемых на полицию. Да, денег, быть может, отпускается недостаточно, но и те, которые отпускаются, идут не туда, куда следует. Вот, что пишут, и пишут не анонимно, а с обязательством доказать. В 1905 г., при учреждении наместничества, ассигновано было, между прочим, в распоряжение наместника 100 000 р. на дело политического розыска. Впоследствии, по уничтожении специальной должности заведовавшего полицией и по обращении канцелярии в особый отдел, деньги эти продолжали расходоваться на розыск, но по учреждении районного охранного отдела, в руках которого всецело сосредоточились все дела розыска, естественно было предполагать, что и суммы, предназначенные для этой цели, поступят в распоряжение компетентного органа охранного отделения. Между тем, канцелярия наместника сумела выхлопотать, чтобы из кредита в 100 000 р. на дело районного охранного отделения, на дело политического розыска выделена была сумма в 25 000 р., а остальные 75 000 р. остались в безотчетном распоряжении канцелярии наместника. (Возгласы справа: «Ага!»)

Но хотя расходование безотчетно, мне удалось узнать, как эти деньги расходуются, и я вам доложу. Из сумм, назначенных на политический розыск, помощник наместника на Кавказе сенатор Мицкевич, здесь присутствующий, получает 2 000 р. в год, директор канцелярии наместника в должности гофмейстера Петерсон получает 1000 р. в год, вице-директор Никольский — 1 000 р., ему же за исполнение должности директора 600 р. в год, вице-директор Стратонов — 800 р., делопроизводитель Львович — 800 р., бухгалтер — 700 руб., затем мелкие служащие и т. д. В общем, 21 600 р. выдаются в виде дополнительного жалованья по канцелярии наместника.

В то же время был случай, что начальник районного охранного отделения, будучи затруднен в деньгах на розыск, обратился в канцелярию с просьбой ассигновать ему 35 р. на постановку необходимого в его целях телефона; ему было отказано за неимением денег. Этого, г.г., мало: из этой же суммы 75 000 р., назначенных для политического розыска, платится 4 648 р. за квартиру, занимаемую сенатором Мицкевичем, и 2 520 р. плюс 300 р. наградных 4 полицейским надзирателям, находящимся у сенатора Мицкевича в качестве личной прислуги. (*Смех справа.*) Дабы по запамятованию нам не сказали, что, быть может, этого нет, я назову фамилии этих 4 доброкачественных русских людей, которые исполняют личные услуги у сенатора Мицкевича за счет политического розыска — фамилии следующие: Жарыков, Голубниченко, Михайлов, Чернышев. Так что, г.г., мне кажется, указывать на то, что мало дают денег на полицию на Кавказе, не вполне основательно: денег, быть может, дают и недостаточно, но и то, чтодается, идет в карманы господ воронцовцев. (*Возгласы справа: «Браво!»*) Вообще, г.г., я не могу назвать то отношение, которое проявляют наместник гр. Воронцов и его присные по отношению к своим подчиненным на Кавказе, иначе, как выдачей головой — это нечто вроде средневековой выдачи головой. Он выдает головой террору полицию, своих подчиненных, выдает, лишь бы только успокоить господ туземцев. Этого, действительно, он достигает — он успокаивает и успокоит господ туземцев: но, г.г., задаваясь целью успокоить их, он забывает, что есть еще народ в России, этот народ — русский народ. Об этом гр. Воронцов-Дашков начисто забыл, но русский народ напомнит о себе гр. Воронцову-Дашкову, и я не завидую его положению, когда это наступит. (*Голоса слева: «Здорово!» Возгласы «Браво!».* Рукоплескания справа.) Головой выданы не только полиция и чиновники наместника, но все русское духовенство было головой выдано террору. Из объяснения наместника вы сами слыхали, как пострадали русские духовные лица за грузинский бунт. Грузинские попы бунтовали, — собирались в тифлисской духовной семинарии, а пострадал ректор русской духовной семинарии от. Никандра, — он был переведен, хотя был виноват только в том, что старался усмирить грузин и позвал полицию для усмирения явных мятежников. Мало того, что от. Никандра перевели, но и следствие назначили не над грузинами, не над мятежными попами, которые отвергали законную власть экзарха Алексия, а над действиями русской полиции, над действиями самого экзарха Алексия, над действиями от. Никандра, ректора семинарии. К этому следствию, как сам же наместник в своем объяснении говорит, были привлечены представители грузинского духовенства: поп Цициашвили, — главный смутьян и агитатор в этом деле, и представитель автономистов-дворян кн. Джамбакуриан-Орбелиани. Те, которые произвели мятеж, крамолу и смуту, которые вторглись в духовную семинарию насильственно, вопреки разрешению ректора, они судили и следствовали, с попущения наместника, над теми русскими, которые сопротивлялись мятежу. Это, г.г., есть выдача головой. Все выдается головой: полиция, чиновники, подчиненные, администрация, которая не идет под дудочку туземцев, и, наконец, русское православное духовенство — все русское дело выдается наместником гр. Воронцовым-Дашковым головой туземному террору, туземной крамоле. Я не могу характеризовать эту

политику иначе, как политикой предательства. Это политика предательства русского дела, предательства русского государственного достоинства, русского государственного достоинства, и это я считаю необходимым выразить ясно, просто и определенно. Это политика, она особенно ярко характеризуется возмутительной историей с агрономом Старосельским, назначенным в эту самую эпоху кутаисским губернатором. Многие из вас читали журнал, к счастью, ныне изъятый из обращения, «Былое». В этом журнале, издававшемся революционером Бурцевым, играющим столь известную роль в деле Азефа-Лопухина⁶² и проч. предателей, — сотрудником этого журнала «Былое» был агроном Старосельский, который там и печатал свои воспоминания о своих действиях на Кавказе в роли губернатора. Советую прочесть: весьма любопытно. В ноябрьской книжке этого журнала Старосельский прямо говорит, что он сам изумился, когда его назначили, ибо сам считал это невероятным. Это изумление было основательно с его стороны, ибо, до назначения губернатором, агроном Старосельский был 4 раза подвергнут полицейскому обыску. Человек, которого 4 раза кавказская власть обыскивала по подозрению в политической неблагонадежности, был назначен в момент развала государственной власти, в момент мятежа, в момент массовых убийств — губернатором. Действительно, можно было этому не поверить! Так вот, когда этот самый с.-р., как теперь выяснилось (*Голоса слева: «Ошибаетесь!»*), Старосельский получил лестное приглашение быть кутаисским губернатором, то он стал ломаться. Он постановил ультиматум: вот мои условия, при которых я, с.-р., согласен быть губернатором. (*Смех.*) Эти условия были наместником его императорского величества на Кавказе гр. Воронцовым-Дашковым приняты, как свидетельствует сам Старосельский в своих записках. Условия эти следующие — извиняюсь, если затрудню ваше внимание, я их выписал на бумажку, ибо этот журнал не выдается на руки, он слишком кусается.

27 мая 1905 г. Докладная записка губернатора Старосельского. Вот главные условия, которые он поставил, и которые были приняты: 1) военное положение, всякие охраны должны быть немедленно отменены; 2) агенты администрации, проявившие усердие в сфере произвола, подлежат увольнению. (*Голоса слева: «Правильно!»*) — В сфере производства! — 3) административные аресты, высылки и прочие репрессии по отношению к политическим прекращаются; 4) функционировавшие в деревнях до введения военного положения выборные судебно-административные организации могут возобновить свою деятельность беспрепятственно; 5) власть будет проявлять полную терпимость к сходкам, митингам и демонстрациям, когда они не угрожают личной и имущественной безопасности обывателей (*Голос слева: «Правильно!»*); 6) действия жандармской полиции должны быть строго согласованы с действиями губернатора... это было очень осторожно с его стороны. (*Смех справа.*) Итак, эти условия были приняты в 1905 г., в момент разгара революции, инородческой крамолы, в момент полного разгора смуты. Эта записка от 27 мая была принята примерно в начале августа, а 7 августа был убит батальонный командир куринского полка Ходецкий. Ему был объявлен смертный приговор группой солдат с.-д. куринского и потийского полков, объявлен смертный приговор от мятежников и солдат за то, что он, командир, мешал митингам солдатским. А губернатор в то же самое время, с согласия наместника, признает, что митингам не нужно мешать. В то же самое время был задержан с.-д., агитатор Леван Дадешкалиани, популярный любимец сванов, — так называет их Старосельский, а мне кажется, их надо называть сванетами. Узнав об этом, сваны в количестве нескольких сот устремились с гор к местечку Сагири, чтобы отбить арестантов. Предстояло кровопролитное сражение, и, по телеграмме наместника, Дадешкалиани был отпущен на свободу. В то же самое время Старосельский, с.-р., дожидался своего пятого обыска и ареста, которого, впрочем, до сих пор еще не после-

довало, стал кутаисским губернатором. Наместник гр. Воронцов-Дашков не может говорить, что он ошибся в выборе этой достойной личности, ибо эта достойная личность была уже обыскана 4 раза. (*Смех справа.*) Я этого повторяю, чтобы не забыть...

Но кто же такой Старосельский? Он — бывший агроном Главного управления землеустройства и земледелия на Кавказе, был назначен кутаисским губернатором 9 июля 1905 г. и во время губернаторства оказался революционером, как вы все это хорошо знаете; говорил с толпами на митингах, сам носил красные флаги. Раз ему привели в плен роту русских солдат, которую он, впрочем, имел смелость выпустить. Он ездил в Тифлис на железнодорожном поезде, который был для него специально заказан революционерами, требовать отмены военного положения. Деятельность его была прервана, как известно, доблестным генералом Алихановым, который за это и был в свое время убит. Итак, г.г., Старосельский пробыл 5 месяцев губернатором, и в конце концов, даже гр. Воронцов-Дашков понял, что с.-р. не могут давать доброкачественного элемента для губернаторских должностей, и он покинул свою службу, — более ничего с ним не сделали; он покинул службу — на этом и успокоились, на Кавказе никаких преследований не было предпринято, и Старосельский сделался просто с.-р., каким был раньше. Но я завел этот разговор не для того, чтобы рассказывать о Старосельском, а для того, чтобы выразить свое удивление объяснениям наместника на Кавказе по поводу этого самого Старосельского. В объяснениях наместника сказано, что, когда Старосельского хотели арестовать, то произошли недоразумения; агент жандармской полиции, сообщая, дал телеграмму какую-то неточную, так что из редакции первоначального донесения наместнику об аресте всех участников сходки вытекало, что арестован Старосельский. Это донесение подтверждалось газетными сведениями. Значит, газетные сведения подтвердили наместнику, что Старосельский арестован; а между тем, он арестован не был, и только 20 февраля бывшим временным губернатором кутаисским Михайловым было запрошено о возможности ареста Старосельского за нарушение обязательного постановления. В своем объяснении наместник кавказский, — я обращаю на это внимание, утверждает, что только 20 февраля он узнал, что Старосельский не был арестован в г. Екатеринодаре, тогда как захвачен был 7 февраля, значит, за 13 дней ранее наместник думал, что он арестован, а 20 только узнал — по объяснению наместника, что он не арестован и скрылся. Я, г.г., прочту вам выдержки из официальной переписки, из которой вы ясно и определенно усмотрите, что утверждение наместника на Кавказе — явно ложное. Я докажу документально, что наместник на Кавказе и его канцелярия не только знали с первых дней, что Старосельский не арестован, но что они препятствовали арестованию Старосельского вплоть до того дня, когда Старосельский бежал. Буду вам читать из официальной переписки, по поводу Старосельского, выдержки: «Бывший Кутаисский губернатор Старосельский, прославившийся активным участием в революционном движении в конце 1905 г. и затем скрывшийся, явился в Шорапанский уезд Кутаисской губ. в сентябре 1907 г., и затем было установлено за ним наблюдение. Начальник кутаисского жандармского губернского управления полковник Леонтьев уведомил канцелярию наместника 24 сентября, за № 2479, что 12 сентября Старосельский выбыл в Екатеринодар. 9 февраля 1908 г. канцелярия наместника получила уведомление от 4 февраля за № 621 от начальника кубанского областного жандармского управления, полковника Воронина, о том, что Старосельский выбыл из Екатеринодара в Кутаис 24 января. Значит, наместнику сообщили, что он выехал в Кутаис 9 февраля, а накануне, 8 февраля, помощник наместника по гражданской части получил от заведующего розыскным пунктом, полковника Засыпкина, телеграмму за № 345, извещающую о том, что в Екатеринодаре 7 февраля захвачена сходка в помещении профессионального союза портных, во главе которой был председатель северо-кавказского с.-д. союза,

б. губернатор Старосельский (*Голос слева: «А вы говорите, что он с.-р. И кто же он на самом деле?»*) Из захваченных на сходке, в числе коих были лица разыскиваемые, арестовано было 6 человек, в том числе секретарь союза Старовучанский». Значит, 9 февраля сообщают, что он выбыл из Екатеринодара, а 8 февраля он был захвачен, как председатель с.-д. сходки, причем было сообщено, что арестовано 6 человек и секретарь союза Старовучанский, а об арестовании Старосельского нет ни одного слова. Участие в качестве председателя на сходке портных Старосельского ненушило власти мысли о необходимости принятия каких-либо мер в отношении его. 9 февраля полковник Засыпкин, за № 350, телеграфировал сенатору Мицкевичу, не имеется ли препятствий к заключению в тюрьму Старосельского, как председателя с.-д. комитета; компрометирующие документы имеются. Значит, полковник Засыпкин 9 февраля испрашивал разрешение посадить в тюрьму Старосельского. А имейте в виду, что нам говорят, что до 20 февраля наместник об аресте Старосельского не знал. В тот же день сенатор Мицкевич, вместо прямого ответа на телеграмму полковника Засыпкина, ответил ему чисто по-кадетски... Извиняюсь, это не мое выражение, это я хотел выпустить... (*Голоса слева: «Пожалуйста, мы не обижаемся»*) ...следующего содержания телеграммой: «Екатеринодар. Полковнику Засыпкину. № 350. С доклада наместнику предлагаю имеющиеся у вас документы, компрометирующие Старосельского, препроводить начальнику областного жандармского управления, от которого, по рассмотрении этих документов и по соображении всех данных, добывшихся розыском по сему делу, будет зависеть принятие соответствующей меры пресечения. № 1555. Помощник наместника Мицкевич». Значит, уже 9–10 февраля сенатор Мицкевич ясно знал, что Старосельский не арестован, и не только знал, но даже и не позволял его арестовать, а только приказал дать документы другому жандармскому начальнику, т. к. полковник Засыпкин, вероятно, не имел права арестовать Старосельского. Короче говоря, та переписка доказывает неопровергимо, что объяснение наместника, писанное 3 месяца спустя после запроса, т. е. обдуманное во всех своих тонкостях, позволило себе сообщить Государственной Думе явную ложь (*Возгласы справа: «Верно!»*) Но, г.г., дело на этом не кончилось. 13 февраля получена была на имя наместника от статс-секр. Столыпина из Петербурга телеграмма от 12 февраля, за № 437, следующего содержания: «На всеподданнейшей моей записке по поводу ареста 7 сего февраля в Екатеринодаре, в помещении профессионального союза, в числе других представителей северного кавказского с.-д. союза, бывшего кутаисского губернатора Старосельского, государь император изволил начертать: „Надеюсь, он арестован и будет привлечен к ответственности“». Вот, г.г., что происходит дальше, после высочайшей резолюции. (*Шум.*)

Я пропускаю весьма уклончивый ответ наместника статс-секретарю Столыпину; он интересен, но нарушает нить моего повествования. Переайду дальше. Телеграмма, посланная сенатором Мицкевичем в тот же день, 14 февраля, т. е. на другой день после получения высочайшей резолюции, в Екатеринодар начальнику областного жандармского управления, гласит: «Телеграфируйте срочно и подробно о содержании отобранных по делу Старосельского документов и их значении для определения, в каком порядке Старосельский привлекается к ответственности, а также заключен ли он под стражу на основании этих документов. Примите все зависящие меры к приобретению фактических данных о виновности Старосельского». Приказания арестовать Старосельского нет, а есть только вопрос, арестован ли Старосельский. Это подписал сенатор Мицкевич. На другой день, 16 февраля, на имя сенатора Мицкевича получена была из Екатеринодара телеграмма: «Старосельский принимал участие на сходке нелегального центрального бюро профессиональных союзов; при обыске в его квартире обнаружено партийное письмо из Армавира, указывающее на принадлежность его к партии с.-д., как председателя комитета. По взятым

на сходке документам видно, что письмо это подлежало обсуждению участников сходки. Редакция письма и неимение фактических данных доказать, что оно адресовано именно Старосельскому — хотя в письме указано, что он председатель эсдековского сообщества — лишает возможности возбудить формальное дознание, почему веду переписку по охране, по этим обстоятельствам и как бывшего губернатора, затрудняюсь в разрешении вопроса об арестовании; прошу указаний. Подробное донесение полковника Засыпкина. Подписано: Воронин». Однако на просьбу дать указание, власть уклоняется ответить; я говорю, конечно, о власти наместника, потому что царь дал указание, председатель Совета министров также дал указание, но наместник на Кавказе не дает. А вместе с тем, сенатор Мицкевич представляет наместнику текст приведенной телеграммы с такой надписью: «Возбужденный в представленной телеграмме вопрос об аресте Старосельского полагал бы представить на усмотрение министра внутренних дел». Государь император пишет: «Надеюсь, что он арестован», а наместнику Кавказа это представляется еще вопросом, который подлежит обсуждению министра внутр. дел, а Старосельский в это время гуляет на свободе. Так они и сделали: отправили в Петербург на усмотрение, а пока в Петербурге усматривали, тем временем от временного генерал-губернатора Кубанской области поступила следующая телеграмма: «По сообщению моему от 13 февраля за № 634 прошу уведомить меня, не встречается ли препятствий подвергнуть аресту председателя по обязательному постановлению под № таким-то». Это, конечно, иносказательно выражено, а смысл такой: не встречается ли препятствий к аресту Старосельского. Это пишут 21 февраля. 21 февраля из Екатеринодара еще просят разрешения об аресте. Наконец, 21 февраля гр. Воронцов-Дашков ответил телеграммой за № 1885: «К аресту в порядке обязательного постановления упоминаемого в вашей телеграмме председателя препятствий нет». Совершенно ясно, что гр. Воронцов-Дашков, разрешив арестовать Старосельского лишь телеграммой 21 февраля, был с самых первых дней осведомлен, что Старосельский не арестован, и вместе с тем, не отвечал на ряд телеграмм местных властей, просивших указаний и разрешения арестовать; он поступал так при наличии высочайшей резолюции о том, что государь император надеется, что Старосельский арестован. Вот до чего, г.г., дошли на Кавказе; там дошли до прямого ослушания его императорского величества. На Кавказе дошли до того, что Государственной Думе, законодательному собранию, сообщают явно ложные сведения, надеясь, что эти совершенно секретные документы до нас не дойдут. (*Рукоплесканья справа.*) Надо сказать, что положение становится чрезвычайно опасным. При таком отношении к правде, можем ли мы вообще верить объяснениям наместника, можем ли мы верить хотя бы одному слову из этих объяснений? Раз в таком важном вопросе, как в вопросе об арестовании высшего губернатора — ведь это не городовой, это губернатор, это Старосельский, о котором весь мир писал, так относились к сообщениям о своих действиях по поводу ареста, то я предоставляю Государственной Думе оценить по достоинству поведение тех, кто составлял эти объяснения. Какая бы участь ни постигла наш запрос — есть слухи, что из тактических соображений, опять-таки тактические соображения появились на сцену, запрос, вопреки очевидности, будет отклонен, и мы, правые, не можем осилить того большинства Государственной Думы, которое может сложиться, но мы должны говорить то, что думаем. Мы думаем, что те, кто возьмут на свою совесть отклонение под сладким или под кислым соусом, но все же отклонение нашего запроса, те возьмут на свою совесть великую ответственность перед Россией. Я просил бы тех, кто памятует об этом, кто ценит, дорожит любовью и уважением России, я просил бы их подумать об этой своей ответственности, прежде чем отклонить наш обоснованный, верный, правдивый запрос. Я думаю, г.г., что если бы мы достигли того, — впрочем, я на это не надеюсь, если бы мы достигли того, чтобы запрос о кавказских

беспорядках был принят, то единственным ответом на это было бы назначение сенаторской ревизии; это был бы единственно достойный ответ на те действия, о которых мы здесь имели несчастье говорить. Сенаторскую ревизию на Кавказе над действиями этих господ давным-давно необходимо было назначить. Она раскроет ужасы, о которых вы и не подозреваете. Но если вы отклоните запрос, если вы выйдете из тактических соображений на другой путь, то не будет сенаторской ревизии, ибо Дума своим авторитетом покроет действия воронцовства кавказского. Во время перерыва я слышал замечания людей, которых привык уважать, что Марков говорит вещи, раздражающие туземцев, что он, раздражая туземцев, совершенно не думает о политической стороне поднятого вопроса. На это я должен сказать, что я не раздражал туземцев, но я все время считал своим долгом, долгом русского депутата, высоко держать знамя русской государственности, перед которой туземцы должны постоянно склоняться, или они должны быть стерты с лица земли. Под русским знаменем, г.г. туземцы, благоденствуйте, получайте все, что нужно, но только под русским знаменем, а не под турецким и не под персидским. Тем более не надейтесь на автономные республики; их не будет, ибо русский великий, мощный, богатырский народ живет, и жизнь его так могучая, что перед нею ваши, хотя и почтенные, но мелкие жизни должны стушеваться. (*Рукоплескания справа.*) Итак, я, г.г., предлагаю Государственной Думе стать на стражу священных интересов государства; я предлагаю Государственной Думе зорко смотреть в лицо предательства, в лицо государственной измены; я предлагаю Государственной Думе добиться того, чтобы громкое, правдивое, веское слово Земского собора нашего достигло слуха Того, от Которого единственно зависит свершить необходимые для сбережения русского государства действия. Г.г., примите запрос! Не посрамите земли Русской, иначе Русь вас осудит! (*Бурные рукоплескания справа.*)

Председатель. Объявляю перерыв до половины девятого. Следующий оратор — чл. Г. Д. Степанов.

Заседание закрыто 5 ч. 55 мин.

Заседание возобновляется в 8 ч. 40 мин. Председательствует Н. А. Хомяков.

Председатель. Заседание возобновляется. Покорнейше прошу занять места. Г.г. Во время перерыва заседания мною получено было известие о кончине великого князя Владимира Александровича. Новое горе постигло царскую семью. Позвольте почтить память усопшего (*Члены Г. Д. встают.*) Слово принадлежит чл. Г. Д. Степанову.

Степанов. Если в немногих словах резюмировать содержание запроса и тех речей, которые мы слышали с этой трибуны в защиту и обоснование его, то перед нами возникает фантастическая картина Кавказа, отданного во власть революционерам-сепаратистам, готового каждую минуту распасться на Великую Армению и на Грузинское царство. Разрушительная работа кавказских сепаратистов происходит, якобы, с ведома, одобрения и даже попустительства и с помощью русских чиновников. Эти почтенные чиновники только тем и занимаются, что либо выпускают из тюрем кавказских сепаратистов, либо вместе с этими сепаратистами обзывают истинно-русских людей, деп. Тимошкина, и берут взятки в свободное от занятий время. Вот относительно взяток г. Пуришкевич недостаточно выяснил: берут ли взятки кавказские чиновники в целях личного обогащения или же на предмет накопления первоначального фонда будущей казны, будущего Кавказского царства. Так как картина получается потрясающей, я бы затруднился сказать, когда Дума имела больше оснований содрогаться, теперь или в прошлом году, когда тот же почтенный курский депутат⁶³, который сегодня спасал Россию от грузинских и армянских соединенных штатов, спасал ее от нашествия на Петербург финских полчищ. Нечего и говорить, что единственным оплотом русской государственности на Кавказе являются истинно русские друзья курского депутата, представленные в Государственной Думе деп. Тимош-

киным. Таким образом, для правительства, если оно только не желает взять на себя тяжкую ответственность за окончательную утрату этой обширной и богатой окраины, путь совершенно ясен. Оно теперь знает, куда и к кому можно обратиться для спасения отечества и для предотвращения грозящей опасности. Вот только еще относительно одного элемента, одного оплота русской государственности я нахожусь в некотором недоразумении. Депутат от Бессарабской губ. признал оплотом закавказских мусульман и не отказал им в выдаче свидетельства в политической благонадежности; за это представитель кавказских мусульман в Государственной Думе Хасмамедов и воздал ему должную благодарность. Но вот, сегодня деп. Марков не согласился со своим единомышленником и сопричислил закавказских мусульман также к сепаратистам, хотя, я должен сказать, что чл. Г. Д. Марков кое-какие надежды на закавказских мусульман, или, вернее, на их кинжалы все-таки возлагает. Сепаратизм мусульман он противопоставляет сепаратизму армян, и видит в этом некоторое утешение; но как бы то ни было, ни лояльность закавказских мусульман, засвидетельствованная деп. Пуришкевичем, ни кинжалы, воспетые деп. Марковым, в истинно русских целях остаются не использованными. А почему? Единственная причина — та, что во главе кавказской администрации стоит гр. Воронцов-Дашков. Мне несколько неясно: виной ли всему преклонный возраст гр. Воронцова-Дашкова или гр. Воронцов-Дашков в душе — тайный сепаратист. Сколько-нибудь серьезно относиться ко всем этим басням о Великой Армении и о Грузинском царстве, о способности русских чиновников к кавказскому сепаратизму не стоило бы ни одной минуты, если бы не одно чрезвычайно важное и серьезное обстоятельство. Дело в том, что легенда о кавказском сепаратизме пустила настолько глубокие корни в сознании значительной части русской публики, что отделаться от этой легенды шуткой нельзя. Здесь надо не иронизировать, а аргументировать, и вот это я постараюсь сделать. Я должен сказать, что к вопросу о кавказском сепаратизме достаточно близко подошли наши товарищи по Государственной Думе, депутаты кавказцы, говорившие до меня, и если я позволю себе вновь вернуться к этому вопросу, то только потому, что считаю его чрезвычайно важным, а затем еще потому, что в данном вопросе имеется чрезвычайно важное обстоятельство. То, что говорили о кавказском сепаратизме представители Кавказа, кавказцы по происхождению, может вам показаться показаниями заинтересованной стороны. Я лично, будучи кавказцем не менее г. Тимошкина, так как я родился и вырос на Кавказе, и в то же время будучи русским и даже великим не менее, чем он, обращаясь к вопросу о сепаратизме, должен, прежде всего, указать на то, что вопрос этот составляет центральный пункт запроса. Все в речах г.г. правых исходит от этого сепаратизма и все в этих речах к нему возвращается. Я не знаю, действительно ли так напуганы авторы запроса кавказским сепаратизмом, как это кажется, — это вопрос особый, и я, несмотря на уверения почтенного курского депутата, охотно готов согласиться с уважаемым кн. Шервашидзе в том, что не страх перед сепаратизмом, а другие мотивы руководили авторами запроса при его внесении. Но я не буду говорить о мотивах запроса, а буду касаться его содержания. Та междуусобная распрая, которая возникла на Кавказе между друзьями деп. Тимошкина и кавказской администрацией, имеет весьма слабое общественное значение: она просто неинтересна. Ко всем тем ужасам, которые в таком изобилии были сообщены вам деп. Гегечкори, я мог бы прибавить еще столько же, но из всех документов, имеющихся у меня в руках, я ограничусь только краткими выдержками из одного документа, и то только потому, что событие, к которому этот документ относится, имело место не в далекой Гурии, не во время карательных экспедиций, когда, по мнению некоторых членов Государственной Думы, все позволено; оно имело место в Тифлисе, в центре города, среди бела дня, во время патриотической, истинно-русской манифестации. В моих руках имеется

доклад педагогическому совету чл. педагогического совета первой тифлисской гимназии Державина. Доклад этот составлен на основании свидетельских показаний нескольких десятков лиц: учеников гимназии, служащих гимназии и посторонних лиц. Я этих свидетельских показаний читать вам не буду: было бы слишком долго, но приведу только то заключение, которое на основании этих показаний было сделано (*читает*): «Около часа дня 22 октября на Головинский проспект со сторон Верийского спуска входила процессия манифестантов, называвших себя „патриотами“, предшествуемая взводом драгун и воспитанниками тифлисского юнкерского училища. У ворот гимназии, что против дома Мухранского, постепенно образовалась кучка гимназистов, здесь же находилась и посторонняя публика. Среди учеников были директор и инспектор гимназии, в интересах предупреждения каких бы то ни было случайностей. Процессия манифестантов поравнялась с Гимназической улицей, и передние ряды ее участников, подбежав к группе стоявших у ворот гимназии гимназистов и посторонней публики, зрителей процессии, стали требовать снятия фуражек. Гимназисты не исполнили этого требования, и когда манифестанты с своей стороны на это ответили палками и кулаками, гимназисты вскочили во двор гимназии и стали оттуда через забор бросать в нападавших камни». Как видите, мальчишки поступили из рук вон плохо, но что дальше последовало? «Одновременно с этим из толпы манифестантов последовал выстрел, и гимназисты поспешили укрыться в здании гимназии. У ворот гимназии остались директор, дворник, гимназический столяр и не успевший скрыться с остальными гимназистами ученик Рафаэлов. Вместе с учащимися во двор гимназии вбежала и переполошившаяся посторонняя публика. После выстрела стоявшие против гимназии войска открыли по гимназии частый огонь. К действовавшим со стороны Головинского проспекта воинским частям присоединились казаки, открывшие также огонь по гимназии со стороны дома Мухранского и со стороны дома наместника. Откуда-то появились казаки во дворе гимназии, босиком и без черкесок, и обстреливали здание гимназии со двора. Таким образом, в течение некоторого времени здание гимназии находилось под перекрестным огнем со всех сторон. Выстрелы были направлены, главным образом, в окна здания, так что всем ученикам гимназии, как укрывшимся в здании гимназии, так и бывшим в нем пансионерам, угрожала опасность. Под выстрелами ученики вместе с воспитателями метались по коридорам и прятались по чуланам, в подвальных помещениях и в квартирах директора и инспектора гимназии. В этот момент был убит ученик гимназии Мелик-Альхвердов и ранены трое других учеников: Азарпетов-Мамиков, Назарбеков и Будник. Ворвавшиеся в помещение гимназии солдаты и казаки, а вместе с ними добровольцы-юнкера, устроили в стенах учебного заведения бойню безоружных учеников и залили стены гимназии детской кровью. Они разыскивали гимназистов и расстреливали их безжалостно там, где находили. Так, в одном из чуланов был убит ученик приготовительного класса Цирульников, смертельно ранен ученик VIII Оганов и ранены ученики Мелик-Нубаров, Арешев, Корганов и Руссо. Выстрелом в голову смертельно был ранен в коридоре гимназии Азарпетов Владимир, ученик VIII класса, солдатом, вышедшим из засады и стрелявшим в него на расстоянии 4–5 шагов. Солдаты разыскивали и расстреливали только гимназистов, тех же гимназистов, кого они пощадили, они были прикладами и кулаками по голове, по шее, по щекам и в спину. В этом деле солдатами руководили вольноопределяющиеся, юнкера и некоторые офицеры, другие офицеры старались сдерживать озверевших солдат, но не имели успеха, так как вооруженные штыками дикари готовы были каждую минуту и со своими „армянами-офицерами“, как они выражались, расправиться так же, как они расправились с „генеральскими“ детьми, гимназистами. Каждый попавший в их руки ученик подвергался не только избиению, но и оскорблению самой площадной руганью, причем, особым вниманием

солдат пользовались ученики с физиономиями туземцев, которые все, без различия национальности, причислялись ими к армянам».

«„Снимай шапки и крестись все по нашему разом“, — скомандовал, — говорит ученик Цагарели, — конвойный, взявшись за курок ружья и предварительно выругав нас площадною бранью в то время, когда он вел нас из гимназии подомам. Мы сняли фуражки и стали креститься». «В 6 ч., — говорит ученик Пондоев, — нас выпустили из гимназии под конвоем. Немного ниже гимназических ворот один из солдат обратился к нашим конвойным: „Выбирай армян и вешай их, сволочь“. Далее следовала национальная брань. Ворвавшиеся в гимназию солдаты, казаки и юнкера предали уничтожению почти все казенное имущество гимназии, а некоторые из солдат и казаков, во время производства обысков, с оружием в руках грабили отдельных учеников и квартиры служащих. Наконец, во время открытия по гимназии огня некоторые ученики были уверены, что на гимназию напала толпа вооруженных хулиганов, скрывавшаяся под национальным гимном и патриотической манифестацией, и по телефону просили генерал-губернатора о помощи, но телефон не действовал; другие с нетерпением ждали прихода войска на выручку и вздохнули свободнее, когда за дверьми услышали шаги солдат, не подозревая действительности; третьи, услышав перерыв стрельбы по гимназии и сидя в чулане, радовались, что его сиятельство, услышав стрельбу по гимназии, велел прекратить ее». То, что я прочел, г.г., представляет собою сухой и очень краткий пересказ нескольких десятков свидетельских показаний. Эти свидетельские показания я вам читать не буду. Это заняло бы слишком много времени и слишком бьет по нервам. Я не буду точно так же цитировать других документов, имеющихся в моем распоряжении в этом же роде. Да и действительно, никаких документов нам не нужно после того, как представитель наместника его императорского величества на Кавказе бар. Нольде не нашел лучшего аргумента для защиты кавказской администрации от каких бы то ни было нареканий, как перечислить с этой трибуны длинный список сосланных, высланных, расстрелянных, повешенных, убитых, и я скажу, что я могу свободно добавить еще довольно длинный список просто избитых. Если сторонники «оттяпывания голов» находят, что одной казни на такое-то количество совершенных преступлений мало, то они могли бы добавить к этим казненным ну хоть тех зарезанных гимназистов, о которых я говорил, и тогда они вряд ли будут отрицать, что все, что можно было сделать для престижа власти, все это было сделано и делалось так, что доблестный Меллер-Закомельский был бы по горло сыт. В чем хотите, г.г., но не в недостатке усмирительной энергии и карательной жестокости можно обвинять кавказскую администрацию. Между тем, именно такого рода обвинение и предъявляется в запросе. Из-за этого мне кажется, что запрос этот действительно есть распра междуусобная. Дело это, г.г., домашнее, обыкновенное, и нам не стоило бы им заниматься, но отвратительно при этом то, что этот гром облекается в патриотическую тогу и сопровождается какой-то слепой и упорной ненавистью в отношении инородцев. И, г.г., эта недостойная травля проявляется, к сожалению, не только в нашей политике на Кавказе; напротив того, Кавказ и его народности сравнительно недавно попали в список тех инородцев, которые надлежат искоренению и, как выразился г. Марков, стиранию с лица земли, что ли. Возникновение легенд о кавказском сепаратизме относится к началу 80-х годов. К этому же времени относится и крутой поворот, который произошел в отношении русской власти к туземному кавказскому населению. В этом отношении историю русского владычества на Кавказе можно разделить на два резко разграниченных периода от начала, хотя бы от 1800 г., от года присоединения Грузии, до 1881 г., т. е. до отзыва с Кавказа последнего наместника того периода, великого князя Михаила Николаевича, и начиная от этого момента, до наших дней. Я на 1905 г. никакого этапа не делаю, потому что, если

судить не по словам, а по делам, то от 1905 г. до сегодняшнего дня фактически никакой перемены не произошло, и до приезда на Кавказ в 1881 г. первого истинно-русского обrusителя, князя Дондуков-Корсакова, ни о каком сепаратизме не было и речи: ни о сепаратизме грузин, добровольно присоединившихся к России, ни о сепаратизме армян, которых избивали в Турции и которые толпами бежали в русские пределы. То время на Кавказе было другое, в то время велась упорная война с горцами, которые боролись за свою независимость. В то время велись частые, упорные кровопролитные войны с соседними мусульманскими государствами — с Турцией и Персией. Как грузины, так и армяне играли выдающуюся роль в истории покорения Кавказа и истории расширения его пределов. Откройте историю Кавказа, и перед вами пройдет целый ряд блестящих полководцев и военачальников, как грузин, так и армян, начиная хотя бы с князя Тер-Гукасова, Лорис-Меликова, Орбелиани, Чавчавадзе и целого ряда других. Не меньшую, если не большую роль играли сегодняшние сепаратисты и в деле укрепления на Кавказе русской государственности, и наряду с блестящей плеядой туземцев-военачальников вы видите не менее блестящие имена на поприще деятельности гражданского управления края. Для того, кто знаком с историей Кавказа не более, чем с историей Дагомеи⁶⁴, эти имена, сами по себе взятые, конечно, ничего не говорят. Могут сказать, что мало ли среди туземцев может быть ренегатов, отказавшихся от своей национальности и перешедших на сторону победителя. Например, среди жандармов, охранников есть лица хотя бы польского происхождения, но нельзя этим путем доказывать любовь польского народа к корпусу жандармов и охранному отделению. В том-то и дело, г.г., что эти деятели Кавказа, туземцы, вовсе не были ренегатами, они были и остались национальными героями среди своих сограждан. Впрочем, по мнению почтенного курского депутата, туземцы — не туземцы, потому что с того момента, как они перестают вызывать нарекания г. Маркова, они делаются уже не туземцами, а истинно-русскими. Но это и есть то понимание Кавказа, которое я выше охарактеризовал. Вы, г.г., хорошо знаете, даже и те, которые знакомы с Кавказом преимущественно по армянским анекдотам, что грузинские фамилии оканчиваются на «дзе» и «ни», армянские на «янц», «ян», а между тем, посмотрите кавказские газеты, хотя бы объявления, конца 1870-х и начала 80-х годов и вас прямо поразит список туземных фамилий с окончанием на «ов» и «ев», как, например, Акоповы, Саркисовы, Питоевы, Мирзоевы и т. п. Спрашивается, откуда все это? Да все оттуда, от того же сепаратизма, оттого, что когда на Кавказе никто обрусением не занимался, и туземцу казаться похожим на русского считалось своего рода хорошим тоном. Когда гимназистам под страхом наказания не запрещалось говорить на своем родном языке, то для них хорошее чисто русское произношение было таким же хорошим тоном, как для наших русских бабушек хороший французский тон с грассированием. Вот, откуда, г.г., это происходит. Но вот, в 1882 г., после неосуществившихся мечтаний о Болгарской губернии, приезжает на Кавказ первый настоящий обrusитель, кн. Дондуков-Корсаков, и с этого момента картина несколько меняется. Начинается та вакханалия обрусения, которая достигла своего апогея при предшественнике настоящего наместника, при кн. Голицыне. Заслуженный боевой генерал, нетуземец, по мнению Маркова, получил назначение командира войск во внутренней губернии. Туземцы систематически начинают устраниться из состава местной администрации, начинается поход на школы, поход на родной язык учащихся и, наконец, все это разрешается отрицаемой г. Марковым экспроприацией армянских церковных имуществ. Я должен сказать, что и до 1881 г. русское управление на Кавказе далеко не было либеральным. И наудачу приведу пример: когда в 1881 г. один тифлисский присяжный поверенный, русский, послал поздравительную телеграмму Гамбетте по случаю восстановления Французской Республики, то даже телрафист, который

принял эту телеграмму, был уволен со службы. До такой степени все на свете относительно, что когда потом, в дондуковскую эпоху, великий князь Михаил Николаевич был на Кавказе, то кавказское население, то кавказское туземное население повсеместно устраивало ему овации. Легенда о кавказском сепаратизме была необходима. Она была нужна просто как моральное оправдание этой ничем не вызываемой русификаторской политики, и раз она была нужна, она явилась. Сначала появлялись в 1880 году статьи в «Московских ведомостях»⁶⁵ и «Нов. времени» в обычном стиле этих изданий, а затем, уже к 1890 году, такого рода писания переносятся на страницы кавказской казенной газеты «Кавказ»⁶⁶. Когда является спрос на перья, то предложение не заставляет себя ждать, и в роли такого кавказского Гурлянда в печати выступил г. Величко, предшественник Пуришевича, на которого он и ссылался. Главным образом его перу и обязана русская широкая публика теми небылицами о Кавказе, всей той фантасмагорией в обратном изложении, которым и является запрос, обсуждаемый нами сейчас. А мне, может быть, скажут: допустим, что это так, пусть даже раньше сепаратизма никакого не было, пусть русификаторская политика, пусть репрессии не сепаратизмом были вызваны, — но не было ли наоборот, и с точки зрения фактов, оставляя в стороне вопрос о причинах и следствиях, — сепаратизм все-таки существует. Я на это категорически отвечаю: нет, сепаратизм был легендой и остался легендой. Разумеется, политика обрусения принесла свои плоды; весьма возможно, что при других условиях — этнографических, географических и всяких других, эта политика привела бы к обрусению, но фактически этого не случилось, и фактически обрусительная политика дала другие результаты: обрусительная политика промыла глубокую, очень трудно заполнимую рытвину между населением и властью, создав из населения и власти два враждебных и чуждых друг другу лагеря. Но, с другой стороны, эта же обрусительная политика, несомненно, вызвала весьма интенсивный рост национального самосознания кавказских народностей. Фамилии на «ов» и на «ев» сильно в настоящее время поубавились на Кавказе. Когда в начале 80-х годов я поступал в эту самую разгромленную потом гимназию, у меня был товарищ Саркисов, а кончал я гимназию в 1890 г. уже не с Саркисовым, а с Саркисьянцем. У меня в детстве было много товарищей грузин и армян, которые ни слова по-грузински и по-армянски не знали, а в настоящее время я не думаю, чтобы на Кавказе вы нашли интеллигентного туземца, который не знал бы своего родного языка и который не знал бы и не уважал бы своей родной литературы. Конечно, никакому сомнению не подлежит, что эта эволюция Саркисовых в Саркисянца, что этот процесс национального самосознания произошел бы сам по себе, но что эта политика насилиственного обрусения способствовала углублению и интенсификации этого процесса, это тоже без всяких сомнений. Спрашивается, что это: хорошо или плохо? Я говорю не с точки зрения всечеловеческих идеалов, а просто с точки зрения правильно понятой русской государственности: хорошо это или плохо? Я думаю, что, конечно, плохо, когда развитие национального самосознания является каким-то доказательством от противного, но это национальное самосознание, взятое само по себе, есть несомненно благо, с точки зрения этой же самой правильно понятой русской государственности, и я совершенно готов присоединиться к словам того же самого генерала Фаддеева, на которого указывал чл. Г. Д. Пуришевич, когда он говорил, что грузин для того, чтобы быть хорошим русским гражданином, должен быть, прежде всего, хорошим грузином. Вот, г.г., для лучшей характеристики того, что такое не в области бредовых идей, а в действительности представляет собой армянский сепаратизм, я позволю себе процитировать вам один интересный документ. В последнее время, в связи с прениями по кавказскому запросу, в печати и в местной, и в столичной появился целый ряд статей, которые выражали собой *pia desideria* кавказских народностей. Но, г.г., все эти статьи, содержащие пожелания,

скромности которых надо удивляться, все эти статьи написаны в эти дни, сегодня, в разгар реакции, когда о днях свободы и воспоминания не осталось, и я вам, г.г., не эти статьи хочу цитировать. Я хочу вам прочитать документ, который относится ко времени 1906 г., т. е. к той эпохе, когда не просили, а требовали, и когда требовали всего без остатка, требовали без уступок и без компромиссов. Я говорю о петиции армянских делегатов, которые выражали армянские требования так, как им это представлялось в апреле 1905 г., заметьте. Петиция составлена из 20 пунктов. Я выписал из них те, которые относятся непосредственно к армянам и имеют непосредственное отношение к Кавказу, потому что остальные пункты ничем не отличаются от общих банкетных революций этой эпохи. Вот, г.г., чего требовали армяне в апреле 1905 г.: 1) введение на Кавказе земского бессословного самоуправления на широких основаниях с учреждением: а) самоуправляющейся мелкой земской единицы, б) уездного земства с выделением городских общественных учреждений в отдельные учреждения, в) одного общекавказского земского собрания», — вы не торопитесь пугаться, — «земского собрания с правом законодательной инициативы и предварительного обсуждения всех законоположений, касающихся Кавказа». Т. е. даже и тогда армяне требовали собрание, которое явилось бы законодательным органом по отношению к тем законодательным мерам, которые принимаются относительно Кавказа. (*Голос спрашивает: «Это ваше предположение?»*) Это не мое предположение, это есть петиция армян...

Председатель. Прошу вас не переговариваться.

Степанов. 2) ...введения суда присяжных, 3) уничтожения сословных привилегий, 4) свободы слова, собраний и т. д., 5) свободы языка на собраниях, делопроизводства в сельских установлениях, а в сношениях сельских обществ между собою на местном языке, 6) неприкосновенности личности и жилищ, 7) всеобщего, бесплатного начального образования, 8) обязательного обучения в начальных школах детей армянского происхождения на армянском языке с преподаванием русского языка, как одного из главных обязательных предметов. Серьезная постановка преподавания армянского Закона Божия на армянском языке, армянской литературы и истории в правительственные учебных заведениях на одинаковых с другими главными предметами основаниях. В высшей степени характерно, что армяне даже и не говорили тогда о национальной средней школе, они говорили о том, чтобы в правительственные гимназии армянский язык, армянская литература и Закон Божий преподавались на армянском языке. Г.г.! Ведь, что касается Грузии, то тут фактически депутат Марков в одном отношении прав. Я должен сказать, что, оставляя в стороне все культурные, социальные и экономические нужды грузинского народа, в том, что, может быть, хотя с какой-нибудь стороны похоже на сепаратизм, самое пламенное, самое глубокое стремление Грузии — это стремление к автокефальной церкви. Да, это верно! Но, г.г., стремление это настолько глубоко, настолько оно законно. Не надо, г.г., забывать того, что Грузия — не завоеванная страна. Грузия — страна, которая присоединилась к России добровольно с автокефальной независимой церковью в 1800 г.; до 1811 г. эта автокефальная грузинская церковь признавалась русским правительством и русским синодом: русский синод обращался до 1811 г. к грузинскому патриарху, как к патриарху самостоятельной церкви, относился к нему точно так же, как к патриархам других восточных православных церквей. Таким образом, не стремление Грузии к автокефалии, а отнятие того, что ей принадлежит по праву, есть беззаконие: это не по закону, не канонически и это совершилось русской властью без санкции не только иерархов грузинской автокефальной церкви, но и иерархов других автокефальных церквей. Таким образом, национальные, культурные и религиозные требования как армян, так и грузин также похожи на сепаратизм, — я понимаю под сепаратизмом политическое содержание этого слова, — как вражда кавказских туземцев к насильникам — к нашему стыду и несчастию,

эти насилиники русские — к русскому народу. Нам рассказывали, как враждебны кавказские туземцы к русским, как мало-помалу туземцы стремятся вытеснить русских с насиженных мест. Я знаю факт, когда не мало-помалу, а сразу несколько тысяч русских на Кавказе были разорены, подвергнуты истязаниям и изгнаны из своих насиженных мест. Я должен констатировать, что выдающуюся роль в этом деле, в этом преступлении играл, действительно, туземец-грузин. Я, г.г., говорю об однофамильце уважаемого кн. Шервашидзе, о тифлисском губернаторе кн. Шервашидзе⁶⁷, об изгнании им русских духоборов с Кавказа⁶⁸. Может быть, этого князя вы тоже считаете сепаратистом? Но, г.г., не думайте, чтобы я стал отрицать то действительно невыносимое положение, в котором не живут, а задыхаются массы мирного населения на Кавказе, а в том числе и русского населения. В моих руках имеется письмо одного из русских поселенцев на Северном Кавказе. Письмо это очень длинное, я читать его, понятно, не буду, а приведу только выдержки из него. Письмо касается тех ужасающих разбоев, которые, действительно, на Кавказе вообще, а на Северном Кавказе в особенности, имеют место. Но тут я должен сделать маленькую оговорку: я о разбоях буду говорить только с точки зрения фактов. Что же касается тех экономических причин, которые могли бы при других условиях оставить местное население полезным и мирным, и которые в настоящее время толкают его на путь разбоя, этих причин я касаться не буду. Кто внимательно слушал речь деп. Гайдарова, тот достаточно знает эти экономические причины. Вот, что пишет не истинно-русский, а просто русский человек: «русское население здесь положительно между молотом и наковальней: с одной стороны — администрация, а с другой — профессиональные разбои. Так, например, генерал Колюбакин выдворил перед выборами из слободы Хасав-Юрта и тем разорил священника Д., выслал из области и разорил податного инспектора Б., продержал все время выборов под домашним арестом в его имении местного землевладельца и овцевода Месяцева, причинив ему этим в его делах громадные убытки, того самого Месяцева, которого вскоре после того пленил и тоже держал у себя под арестом, до выкупа в 18 000 р., другой, после генерала Колюбакина, владетель Терской обл. — знаменитый разбойник Зелимхан, невозбранно оперирующий в области вот уже около 12 лет. Но это, конечно, далеко еще не все — перечислить всего невозможно! Да, извольте, к слову сказать, хоряничать при таких трагических условиях, когда, с одной стороны, вас по капризу арестует и разоряет такой «кадетствующий» администратор, а на другой день после этого вас берет в плен и берет с вас десятки тысяч выкупа его соперник по власти — профессиональный разбойник. И когда после всего этого наши самозваные заступники в Государственной Думе серьезно говорят о «кадетствующих» наших администраторах, и что все зло, а в том числе и разбои, от их, администраторов, либерализма, нам, и без того уже напуганным, становится здесь страшно, что после такого невежественного диагноза нашей тяжелой болезни нам опять пропишут удесятеренную дозу тех же самых истинно-русских Колюбакиных и Котляревских. И если несомненно истинно-русская окраска г.г. Колюбакина и Котляревского и даже истинно-русский союзнический значок последнего не помешал ему даже при военном положении не только соблюдать обычный дружественный нейтралитет, но даже положительно якшаться с заправскими разбойниками, отпускать их на волю на честное слово, дружески переговариваться с ними по телефону, — известен факт такого разговора начальника округа Котляревского с разбойником Юнусом, пленившим Нейфельда, — то чего же нам можно будет ждать от нового дополненного и усовершенствованного издания тех же самых г.г. Колюбакиных и Котляревских. Г.г., я дальше читать не буду. Дальше это очень длинно: то же самое тут говорится и о русских поселенцах, и о немецких колонистах, говорится, что власть никого, кроме самой себя, не охраняет. Вот, г.г., когда нам говорят о полной дезорганизации власти, о

полной необеспеченности жизни и имущества мирного населения, с этим я спорить не буду: все это действительно так, и все это верно; но все это, как две капли воды, похоже на то, что происходит у нас везде в России. Ведь Челябинск, о котором говорилось, что оттуда люди бегут от разбоев и грабежей, ведь он — не на Кавказе; ведь Воронежская губ., о чем может засвидетельствовать мой товарищ по фракции деп. Шингарев, из которой вопли несутся, что там жития не стало от грабежей, ведь Воронежская губ. к Великой Армении еще не присоединена, и генерал Рейнбот⁶⁹ не в Тифлисе воеводствует. Во всяком случае, г.г., я не возьму на себя неблагодарную задачу защищать кавказскую администрацию. Но вот вопрос, г.г., из кого эта кавказская администрация состоит. Да, г.г., из ваших же обрусителей старых. Ведь кроме гр. Воронцова-Дашкова, Джунковского и Петерсона, там новых никого нет. И вот, гр. Воронцов-Дашков за последние три года не исполнил ни одной из обещанных им реформ, не изменил старые приемы и управление оставил в руках старых исполнителей. В моих руках находится список наиболее выдающихся кавказских администраторов. Ведь это все, г.г., знакомые лица: мы встречаем фамилию того самого сенатора Мицкевича, о котором упоминал деп. Марков. Я не нахожусь во всеоружии его сведений: я не знаю, какое добавочное вознаграждение получает Мицкевич из неподлежащих источников, я не знаю тех служащих охранного отделения, которые фигурируют в роли его личной прислуги; но ведь, г.г., сенатор Мицкевич — это представитель того самого режима, который водворился при Дондукове-Корсакове и продолжается по сию пору. Все это, г.г., старые чиновники: возьмите бакинского губернатора Алышевского — бывший чиновник особых поручений при кн. Голицыне, губернатора Елисаветпольской губ. Ковалева и т. д., и т. д. — это те же представители старого режима.

Теперь, г.г., второй вопрос, и самый важный: какой же выход из этого тупика? Да конечно, тот же самый, что и из тупика всероссийского: замените произвол законом, заставьте полицию вернуться к ее естественной функции — охранению мирных граждан, охранению их жизни и имущества, а не брать приступом школы, не воевать с типографиями, введите широкое самоуправление, не ставьте препон народному образованию и заставьте уважать право во имя идеи права. И если к этим общим и элементарным правам вы присоедините то, что вызывается особенностями специально кавказскими, то, что вызывается его разноплеменностью, его многообразными обычаями, верованиями и т. д., то вы отвергнете этот запрос и примете ту формулу перехода к очередным делам, которая на первый план, кроме общих требований водворения на Кавказе нормального гражданского правопорядка, поставит удовлетворение законных, культурных, национальных и религиозных требований кавказского населения. (Рукоплесканя слева.)

Председатель. Господин помощник наместника его императорского величества на Кавказе желает дать разъяснения.

Помощник наместника его императорского величества на Кавказе сенатор Мицкевич. Наместник его императорского величества на Кавказе поручил мне представить Думе объяснения по поводу запроса о терроре на Кавказе. Я не стану утруждать Государственную Думу представлением объяснений по содержанию речи чл. Г. Д. г. Пуришкевича, так как объяснение наместника подробно изложено в № 276 «Правительственного вестника», разосланного вам, г.г., в особом оттиске. Моя просьба заключается лишь в том, чтоб это объяснение было присоединено к вашему делопроизводству.

Перехожу затем к речи депутата от Тифлисской губ. г. Чхеидзе и остановлюсь только на тех заявлениях его, которые касались злоупотреблений чинов полиции, о чем производил ревизию сенатор Кузминский во второй половине 1905 г. и начале 1906 г. Конечно, все выводы сенатора Кузминского совершенно справедливы, но они относятся еще ко времени до наместничества, а по современному положению полиции там, в составе

Бакинской губ., образовано особое градоначальство и организована особая полиция. Конечно, она далека от совершенства, но, тем не менее, в состоянии более или менее охранять общественную безопасность.

Теперь в отношении речи деп. кн. Шервашидзе я должен заметить одно: главным образом кн. Шервашидзе ссылается на то, что крестьянское дело до сих пор в Тифлисской и Кутаисской губерниях не получило своего завершения, т. е. до настоящего времени не совершен выкуп наделов поселен. Я должен доложить Государственной Думе, что, на основании положения 1864 г. об устройстве быта поселен в Тифлисской и Кутаисской губерниях, инициатива выкупа принадлежит владельцам, и что ныне уже выработан законопроект, который в самом непролongительном времени будет представлен через Совет министров на ваше усмотрение. Таким образом, вину промедления в известной доле с администрацией должны разделять и господа землевладельцы. О положении Кутаисской губ. я обязан доложить, что $\frac{2}{5}$ зависимых поселен уже выкупились, остается только остальная часть выкупа; но вообще, по всему Закавказью, потребуется для выкупной операции со стороны казначейства расход около 30 000 000 р. серебром, по нашему ближайшему подсчету.

Засим я перехожу к речи деп. Гегечкори. Как видно из стенографического отчета от 21 января, на стр. 100 он говорит следующее: «По приказу гр. Воронцова-Дашкова проходили по нашей стране опустошительные карательные отряды, предавая все и вся огню и мечу; по приказу гр. Воронцова-Дашкова совершились всевозможные насилия над населением; по приказанию Воронцова-Дашкова насиливались наши матери, наши сестры и наши жены». Я считаю своим долгом решительно протестовать против изложенного выражения в цитируемых словах. Я позволю себе изложить обстоятельства, на которые указал нам здесь г. Гегечкори, а именно, на дознание, произведенное д. с. с. Вейденбаумом. К наместнику, действительно, в 1906 г. поступил ряд жалоб армян из нагорной части Шушинского уезда на разные насилия, которые они испытывали от бывшего там отряда. Посылка отряда была сделана по распоряжению местного времененного генерал-губернатора генерала Альфрана. Он получил сведения о том, что армяне местные, войдя в соглашение во время этого столкновения с татарами о том, что они прекратят окончательно всякие распри между собою, несмотря на это, произвели ряд насилий, обстреливали войска; тогда генерал Альфран решил послать особый отряд под начальством генерала Веверна, который потребовал выдачи виновных и выдачи оружия, но так как то и другое добровольно не было исполнено, то, конечно, это было произведено путем обыска. Дознание, которое произвел по этим жалобам д. с. с. Вейденбаум, представлялось далеко не полным, но, тем не менее, наместник признал нужным немедленно командировать туда военного следователя для производства следствия. По произведеному предварительному следствию оказалось крайнее противоречие между показаниями жалобщиц и жалобщиков и показаниями свидетелей; прокурор военно-окружного суда составил заключение о прекращении этого дела, так что нападки по этому делу представляются совершенно неосновательными. Господин депутат Кутаисской губ. на стр. 112 этого отчета указывает вам на ту невнимательность, с которой будто бы отнесся наместник к просьбе нуждающихся в продовольствии жителей Озургетского уезда, или, иначе, как по-местному, гурийцев. Действительно, такая депутация была. Но позвольте вам доложить следующее: продовольственные потребности возникли у нас, в Закавказье, вследствие неурожая еще в 1906 г., и закончилась продовольственная кампания только в 1908 г. На это, по ходатайству наместника, из средств общесмперского продовольственного капитала было отпущено за это время 2 067 525 р. на все население Закавказья. В том числе выдано было, соответственно предварительному исчислению потребностей в продовольствии Кутаисской губ., 100 000 р.

Затем самое удовлетворение этих продовольственных потребностей производилось особыми комиссиями, в состав коих входили мировые посредники, предводители дворянства, податные инспекторы, и раздача ссуд производилась при содействии самих местных крестьян, выбранных населением. Как определялась нужда, так определялось и удовлетворение ее. Таким образом, если даже и допустить, что наместник не принял какой-либо депутатии, то в этом отношении ничего особенного нет, так как потребность уже была удовлетворена. Затем г. Гегечкори указывает, что столкновение между татарами и армянами явилось результатом провокации чиновников, местных служащих. Я это отрицаю. Я полагаю, что причины этой вражды кроются в историческом прошлом и имеют иные основания. Мусульмане не могли отрешиться от того, что в тех местах, где это происходило, они были господствующим классом населения. У них, насколько я припоминаю за мою продолжительную службу на Кавказе, всегда существовало некоторое неудовольствие. И вот мне кажется, что эта историческая причина могла обострить существующую рознь, обострить те отношения, которые разразились так печально. Г. депутат Павлович в своей речи выражает недоумение по поводу двух сделок о делах, о которых упоминал деп. Пуришкевич — о делах Питоева и о деле кн. Дадешкелиани. Дело Питоева, представленное наместником в Главное управление земледелия и землеустройства, было условно. Наместник выражался так: если высшие технические учреждения, находящиеся в ведении главного управления, найдут предложение г. Питоева выгодным для казны, то в таком случае наместник готов поддерживать его просьбу и продлить срок еще на три года. Я боюсь вас утомлять, но я должен вам сказать, что трехлетний срок отдачи в аренду рыболовных участков недостаточен; недостаточность этого срока для правильного хозяйства признавалась еще комиссией, бывшей в Баку в 1900 г. под председательством ученого ихтиолога г. Гrimma. Затем дело Питоева в этом отношении не представляет исключение. Рыбопромышленник Маилов с таким же прошением о продлении срока обратился непосредственно в главное управление землеустройства. Затем в совете наместника разбирали вопрос и возбудили ходатайство об отдаче Ново-Афонскому монастырю, Бакинской губ., Ольховского озера на 24 года; затем насчет озера Гокчи тоже проектировались условия сдачи в аренду на известных условиях. Совет наместника, при участии специалистов рыбного дела, признавал, что для правильной постановки вопроса необходим срок, по крайней мере, двенадцатилетний. Об этом представлено в главное управление; разрешения этого дела еще не последовало. Таким образом, дело Питоева не является чем-нибудь исключительным. Что касается дела Дадешкелиани, то по этому делу возбуждает недоумение, как это казна вошла в соглашение с частными лицами, и что, конечно, тогда частное лицо могло ставить свои условия такие, какие желало. Первоначальное предположение местной губернской власти, бывшего кутаисского губернатора, о том, чтобы для улучшения быта крестьян сделать некоторое отчуждение земель в порядке т. X ч. I, признавалось неудобным прецедентом, и поэтому ему не было дано движения, но, ввиду обострившихся отношений сванетов к своим помещикам Дадешкелиани, эти отношения заставили наместника найти какой-нибудь исход. Вас удивляет, почему казна вошла в соглашение; да потому, что Дадешкелиани принадлежат к владетельному роду Сванетии, обладают имением на майоратном праве и, на основании высочайшего повеления 1857 г., не имеют права отчуждать никому ни одного из своих имений, кроме казны. Следовательно, если устраивать дело, нужно было какую-нибудь дать компенсацию казенному. Наместник несколько не предрещал этого дела, а предъявил его сюда, в Петербург, и просил через бар. Нольде узнать, как отнесутся к этому предположению ведомства. Таким образом, наместник не отдавал ничего Питоеву и не отдавал ничего Дадешкелиани, а только представил в том виде дело, с теми расценками, которые были ему представлены. Губер-

нская власть ценила в 7 милл., по сведениям, собранным ею самой, сам Дадешкелиани оценил в 5 милл., но тут вопрос шел не о том, сколько дать, а о том, остановиться ли на избранном пути к соглашению, насколько это представится возможным. Теперь позвольте вам доложить по делу о переселенцах. Здесь заявлял наш русский депутат в Думе, г. Тимошкин, о том, что как, мол, армянам все дают, а для русских ничего нет. Позвольте по этому делу представить вам следующее разъяснение.

После каждой войны: турецкой 1827–28 гг., после 1877–78 гг., известная часть армянского населения укрывалась, опасаясь мести со стороны диких племен, населяющих пограничные с Россией области, именно курдов, всегда шла за нашими войсками. Главнокомандовавшие в то время войсками не препятствовали этому. Таким образом, в Ахалцихском уезде поселились турецкие армяне, а также около Эривани и в других местах Закавказья, затем в 1902 и 1903 гг. происходила в Турции так называемая армянская резня, а в связи с этим — массовое бегство к нам армян. Кавказская администрация считала это для себя крайне неудобным ввиду вообще малоземелья, и признавала, что водворять новых армян не следует. Тогда воспоследовало высочайшее повеление через Комитет министров, коим армяне-беженцы разделены были на две категории: на тех, которые пожелали принять русское подданство, и на тех, которые отказались от этого; тем, которые пожелали принять русское подданство, разрешено было селиться только в городах без всякого права на надел где-либо в России, а тех, которые не принимали подданства, приказано было водворять в восточные губернии империи; таким образом, утверждение, будто этим беженцам давали наделы, не точно.

Теперь позвольте перейти к системе переселения русских людей, принятой у нас в Закавказье. Закон о переселении, действующий в империи, распространен на Закавказье постепенно. Первоначально закон этот был распространен с некоторыми видоизменениями в Черноморской губ. в 1897 г.; в 1899 г. последовало высочайшее повеление о распространении этого закона и на губернии закавказские. Так как для переселения, в сущности говоря, нужна известная подготовка, определение тех площадей и тех земельных угодий, которые могут быть отведены в их пользование, то предварительно в начале переселение было незначительно. Засим переселение производилось в начале без достаточно ясного определения собственников земли, на которую их селили: предполагалось, что она казенная, свободная, между тем, как оказывалось, что она далеко не свободная; или в судебном споре, или в межевом споре и т. д. Система наместника состоит в следующем: прежде, чем приглашать или вызывать из внутренних губерний переселенцев, наместник обратил внимание на земельное обеспечение около 1 500 000 русских иногородных, проживающих на Северном Кавказе и уже привыкших к более высоким сельскохозяйственным культурам — это потомки тех лиц, которых предки участвовали в покорении Кавказа. Очевидно, что первое внимание должно быть обращено на них. Затем из них 400 000 удалось устроить на Северном Кавказе, частью на казенных землях, частью на землях владельческих. Затем остальная часть иногородных остается необеспеченной и занимается в качестве арендаторов, арендует землю у казаков, арендует ее у частных владельцев и частью у казны. Засим, так как условия хозяйства в Закавказье совершенно иные, чем во внутренних губерниях империи, так как хлебное хозяйство у нас не имеет того значения, которое оно по преимуществу имеет в крестьянском быту во внутренних губерниях, то очевидно, что выбор переселенцев имеет громадное значение. Выбор этот, прежде всего, останавливается на тех людях — крепких, сильных в хозяйственном состоянии, которые могут сладить со всеми условиями чуждой им местности. Счастливо сложившиеся обстоятельства предоставили возможность поселять прежде всего на Мугани, где разведение хлопка дает им громадный заработок. Многие лица, которые посещали

эти поселения, вновь образованные переселенческие участки, находили, что положение хозяйства поставлено на рациональных началах. Затем для переселенцев не забыты были и их религиозные нужды: и спрошено по ведомству Св. Синода ежегодное ассигнование в 20 000 р. для устройства церквей для поселенцев. Для установления же добрососедских отношений между новоселами и старожильскими поселениями обыкновенно производится так, что первоначально вполне выясняется то владение, которое занимают земли туземного населения, и после того уже, по окончательном определении, предоставляют землю русским поселенцам. Кстати позвольте упомянуть, что здесь указывалось на стеснение русских людей в селении Джала-оглы. Жители селения Джала-оглы действительно слабо обеспечены, и вопрос является спорным об их земельном владении с соседними обществами. Вопрос этот все еще не решен, он подлежит рассмотрению совета наместника, куда он вносится. Затем о деле Шахназарова, которое относится до времени восстановления наместничества, сейчас ничего сказать не могу. Относительно стеснений русских людей, на которые указывал чл. Г. Д. Тимошкин, заключающихся в том, что железнодорожных рабочих не принимают на службу, я могу доложить, что после забастовки, когда прекратилось всякое движение, начальством закавказских жел. дорог было уволено 1 500 чел. рабочих, бастовавших и не явившихся на работу. Засим, так как многие из них объясняли, что они своевременно не получили уведомления о том, когда им явиться на работу, другие же объясняли неявку влиянием некоторого насилия и страха, то со стороны Министерства путей сообщения последовало распоряжение о приеме обратно тех рабочих, которые в особом присутствии, образованном в составе управления, под председательством начальника дорог и при участии начальника полицейского жандармского управления, будут признаны достойными обратного приема. Именно в таком порядке производился обратный прием рабочих. Что касается объяснения рабочих, будто они восстановили движение по железным дорогам, то я обязываюсь доложить, что в начале 1906 г. восстановление движения исключительно обязано войскам. Затем, да, русские рабочие этого исполнить не могли, потому что в среде их мало находится машинистов и вообще лиц специальной службы. В настоящее время для охраны железной дороги формируется особая стража, состоящая из 500 человек, исключительно лиц унтер-офицерского звания, вышедших в запас.

Я переходу теперь к замечанию деп. Хасмамедова. Он отметил о стеснении в религиозном отношении мусульман, о том, что у них отобраны вакуфы. Г. Хасмамедов ссылался на то, что это было сделано несколько десятков лет тому назад, но мне такое распоряжение неизвестно. Обращаясь к уставу иностранных исповеданий, я нахожу указание на управление этими имениями: имения слагаются из недвижимой собственности и капиталов; одни из этих имений находятся в заведовании закавказского суннитского духовного управления, а другие — в заведовании шиитского духовного управления. Эти капиталы и имущества состоят под наблюдением наместника и Министерства внутренних дел, куда и представляются все отчеты по заведованию этими имениями. Затем, в Дагестане нет управления духовными делами, потому что, когда в 1874 г. было образовано духовное управление для Закавказья, то возник вопрос о том, не следует ли присоединить и Дагестан к этому управлению. Это оказалось невозможным, ибо истолкование шариата в Закавказье не совсем соответствует тому толкованию его по праву наследственному и семейственному, которое существует в Дагестане.

Далее деп. Хасмамедов указал на недостаточность содержания шейх-уль-ислама и муфтия. Я готов признать, что оно недостаточно, но полагаю, что господа члены Думы по своей инициативе могут всегда возбудить законодательный вопрос как относительно увеличения содержания духовенства, так и по другим предметам, например, по вопросу

об уравнении в городских общественных управлениях Закавказья членов от христианского и нехристианского населения. Совершенно справедливо указывает деп. Хасмамедов на недостаток школ и больниц. В этом отношении, хотя у нас нет земств, и вместо земств заведует администрация, я обязан доложить, что по проекту земской сметы предположено значительно увеличить число школ. Кроме того, с этого года во всех округах и уездах Закавказья открываются вторые больницы. По мере возможности, значит, интересы не забыты.

Здесь заявлено было тоже со стороны депутата Тифлисской губ. г. Чхеидзе, что сванетам не предоставляют земли в Абхазии.

В настоящее время в Абхазии производятся на основании закона землеустроительные работы и наделяется коренное население, стараются проникнуть мингрельцы из соседних уездов, чтобы получить там землю; но земли эти не могут быть отданы никому ранее, чем будет устроен быт коренного туземного населения. В начале они являются туда в качестве арендаторов. Управление государственных имуществ может сдавать им в аренду землю на срок не более, как на один год; но так как они желают получить землю в надел и отказываются возобновлять контракты, то приходится местному управлению земледелия и государственных имуществ выдворять их. Далее, здесь указывалось еще на притеснения русских чиновников. Я должен сказать, что в Закавказье порядок привлечения к ответственности чиновников общий с имперским. Одни чиновники привлекаются к ответственности по постановлению губернского правления, другие привлекаются к ответственности по постановлению совета наместника. К последней категории принадлежат те лица, которые определяются и назначаются наместником. В совете наместника присутствуют: представители ведомств Министерства внутренних дел, финансов, старший председатель судебной палаты, уполномоченный главноуправляющим под председательством помощника наместника. Мне кажется, что коллегиальность учреждения устраивает предположение о произволе и усмотрении. Г. Тимошкин обратил внимание на то, почему дело о Гурийской республике не было рассмотрено на месте в Кутаисе. Это произошло оттого, что дело это назначалось два раза и не могло состояться за неявкой свидетелей. Тогда, по распоряжению Министерства юстиции, дело это было перенесено на рассмотрение в одесский округ. Это сделано в пределах закона и не представляет из себя ничего исключительного: от Министерства юстиции зависит перенести то или другое дело из одного судебного округа в другой.

По делу архимандрита Корюна я должен сказать, что он действительно военно-окружным судом был оправдан, но прокурор этого суда подал протест, и дело архимандрита Корюна находится в настоящее время на рассмотрении главного военного суда. Я виделся с прокурором военно-окружного суда и беседовал с ним по этому поводу, но он мне ничего не сказал о пропаже каких бы то ни было документов по делу. И поэтому я не допускаю мысли, что было похищение каких-нибудь документов; такой факт получил бы самое значительное распространение. Затем г. Гайдаров указывал на разные бытовые условия положения горцев Северного Кавказа, указывал на недостаток земли. Я обязываюсь доложить, что в настоящее время, по распоряжению наместника его величества на Кавказе, производится особой комиссией, под председательством д. с. с. Абрамова, исследование хозяйственного положения горцев и обеспечения их в земельном отношении, и что правительство наше всегда относилось очень внимательно к хозяйственным нуждам этого населения. В 1889 г. последовало высочайшее повеление, по которому горцам Северного Кавказа, именно кабардинцам, было пожаловано... (*читает*): «21 мая 1889 г. положением Комитета министров кабардинскому народу и сопредельным с ним горским обществам пожаловано в постоянное и неотъемлемое пользование 315 383 десятины, в том числе 63 592 дес. леса». Г. Гайдаров указывал еще на неправильный арест

горцев, произведенный начальником округа будто бы за заявление, что у них беспорядки и появились разбои, между тем, поводом ареста послужили совершенно не те обстоятельства. Жители Аварского округа... (*Голоса: «Ничего не слышно»*) не в 1907 г., а в 1908 г. были подвергнуты аресту два раза: в первый раз генералом Альфтаном на 1 месяц за составление приговора без ведома общества...

Гр. Бобринский 2-й (с места) Ага! Подлог!

Помощник наместника его императорского величества на Кавказе сенатор Мицкевич (продолжает) ...об отдаче в аренду земли, а второй раз — генералом Вольским на 1 и на 2 месяца за подачу от имени общества, тоже без его ведома, неосновательной жалобы. Право подобного наложения ареста на местных жителей, по действующим положениям, предоставлено губернатору. Что касается того, исполнял ли Иса обязанности кучера, то это, как мне сообщено по телеграфу областным начальством, представляется не установленным. Затем позвольте перейти к объяснению по заявлению, сделанным в сегодняшнем заседании чл. Думы Марковым. В 1903 г. последовал закон об отобрании имуществ армянских церквей как недвижимых, так и принадлежащих им капиталов. Во исполнение этого высочайшего повеления, имущество, земли и дома были переданы в управление Министерства земледелия и государственных имуществ, а капиталы и имущество, пожертвованные на образовательные цели, подлежали передаче в ведомство народного просвещения. 1 августа 1905 г. воспоследовал высочайший указ о возвращении этих имуществ в ведение армянской церкви. На основании устава духовных дел иностранных исповеданий отчетность и наблюдение за этими имуществами возложены ближайшим образом на Эчмиадзинский синод, высшее же наблюдение за этими имуществами принадлежит наместнику и Министерству внутренних дел.

Упоминали здесь, что Абхазия огруживается, что там в церквях богослужебным языком служит язык грузинский. Я должен сказать, что, напротив того, в последнее время на это обращено внимание, и часть богослужебных книг уже переведена на абхазский язык, так что потребность в этом абхазцев более или менее удовлетворена.

Гегечкори (с места). Это не абхазские потребности...

Помощник наместника его императорского величества на Кавказе сенатор Мицкевич. Засим здесь указывалось на то, что съезд марганцепромышленников злоупотребляет тем, что тратит непроизводительно много денег на народное образование и др. нужды. Наместником его величества на это дело обращено внимание и не далее, как месяц или два тому назад назначена ревизия этого учреждения, которая производится по соглашению с министром торговли; туда назначены представители от Министерства торговли и государственного контроля и членов губернского управления, так что, если действительно есть какие-нибудь злоупотребления, то их обнаружит ревизия. Теперь по поводу упоминания здесь рапорта ротмистра Кумского, я не могу во всей подробности изложить обстоятельства этого дела, ибо оно самое секретное, и долг службы обязывает меня быть в этом отношении скромным. Я только одно могу вам удостоверить, господа, что чиновник особых поручений при наместнике Казаналипов по этому делу никакого дознания не производил, а таковое возложено было на другое, особо назначенное лицо. Я могу далее доложить одно, что ничего тревожного для государственной безопасности это дознание не обнаружило. Далее здесь указывалось на то, что наместник его величества слишком мягко относится к делу назначения наказаний по террористическим преступлениям. Обязываюсь доложить, что все приговоры в состоявших на военном положении местностях утверждаются временными генерал-губернаторами, а не наместником. Затем указывалось на то, что жертвам террора кавказская администрация и наместник его величества не оказывают того содействия и помощи, которых они заслуживают. Приведено было, что ко вдове

убитого пристава Марии Снитко не применен тот закон, по которому чинам, потерпевшим от террора, выдается полное содержание, затем единовременное пособие. Извольте прослушать ход этого дела (*читает*): «Вдове покойного пристава Марии Снитко было выдано в феврале 1906 г. пособие из экстраординарных сумм наместника — 300 р., в июле того же 1906 г. — 75 р. на уплату за право учения одной из дочерей ее в заведении Св. Нины. Кроме того, на казенный счет определены были одна дочь в закавказский девичий институт и две — в заведение Св. Нины, и сын — во владикавказский кадетский корпус. 28 мая 1906 г. вдове с детьми всемилостивейше назначена пенсия по 850 р. в год и единовременное пособие в том же размере. 12 поля 1907 г. возбуждено ходатайство об увеличении ныне производящейся вдове с детьми пенсии». Независимо от того, самому раненому приставу Снитко было выдано 20 декабря 1905 г. сумм, находящихся в распоряжении наместника, 200 р. и на похороны его вдове 300 р. Вот весьма значительные выдачи, оказанные этому семейству. Я удостоверяю, что ко всем потерпевшим семействам относятся очень заботливо, и в самом скорейшем времени испрашивается им усиленные пенсии. Далее в упрек кавказской администрации ставят обстоятельство раздачи рабочим оружия. Это было в ноябре 1905 г., когда отношения армян, проживавших в Тифлисе, с местными татарами обострились до чрезвычайности. Татары соседнего Борчалинского уезда шли на выручку единоверцев и обложили город. Вследствие тогдашних аграрных беспорядков в Елисаветпольской губ. и Горийском уезде Тифлисской губ. пришлось значительную часть гарнизона из Тифлиса откомандировать; тогда наместник, по ходатайству полицеймейстера, разрешил губернатору выдать 500 ружей рабочим — русским и грузинам, с тем, чтобы образовать посты, которые подчинялись бы во всем полиции и военным властям и расположены были между враждующими сторонами. Таким образом, предотвращена была резня. С возвращением войск, — это продолжалось всего несколько дней, — рабочие были распущены, и из числа выданных им ружей возвращено 250. Теперь дальше позвольте по поводу террора. По поводу террора я должен еще упомянуть, что приведенное бар. Нольде в своем объяснении процентное отношение нужно относить не ко всему русскому и туземному населению, а только к составу рабочих закавказской ж. д. Это разъяснение необходимо, т. к. оно устраняет то сопоставление с другими местностями, которое было высказано. Теперь позвольте коснуться сумм, на которые указывал деп. Марков. Он докладывал вам, что из 100-тысячного кредита на собственно политические розыски выделено только 25 000 р., к ним следует прибавить еще 5 000 р., а всего 30 000 р. Остальные суммы идут частью на содержание временных генерал-губернаторов и губернского жандармского управления, а также на розыски по общеголовным тяжким преступлениям. Затем помощник наместника по гражданской части с августа 1906 г., когда последовало объединение заведывания полиции жандармской и общей, на основании постановления Совета министров, высочайше утвержденного 24 августа 1904 г., получает прибавочные за заведывание полицией 3 000 р. в год. Помощник наместника не получает квартирных денег из полицейского кредита и платит за квартиру, которую он занимает, 3 000 р. из своих средств, на что имеются все документы в платеже этих денег. Засим, директору канцелярии Петерсону никакой выдачи из этих денег не производилось. В 1906 г. особым отделом заведовал особый жандармский полковник. С образованием кавказского районного охранного отделения и отделением политического розыска из ведения особого отдела, отделом этим заведует на правах вице-директора делопроизводитель, который получает за это 1 000 р., а жандармский полковник получал за это 4 000 р. Далее производится из этого кредита еще одному делопроизводителю 400 р. и двум чиновникам, содержание коим было назначено еще при генерале Ширинкине. Отнимать же у них деньги я нахожу неудобным, так как они несут службу с большим усердием. Затем

указывалось на то, что при помощнике наместника по гражданской части находятся 4 полицейских, которые исполняют при нем обязанности частной прислуги. Эти 4 лица получают содержание не из секретного в 100 000 р. кредита, а из особого кредита на полицейских надзирателей, состав которых дежурит поденно в распоряжении помощника наместника, отнюдь не неся при этом обязанностей частной прислуги. Затем мне остается сделать краткое объяснение относительно дела Старосельского, бывшего кутаисского губернатора. В производстве этого дела, на основании тех донесений, которые были получены от начальника охранного пункта и от начальника губернского жандармского управления, могли иметь применение два порядка: первый — в отношении Старосельского могла быть принята та или другая мера пресечения, на основании закона об охране. Это совершенно в пределах тех полномочий, которые закон предоставляет начальнику губернского жандармского управления. Второй же порядок мог состоять в том, что Старосельский обвинялся и в нарушении обязательных постановлений, за которые налагается взыскание только генерал-губернатором в пределах предоставленной ему законом власти. Вот поэтому и предполагалось Старосельского в том или другом порядке подвергнуть аресту, но когда временный генерал-губернатор, генерал Михайлов вошел с письменным представлением, из коего оказывалось, что он стесняется сам на основании обязательного постановления арестовать Старосельского, то наместник ему ответил, что никаких препятствий к аресту не видит. Всей переписки по этому делу у меня нет под руками, но могу вам доложить, что обстоятельства этого дела доведены были подробно до сведения Министерства внутренних дел. В заключение дозвольте вам объяснить, что показателем отсутствия ныне антиправительственного направления в Закавказье служат более или менее исправное поступление податей, исправное отбывание воинской повинности и охотное обращение к властям, как судебной, так и административной. (*Возгласы: «Надо устроить перерыв».*)

Председатель. Позвольте объявить перерыв на полчаса.

Перерыв объявлен в 10 ч. 30 мин.

Заседание возобновляется в 11 ч. 5 мин. Председательствует кн. В. М. Волконский.

Председательствующий. Прошу занять места. Заседание возобновляется. Слово принадлежит чл. Г. Д. Замысловскому.

Замысловский. Г.г. члены Г. Д. Лицами, внесшими запрос, уже достаточно нарисована яркая картина того полного развала, который царит на Кавказе; добавлять к этому, казалось бы, нечего. Но вы слышали заявление представителя кавказской администрации, что факты, положенные в основание запроса, неверны, что хотя на Кавказе и существуют террористические акты, но ведь эти террористические акты совершаются и в пределах остальной России, на Кавказе же ничего особенного в этом смысле не происходит. Сепаратизм? Да, в 1904—1905 гг. были, пожалуй, какие-то вспышки, были какие-то грезы о Великой Армении, но затем, под влиянием умиротворяющих действий гр. Воронцова, разговор о сепаратизме является лишь уделом отдельных мечтателей, не имеющим никакой почвы в народе. Вот, что вам заявлялось. Опровергнуть эти заявления не так-то легко на первый взгляд; не так-то легко доказать, что нам с этой кафедры представитель высшей кавказской администрации сообщает сведения, заведомо несогласные с истиной. Это сделать трудно потому, что если являются лица, разоблачающие террористические акты, то эти лица рискуют тем, что они весьма скоро будут убиты революционерами; если же являются чиновники, которые попробуют говорить против того, что делается в канцелярии наместника, то им грозит знаменитый 3-й пункт, т. е. увольнение со службы, ибо сношение с правой фракцией Государственной Думы считается кавказской администрацией действием, которое также почти надо наказывать. Итак, участие в террористических актах.

Несмотря на трудность добывания сведений, несмотря на трудность опровержения всего того, что нам очень развязно с этой кафедры заявлялось, нам удалось раздобыть те документы, которые доказывают заведомую несправедливость утверждений кавказской администрации. Ряд этих документов был приведен, и ответа на то, что мы удостоверили документами, мы пока не слыхали. Самый главный факт — факт о Старосельском, которого, вопреки высочайшему повелению, не хотели арестовать, остался во всей своей силе. И вот, я вложу только свою посильную лепту и укажу еще на некоторые документальные данные, доказывающие, что представители кавказской администрации говорили нам с трибуны заведомую неправду. Я докажу, что в заявлении, обращенных к Думе, они утверждают одно, но когда те же представители кавказской администрации пишут бумаги, для Думы не предназначающиеся, то в них заключаются утверждения совершенно иного свойства. Я хочу вам процитировать целый ряд донесений обер-прокурора Эчмиадзинского синода, ряд донесений, касающихся 1904 г., вплоть до 23 ноября 1907 г. Донесения эти отчасти представлялись самому наместнику, отчасти Министерству внутр. дел, но и в последнем случае копия их также посыпалась наместнику; таким образом, не знать этих донесений он не мог. Обер-прокурор Эчмиадзинского синода начинает свои донесения указанием, что высшее армянское духовенство и армянская интеллигенция чрезвычайно враждебно настроены не только к русскому правительству, но и ко всему русскому, — это прямо говорится в донесении. Далее обер-прокурор указывает, что католикос в порядке церковного управления издает особые распоряжения, особые кондаки и в этих кондаках пишет прямо о том, чтобы не исполнялись высочайшие повеления и сенатские указы, причем, как вы увидите из дальнейшего, кондаки эти относятся не к вопросам религиозной жизни, а области гражданского управления. Наличность таких кондаков, отменяющих высочайшие повеления и сенатские указы, предписывающих неисполнение этих указов, констатируется в донесениях обер-прокурора.

Далее он удостоверяет, что в самом Эчмиадзине в покое его святейшества происходили совещания эриванско-загоршиадского революционного комитета. Когда обер-прокурор по этому поводу обратился к его святейшеству и спросил: «Как католикос всех армян совещается у себя в покое с представителями революционных комитетов?», то католикос, не отрицая этого факта, что в его покоях происходили заседания, так ответил: «Вы думаете, что мы совещались? Нет, мы получали приказания». Далее тот же обер-прокурор констатирует следующий факт: «В деревне Игнатум девушка-армянка пожелала выйти замуж за православного стражника. Когда эта девушка поехала венчаться с этим стражником в православную церковь, то в ту же ночь были зарезаны ее отец, ее мать и ее 12-летняя сестра». А представитель кавказской администрации говорит, что никакого движения против русских в крае решительно незаметно! Тот же обер-прокурор говорит, что житель той же деревни Игнатум Иван Абазов, принявший православие, за то, что он принял православие, получил приговор революционного комитета от 8 марта 1904 г., приговаривающий его к смерти. Об этом 17 марта обер-прокурор сообщил наместнику бумагой за № 111, но никаких мер наместник, конечно, не принял, и этот Иван Абазов 28 июня был убит. Вот, г.г., данные, относящиеся к 1904 г., на мой взгляд, рисующие совершенно ясно и документально враждебное отношение армянского духовенства не только к русскому правительству, но и к России вообще. (*Слева голоса: «Не слышно».*)

Председательствующий. Покорнейше прошу с мест не переговариваться.

Замысловский. Переходим к данным 1906 г. Здесь обер-прокурор доносит, что поступил ряд ходатайств к католикосу о наделении землей армян, проживающих в Эчмиадзине. Оказывается, что из числа семейств, подавших это заявление, 60 семейств турецких подданных армян, не имеющих права не только владеть землей в России, но и проживать

в ней, а 49 семейств хотя и приняли русское подданство, но также являются турецкими выходцами. Несмотря на все это, несмотря на то, что у этих лиц, несомненно, никаких прав на наделение нет, католикос распоряжается путем кондака о том, чтобы этим лицам было наделено 600 десятин земли. Тогдаober-прокурор пишет наместнику, что такие действия представляются совершенно неправильными, ибо эти семейства, этот турецкий пролетариат составляют, как он пишет, готовые кадры для пополнения разбойничих шаек и революционных организаций. После такого донесения в Эчмиадзин приезжает эриванский губернатор, который имеет сношение с католикосом, и после отъезда эриванского губернатора секретарь католикоса заявляет прокурору, что устройство особого поселка из этих лиц наместник признает нежелательным, но к наделению этих турецких подданных землей он никаких препятствий не встречает. Вот этот эпизод с наделением землей, эпизод, касающийся сравнительно небольшого пространства — всего 600 десятин, дает прекрасный ключ к тому, чтобы уразуметь всю ту земельную политику, которая ведется на Кавказе армянофильствующей администрацией. В отношении кавказского землеустройства существует закон 1 мая 1900 г., который гласит, что за местным населением должна остаться вся та земля, которая находится как в их юридическом владении, так и в их фактическом владении, но та земля, которая не находится во владении местного населения ни фактически, ни юридически, считается землей казенной, на ней отводятся участки, и на этих участках должны расселяться русские переселенцы. Так говорит закон 1 мая 1900 г. А вот, что пишет кавказский наместник в своем всеподданнейшем отчете. Он начинает с критики этого закона, а затем излагает на стр. 51: «Где отмежевание существующего землепользования селений будет закончено, надлежит разрешить расселение части жителей многолюдных селений на особых участках, образованных для того из свободных казенных земель». Вы видите, г.г., что начало совсем другое. По закону 1900 г. предполагается на свободных казенных участках селить русских переселенцев, а наместник, явно вопреки закону, говорит: надлежит расселять жителей многолюдных селений, т. е., несомненно, туземцев. Чтобы понять, что за этой фразой скрывается, необходимо установить два факта: во-первых, русское переселение на Кавказ приостановлено, и русские переселенцы, водворение коих тормозится под разными предлогами, достать этих земель не могут. А пока, в надежде, что удастся провести это наделение землей многолюдных обществ, искусственно стараются, чтобы эти общества стали многолюдны, а именно: ежемесячно поступает масса просьб турецких подданных армян о принятии русского подданства, и затем под шумок потихоньку эти турецкие подданные, принявшие русское подданство, приселяются к деревне старожилов. Этим путем образуются многолюдные селения, а затем будет проведена мера, чтобы все свободные земли отдавались не русским переселенцам, а вот этим жителям многолюдных селений, специально для этого переселенным. В настоящее время имеется такой факт, что из канцелярии наместника поступает в Петербург за последние месяцы целый ряд прошений, но на Кавказ они не возвращаются покуда, несомненно — в ожидании, как кончится судьба этого запроса. Как только этот запрос сойдет на нет, так поверьте, опять начнется неуклонное течение прошений о принятии русского подданства в расчете на то, что будут образованы те многолюдные участки, жителям которых впоследствии будет дана вся свободная земля. Что эта картина верна, это документально можно установить данными, помещенными на страницах 70–71. Так, например, мы там читаем, что в Елисаветпольской губ. нарезано для переселенческих участков 30 000 десятин, но они не могут быть предоставлены переселенцам впредь до перераспределения пастищ в губернии и выяснения правовых и хозяйственных к ним отношений различных групп местных коренных жителей, т. е., другими словами, после дождичка в четверг. Итак, 30 000 дес. отведены для переселенцев,

но переселенцам не даются; пока же рассматривается вопрос о хозяйственном отношении местного населения к пастищам и дожидаются, когда образуются многолюдные селения, а тогда минует возможность дать землю русским переселенцам, а получат землю жители многолюдных селений, которых теперь усердно переселяют. Читаем дальше: «В таких же условиях находятся 20 участков в Эриванской губернии, площадью до 40 000 дес». Спрашивается, зачем же, если туземцы имеют на эти земли претензию, зачем выделяют их в переселенческие участки? Ведь, если их выделили в переселенческие участки, значит, их признавали землею, на которой можно поселить русских переселенцев. Но это признавали, когда царила на Кавказе государственная политика, а теперь приостановили и под разными предлогами не переселяют, а устраивают многолюдные армянские поселки. В Карской области тоже, примерно, 15 000 или 16 000 дес. земли, но и они могут быть заняты переселенцами лишь по выяснении землеустройства коренного населения. Типичная бюрократическая отписка: говорится о том, что надо выяснить условия коренного населения, и что, когда мы выясним, когда отмежуем, тогда и будем поселять, а в то же время отводят землю не русским переселенцам, а жителям многолюдных селений. Еще любопытнее положение дела в Сухумском округе, где для устройства различных групп пришлого населения отведено 33 000 дес. Спрашивается: какое это пришло население, откуда оно пришло, русское или нерусское? Глава, которую я цитирую, называется «Русская колонизация края». Вот видите, какая это сплошная канцелярская отписка, какой это скользкий неопределенный язык и как нарочно напущено как можно больше тумана. И действительно, читая, вы на первый взгляд не разбираетесь, в чем тут дело, но, вникнув, вы увидите. Дело в том, чтобы не допускать русских переселенцев, а создать контингент армян и тогда вручить им свободные земли. История с эчмиадзинским монастырем показывает, как это было сделано, уже без всякого фигового листка, начисто: приказали революционные комитеты, и патриарх, который не совещается с этими комитетами, а слушается их приказаний, взял и отвел. На этом примере ясно видно, как поставлено дело переселения на Кавказе. Имейте в виду, что в промедлении — ужасная опасность, и если вы упустите время для заселения Кавказа, если вы позволите на всех этих 40 000 дес. Эриванской губ. и 30 000 дес. Елисаветпольской губ. осесть пришлому населению, то тогда уже колонизовать Кавказ русским населением будет впоследствии невозможно. Никаким способом вы этих пришельцев оттуда не выживете, да и выживать их будет несправедливо. Таким образом, каждый месяц промедления дает прямо гибельные результаты, потому что, несомненно, фактически захват этих земель идет, и только заботятся о том, чтобы под этот фактический захват подвести в удобный момент юридические основания. Но я возвращаюсь к донесениям обер-прокурора, от которого я отвлекся рассказом о наделении земель. В донесениях от 22 января 1907 г. за № 70 и от 23 ноября 1907 г. за № 670 обер-прокурор устанавливает следующее... (*Голоса слева: «Как фамилия?»*) Я не знаю, зачем вам надо фамилию, и поэтому не считаю возможным ответить. Итак, «в Эчмиадзинской духовной академии ректор этой академии способствует устройству там митингов, — так пишет обер-прокурор, — распространению нелегальной литературы и смотрит сквозь пальцы на хранение в духовной академии оружия. Духовная эта академия стала уже давно притоном приезжающих и местных агитаторов, и не столь давно ученики этой академии постановили упразднить все положенные по уставу молитвы». Великолепная духовная академия, где все молитвы упразднены постановлением революционного большинства учащихся, во главе которых стоит ректор-архимандрит, поощряющий митинги и смотрящий сквозь пальцы на хранение оружия! Обо всем этом доносят наместнику на Кавказе, а он нам говорит: «Революционного движения особенного не заметно», или «какого-нибудь сепаратистского стремления тоже не видно». Далее,

чин ектении за царствующий дом исключен из армянских богослужебных книг... (*Голос слева: «Вранье! Как фамилия?»*) Это донесение обер-прокурора. И чин помещен на отдельных листочках. В монастырской эчмиадзинской типографии напечатан календарь Топчиана, в котором помещены фотографии лейтенанта Шмидта с соответственными хвалебными статьями. В монастырском доме в Тифлисе в августе 1907 г. найдено 14 готовых к метанию бомб, — я оговариваюсь: это донесение не обер-прокурора... (*Голос слева: «А сыщика?»*) ...а данные судебного расследования. Итак, найдено 14 готовых к метанию бомб, 10 000 патронов к револьверам, 80 аршин бикфордова шнура, 267 ударных капсюлей и 12 фунтов гремучего студня, — это в доме эчмиадзинского монастыря в Тифлисе. Генерал-губернатор Тимофеев оштрафовал монастырь на 3 000 р., но весьма скоро Тимофеев был выжит с Кавказа, и как только его выжили, наместник штраф немедленно сложил. (*Голос справа: «Браво!»*) В сентябре 1907 г. задержан архимандрит Корюн Саопнянц, бывший секретарь католикоса, оказавшийся атаманом боевой организации социал-революционной фракции. Фотографию его в разбойничьей одежде пробовал в прошлом году здесь показывать деп. Тимошкин, но она вызвала необыкновенно веселый смех на левых скамьях. Из документов можно было усмотреть, что через его руки прошло до 60 000 р. на покупку оружия, а также различные суммы, предназначенные, по его записной книжке, на взятки администрации. Жандармский ротмистр Рунич, который задержал его, вскоре был убит, — картина, как видите, обыкновенная на Кавказе, где имеется целый ряд подобных случаев, — и таким образом свидетель обвинения был устраниен. Вот, г.г., какие данные устанавливаются донесениями обер-прокурора. Эти данные наводят на размышления довольно печальные, потому что, если в революции принимает участие духовенство, и участие, как видите, весьма видное, то это означает, что, во-первых, революция происходит на национальной подкладке, и во-вторых, что революция уже проникает в народную толщу. И вот, широкое участие армянского духовенства в революционном движении — это признак весьма грозный, это значит, что революционные идеи покоятся именно на националистической подкладке, на подкладке того сепаратизма, который отрицается. Если вы вспомните историю Польши и Польского восстания, вам станет все совершенно ясно, и как бы нам на Кавказе не дождаться того, что именуется варшавской заутреней, т. е. сплошной резни находящихся там русских. Что касается хищений кавказской администрации, то в этой области я буду очень краток. Я укажу только на один внесенный уже в Думу, — законопроект об установлении попудного сбора в г. Поти. Он был выработан, главным образом, городским головой г. Поти Николадзе, затем представлен наместнику и при поддержке канцелярии наместника получил форму законопроекта. Этот сбор, необходимый для различных операций облигационных займов гор. Поти, устроен городской головою Николадзе при участии канцелярии наместника: облигационные займы нужны для покупки мелей около Поти, которые, по словам автора, нужны для улучшения порта и на покупку которых нужно затратить крупные суммы. А мели эти принадлежат потийскому городскому голове Николадзе.

Гегечори (с места). Ничего подобного! Сочинение Замысловского!

Замысловский (продолжает). Так вот, г.г., факт, из которого вы можете сделать вывод, какой хотите. Я скажу только одно, что в настоящее время прошли те патриархальные времена, о которых писал Гоголь, когда на лестницах присутственных мест находили крупу, просыпанную просителями. Лестницы в настоящее время чисты, ибо всякая взятка, с развитием культуры, приобретает более усовершенствованную форму. Но ведь мы и добиваемся лишь того, чтобы было произведено компетентное расследование в виде сенаторской ревизии, потому что так, на основании документов, конечно, очень трудно говорить, где были взятки и где их не было; но вы согласитесь, что вся обстановка дела,

а также обстановка некоторых других дел, о которых говорилось с этой кафедры, наводит на очень и очень серьезные размышления. Мне хотелось бы в заключение сделать два-три обобщения. Вы помните, г.г., как в прошлом году мы обсуждали здесь финляндский запрос, и вот тогда я имел честь цитировать перед вами брошюру видного финляндского революционера. Он писал: «покоренные народы окружают Россию пылающим кольцом бунтов и революций», а революционная газета «Франциг» приблизительно в то же время рассказывала, захлебываясь от восторга, об объединении всех революционных партий в Париже, о братании там революционеров всех мастей и констатировала, что видную роль там играют кавказские группы — армянская и грузинская. Вслед за тем, г.г., я вам цитировал из статьи «Финляндия вооружается», что одновременно из Парижа были отправлены два парохода с оружием; один пароход, знаменитый «Джон Крафтон», с огромным грузом взрывчатых снарядов, бомб и винтовок был направлен на север, в Финляндию, а другой — на юг, на Кавказ. И в то время, когда пароход, отправленный на север, «Джон Крафтон», разбился, пароход, отправленный на юг, дошел благополучно до места своего назначения. Оба эти парохода были сооружены на средства японского агента Акаши, как это своевременно было установлено. (*Смех слева. Голоса: «Азефом было устроено!»*) Так вот, г.г., вы видите, что эта статья о пылающем кольце, окружающем Россию огнем бунта и революции, не пустые фразы; вы видите, что действительно существует центральная организация, в которой все эти революционеры братаются и которая посыпает пароходы с оружием. Затем, если вы припомните объяснение правительства, именно объяснение товарища министра Макарова по смете внутренних дел, то вы узнаете, что он, говоря о революционерах польских, предположил этому описание «Воймы» и «Дашнакцутюна», поставив «Войму»⁷⁰ и «Дашнакцутюн» рядом. Вот, г.г., утверждение финляндских революционеров, с одной стороны, о том, что, несомненно, на Кавказе подготавливается приблизительно то же, что и в Финляндии, а с другой — заявление представителя правительства, который рядом ставит «Войму» и «Дашнакцутюн», показывают вам, мне кажется, довольно наглядно, что знаменитый кавказский «Дашнакцутюн» есть приблизительно такое же самое революционное учреждение по своему характеру, целям и своей деятельности, как и финляндская «Войма». Что такое финляндская «Войма», вы имели достаточно случаев убедиться. Но вот здесь, г.г., выступает различие. Припомните, что говорил о «Войме» генерал-губернатор Герард: он отрицал всякое революционное значение «Воймы» и утверждал, что это классовая организация местного финляндского значения. Когда же Герард, провожаемый необыкновенными овациями финляндского народа, был уволен, то пришел сюда председатель Совета министров и сказал нам: нет, «Войма» была совсем не то, что о ней говорил Герард, — «Войма», несомненно, революционная организация, чрезвычайно опасная, организовавшая террористические акты и т. д. На Кавказе, г.г., лицо, попустительством коего создалась кавказская «Войма», т. е. «Дашнакцутюн», еще у власти, и его местное население приветствует не менее горячо, чем финляндцы, воймисты в особенности, приветствовали в свое время Герарда. Вот поэтому центральное правительство, которое выступило тогда и сказали, что такое «Войма», открыло глаза нам, теперь молчит. Мы слышим заявления и разъяснения, которые решительно ничего не разъясняют и решительно никого не удовлетворяют. И иного мы слышать не можем, потому что те, попустительством коих создалась эта крайне опасная революционная организация, что же они нам могут об этой организации разъяснить? Человека, так сказать, обвиняемого вы требуете сюда, чтобы он давал объяснения, которые бы его потопили. Вспомните, г.г., что между объяснениями генерал-губернатора Герарда и объяснениями председателя Совета министров не было ничего общего: первый все отрицал в своих официальных донесениях, а второй — все нам признал. То же самое,

г.г., будет и тогда, когда будет устранен от власти тот человек, который создал на Кавказе начало революции. Тогда, поверьте, нам дадут полное разоблачение того, что там в действительности делается. Нам эти разоблачения не под силу: мы стараемся, мы сделали все возможное, чтобы дать Государственной Думе документы, но ведь наши силы ограничены. Вот поэтому мы и обращаемся, г.г., к центру с просьбой помочь нам в этом деле, потребовать того, чтобы были раскрыты язвы Кавказа. Когда нам давали материал, нам давали его почти безнадежно, нам говорили: а все равно, вы ничего не поделаете: кавказская администрация слишком сильна. Мы принесли вам документы, привели рассказы людей обездоленных, людей изувеченных на Кавказе. Что же вам говорят против этого? Вам приводят объяснения, поистине жалкие, и в этом желании самооправдания забывают даже такое правило, что «мертвые сраму не имут»: в своих объяснениях клевещут даже на мертвых, в своих объяснениях стараются все отрицать, прибегают к канцелярской отписке, к сообщению сведений, заведомо несогласных с истиной. И в то же время дерзают нам с этой кафедры говорить, что будто бы мы клевещем и будто бы мы недостойны связывать у них ремешка на ноге. Это зрелище неслыханное. (*Рукоплескания справа.*) Если, г.г., вы замолчите все эти факты, если вы не будете на них реагировать сильно, резко, энергично, то согласитесь, что есть от чего прийти в отчаяние. Г.г., я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой: согласитесь, что факты, которые приведены, факты действительно возмутительные (*голос слева: «Провокатор!»*), согласитесь, что нельзя же закрывать глаза, когда представитель армянского духовенства игнорирует высочайшее повеление, когда архимандрит становится во главе боевых дружин, когда ректор академии устраивает склад бомб. Что же это значит? Это значит, что революция растет вовсю, и соответственно этому растут и террористические акты. Те люди, которые пробуют бороться с террором, беспощадно убиваются, а те, которые пробуют говорить хоть слово, увольняются по пункту 3-му. Этого быть не должно, и я надеюсь, что после той резолюции, которую вы должны принять по этому запросу, этого не будет. (*Рукоплескания справа.*)

Ладомирский. В своем объяснении на предъявленный правительству запрос бар. Нольде сказал следующее: «Наместник, вполне сознавая слабые стороны местной администрации, которую застал на Кавказе, всемерно озабочен постановкой ее на должную высоту. Лица, не соответствующие своему служебному положению, удаляются им от должности, в случае же совершения преступного по службе деяния привлекаются к судебной ответственности. Если замена негодного элемента, с одной стороны, создает недовольных, распространяющих разные небылицы о Кавказе, то с другой стороны, по убеждению наместника, это должно внести укрепление среди кавказского населения идеи русской государственности. Далее говорится: революционное движение в крае ослабевает, и все меры борьбы против него принимаются. Прежде всего, нельзя не обратить внимания, что бар. Нольде обвиняет замененный негодный элемент в распространении небылиц о Кавказе. Это представляется непонятным. О каких небылицах говорит бар. Нольде? Я хочу спросить бар. Нольде: разве к числу небылиц относится выдача наместником оружия революционерам? Или к числу небылиц надо отнести назначение кутаисским губернатором Старосельского, бывшего революционером и до пресловутого освободительного движения? Или, может быть, убийство экзарха Никона, как и бесчисленные убийства, грабежи, похищения, увозы, о которых почти ежедневно приходится читать в газетах? Или ограбление душетского казначейства, организованное грузинами, офицерами русской армии, которых, однако, наместник не считал нужным предать военно-полевому суду, которому они подлежали, как нарушившие присягу и запятнавшие мундир предательством, а гражданскому суду, который приговорил их за это беспримерное деяние лишь к 6 годам каторги, или, наконец, похищение и вслед за тем убийство доктора Триандафи-

лидса? Это небылицы? Если бар. Нольде считает небылицами те разоблачения, которые делаются в печати, то, инсинуируя, что эти разоблачения делаются негодным элементом, бар. Нольде, на мой взгляд, допускает прием вряд ли удобный, так как те, которые имеют гражданское мужество, рискуя даже подчас жизнью, разоблачать кавказские события, все более или менее известные литераторы или никогда не служившие на Кавказе и не служащие, или продолжающие там службу. Таковыми являются, например, Меньшиков, Закавказец, Эпигон, — лица эти, должно быть, небезызвестны бар. Нольде, так как кавказская канцелярия наместника запретила писать Закавказцу, а лицо, пишущее под псевдонимом Эпигон, за свои писания было наказано смешением с высшей должности на низшую. И вот на основании всех этих небылиц, по мнению бар. Нольде, на основании всего имеющегося у нас материала, статей, которые, как вы сами можете судить по поступкам г. Петерсона, с таким трудом появляются в печати, мы должны сказать, что все, заявленное бар. Нольде об укреплении среди кавказского населения идеи русской государственности, прекращающейся революции, — не более как ничего не значащая фраза. В доказательство этого я прошу вас обратить внимание на то, что на самом деле нам приходится наблюдать на Кавказе. Преступное отношение ко всему русскому, систематическое гонение русских людей, гибель, при благосклонном участии кавказской администрации, всех русских начинаний и предприятий, что, по-видимому, с точки зрения кавказской администрации вполне отвечает интересам государственности, заигрывание с революционными организациями и, наконец, покровительственное отношение к сепаратистским стремлениям местного населения, — согласитесь, что при этих условиях вряд ли представляется возможным верить проведению на Кавказе государственных и национальных основ. Гр. Воронцов-Дашков, по словам бар. Нольде, всемерно озабочен постановкой кавказской администрации нанююную высоту и привлечением в край лучших русских людей. Представляется, конечно, весьма интересным установить, кого Воронцов-Дашков считает лучшим, а кого негодным элементом. Для этого я позволю себе познакомить вас с деятельностью некоторых из тех чинов кавказской администрации, главным образом высших чинов, которые, по-видимому, по мнению гр. Воронцова-Дашкова, вполне соответствуют своему положению. Одним из первых назначений Воронцова-Дашкова было назначение на пост кутаисского губернатора Старосельского. Чл. Г. Д. Марков очень подробно коснулся высокополезной деятельности этого представителя высшей власти в городе Кутаисе, так что я добавлю несколько слов. Старосельский стоял во главе сакарского питомника американских роз (*смех справа*); вверенное ему казенное учреждение он превратил в очаг революционной пропаганды. Революционная деятельность личного состава питомника, задолго до этого освободительного движения, была настолько сильна и опасна, что при проезде в конце 90-х годов государыни императрицы Марии Федоровны через Кутаисскую губернию, представитель Министерства земледелия Медведев предупреждал кавказскую администрацию о необходимости иметь неусыпное наблюдение как за самим Старосельским, так и за личным составом питомника, так как он поручиться ни за что не может. Во время революционного движения личный состав этот принял в нем деятельное участие. Там даже заготовлялись бомбы, и был случай нечаянного взрыва бомбы, от которого пострадали двое служащих. И вот один из них, химик Простосердов, ярый революционер, принужден был бежать при Алиханове, но в Петербурге покровители его и друзья в департаменте земледелия нашли возможным отправить его на казенный счет за границу, спасая его от тюрьмы, а может быть, и виселицы. Интересно отметить, что, несмотря на то, что Простосердов принимал деятельное участие в революционном движении и даже до него находился под надзором полиции, гр. Воронцов-Дашков, по возвращении Простосердова из заграничного путешествия, нашел возможным

назначить его на старое место, которое, по-видимому, для него и сохранялось вакантным в течение двух лет. Как вам было уже сказано, Старосельский был назначен губернатором, потом предан суду, но, как это ни странно, дело почему-то было прекращено в Министерстве внутр. дел, по-видимому, за отсутствием состава преступления. Из опубликованной выдержки всеподданнейшего отчета наместника за 1906 г. усматривается, что ревизия по делу Старосельского обнаружила у него отсутствие служебного такта. Весьма оригинальный, чтобы не сказать больше, взгляд! Оказывается, что участие в революционном движении можно объяснить отсутствием служебного такта. Другое назначение — это и ныне стоящий во главе канцелярии наместника г. Петерсон. Здесь о нем достаточно говорили, так что я коснусь его деятельности кратко. Она, главным образом, была направлена — и до сих пор, кажется, направлена — к преследованию русских людей. Медведев, экзарх Алексий, Языков, Богданов и много-много других честных, исполнявших свой долг, должны были оставить свою службу из-за интриг г. Петерсона. Некоторые даже, в угоду революционерам, предавались суду, как, например, начальник Закатальского округа Гайкович, вся вина которого заключалась в том, что он обнаружил участие армянской революционной организации «Дашнакцутюн» в убийстве командира лебединского батальона Добровольского и в других убийствах и грабежах. Озургетский уездный начальник кап. Ермолов был предан суду и лишен места. Так как он был уволен от службы, то, конечно, ему пришлось претерпеть массу мытарств, а между тем в настоящее время дело, за отсутствием состава преступления, прокурором судебной палаты прекращено. Изгоняя русских и открыто высказывая осуждение всему русскому, Петерсон явно сочувствовал революционным организациям, особенно армянским, и был главным пособником их, так как противодействовал всем предупредительным мерам для предотвращения восстания и затем подавления его. Когда черноморский губернатор Трофимов настаивал на высылке из Новороссийска городского головы Никулина и др. агитаторов, Петерсон настоял на отказе в этом ходатайстве, а впоследствии революционные беспорядки усилились в Новороссийске. Петерсон был главным советником в деле снабжения революционеров оружием. Он всячески препятствовал генерал-губернаторам подавить революцию, вмешивался в их распоряжения, побуждал наместника отменять их, освобождать виновных, когда это касалось, главным образом, армянских организаций и богатых армян, слагать с них штрафы и т. д. А что касается явного покровительства армянам, в ущерб интересам не только русского дела, но и казны, достаточно указать на пресловутые дела погоевское и Дадешкалиани. Участие Петерсона в них достаточно всем известно, и я скажу только, что более наглого обкрадывания казны трудно себе представить. Перехожу к назначению Джунковского членом совета наместника. Будучи вполне солидарен с г. Петерсоном в подготовительных действиях революции, Джунковский всецело предался ведению и устройству крупных армянских дел. На одно из них я не могу не обратить вашего внимания; это — выдача 20 милл. ссуды бакинским нефтепромышленникам. Во время армяно-татарской резни в Баку революционеры сожгли часть промыслов, и в армянских головах созрел план — заставить русское правительство заплатить за подвиги революции, организованной теми же армянами и евреями. Ходатайство о ссуде встретило горячую поддержку наместника, но душою дела явился г. Джунковский. Нефтепромышленники в определении убытков, конечно, не стеснялись. Показаны были такие участки, которые никогда не горели, и такие фирмы, которые от пожара не пострадали. Картина, нарисованная нефтепромышленниками, создала представление, что сгорели положительно все промыслы, и вместо оживленного нефтеносного района осталось одно пепелище. Но до Петербурга начали доноситься голоса, которые заставили правительство усомниться и в размерах убытков, и в размерах бедствия. Командированные из Петербурга чинов-

ники установили, что из 3 701 вышки сгорели 1 864, и хотя нефтепромышленники, в большинстве случаев крупные капиталисты, восстановили сгоревшие участки до разрешения дела, благодаря поднятию цен на нефть, ссуды, благодаря энергичному и настойчивому вмешательству г. Джунковского, была разрешена. Таким образом, в самый разгар революции, когда государство само нуждалось в деньгах, и правительство не знало, откуда их добыть на самые неотложные расходы, были выданы громадные ссуды на самых выгодных для нефтепромышленников условиях. Они платили 5 %, когда само правительство платило по займам 7 %. Ассигнованные суммы, определение размеров убытков и дальнейшие действия по выдаче ссуд сопровождались удивительными нарушениями закона. Цифры убытков далеко превосходили действительные убытки от пожара, и в список потерпевших были занесены фирмы, которые от пожара не пострадали. Например, фирма наследников А. на сумму 30 000 р., а пожар у них был не в 1906 г., а в 1900 г.; машиностроительные предприятия главы армянского движения Хатисова, ныне главы армянского культурного союза, — 312 000 р., хотя в главных мастерских никакого пожара не было; промыслы того же Хатисова — 14 000 р., а никакого пожара не было. Еще более неправильно пошло дело с открытием временного комитета в Баку. В состав его внедрился г. Джунковский, и его вмешательство оказалось настолько вредным для интересов казны, что представитель госуд. контроля неоднократно должен был протестовать против этого и раз даже собственноручно записал в протокол заседания о неправильных его действиях. Это было вызвано двумя существенными нарушениями закона. Он возбудил ходатайство о выдаче бакинскому съезду нефтепромышленников, не внесенному в список, утвержденный правительством, и не имевшему никакого промысла, ссуды ни больше ни меньше, как в миллион руб. Когда комитет вполне основательно, журнальным постановлением 15 декабря, в этом ходатайстве отказал, Джунковский 30 декабря приказал представить новый журнал, которым была разрешена ссуда в 200 000 р. Журнал этот был подписан только Джунковским и тремя членами комитета съезда нефтепромышленников, т. к. остальные члены от подписи, конечно, отказались. По этому делу вы можете судить, как эти стоящие, по мнению бар. Нольде, на надлежащей высоте правительственные чиновники защищают интересы казны. Если поближе ознакомиться с деятельностью г. Джунковского, то является вопрос, занимает ли он должность правительенного агента или должность поверенного по армянским делам при наместнике его императорского величества. (*Рукоплескания справа.*) К числу лучших русских людей, приглашенных наместником, можно приобщить и следующих: генерала Ширинкина, помощника наместника по полицейской части. Его преступное бездействие повлекло за собою убийство генерала Грязнова, — это было мнение всего тифлисского общества. Ближайшим сотрудником его был еврей Гурович, правитель его канцелярии, — в свое время он сидел в Петропавловской крепости за государственное преступление. (*Голоса слева: «А теперь у вас провокатором!»*) Таким образом, дело охраны находилось в руках еврея, и это считается, по-видимому, вполне разумным с государственной точки зрения. Известный своей революционной деятельностью Калантарианц назначается заведующим бюро Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Никому не известный, но зато с кадетской окраской, педагог Рудольф назначается на ответственный пост попечителя кавказского учебного округа. Деятельность его, главным образом, проявляется в том, что он, где только можно, теснит русских учителей. Первая тифлисская гимназия превращается в революционное гнездо, из которого расстреливают мирных граждан. Пристав 10 участка Тифлиса, удаленный за злоупотребления временным генерал-губернатором, получает назначение уездного воинского начальника. Судьба его преемника аналогична. Исключенный судом офицеров из полка корнет запаса Микертумов — кандидат на административные должности по военно-народному управ-

лению и т. д. Что касается чиновников, которых уже наместник застал на Кавказе и нашел возможным не только их оставить, но и дать повышение по службе, то можно назвать следующих лиц: Сарков — агроном при управлении наместника; член революционного комитета. Начальник земского отдела Соколов — участвовал в выборах в Государственную Думу в качестве распорядителя с.-д. партии. Еврей Лурье назначается юристом кутаисского управления государственных имуществ, и т. д. Наконец, участвовавшие в забастовках на закавказских ж. д. — уже совершенно противозаконно — все были вновь с разрешения наместника приняты на службу, и кстати, не мешает отметить, что и в данное время эти же дороги находятся в революционных и инородческих руках. Вот те лучшие русские люди, которые должны способствовать укреплению среди кавказского населения идеи русской государственности, чиновники, которых деятельность должна быть направлена на умиротворение края! Барон Нольде заявил от имени наместника, что революционное движение стихает. Что за удивительный оптимизм! Успокоение с непрекращающимися убийствами, грабежами, похищениями и увозами! Или, может быть, высшие чины кавказской администрации, наслаждаясь лицезрениям выпархивающих из корзин с фруктами на парадных обедах белых голубей, вестников мира, и наслаждаясь чтением приветственных адресов от наблюдающих за ними подчиненных, не видят всех этих ужасов! Говорить теперь об успокоении не представляется возможным, т. к. революционное движение находит себе поддержку в канцелярии наместника! (*Голоса справа: «Верно».*) Это обвинение, сознаю, очень сильное, но позвольте привести вам в доказательство следующий факт: в Шуше арестуется уездным начальником армянский революционный комитет; по распоряжению канцелярии наместника революционеры из-под ареста выпускаются. Бакинский генерал-губернатор Фаддеев отказывается подписать устав армянской организации, наместник приказывает его утвердить. Кутаисский губернатор Гаврилов налагает штраф на членов революционного комитета, — по приказанию наместника штраф слагается. То же происходит с распоряжениями губернаторов тифлисского Тимофеева и кутаисского Гаврилова. Из тифлисской тюрьмы, по приказанию наместника, выпускались сотни революционеров, и так без конца. Согласитесь, что эти данные дают полное основание предъявить к канцелярии наместника обвинение в поддержке революции. Я должен сказать, что при нынешнем составе кавказской администрации — я далек от мысли обвинять всех поголовно, мои обвинения касаются только некоторой части чиновников на Кавказе и некоторых ближайших сотрудников наместника — верить многообещающим заявлениям бар. Нольде невозможно. Только тогда, когда взамен трусливых и заискивающих у туземцев чиновников, взамен сознательно способствующих развалу Кавказа инородцев, в состав администрации войдут те преданные России и русскому делу государственные работники, которые не допустят разрушения окраины, и когда вместо гуманно-либерального, основанного на непротивлении злу, управления будет строгая, твердая, проникнутая национальным духом власть, только тогда мы поверим в возможность укрепления среди кавказского населения идеи русской государственности и в возможность умиротворения края! Только тогда мы не будем находиться под опасением вторичного завоевания Кавказа! Но дело упрочения начало государственности — дело великое, и за это дело можно браться только чистыми руками, а рукам, которые замарали себя питаевскими делами и нефтяными ссудами, — здесь не место! (*Рукоплескания справа*.)

Председательствующий. За поздним временем прения на сегодняшний день прекращаются. Позвольте объявить повестку на завтрашнее заседание.

Заседание закрыто в 12 ч. 14 м. ночи.

V.

Заседание 5 февраля 1909 г.

Заседание возобновляется в 4 ч. 8 мин. Председательствует Н. А. Хомяков.

Гегечкори. Г.г. чл. Г. Д. Прежде всего я должен отметить одно обстоятельство, которое звучало в речах ораторов, говоривших с правой стороны по кавказскому запросу. Обстоятельство это можно было предвидеть, имея в виду политическую физиономию говоривших, а также ту цель, которую они преследовали, внося этот запрос. Обстоятельство это заключается в том, что ораторы, выступавшие вчера в защиту запроса, замазывали основной, кардинальный пункт, лежащий в основе этого запроса. В запросе, как он нам представлен, основным пунктом является вопрос о попустительстве кавказской администрации к революции, к туземцам, словом, о бездействии кавказской власти в момент революционной борьбы.

Таков, повторяю я, основной пункт запроса в рассматриваемой нами редакции. Между тем, в речах ораторов с правой стороны, как в речи курского депутата г. Маркова, так и в речи его сотоварища по фракции, г. Замысловского, об этом вопросе решительно ничего не говорится. По этому вопросу нам не представлено никаких цифровых и фактических данных и оснований. С этой трибуны сыпались обвинения по адресу кавказской администрации в нечистоплотности по части кармана. Но ведь, г.г., это не предмет спора. В этом отношении никто с ними не спорит, это своего рода донкихотство. Мы в прошлой сессии, да и всегда, при всякой возможности, с этой трибуны говорили, что на всем протяжении Российской империи, от хладных скал Финляндии до пламенной Колхиды, идут поборы, лихоимство и проч. Мы с этой стороны запроса ораторам справа не возражали и не возражаем. Наоборот, нам приходилось отстаивать эту позицию, когда нападки делались именно с правой стороны. Но вот вопрос, действительно ли было попустительство, действительно ли усматривается из этого фактического материала, из той обстановки, которая здесь набросана в контуре, попустительство и бездействие административных властей на Кавказе? Мы заявляли и заявляем весьма категорически, имея на это большое основание, что о попустительстве и бездействии кавказских властей и речи быть не может; мы заявляем, что кавказская администрация преступила все границы репрессий. Она применяла все меры полицейского воздействия и вооруженного подавления освободительного движения на Кавказе; своими слабыми силами и своим слабым языком мы развернули перед вами потрясающую картину полного разорения и одичания Кавказа; мы указывали на целые десятки сожженных деревень, разоренных городов; мы вам приводили синодики* людей, расстрелянных без суда, казненных по суду, заточенных в тюрьмы, сосланных административным порядком и проч.; мы вам цитировали ужасающую, прямо варварскую картину изнасилования женщин и случай изнасилования 60-летней женщины... (*Голос из центра: «Опять то же самое!»*) Да, я опять с этой трибуны перед Государственной Думой, перед целой страной свидетельствую; что факт приведенный мною, или, скорее, факты, соответствуют объективной правде. Кстати, каким же образом опровергал меня в этой части г. помощник наместника на Кавказе? Он признавал, что расследование д. ст. сов. Вейденбаума акта изнасилования женщин было приведено, но что потом это дознание представлялось далеко не полным; и тем не менее, наместник признал нужным немедленно командировать туда военного следователя для производства следствия. И по произведеному предварительному следствию оказалось крайнее противоречие между показаниями жалобщиков и жалобщиц, и показаниями свидетелей. Так говорил помощник наместника на Кавказе. Я спрашиваю, в чем же это противоречие выразилось, и в

* Синодики (греч.) — название списков умерших для поминовения в церкви.

каком отношении это противоречие проявилось? Я спрашиваю г. помощника наместника на Кавказе, единичный ли это факт или же подобные аналогичные факты имели место и в других уголках Грузии и Кавказа? Я прошу г. помощника наместника на Кавказе взойти на эту трибуну после меня и опровергнуть тот факт, который я представлю сейчас на ваше усмотрение. Я спрашиваю г. помощника наместника на Кавказе, известно ли ему или наместнику, что в Зугдидском уезде в 1906 г., в селении Бухуре, когда крестьяне, убегая от карательных экспедиций, укрылись сами в лесу, а своих жен и дочерей упредали в ближайшем монастыре, известно ли ему, что в ограде монастыря были изнасилованы 12 женщин? Констатируя этот факт, я ставлю вопрос г. помощнику наместника на Кавказе, известно ли ему еще, что когда потерпевшие, их мужья и родные, обратились с жалобой к уездному начальнику Кегамову — туземцу-армянину, он ответил им в циничной форме, он им сказал: «Нечего вам волноваться, вы должны, наоборот, радоваться, так как через год появятся в Зугдидском уезде казачата, они расплодятся». Вот каков, г.г., был ответ представителя администрации. Но может быть, и это попустительство, г. Марков, я вас спрашиваю? Может быть, г. Марков требует, чтобы было изнасиловано не 12, а 12 000 женщин? Г. Марков, я вас спрашиваю. Ведь это надругательство над человеческою личностью, над лучшими вашими человеческими чувствами. Неужели вам кажется и этого мало? Неужели для вас мало, что кавказская администрация в продолжение целого ряда лет, вплоть до настоящего времени, подвергает всевозможным насилиям население; неужели для вас мало, что без суда было расстреляно около 300 человек? Ведь г. Марков представил Государственной Думе арифметическую комбинацию; если вы введете в эту арифметическую комбинацию цифру 300, тогда ваши процентные отношения, ваши выводы совершенно испарятся. Но г. Маркову этого мало, так как его воображение настолько поражено идеей fixe сепаратизма местных национальностей на Кавказе, — ему этот сепаратизм везде и всюду мерещится, — что доходит даже до курьеза. Сепаратизм Грузии он, между прочим, усмотрел из того обстоятельства, что съезд марганцепромышленников пожертвовал 750 р. на венок известному общественному деятелю и известному писателю грузину Илье Чавчавадзе⁷¹, члену Г. Совета; г. Марков усматривает грузинский сепаратизм из того обстоятельства, что этот же съезд марганцепромышленников пожертвовал 1 000 р. сельскохозяйственному обществу. Он усматривает сепаратизм грузинский в том обстоятельстве, что из этого же общества, из этой же организации было пожертвовано несколько сот рублей на Гавриловскую библиотеку, и, между прочим, г. Марков старался тут оскорбить председателя совета марганцепромышленников г. Здановича. Я его не собираюсь защищать, потому что он в моей слабой защите совершенно не нуждается: это человек — может быть, это мое личное мнение — вполне заслуживающий доверия и общественного уважения, а то обстоятельство, что он побывал на каторге, это ни уму, ни сердцу благородного человека ничего не говорит: во-первых, он на каторгу пошел не за учинение погромов, не за грабежи и убийства, а пошел за дело освобождения России, и слава, и честь ему в этом отношении! Что касается Замысловского, то он, если можно так выразиться, сам себя высек. Г. Замысловский, между прочим, сепаратизм грузинский усмотрел из того обстоятельства, что в Государственную Думу внесен законопроект о попудном сборе в пользу г. Поти. Он говорил вам, между прочим, что основанием или, скорее, причиной возобновления настоящего законопроекта, — намеком он сказал, но намек был весьма прозрачный, — является взятка. Я тут доложу Государственной Думе некоторую подробность весьма характерную.

Нужно вам сказать, что этот законопроект уже прошел через финансовую комиссию, причем через финансовую комиссию этот законопроект в утвердительном смысле прошел благодаря энергичной и весьма солидной поддержке г. Маркова. (*Голос справа*: «Что же

из этого следует?») Да вот сейчас скажу, что следует. Г. Марков защищал его не только в комиссии, — я призываю в свидетели председателя финансовой комиссии, что судьба этого законопроекта, главным образом и почти исключительно, была решена благодаря поддержке г. Маркова — этот же законопроект он защищал и в печати, в газете «Свет», где он сотрудничает, с пеной у рта. Следовательно, если основанием происхождения этого законопроекта является взятка, то, делая логический вывод из того положения, которое нам было представлено г. Замысловским, известная часть этой взятки должна была попасть в руки г. Маркова. Я оговариваюсь, я лично, конечно, этого не думаю, но если доводить до логического конца то, что было доложено тут г. Замысловским, то вытекает по логике вещей, что известная часть этой взятки должна была перепасть в руки г. Маркова. (Голос слева: «Браво!») По моей логике так. (Голос справа: «Логике кавказской».) Да, кавказская самая лучшая.

Председатель. Будьте добры, пожалуйста, не переговариваться.

Гегечкори (продолжает). Таков, г.г., сепаратизм г.г. Маркова и Замысловского. Пусть они судят, какого качества этот сепаратизм и насколько этот сепаратизм, если к нему подходить действительно с меркой более или менее объективной, выдерживает критику. Но, я скажу вам, г.г. Марковы, Замыловские, Пуришкевичи: работайте, работайте во славу вашей черносотенной политики. Почему? Потому, что я вам скажу, что всякая энергия, которую вы вкладываете в эту политику, все те усилия разжигать национальную вражду, которые прилагаются вами, все эти усилия, повторяю, и вся эта работа дает нам известный положительный результат, потому что уже на местах на Кавказе теперь всякий знает, после тех дебатов, которые здесь проходили, в каких общественных классах, в каких общественных слоях искать кавказским национальностям поддержки и союза. Они знают, что те люди, которые исключительно поставили своим девизом только черносотенную политику человеконенавистничества и мракобесия, — это такие союзники, с которыми идти нельзя, невозможно.

Я теперь перехожу, — я отвлекся немного в сторону, — перейду теперь к вопросу о преступности на Кавказе.

Я должен оговориться, г.г., прежде всего, что с нашей точки зрения, — эту точку зрения мы не раз развивали, с этой трибуны, — преступность, как определенное социальное явление, имеет свое основание в социальных и политических непорядках. Если вы хотите радикальными средствами бороться, в данном случае, с преступностью, которая проявляется на Кавказе, то вы должны обновить общественную и политическую жизнь Кавказа. Вот это и есть самая радикальная борьба с преступностью, и только при такой политике, только при такой работе возможно устранение преступности как определенного социального явления, но для восстановления объективной правды я должен, между прочим, доложить вам те данные, которые имеются у меня, данные весьма официальные, по вопросу о преступности на Кавказе, и в особенности в Гурии. Я сейчас буду пользоваться данными особого совещания, которое проходило в Кутаисе недавно, в декабре месяце, под председательством генерал-губернатора Славочинского, в составе вице-губернатора Макарова, прокурора окружного суда Окишори, начальника губернского жандармского управления полковника Голицынского. Совещание это обсуждало статейку, которая появилась в московской газете «Московские ведомости» под названием «Картинки провинциальной жизни». Я читать содержание этой статьи не буду, она имеется у меня под рукой, так как содержание ее — перефраз той речи, которая была выслушана нами с этой трибуны от ораторов справа. Там говорится, что исключительно благодаря гуманному управлению краем, причем слово «гуманный» поставлено в кавычках, Кавказ стал обетованной землею для русских террористов, и сюда в настоящее время перенесен центр

революционного движения; дальше в конце говорится, что очень было бы интересно знать, входит ли в намеченные наместником на Кавказе реформы вооруженное восстание в Гурии, и вообще, как относится гр. Воронцов-Дашков к деятельности революционного гурийского комитета. Вот обсуждалось именно содержание этой статейки, и тут даются весьма характерные цифры. Я спрашиваю г.г. правых: когда они вчера ни одной цифры нам не представили, то в чем же дело? Или они считают цифры совершенно излишними, или у них их нет? Я предполагаю второе, и вот, чтобы в данном случае не подражать им, я буду основываться исключительно на цифрах. Совещание находит, что в Гурии преступность пала, и об этом свидетельствуют следующие данные — приводится нижеследующая ведомость: 1) грабеж, 2) убийство, 3) кражи, 4) нанесение ран, 5) поджог, 6) разбойное нападение, 7) самоубийство, 8) похищение и изнасилование девиц, 9) побег заключенных, 10) мошенничество, 11) тайное сходбище, 12) сопротивление установленным властям за годы: 1906—7—8. И вот следующие цифры: грабежей в 1906 г. — 32, в 1907 г. — 18, 1908 г. — 20; убийств: 16, 31, 13; краж: 16, 13, 13; нанесение ран — 9, 19, 8; поджог — 9, 2, 6; разбойных нападений — 10, 7, 8; самоубийств — 2, 1, 2; похищение и изнасилование девиц 1907 г. — 2; побег заключенных — в 1907 г. — 1, в 1908 г. — 1; мошенничества в 1908 г. — 2; тайные сходбища: в 1907 г. — 1, и сопротивления установленным властям в 1906 г. — 1. Дальше главным образом, они опровергают слухи о том, что население Гурии не обращается со своими тяжбами в мировой суд, а решает свои дела своим самосудом. Это совершенно противоречит действительности, — говорится в протоколе, — что наглядным образом доказывается нижеследующими ведомостями: в Озургетском у. за 1905—6—7—8 годы поступил целый ряд дел уголовных и гражданских: за 1905 г. — 362, 1906 г. — 788, 1907 г. — 802 и 1908 г. — 1 316. Отсюда вы видите, г.г., что действительно те соображения или, скорее, силлогизмы, которые тут излагались перед нами, не выдерживают никакой критики, но о чём же, г.г., вы говорите? Ведь вы совершенно не беспокоитесь об успокоении страны, вас не интересуют ни государственные, ни национальные интересы. Вы не защищаете эти интересы и не защищаете интересы людей, русских людей, о которых вы столько говорите. В самом деле, позвольте вас спросить, кто уполномочил вас защищать интересы местного русского населения на Кавказе? Если вы думаете, г.г., что тот депутат, который сидит с вами, является представителем русского населения на Кавказе — я не говорю истинно-русского, а просто русского населения на Кавказе, — то вы в высшей степени ошибаетесь. Вспомните, что в прошлую сессию, когда обсуждался вопрос о законности выборов г. Тимошкина, нами было доказано, насколько с отступлением от самых элементарных требований закона и прав происходили выборы г. Тимошкина. (*Шум справа.*) Г. Тимошкин не является представителем русского населения на Кавказе.

Председатель. Обсуждение законности или незаконности выборов не подлежит здесь обсуждению.

Гегечкори. Я не обсуждаю, г. председатель. Он является ставленником г. Дементьева, а может быть, того же самого сенатора Мицкевича, который все называл его «наш депутат», «наш депутат» (*шум*). Я поздравляю сенатора Мицкевича с таким депутатом. Что же касается русских людей, которые долгое время проживают на Кавказе, что касается тех русских людей, которые освоились с теми национальностями, с которыми им приходится сталкиваться на Кавказе, то от них-то я из Кутаиса получил следующую телеграмму, которую они просят огласить перед Государственной Думой. Вот, что они пишут:

«Группа русских, живущих в г. Кутаисе, сделала мне честь уполномочить меня послать на ваше имя следующую телеграмму: „Будучи возмущены непристойною речью деп. Пуришкевича, как в отношении туземного населения, так и деятельности наместника его величества на Кавказе, выражаем наше глубокое негодование и просим вас засвидетель-

ствовать перед Государственной Думой, что все высказанное Пуришкевичем — клевета или полное незнание местных условий, о которых он говорил“». (*Шум справа.*)

Нет, я назову, кто это говорит. Он так же далек от социал-демократии, как я от неба. (Смех. *Шум председателя.*)

«Долговременное пребывание наше на Кавказе достаточно близко познакомило нас с местным населением (грузинами, армянами и татарами), чтобы не согласиться с тем огульным обвинением его в сепаратизме, в котором так развязно обвиняет нас бессарабский депутат», — я прибавлю: и г. Марков. «Добровольное присоединение Грузии к России являлось выражением братского ее расположения к русскому народу, и это расположение продолжается до последних дней, если не считать случаев, созданных режимом Голицына и взлеянных подонками русского элемента. Замена режима Голицына правлением гр. Воронцова», — с этим я не согласен, но я, все-таки, вам докладываю, — «являлась бы мерой полного умиротворения и творческой деятельности на благо разноплеменного населения Кавказа, если бы не тревожное время для всей России, охватившее и Кавказ. В тревожное время способности, так и знание края графа вполне поддерживали престиж русской власти, граф в настоящее время, будучи преисполнен желания ввести реформы, так необходимые во всех отраслях управления краем для пользы всей России, должен находить во всех желающих блага помощников в деле осуществления своих предначертаний. К сожалению, вместо помощи слышим Пуришкевичей. Местное население чуждо всякого сепаратизма, и это понятно всякому, знакомому с их жизнью. Просим вас передать наше глубокое сожаление и остальным кавказским депутатам по поводу тех чувств, которые навеяны клеветнической речью бессарабского депутата», — и, прибавлю я, курского, — «стремящегося своими бес tactными выступлениями в Думе вселить раздор и вражду между нами, русскими, и туземным населением, с которым мы жили и будем жить в мире и любви». Подписано: «Лев Степанов». Истинно русская фамилия. (*Возглас справа: «Степаньянц!»*) Извините, Степанов. И вот, я говорю, г.г., заканчивая свою речь: пора вам перестать распространять гнусные клеветы на русский народ, якобы он требует применения смертных казней для окончательного подавления кавказских национальностей, пора вам перестать пользоваться неведением масс всего того, что здесь творится, неведением, какие речи произносятся с этой стороны. Я вас предупреждаю, г.г., есть предел всему, есть предел вашему господству. Г.г. Марковы! Трепещите! Грядет час, когда всероссийский пролетариат и крестьянство (*Справа шум и голоса: «Ого!»*) — поймут, откуда идет то зло, которое разъедает наш общественный и государственный организм, когда пролетариат сознает историческую миссию, которая на нем лежит, и организованным путем положит предел и вашему господству, и вашим человеконенавистническим выходкам, и провокаторству. (*Рукоплескания слева.*)

Гр. Бобринский 2-й. Г.г. члены Г.Д.! Тяжелое положение, в котором находится Кавказ, будет предметом обсуждения почти каждую неделю нынешней зимы. Вопрос, который здесь возбужден, я признаю весьма важным; и я не думаю, чтобы мы слишком долго этот вопрос обсуждали. Хотя я совершенно не одобряю того одностороннего характера, который носило обсуждение, но считаю, что кавказским вопросом нам придется еще заняться впредь не в форме запроса, а в виде самого серьезного законодательства, для того, чтобы действительно упорядочить этот заброшенный, но богатый край наш. Г.г. Для того, чтобы понять ту смуту, которая обагряет кровью Кавказ, которая разоряет и губит его, нужно немножко вникнуть в причины, нужно выяснить себе, когда эта смута началась, и тогда мы легче найдем корень зла. Характерно, что смута на Кавказе началась значительно раньше, чем в остальной России; смута эта началась и получила полное свое развитие не только до начала революции в России, но также до назначения наместником на Кавказе

гр. Воронцова-Дашкова. Этому я приведу доказательства. Когда гр. Воронцов-Дашков, в июне 1905 г., отправился на Кавказ, то уже в Терской области его встретили представители казачьего населения с прошением, в котором они излагали и описывали положение их края. Вот, что они говорят, — это вы найдете в трудах Червленой станицы:

«Какой вред мы терпим от беспокойной и злонамеренной части туземного плоскогорного и горского населения через грабежи, разбои и всякого рода воровство, не прекращающиеся со времени покорения Кавказа, т. е. в течение более 40 лет. Только по данным, ежегодно публикуемым...»

Далее приводится целый ряд цифр. Казачество тут доказывает, что при этих условиях совершенно невозможно жить, что положение казаков более тяжелое, чем во время кавказских войн. Это все было до вступления в управление гр. Воронцова-Дашкова, и в то время, когда господствовал на Кавказе именно тот режим, который теперь хотели бы восстановить авторы запроса! В то время судебные учреждения также были не на высоте своего положения, как не были на высоте административные учреждения. В том же самом прошении вы находите следующее:

«В детских учебниках географии, как на поучительный пример, указывается на пример несчастной Турции, где прекрасная, цветущая страна с пышной культурой, с умелым трудоспособным населением, через ряд беспокойных столетий произвела и грубых насилий над собственностью трудящихся, обращена, наконец, в пустыню, а трудолюбивое прежде население теперь опустилось, обленилось и ведет самое жалкое существование среди роскошной природы».

А вот, для характеристики того, как население находило защиту суда и что за суды были при прежних порядках на Кавказе, позвольте вам привести маленький пример оттуда, где есть товарищ прокурора, судебный следователь и мировой судья.

«Когда по предписанию атамана отдела у нас был изловлен и заключен под арест известный в отделе скотокрад-туземец, товарищ прокурора счел необходимым учинить даже особое ходатайство перед наказным атаманом о том, чтобы атаману отдела был сделан формальный выговор за неуместное задержание и вмешательство. Судебный следователь, которому представлен был вооруженный туземец, покушавшийся переправиться через Тerek с парой уворованных лошадей, нашел возможным освободить туземца, а протокол возвратил в станичное управление — для представления мировому судье по подсудности».

Это за вооруженный грабеж!

«Наконец, и сам мировой судья при разборе дела такого же туземца-скотокрада, на заявление атамана, поймавшего вора и бывшего по делу главным свидетелем, о том, что выставляемые обвиняемым свидетели заведомо подставленные, ложные, прямо ответил: «А вам кто мешал набрать себе столько же свидетелей с улицы?»

Вот, г.г., что пишут уполномоченные терского казачьего войска наместнику при его приезде на Кавказ. Далее, наместник, при своем приезде на Кавказ, проехал через Баку. О том, что творилось в Баку перед тем и что творилось первое время наместничества, достаточно выяснено ревизией сенатора Кузминского, который нам очень полно характеризует все те безобразия и хищения, все то разложение, до которогопало управление не только Бакинской губ., но и всего Кавказа. Бунт в Гурии когда начался? Он уже, можно сказать, вполне определился, и уже население Гурии открыто не исполнило повелений закона и не признавало административных властей с 1902 г., при полном господстве, при полном расцвете управления Кавказом кн. Голицыным и за 3 года до учреждения наместничества и назначения туда гр. Воронцова-Дашкова. Уже в 1902 г. там прекращают платить сбор в пользу духовенства. Вскоре после этого и до учреждения наместничества

аграрные беспорядки развиваются по всему краю, с поджогами и убийствами. Уничтожаются сельские канцелярии, власти сменяются самовольно населением и выбираются «товарищи» на их места. Все это, я говорю, делалось до учреждения наместничества на Кавказе. Далее, «Дашнакцутюн»: это — организация, о которой так много тут говорилось, как вы все знаете, организация, которая зародилась и приняла свой революционный характер сперва в Турции; в России же до 1903 г. никакого революционного характера она не имела, а ограничивалась сбором пожертвований для помощи армянским повстанцам. Но с 1903 года, с того дня, когда посягнули на имущество армянских церквей, на армянское национальное достояние, которое шло на поддержание церкви и церковно-приходских школ, с той минуты, действительно, к сожалению, «Дашнакцутюн» принял чисто революционный характер и даже, скажу, принял в высшей степени дикую форму борьбы. Но это было за 3 года до учреждения наместничества, и этот факт, если бы вы мне не доверяли, подтвердил вчера в своей речи чл. Г. Д. Замысловский. Он говорил о диких проявлениях, скажу — даже кровожадных проявлениях этой революционной организации; он приводил ужасающие факты, и если они верны, то они именно подтверждают то, что я говорил: он приводил примеры, что за переход в православие убивали, что когда одна девушка хотела повенчаться с православным, то убили ее отца, мать и сестру — 12-летнюю девочку. Все это, как сам чл. Г. Д. Замысловский сказал, произошло в 1904 г., т. е. за год до учреждения наместничества. Поэтому то лицо, которое давало сведения чл. Г. Д. Замысловскому, ошиблось только в одном: это лицо говорило, что, узнав о том, что заготовляется покушение, обер-прокурор эчмиадзинского синода, — кстати, он не обер-прокурор, а просто прокурор, — донес наместнику, чтобы приняли меры и остановили покушение, но что наместник ничего не сделал. Однако, как он мог это сделать, когда наместником он не был тогда и никто еще не думал о его назначении? (*Возгласы слева: «Правильно». Смех слева.*) Когда были приведены эти столь диковинные сведения, то были слышны голоса: «назовите фамилию прокурора!» — и чл. Д. Замысловский отказался назвать эту фамилию, что меня в то время крайне удивило, тем более, что его товарищи по фракции сообщили даже имена и фамилии дежуривших при помощнике наместника околодочных надзирателей. Сегодня утром это стало для меня совершенно ясно: имя этого прокурора — Френкель. Г.г.! Конечно, то, что он еврейский выкрест, из этого нельзя сделать заключение, что он плохой человек; но дальнейшие данные показывают, каков этот человек; он был устранен от своей должности за вымогательство. Затем этот человек, от которого потом та корпорация, к которой имел честь принадлежать чл. Г. Д. Замысловский, отказалась, эта корпорация, русская прокуратура, отказалась принять его, и его пришлось пристроить по тюремному ведомству. Вот, как надо осторожно относиться к сведениям, которые даются обойденными или уволенными чиновниками. (*Голоса слева: «Верно. Правильно!» Рукоплескания слева.*)

Далее чл. Г. Д. Ладомирский указал как на вопиющий факт, чуть ли не на пособничество со стороны наместника революционному движению, на то, что виновники душетской экспроприации были отданы обыкновенному суду и приговорены только к 6-летней каторге. (*Голос справа: «Чепуха!»*) Именно чепуха. (*Смех.*) Но дело в том, что чл. Г. Д. Ладомирский был осведомлен, но не вполне: виновники этой экспроприации бежали в Швейцарию и были выданы русскому правительству только под условием, что их будут судить не военным, а обыкновенным судом, и не за преступления по службе, а за обычайный грабеж. В этом освещении факты имеют совершенно другой характер. Поэтому, приводя факты непроверенные и недостаточно полно изложенные, вы только ослабляете то дело, которое стремитесь защитить. Никто, г.г., не сомневается, что эта партия «Дашнакцутюн», после восстановления армянской церкви в ее правах на имуще-

ство церковное, согласно канонам церкви армянской и нашей православной, с каждым днем теряет свой революционный характер. Если вы не верите, то проследите за нашим товарищем, милым, хорошим товарищем, чл. Г. Д. Сагателяном, и поэтому можете увидеть всю эволюцию в хорошую сторону партии «Дашнакцутюн». (*Смех. Шум. Возгласы «Браво» и рукоплескания слева.*) И, г.г., при избрании в прошлом году нового католикоса в Эчмиадзине, несомненно, констатирован факт, что революционные элементы среди армянского населения на этих выборах никакого значения уже не имели. Г.г.! Кто искренно ненавидит проявления революционные тот должен радоваться, когда действительно разумными и справедливыми мерами удалось известную революционную волну остановить и дать ей возможность идти на убыль, грех тем, которые не хотят этого признать и продолжают говорить, что революция там развивается, тогда как надо приветствовать ослабление революционного движения.

Но, г.г., я возвращаюсь к тому, с чего начал. Почему Кавказ находится в таком тяжелом положении, почему там смута так сильно развилаась? Ответив на эти вопросы, мы, может быть, найдем и разрешение вопроса о том, что делать, чтобы, наконец, дать возможность этому чудному краю процвести под эгидою России. (*Голос справа: «Дать автономию».*) Я не буду подробно вам развивать этот серьезный и громадный вопрос — я имею на это мало времени, — пора уже покончить с этим запросом, пора перейти к законодательной деятельности общей и законодательной деятельности на Кавказе. Поэтому я в настоящее время на подробностях останавливаюсь не буду; я только скажу вам несколько слов, чтоб охарактеризовать положение вещей там. Причины, почему Кавказ находится в особо тяжелых условиях, почему там революционная смута началась раньше, чем у нас, и почему она позже кончается, можно разделить на две части. Есть причины, от нас не зависящие, и есть другие причины, безусловно, от нас зависящие. Причины, от нас не зависящие — это, конечно, топографические условия края, разноплеменность и вероисповедный вопрос, кровавая месть и многие другие причины, известные тем людям, которые более или менее знакомы с литературой о Кавказе. Причины, от нас зависящие, г.г., — это те, что мы оставили этот край почти без всякого просвещения, почти без всякой культуры, почти без всяких путей сообщения. Одна из коренных причин, по-моему, за которую и наместник на Кавказе, и мы теперь, Россия вообще, расплачиваемся, — это то, что у нас не было систематической, последовательной, честной и закономерной политики на Кавказе. (*Голоса слева: «Верно!»*) Я считаю, что упразднение наместничества на Кавказе было величайшим злом. Я считаю, что во время наместничества великого князя Михаила Николаевича Кавказ шел по пути крепкого единения с Россией и по пути развития своих духовных и материальных сил. Упразднение наместничества внесло такую волокиту в разрешение кавказских дел, которая совершенно нетерпима и которая больно отразилась на состоянии этого края. Возьмите для примера дело «хизанов», хизанского права. После освобождения крестьян помещикам уже невыгодно было держать этих чиншевиков: цена на землю поднялась, арендные цены также, и многим стало выгодно выселить этих хизанов. Пользуясь тем, что наше законодательство не признает бессрочной аренды, там стали применять наш общий гражданский кодекс и начали выселять хизанов с их насиженных мест, которые их отцы и деды обрабатывали. Наместнику пришлось своей властью остановить это выселение, и началась переписка с Петербургом о том, чтоб издать закон об этих хизанах. Я не знаю точно, когда наместник начал эту переписку, но знаю, что в 1881 г. наместничества больше не было, а закон о хизанах, закон очень несовершенный, был опубликован только в 1891 г. Таких примеров можно было бы привести множество. Даже теперь, при наместничестве на Кавказе, посмотрите, что происходит: сметы оттуда поступают в министерство, — например, смета по делам устройства переселенцев. Необходимо

на Кавказе каждый участок обеспечить дорогами, потому что в горах и ущельях иначе невозможно, — и до сих пор ведомство в Петербурге исчисляет сметы по дорогам, сообразно нормам сибирских дорог и не хочет признавать, что на Кавказе топографические условия иные, чем в Сибири.

Другая причина, которая в значительной мере способствовала такому ужасному положению вещей на Кавказе, это то, что при освобождении крестьян от крепостной зависимости там почти исключительно ограничились освобождением личным, и дело выкупа не было произведено. Крестьянское население там до сих пор остается временнообязанным. Если бы они платили за свою землю оброк в виде определенной суммы денег, то это, может быть, было бы полбеды; но там, г.г., существует система, которую мы так сильно и так правильно порицаем в Боснии и Герцеговине, — система платы частью урожая, причем страшно трудно бывает определить количество урожая и сколько платить помещику. Вследствие этого помещики не позволяют свозить кукурузу и сено с лугов вовремя, и все это гниет, пропадает, и крестьяне стараются даже это тайно свезти, почему постоянно происходят драки и даже перестрелки. А представьте себе случай, когда владельцев на этот клочок земли несколько, — что тогда происходит, какое ужасное сутяжничество, беспорядок. При таких условиях сельского хозяйства не может быть, и мы видим ужасающие цифры, которые для меня гораздо хуже, чем те непорядки, которые тут приводились, хотя я не отрицаю наличности непорядков и глубоко о них скорблю. Возьмите Кутаисскую губ.: в 70-х годах десятина под кукурузу рожала от 80 до 200 п. зерна, а ныне от 60 до 80 п. Это удостоверено всеми земельными банками на Кавказе, которые жестоко за это поплатились, т. к. земля там теперь не стоит тех сумм, которые под нее выданы. Обратите внимание на то, что пишет бывший наместник на Кавказе великий князь Михаил Nikolaevich, — то вы увидите, что здесь экономическое положение большинства крестьян с прекращением крепостной зависимости ухудшилось, повинности определены в $\frac{1}{4}$ долю урожая, для некоторых земель в Кутаисской губ. — в $\frac{1}{3}$ долю, тогда как при крепостном праве они не составляли больше, чем $\frac{1}{5}$, а часто даже $\frac{1}{10}$ часть урожая, как вина, так то других произведений земли. Но, г.г., если на Кавказе и в Закавказье остались еще временнообязанные крестьяне, то в некоторых частях Кавказа, как здесь вскользь упоминалось, и в Закавказье остались еще временнообязанные крестьяне, то в некоторых частях Кавказа, как здесь вскользь упоминалось, остался институт крепостного права в полном его расцвете. Этот институт остался в Дагестанской области и Закатальском округе в виде платы и работы — раят — для своих беков. Такое право представляет собой право завоевателей по отношению к завоеванным, причем владельцами являются иногда целые деревни, а крепостными этих деревень — другие деревни. В Закатальском округе вы это найдете. Этому, г.г., нужно положить конец. Этого оставить никак невозможно! Это, несомненно, порождает обеднение населения и смуту в стране. Обращаю ваше внимание на судебно-межевую часть. Если бы кто и хотел вникнуть сколько-нибудь в этот вопрос, то он положительно не сумел бы разобраться в нем. Всякий обыватель, очевидно, должен страшно страдать от этого. А неопределенность владения?! На Кавказе почти никто не знает, чем он владеет. Там принцип собственности в корне подорван, а где принцип собственности подорван, где человек вследствие этого лишается того, что нужно ему для того, чтобы быть человеком, так, конечно, падают до состояния социал-демократии. (Голоса слева: «Что такое? Очень жаль!» Шум, смех справа.)

Обратитесь, г.г., к отношению того ведомства, которое должно было бы пешись о благосостоянии населения, о развитии у него земледелия. Там ведомство государственных имуществ до смены лица, которое ведало там этим делом, держалось исключительно узко фискальной точки зрения. Цель была одна: увеличить оброчные статьи и доходы государ-

ства, забывая, что этим самым они разоряют население и уменьшают доходы государства. Вот что сказано во всеподданнейшей записке наместника:

«Казенные оброчные статьи взыскиваются всеми правдами и неправдами. Умрет бывший государственный крестьянин, передав свой надел зятю из бывших помещичьих крестьян или из привилегированных сословий, надел отбирается в казну — т. е. совершаются форменная экспроприация — в качестве оброчной статьи. Впрочем, обычно, на первое время с отдачей в аренду хозяину. Брошенные в залежах пахоты зачисляются в казенные пастбища; зарастет часть крестьянского надела лесом, — она обращается в казенную лесную оброчную статью; покроется другая часть надела водою при перемене русла реки, — она становится казенною оброчною статью. Дело доходит до того, что ореховые деревья, взращенные собственными руками поселян на их же дворах, казна обращает в казенную оброчную статью».

Возможно ли при таких условиях, г.г., жить? Невозможно! А неустройство кочевников? Если вы несколько ознакомитесь с вопросом перекочевки населения из низменных местностей в верхние, нагорные, когда население должно проходить через несколько полос обработанной и отданной под хлебопашество земли, без всяких дорог, без определенного права прохода, то вы увидите, что рукопашные бои, сражения неминуемы. И за все эти годы мы ничего не сделали, чтоб упорядочить это. А дорожное дело на Кавказе? В каком оно положении? А земские повинности? Знакомы ли вы с тем, как они взыскиваются, как они исчисляются и как они расходуются? А, г.г., народное образование? Известно ли вам о полном крушении русской школы на Кавказе оттого, что ее хотели сделать исключительно русской, тогда как она должна была быть русско-туземной? В русско-туземной школе, очевидно, русский язык, — богатый, свободный, великий, — завоевал бы себе то место, которое мы ему желаем среди туземного населения. А теперь все русское там погибло, вследствие той отвратительной системы, которую вам отсюда защищают, с крайней правой (*рукоплескания слева*), и которую я могу назвать системой мадьярской⁷²; мадьяры применяют эту систему. (*Бурные рукоплескания слева. Возгласы справа: «Вздор».*) Не вздор это, г.г., мы это хорошо знаем, потому что часть нашего русского народа имеет несчастье находиться в пределах мадьярского государства, и над ним производится насилие. Да, г.г., я скажу, что русский народ устоит в своем национальном бытии, а погибнет тот мадьярский народ, который нарушает и божеские, и человеческие законы. (*Рукоплескания слева.*) Русский народ — государственный народ: он это доказал; его принципы... (*Возгласы справа: «Мадьяры в Австрии, а не на Кавказе; хорошо заработали свои 400 000!»*) ...его цель — применять немецкую пословицу, которую, к сожалению, немцы не соблюдают, leben und leben lassen, что значит: жить и давать жить другим. Русский народ, несомненно, сумеет закрепить русское государство: он этого достиг во многих местах и достигнет на пространстве всей Российской империи. (*Рукоплескания слева.*)

Г.г.! Я в кратких чертах старался изложить перед вами коренные причины неустройства на Кавказе, совершенно не предполагая, конечно, серьезно и обстоятельно, до корня дела их тут перед вами изложить, что было бы невозможно. Я считаю, что коренная причина неустройства на Кавказе не сводится к личности того или другого наместника; причина глубже. Я признаю, что наместник мог совершить много ошибок. Несомненно, что в деле Старосельского, в его назначении скрывалась крупнейшая ошибка, о которой сам наместник доложил государю императору. Я вполне присоединяюсь к мысли, высказанной здесь, о необходимости самой серьезной сенаторской ревизии на Кавказе. Об этой ревизии настойчиво говорил наместник; он просил ее раньше, чем об этом заявлялось отсюда, с трибуны Государственной Думы. Но, г.г., кроме вопроса о том или другом наместнике,

кроме исправления тех или других злоупотреблений административного характера, необходимы на Кавказе коренные реформы, необходимо скорее произвести выкуп там, где его нет, необходимо уничтожить крепостное право и т. д. Я уверен, что если такие законопроекты будут поступать в Государственную Думу теперь, пока у нас нет специальной комиссии, которая бы этими вопросами занималась, то они залежатся в массе имеющихся у нас законодательных предположений; если же они будут рассматриваться в различных комиссиях, созданных нами, в комиссиях, где часто нет людей, которые отдали бы свои силы и знание на изучение кавказских вопросов, резко отличающихся во многом от других вопросов жизни России, то этой реформы мы, к сожалению, не проведем. Я думаю, что необходимо выбрать небольшую комиссию, напр., из 22 лиц, которая рассматривала бы все поступающие в Думу законопроекты по Кавказу.

Г.г.! Кончая, я скажу, что мы, русские члены Государственной Думы, умеем отличать, когда говорят узкие сектанты, когда говорят Гегечкори и Гайдаров; их речи мы умеем отличать от речей других депутатов Кавказа, как, напр., кн. Шервашидзе, Хасмамедова и Сагателяна; но пусть и кавказское туземное население также сумеет это различать, пусть оно поймет, кто, в конце концов, говорит то, что думает и чувствует русский народ. (*Рукоплескания в центре и слева. Шиканье справа.*)

Пуришкевич. Г.г. народные представители! Я оставлю без возражений речь гр. Бобринского, прочитавшего здесь акафист^{*} наместнику на Кавказе. Я полагаю, что достаточной оценкой значения этой речи для большинства Государственной Думы может служить тот гром аплодисментов, которому я не завидую, — полагаю, что со мной разделит это чувство большинство Думы, — гром аплодисментов, раздавшийся оттуда по окончании речи гр. Бобринского. Перехожу, г.г., прямо к вопросу. С тех пор, как впервые стало известно в России, что русская Государственная Дума занялась Кавказом и признала необходимым разоблачить все то, что там творится, все то, что было покрыто мраком неизвестности для большинства русского народа, местные народности переполошились и стали искать выхода из того тяжелого положения, в котором они могли бы очутиться после того, как этот запрос был бы принят, и в котором они очутились при постановке запроса на очередь в стенах русской Государственной Думы. Выход крайне трудный. Смятение, которое отразилось и сейчас еще отражается на местной кавказской туземной прессе, приняло буквально какой-то хаотический характер тогда, когда запрос наш здесь стал предметом обсуждения, когда отсюда стали раздаваться речи самого разнообразного характера. Местные люди, туземцы — я не говорю о мусульманах, ибо разделяю взгляд моего товарища, друга Маркова, — местные люди — сепаратисты армяне и грузины, — переполошились вовсю. Читайте армянские, грузинские газеты, и вы увидите, до какой степени они потревожены тем положением, которое создалось постановкой этого вопроса. Нужно было найти тот или другой выход. И выход, г.г., был найден: решили нападать на гр. Воронцова-Дашкова, на кавказскую администрацию те господа, которые в душе своей горячо ей сочувствовали, о чем я сейчас скажу и что докажу. Они признали необходимым указать, что между политикой гр. Воронцова-Дашкова и той политикой, которую вел его предшественник, нет никакой разницы, что он является последователем той русской русификаторской политики, которая велась на Кавказе в былые годы. Их задачей стало показать, что царское правительство, которое грозит гибелю Кавказу, которое, так сказать, теснит местные народности, нетерпимо. Что бы здесь ни говорил деп. Гегечкори, что бы здесь ни говорили другие господа, в роде Чхеидзе, надо сказать, что, прежде всего, эти говорящие — с.-д., и поэтому они должны повиноваться партийной дисциплине,

* Акафист (греч.) — христианское хвалебное церковное песнопение.

которой они умеют повиноваться. Произнося здесь свои речи, они исполняют только постановление своих комитетов, собиравшихся летом на Кавказе и выносивших то или другое решение. Да, г.г., это так. Отсюда были сделаны нападки для того, чтобы отвлечь наше внимание от истинного положения дела и этим упрочить местную администрацию. Летом этого года в июне состоялось в 20 в. от Тифлиса, в дачной местности Авчалы, многолюдное заседание кавказского центрального революционного комитета. На этом собрании присутствовали делегаты районных революционных организаций из Баку, Елизаветполя, Тифлиса, Александрополя, Эривани, Кутаиса, Озургет, Батума и Поти. После 5-часового совещания 37 делегатов единогласно постановили — я имел один экземпляр этого постановления с.-д. комитета: во-первых, для более успешного вооруженного восстания в крае экстренно усилить революционирование чинов местных войск и сельского населения; вторым пунктом они постановили повысить процентный сбор с торгового и рабочего люда с 4 % на 5 %, вследствие недостатка нужного числа огнестрельного оружия и припасов к нему; они решили не увеличивать сборов с крестьян, но усилить экспроприации; они постановили третьим пунктом принять все меры, до уничтожения отдельных партий переселенцев, к воспрепятствованию нашествию русских на Кавказ, т. к. русское правительство имеет намерение свободные земли на Кавказе заселять, с их точки зрения, русскими переселенцами; четвертый пункт их постановления гласит, что в случае, если правительство захочет изменить существующий ныне режим на Кавказе и заменить Воронцова-Дашкова, — заместителя его казнить до приезда на Кавказ; пятым пунктом они постановили установить неразрывную связь с персидскими и турецкими революционерами; шестым — всех препятствующих приведению в исполнение указанного постановления, не предупреждая виновных, казнить. Таковы постановления с.-д. комитета. (*Возглас слева: «Ложь!»*) Гр. Воронцов-Дашков является для них тем правителем, который не мешает развитию их деятельности и который, следовательно, должен быть оставлен на Кавказе. Однако, зная, что мы поставили запрос, зная, на что мы решили напирать, они решили идти с другой стороны, доказывая, что гр. Воронцов-Дашков и его политика ничем не отличаются от его предшественника и политики его предшественника. Этим путем они полагали отвлечь внимание от запроса, что им до некоторой степени удалось. Всякий запрос имеет силу и значение и производит впечатление тогда, когда одна за другую разворачиваются страницы ужасов местной жизни, когда в головах русских обычайтелей укрепляется уверенность в том, что в данной сфере русской жизни происходят безобразия. Запрос был растянут до последней степени. После того, как я, г.г., впервые имел честь выступить, выступали г.г. Чхеидзе и Гегечкори. Все они с этой точки зрения, на которую я указывал, и говорили. Но в результате получилось то, что мы показали на лужу русской крови, которую сплошь представляет собой Кавказ; они стали лить воду, чтобы обесцветить эту кровь, и в значительной степени это им удалось. Но только вчера, после речи чл. Г. Д. Маркова, мы вернулись туда, откуда должны были идти, мы вступили на тот правильный путь освещения запроса, из которого нет иного выхода, как принять его, как принять меры к тому, чтобы положение русского населения на Кавказе было улучшено, чтобы русский человек там мог если не благоденствовать, то, по крайней мере, безопасно дышать. С тех пор, как я впервые выступил, прошло достаточно времени. Посмотрим, что делали представители кавказской администрации для того, чтобы рассеять те краски, которые здесь были выдвинуты. Начну с того, что со всех сторон наместник на Кавказе гр. Воронцов-Дашков стал получать приветствия. Далее выражалось осуждение мне, выступившему здесь со слабым, сравнительно с тем, что мы имеем сейчас в руках, багажом. Посыпались доказательства, что мы налагали, что я оклеветал местную администрацию и осветил вопрос не так, как его следовало бы осветить.

Но, г.г., получивши сведения оттуда, с мест, о том, кто благодарил, кто кланялся, кто приветствовал, мы увидим, г.г., что приветствовало именно туземное население, которое забило население русское, приветствовали, если можно так сказать, господа Вазелин Вазелиновичи, которые желали подлизнуться к местной администрации. Я получил, г.г., адрес-календари всех городов Кавказа и позволю себе представить вам списки городских самоуправлений по некоторым только городам. Благоволите посмотреть. Тифлисская городская дума, повергнувшая первою верноподданнические чувства гр. Воронцову-Дашкову, состоит из 150 человек, в числе каковых имеется: русских — 10, грузин — 15, армян — 52, евреев — 1, мусульман — ни одного, греков и других народностей — 7. Таким образом, уже только одни армяне, составляющие 52 человека в тифлисской городской думе, могли повергнуть чувства гр. Воронцову-Дашкову, после того, как я *in pleno** обрисовал значение культурного армянского сепаратического союза. Возьмем другой город, Елисаветполь: мусульман — 41, армян — 23, русских — 1; совокупность армян и мусульман, которые в данном случае пошли вместе, дала возможность выразить чувства гр. Воронцову-Дашкову. Возьмем Баку. Г.г., я мог бы назвать фамилии каждого из этих депутатов, но не желаю затрудняться. (*Смех.*) Состав городской думы: армян — 17, грузин — 1, русских — 7, мусульман — 49... Верноподданнические чувства! Вот вам, г.г., Батум: русских — 4, грузин — 12, армян — 9, мусульман — 7, греков — 14; а всего 46. Вы теперь понимаете, г.г., характер того негодования местного населения против тех речей, которые раздавались в стенах Государственной Думы, вы понимаете истинные причины того, кто возмущался, кто изливал бальзам на больную душу бар. Нольде и на оклеветанную, так сказать, кавказскую администрацию. Это была одна сторона вопроса. Бар. Нольде отбыл на Кавказ, и мы знаем, что бар. Нольде вернулся с Кавказа и явился сюда украшенным званием почетного старика одной из кавказских русских казачьих станиц. На это я вам скажу, что генерал Колюбакин, по имеющимся у меня сведениям из поездки генерала Колюбакина, присланного с Кавказа, получил звание почетного старика 44 казачьих станиц. Нынче этого генерала Колюбакина на месте нет. Но если вы желаете знать, при каких условиях и как получил он это звание почетного старика, то пойдите на Невский проспект в кинематограф, и там вам покажут генерала Колюбакина, очень недвусмысленно ухаживающего за казачками на месте, во время ревизии. (*Смех. Шум.*) Это факт. Так что вы понимаете, г.г., что звание почетного старика — оно до известной степени почетное, но если человек у власти, если человек силен, то он может добиться этого звания тем или другим путем. Вот, г.г., второй способ, так сказать, доказать доверие местного населения. Но этого, гг, мало: Кавказ терроризован, на Кавказе постоянные убийства и грабежи... И вот, несмотря на то, что армянское и мусульманское население выражало свои чувства гр. Воронцову-Дашкову, тем не менее, невмоготу стало жить во многих городах Кавказа, и в городских думах поднимался вопрос о том, как обезопасить свое существование. Я позволю себе привести вам вкратце заседание одной городской думы, наиболее либеральной, наиболее прогрессивной, где председателем, городским головой состоит кадет Раевский, — кадет, бывший председателем курской губернской управы, который должен был покинуть Курскую губ., так как оказался не к месту, и немедленно он принят, конечно, на Кавказе в качестве городского головы. Казалось бы, г.г., что городская дума, состоящая сплошь из армян, грузин и мусульман, как в Баку, городская дума, которую было мне выражено осуждение по поводу того, что я наклеветал, — эта городская дума должна была бы, по крайней мере, относиться с уважением к той власти, которая ей покровительствует, и, тем не менее, факты, неопровергимые факты говорят

* *In pleno* (*лат.*) — в полном составе.

вам о противном. Но этого мало, г.г.; они, г.г., говорят вам о той системе, к которой прибегает кавказское наместничество для того, чтобы не дать возможности не только русскому голосу дойти оттуда к вам, сюда, и осветить положение дела, но и голосу, так сказать, своих единомышленников. Предо мною, г.г., газета «Каспий»⁷³, и вот в газете «Каспий» статья «Вне пределов компетенции». Позвольте вам привести заседание этой городской думы, имевшее место 13 января:

«Вчера заседание думы имело необычайный характер. Предполагалось обсуждение вопроса о борьбе с вымогателями и проч. Гласные собирались почти в полном составе; собралось также много публики. Председательствует городской голова Раевский. Но вместо ожидаемого вопроса на очередь ставится ряд земельных дел. Гласные начинают обнаруживать нетерпение, и гласный Султанов говорит: „Милостивые государи, г.г., о чем это здесь мы говорим. Сегодня, кажется, нам предстоит обсуждение жизненного вопроса. Нас травят, убивают, житья нет, а мы тут о каких-то земельных делах рассуждаем. Г. председатель, потрудитесь доложить вопрос о мерах борьбы с вымогателями“. Е. В. Раевский: „Вопрос этот не будет доложен и не подлежит обсуждению думы, ввиду запрещения исполняющего должность градоначальника“. Между гласными сильное волнение. Продолжительный звонок председателя. Гласный Гаджиев: „Я не буду говорить о том, что бы мы сделали, но меня поражает наличность возможности со стороны администрации запретить обсудить вопрос о том, что должны сделать представители населения, которое страдает от невозможных грабежей, похищений, убийств и проч.“ Гласный Султанов (*на татарском языке*): „Что же это такое? Мы не можем говорить о том, как спасти себя и наших детей?! Вот видите письмо (*вынимает из кармана бумагу*). С меня требуют тысячу рублей. В письме говорится, что если не уплачу денег, то убьют моего сына (*гласный Султанов плачет*). Мне пишут, чтобы я не смел об этом никому говорить. Я открыл свое горе одному моему другу, он мне на это показал два письма, в которых требуют деньги и с него. Одно письмо написано по-татарски, а другое — на трех, языках: татарском, армянском и русском“».

Г.г.! Это второй способ зажать рот, второй способ не дать возможности голосу правды дойти до Государственной Думы, и к таким способам прибегает местная кавказская администрация, желающая доказать, что «на Шипке», т. е. на Кавказе, «все спокойно». Третий способ — это вы сами знаете, г.г., телеграмма, всеподданнейшая телеграмма, посланная армянским духовенством на имя самодержца всероссийского. Очевидно, существует и еще стена между нами, правыми, и государем императором, если могли ввести в заблуждение, после всего того, что мы знаем, священную особу самодержца. Да, г.г., тем не менее, и несмотря на все эти меры, крик, который раздается на Кавказе со всех сторон, — это армянский крик «Манук-Хайастан». В былые времена, лет 20 тому назад, этот крик исходил от так называемых тавтаганных безземельных армян, переселенных к нам для увеличения туземного населения Кавказа. Ныне крик «Манук-Хайастан» — Молодая Армения — раздается повсюду в ночной тиши. Поет его ныне и тавтаган, и те господа, которые входят в состав культурного союза и подготавливают час нашего позора на отдаленной окраине. Г.г., нам говорят, что мы зажимаем рты, нам говорят, что мы душим народность, но я позволю себе указать на пример и слова гр. Лорис-Меликова, самого армянина, который высказал в свое время, что и тогда русское правительство было недостаточно проникнуто государственными идеалами и политикой на Кавказе. В записках Белого лобового, в 80-х годах, на страницах «Русской старины»⁷⁴, есть дневник гр. Лорис-Меликова, где он высказывает взгляд, который я вам имел честь высказать. Это говорит не правый, это говорит человек, который стремился у нас ввести конституционный строй при императоре Александре II и который находил, что наша окраинная политика и, в

частности, политика на Кавказе и в Армении была не государственной политикой и не той, которой мы желали бы придерживаться. Я сегодня продолжаю речь, которую я говорил полтора месяца назад. Я хочу коснуться вопроса, о котором до меня еще здесь никто не говорил, чтобы открыть вам язвы той области, которая является наиболее страдающей — области школы, и прежде, чем перейти к этому, я хочу показать вам, какою любовью пользуется местная администрация. Для этого я вам напомню картину смерти, гибели выдающегося русского человека, посланного на Кавказ, — Федора Федоровича Грязнова. Я не хочу описывать причины гибели Грязнова, я не хочу касаться подробностей этого события, так как они меня отвлекли бы. Я скажу только, что когда при похоронах у гроба стояли часовые и когда генерал Ширинкин, теперь выбывший с Кавказа, принес венок на гроб Ф. Ф. Грязнова, то возмущенные офицеры, зная, что, благодаря попустительству местной администрации, пал герой долга и чести, ногами отбросили этот венок, и стоило больших усилий, чтобы не предать гласности этот факт. Я позволю себе думать, что бар. Нольде может подтвердить это, если, конечно, оправдаться в этом отношении не сможет.

Я говорю, г.г., что я перехожу к вопросу о школе. Во всех отраслях нашей жизни, а в особенности на окраинах, вопрос школьный, постановка народного образования служит гарантией и служит доказательством того, здоров ли организм, жив ли, имеет ли будущность или будущности не имеет. И я утверждаю на основании тех данных, которые имеются у меня под руками, я утверждаю, что постановка школьного дела на Кавказе в данное время представляет такую трущобу, такие ужасы, перед которыми бледнеют все те ужасы, о которых мы говорили с этой трибуны в продолжение многих дней. Вы можете мне сказать, что я указываю на тот промежуток времени, когда школа была объявлена революционным угаром во всей России. Но революционный угар, который объял школу всей России, коснулся исключительно почти учеников, благодаря распущенности циркуляров Министерства народного просвещения и управления Герасимова. Но на Кавказе самое рьяное, самое горячее участие в пропаганде и революционизации школы приняли и педагоги, и те лица, которые стояли во главе округов. Далее, я коснусь промежутка с 1905 г. по сей день, коснусь подробно того, что мои товарищи говорили о прошлом, — о Старосельском, ибо все язвы, которые были в бытность Старосельского на Кавказе, не исчезли и сейчас. Если бы мне указали, что эти преподаватели ушли с Кавказа, что они наказаны, что часть их по тюрьмам, что они лишены звания, — я бы сказал: да, г.г., я этого вопроса касаться не буду. Но факты показывают нам иное, они говорят, что эти лица получили повышение, и все эти преподаватели, которые стояли во главе школы в смутные дни и годы, сейчас у власти, они сейчас у дела учебного, воспитывают и образовывают население.

Да, господа, я коснусь попечителя Завадского, перейду к Лопатинскому и затем скажу о Рудольфе. Совершенно верно, трудно допустить, чтобы школа была революционизирована вдруг в 1905 г. Этого не было, но вспышки революционного характера имели место, как единичное явление, и до 1905 г., и в 1905 году, но с последнего года вспышки превратились в какую-то систему, которая продолжается и теперь. В Тифлисе есть гора Св. Давида, и вот, в 1905 г. можно было наблюдать сплошь и рядом такое явление: сплетаясь руками, гимназисты и гимназистки всех гимназий тифлисских и реальных училищ шли на гору Св. Давида, пребывали на этой горе в продолжение нескольких часов и затем с пением революционных песен возвращались обратно. Когда встречные их спрашивали: «Что вы делали, господа, на этой горе?» — они отвечали: «О результатах узнаете через 9 месяцев... (Возгласы: «О-о-о...» Голос: «Это басня!») Нет, не басня. Если бы это была басня, то было бы счастье. Возьмите, господа, не весь округ, а сначала пройдемесь по отдельным гимназиям. Вот вам тифлисская I мужская гимназия —

попытки к изгнанию директора Нюблинга, создание революционного забастовочного комитета. Выгоняют директора Нюблинга, затем ученики выгоняют директора Карпинского, наконец, ученики требуют, чтобы им дали директором Гамкрелидзе, инспектора II тифлисской гимназии. Когда инспектор этот, согласно желанию учеников, назначается директором, то его на руках с революционными песнями, с красными флагами, как желанного директора и любимого человека, ученики приносят к себе. Гамкрелидзе за это, конечно, потом отблагодарил; ряд революционных журналов, издававшихся учениками, служит лучшим подтверждением и характеристикой деятельности г. Гамкрелидзе. Возьмите дальше бакинские учебные заведения. Здесь вы видите совершенно открыто, как два преподавателя, Васильев и Братковский, оба рекомендованные учебным округом, создают митинги и председательствуют на этих митингах. Возьмите эриванскую гимназию — здесь явления еще более горькие, еще более страшные. Преподаватель математики Храпако не желает сказать ученикам тему по математике, не желает дать ключа на экзамене; за это его убивают. Если бы это было в прошлом; но вы читайте «Новое время⁷⁵», читайте даже левые газеты, которые скрывают истину, и вы ежедневно почти увидите, что убийства на Кавказе не оставляют в стороне и средних учебных заведений. Дальше возьмите Гори. Вы увидите целые революционные шайки учеников, которые бьют стекла в тех учебных заведениях, которые не желают примкнуть к забастовкам. Возьмите ставропольскую гимназию. Здесь ученики требуют от инспектора Апостолова, чтобы директор Мельников-Разведенков подал в отставку; они требуют, чтобы все дебоши, которые они произвели в стенах учебного заведения, были им прощены. Ультимативные требования гимназистов исполняются. Апостолов объявляет, что директор уходит, и что они прощены. Мало того, создаются ученические суды, на которые смотрят сквозь пальцы и попечитель округа, и местное начальство. Для чего они создаются? Для того, чтобы изгонять из гимназии тех, которые не солидарны с революционной деятельностью средних учебных заведений Кавказа. Вот вам отдельные картины.

Но это были только цветочки, а ягодки начались в 1905—1906 гг. Попечитель Завадский, чувствуя, что сам справиться с делом не может, предлагает образовать комиссию из выбранных им самим лиц, для того, чтобы мужские и женские гимназии и реальные училища выработали положение о реорганизации средней школы. Комиссия работает открыто; в ней принимают участие множество революционно-настроенных преподавателей, которые вслед за тем получают повышение. Комиссия приходит к следующим заключениям, которые печатаются на страницах местных газет и дают полную возможность ученикам судить о настроении и характере своих преподавателей. Прежде всего, исполняют требования революционного комитета, в который вошли преподаватели. Преподаватели требуют, прежде всего, передачи всей средней школы обществу с тем, чтобы за правительством остался не надзор, а только финансовая сторона. Первое заключение комиссии — это речь Зачиняева, тифлисского педагога, который первый указал, что правительство в деле народного образования не должно иметь буквально никаких прав. Другой преподаватель, получивший повышение, г. Шенгер, председательствовавший потом на одной из самых многолюдных политических сходок союза кавказских педагогов, открыто указывает в газетах, что преподаватели стоят не на высоте, что кавказские ученики переросли программы обучения, и т. д. Не перечисляя всех постановлений этой комиссии, скажу только, что они признали необходимым уничтожить всякий внешкольный надзор за учениками, увеличить себе жалованье, право оценки деятельности преподавателей оставить только педагогическому совету, а главное — признать невозможность арестов преподавателей, в каких бы революционных кружках они замешаны ни были. Мало того, заявляя, что ученики гимназии в достаточной степени развиты, они признали

необходимым создать суд чести для учащихся. Это было начало, начало облегчения участия учеников; за сим начинается организация самих педагогов. Они признали необходимым создать союз кавказских педагогов, и самое горячее участие в создании этого союза приняли Крамаренко и Зачиняев. Все это происходило совершенно открыто под охраной попечителя кавказского округа Завадского. Первыми шагами этого образовавшегося союза было выставление целого ряда требований правительству. Они нашли, что в переживаемое время спокойно и свободно работать нельзя и ввиду этого... (*Шум слева.*) Г.г., я вас прошу или уйти, или слушать. (*Шум и возгласы: «Правильно!» Смех.*) Убирайтесь отсюда, Милюков, убирайтесь, отсюда...

Председатель. Будьте добры не шуметь. Кому угодно разговаривать, соблаговолите уйти в кулуары.

Пуришкевич. Я знаю, г.г., что это ваша демонстрация, мне на нее совершенно наплевать (*Смех слева. Рукоплесканья справа.*)

Председатель. Член Г. Д. Пуришкевич! Пожалуйста, не употребляйте нецензурных выражений.

Пуришкевич. Я говорю для центра Государственной Думы и для правых; я знаю, что слева — демонстрация, чтобы заглушить неприятные факты, документальные, которые у меня имеются перед глазами. (*Шум.*)

Председатель. Будьте добры не шуметь. Через четверть часа перерыв. (*Шум.*)

Пуришкевич. Г.г.! Я буду здесь сидеть часы. Вам тяжелее будет. (*Шум.*)

Председатель. Покорно прошу не шуметь. Позвольте закончить речь.

Пуришкевич (*стоя спиной к левой*). Союз кавказских педагогов, г.г., создан был Крамаренко и Зачиняевым, которые приняли самое горячее участие... (*Смех. Шум.*)

Председатель. Покорно прошу не шуметь, это заседание Государственной Думы, а не шутки.

Пуришкевич (*продолжает*). Союз с первых же дней своей организации вынес ряд крайне революционных постановлений. Признавая совершенно невозможным работу при тех условиях, которые создались, они требовали учредительного собрания на основах всеобщей, равной,тайной, прямой голосовки, т. е. выставили те требования, которые предъявляются с.-д. и с.-р. партиями. Союз сразу приступил, так сказать, к вакханалии, и мы впервые на Кавказе видим то, чего не видели в остальной России. Мы видим, что начинается братание преподавателей, входивших в союз кавказских педагогов, с учениками. Мы видим братание учеников одной гимназии с учениками другой, братание женских гимназий с целым рядом мужских гимназий, словом, не было той комбинации, которая не производилась бы с момента организации союза. Гимназисты, чуя, что под ними почва, видя, что во главе революционного движения стоят преподаватели, выработали целый ряд требований и стали их проводить в жизнь прямо и открыто на страницах газет. Наиболее характерны те два требования, которые предъявили ученики гимназий и даже ученики городских училищ. Я позволю себе *in extenso* привести эти требования. Учащиеся в Тифлисе выпустили следующую прокламацию под заглавием «Наши требования». Прежде всего, они потребовали свободы образования товарищеских организаций, бесплатного обучения, устранения вмешательства учебного начальства в частную жизнь учащихся, товарищеских судов, приема в учебные заведения всех без различия национальностей, права учащихся устранивать по своему усмотрению преподавателей, свободы политических и религиозных убеждений. Те же требования, но более расширенные, стали предъявлять ученики городского училища. Они нашли, между прочим, что устранение политики из школы невозможно, стали требовать товарищеского суда, содержания оборудованных библиотек при училищах, ограждение личности ученика от произвола и нагаек полиции,

а засим они требуют усиленной охраны и неприкосновенности личности учителей и учеников. Г.г., но это опять-таки единичное явление. Когда я говорил о грузинском движении, об армянском движении, я указал на то, что отдельные единицы, чувствуя себя слабыми, создавали какое-нибудь грозное революционное движение. И вот такое же грозное революционное движение было создано здесь. Кадет Степанов вчера указывал здесь на избиение, происходившее в Тифлисе, но он не указал оборотной стороны медали, а в ней-то и заключается вся суть. Учителя гимназии, подзадоренные учениками, и ученики, подзадоренные учителями, нашли невозможным продолжать занятия. И те, и другие забастовали. И вот преподаватели, в числе 500 человек, предводительствуемые учениками своими, собрались в одной из тифлисских гимназий у директора Дроблава и решили отправиться совместно к наместнику для представления целого ряда требований. При этом, чувствуя, что они вышли из сферы своей компетенции, сознавая, что деятельность их носит ярко революционный характер, они решили, однако, не уступать и, дабы обеспечить себе успех, дали тут же взаимную клятву, что будут вести дело до конца. Таким образом, предводительствуемые вожаками, все эти 500 преподавателей отправились ко дворцу наместника; но на Головинском проспекте им встретилась другая организация — патриотическая, то русское общество, которое было возмущено происходившей вокруг вакханалией. И вот в эту патриотическую организацию стали стрелять из учебных заведений, находившихся на Головинском проспекте. Тогда были вызваны казаки, идущую навстречу патриотической организации педагогическую толпу пришлось постегать нагайками. Наших правых националистов, верноподданных, расстреливали пулями из-за стен учебных заведений, а этих постегали нагайками. Но мужество их было так велико, что они, забыв клятвы свои, тут же кинулись назад, и многих нельзя было разыскать два дня, потому что, по свидетельству очевидцев, они спрятались за бурдюками с вином, откуда их вытащить было невозможно. (*Смех.*) Тем не менее, признавая свою задачу невыполненной, они решили в ближайшее время сделать то же самое. Но так как был факт наказания тех, кто стрелял в патриотическую организацию, то к первоначальным требованиям педагоги решили присоединить и другие: они постановили, что забастуют до тех пор, пока не будет произведено следствие над учинившими избиение невинных младенцев — гимназистов и пока виновные не будут наказаны. Но, не веря, что следствие при самодержавном бюрократическом режиме будет произведено беспристрастно, господа педагоги по-желали принять участие в этом расследовании, т. е. то же самое, что делалось на грузинском съезде Цицкишвили, и то же самое, что делают армяне. Конечно, выполнить их требования не могли, и г.г. педагоги забастовали. Я не буду касаться подробностей устава кавказских педагогов: устав этот, который был напечатан в местных газетах, устав этот, который видел попечитель Завадский, устав этот, которого не мог не знать наместник на Кавказе Воронцов-Дашков, — глубоко возмутителен своими революционными тенденциями, и по той характеристике, тем вступительным и объяснительным запискам, которыми он был приправлен. Для характеристики, однако, тех господ, которые собирались для выработки устава, крайне интересно посмотреть, что они параллельно с этим возбуждали и чем занимались. Целый ряд педагогов стал указывать на явление современной кавказской жизни, стал требовать проведения самых революционных идей. Так, например, при обсуждении устава педагоги часто были отклонямы в сторону учителем Гуладзе. Совещание происходило под председательством учителя Гуладзе, ныне инспектора авлабарской гимназии. Присутствовало 220 человек. Был поднят вопрос учителем Козюлькиным, который впоследствии за особые труды по революции сделался директором шушинского реального училища, о выражении сочувствия союзу почтово-телеграфных чиновников и оказании ему материальной поддержки в смелой борьбе, проявленной им с бюрократи-

ческим режимом. Г-жа Зоран, описав положение армян на Кавказе, указала на бездействие администрации и просила принять участие в их судьбе и оказать помощь в деле прекращения избиения армян. Учитель Тер-Давидянц высказал: «Выражением простого сочувствия мы мало скажем юному союзнику нашему; нам нужно перейти теперь от слов к делу; нам нужно объединиться с союзом почтово-телефрафных чиновников, нам нужно идти рука об руку с нашими союзниками, дабы постоять за себя мощным, сильным голосом, который вынуждено было бы услышать правительство».

Таковы были г.г. педагоги. Трудно допустить, что при наличии таких педагогов, при той выраженной революционной окраске, которая все более и более проявлялась в их решениях и резолюциях, нежелании работать и направлять молодое поколение, трудно было ожидать, чтоб это молодое поколение осталось совершенно спокойно. Что же делал попечитель учебного округа Завадский? Он принимал у себя на дому корреспондентов левой прессы, он сетовал на то, что устав союза кавказских педагогов недостаточно скоро утверждается, и что он надеется, что утверждением этого устава союза кавказских педагогов можно будет добиться более благоприятных в смысле учебных отношений результатов. Этого было мало. Чувствуя, что с одним уставом не сделаешь всего, они решили пойти *via bank* и вынесли целый ряд резолюций, которые покрыли свыше 400 подписями. Они решили выразить презрение слугам старого режима, они решили требовать учредительного собрания, в виду произвола правительства, они решили оказывать поддержку жертвам резни, они решили выразить полное сочувствие почтово-телефрафным забастовщикам. Учитель Зачиняев однажды указал, что этого мало; учитель Зачиняев, и сейчас находящийся у власти педагогической, рядом с другими, фамилии которых я не перечисляю, — он сказал, что между ними, преподавателями, и между социалистами-революционерами и социал-демократами нет никакой пропасти и что их задача в данный момент — идти вместе. Я повторяю, что если после всего этого можно было надеяться, чтобы их выгнали, чтоб их убрали куда-нибудь, если не заперли, то можно было бы сказать: да, революция в учебных заведениях кончилась, — но, повторяю, часть самая незначительная была при попечителе Завадском уволена, но при попечителе Рудольфе они были немедленно возвращены и получили чины, получили повышение. В это же самое время учащаяся, сознавая, что они имеют такую крупную поддержку со стороны преподавателей, стали устраивать митинги вместе с преподавателями, на которых раздавались самые революционные речи. Мало того, признали необходимым бойкотировать русскую школу и прекратили занятия, причем учащиеся собирались на горе Св. Давида и в других местах уединения в огромном количестве. Те же единицы, те несчастные русские люди из преподавателей, которые оставались верны своему долгу, были беспощадно изгоняямы, оплевывались и преподавателями, и родительскими комитетами, и учениками, которые поняли, конечно, что порвалась цепь дисциплины. На педагогических заседаниях преподавателей с родителями ученики, армяне и грузины, вызывались туда и говорили дословно следующее: «Наши родители и преподаватели — болваны. Мы сами знаем, что делать». И сплошь и рядом разгоняли заседание педагогов. Пример с законоучителем Беловидовым служит наиболее яркой иллюстрацией того, до чего дошла вакханалия в средней школе. Гимназисты стали издавать одни за другими гимназические журналы. В Тифлисе при благосклонном участии директора Гамкрелидзе стал издаваться журнал «Эхо», который я демонстрировал перед вами в прошлом году, где восторгались убийством Сахарова и других лиц, посыпавшихся государем императором для утишения смуты. В тифлисском реальном училище стал издаваться журнал «Пробуждение». Предо мною третий журнал, который издают ученики под девизом «Смерть или свобода», журнал «Борьба», № 2, 1908 г., центральный орган ученической революционной партии дашнакцутюнцев. Это

журналы, которые издавались при благосклонном участии педагогов, — сами учителя еще более революционизировали учеников, ученики от них не отставали. Здесь указывалось на то, что учитель Державин играл такую благотворную роль среди учеников. Я позволю себе указать, что одним из главных вождей революционного движения был учитель Державин, который приветствовал это революционное движение в школе, как залог единения общества с педагогическим миром, и свои статьи писал не только в революционных листках, но писал в официальном, официозном органе наместника на Кавказе, — не ссылаюсь на это и не даю более подробных сведений потому, чтобы не задерживать вас. Публистика этих педагогов длилась недолго, т. к. все революционные книги носят известный характер и за известный предел выйти не могут: они исчезают, подобно тому, как прекращено было «Былое»⁷⁶, когда не хватило материала. Державин издавал такой же журнал — сначала он печатал в официальном «Кавказе», — а затем издавал свой журнал, который назывался «Школа и жизнь»⁷⁷. Интересна была роль наместника в этом отношении. Наместник на все положительно закрывал глаза, и только тогда, когда военная среда в Тифлисе стала высказываться против той вакханалии, которая там происходила, только после того, как военная среда поставила ультиматумы наместнику, только тогда наместник стал принимать серьезные и энергичные меры и точно по мановению жезла, по мановению военной руки прекращались те безобразия — *horribile dictu*^{*}, и возобновлялись занятия в учебных заведениях. Я позволю себе указать на тот ультиматум, который издал генерал Тимофеев. Он сказал: «Если к известному сроку занятия не возобновятся, то ученики и их родители будут выдворены из пределов генерал-губернаторства». И в тот срок, и в тот день, и в тот час, когда он приказал возобновить занятия, занятия возобновлялись, но это, повторяю, делалось не по инициативе попечителя учебного округа, не по приказанию гр. Воронцова-Дашкова, а только после того, как ультиматумы ставились наместнику гр. Воронцову-Дашкову военной властью, а он являлся слепым ее исполнителем. Деятельность попечителя Лопатинского, вступившего в должность вслед за Завадским, который за свои заслуги получил звание сенатора и отбыл на покой, была не чем иным, как продолжением деятельности попечителя Завадского. Я не перечисляю отдельных фактов всех безобразий, скажу только, что к наиболее крупным фактам нужно отнести набег учеников средних учебных заведений на святыню, на Шио-Мгвимский монастырь, куда они явились совершенно хулиганами, где они разбивали утварь, где звонили в колокола, где безобразничали ночью, и в результате этого появился циркуляр, запрещающий какие-либо воспитательные и образовательные экскурсии ввиду того, что они приняли такой непристойный, такой отвратительный характер... (Голоса: «Перерыв!»)

Председатель. Угодно, г.г., продолжать? (Голоса: «Просим!» «Нет!»)

Пуришкевич. У меня, г.г., на 10 мин. еще. (Голоса: «Просим!») История тифлисского реального училища, во главе которого стоял г. Бабанский, история тоже характерная. Именно в ту минуту, когда под влиянием военной власти было предложено принять серьезные меры в реальном училище, когда предъявили самые невинные требования реальному училищу, произошел конфликт. Местное начальство потребовало, чтобы ученики реального училища готовили уроки, чтобы они посещали эти уроки, и чтобы делали письменные работы. Эти три требования, предъявленные учебному заведению, создали такой костер, который повел к полному, так сказать, развалу этого реального училища в бытность попечителем учебного округа Лопатинского. Деятельность попечителя Рудольфа, хотя он и представил опровержение части тех данных, которые у меня имеются в документах, — деятельность попечителя учебного округа Рудольфа была не чем иным, как продолжением той же

* *Horribile dictu* (лат.) — страшно сказать.

деятельности Завадского и Лопатинского. Кто такой Рудольф? Рудольф, попечитель учебного округа, был губернатором в семье Шуваловых⁷⁸, родственников гр. Воронцова-Дашкова. Не будучи ни знатоком дела, ни специалистом-педагогом, он на окраину в смутное время был приглашен по протекции Шувалова гр. Воронцовым-Дашковым и занимает по сие время пост попечителя учебного округа. Отдельных случаев в гимназиях я не перечисляю, г.г., потому что это завело бы нас, несомненно, слишком далеко. Я хочу только сказать, что тот режим, который воцарился в средних учебных заведениях на Кавказе с 1905 г., продолжается и теперь. Я хочу только сказать, что все те преподаватели, которые принимали участие в забастовках, которые их создавали, которые пускали прокламации, которые деморализовали учеников, — все они, по крайней мере $\frac{9}{10}$, и сейчас находятся на Кавказе, и все получили повышение. Если мы думаем, что на Кавказе жизнь учебная идет нормальным ходом, то мы самым жестоким образом ошибаемся.

Школы являются залогом жизни всякого народа. Если на Кавказе не будут приняты серьезные меры к оздоровлению русских школ, если на Кавказе будет продолжаться то же, то тó поколение, которое в этих школах воспитывается, оно и будет носителем того открытого революционного движения, которое у нас, несомненно, не за горами.

Я позволю себе обратиться к правым и к центру Государственной Думы с ходатайством, которое уже раздавалось с нашей стороны, принять этот запрос, предъявить его правительству, а не отклонять его.

Мы не имеем никакого нравственного права отстранять от себя те вопросы, которые выдвигаются жизнью. Мне кажется, г.г., что из всей работы Государственной Думы это самое важное — это мой личный взгляд, конечно, большинством не разделяемый, — но мне кажется, что опыт трех лет с достаточной ясностью показал нам, что если мы черепашьим ходом двигаемся в законодательстве, то все же мы можем принести громадную пользу русскому государству разоблачением тех безобразий, которые творятся на местах. (*Голос справа: «Верно!»*) Путем запросов мы можем прекратить взяточничество, путем запросов мы можем обуздать тех администраторов, которые стоят не на высоте своего долга и забывают свои священные обязанности вести полномочия, данные им русским самодержцем. Чего же мы достигли? Посмотрите сами: ведь до настоящего времени в самых крупных, серьезных вопросах защитниками интересов народа оказываются те люди, которые, в сущности, являются его врагами. Мы не можем отрицать, что те речи, которые произносил деп. Шингарев в защиту увеличения жалованья почтово-телеграфным чиновникам и другим маленьким работникам, — это были действительно талантливые речи. Но отдавать должное своему противнику это не значит еще с ним соглашаться. Но мы не должны были допустить до этого, потому что это наша обязанность, наш священный долг, потому что мы являемся здесь выразителями народных чувств, народной воли, народных верований. Мы являемся плотью от плоти русского народа, а не те господа, которые в смутное время явились в Выборг и стали подписывать выборское воззвание, призывая к восстанию и мятежу. У нас укоренился взгляд, что мы можем касаться только городовых, а тех, которые повыше, не касайся — взгляд, проводимый, к сожалению, и на страницах правой печати, на страницах «Гражданина»⁷⁹ кн. Мещерского. Глубочайшее заблуждение! В ту минуту, когда мы будем ограничивать свою сферу действий только нападками на городовых, мы — центр и правые Государственной Думы — навсегда похороним себя в глазах русского народа, нам будущего нет! Наша обязанность — начинать с верхов, как бы ни были они сильны, какие бы кровные связи ни соединяли их, как бы ни были они сплочены в отношении классовых и местных интересов. В ту минуту, как мы сойдем с этой позиции из желания угодить кому-нибудь, из страха, из боязни не коснемся того или другого сановника, который не стоит на высоте

своего призыва и губит русское дело, в особенности на окраинах, — в ту минуту мы пропали в глазах русского народа! По отношению к Кавказу это в особенности важно.

Мы не имеем права закрывать глаза на то, что будущее чревато событиями. Кто знает, быть может, когда вешние воды пойдут, мы будем вовлечены в тяжелые международные осложнения, а если мы будем вовлечены в тяжелые осложнения, то наш долг, наша священная обязанность, предупреждая малейшие вспышки грядущего мятежа, иметь на всех окраинах таких правителей, которые стояли бы на высоте своего призыва, которые обладали бы энергичной, искусной волей, которые были бы носителями идеи русского Самодержца. — В данную минуту этого нет!

Но что нам сказали кавказские Нептуны? Ничего, г.г. Ни звуком, ни словом. Опровергли ли они хоть одно из тех документальных доказательств, которые мы привели здесь? Умалили ли они значение тех попреков и обвинений, которые отсюда раздавались? Ничего: ни звука, ни слова. Они перебирали отдельные факты и устанавливали истину: мы говорили, что было убито 100, они доказывали, что 98 — это не есть оправдание! Г.г.! Мы сейчас, внося этот запрос, обсуждая его здесь, мы не должны говорить впустую. Мы должны твердо знать и крепко помнить, что если мы похороним этот запрос сейчас, то будущее больно отзовется на нас. Дай Бог, чтобы этого не было! Но я предупреждаю: снимая один запрос с очереди, снимая другой запрос с очереди, мы подрываем доверие к тому учреждению, которое их вносит, ибо каждый может сказать: они внесли, они не боялись, но потом на них повлияла, может быть, высшая бюрократия, может быть, что-либо другое — они должны были отказаться. Нам не простят. И я обращаюсь к партии центра, сидящей здесь, от которой зависит разрешение этого вопроса в том смысле, как мы желаем: г.г., поддержите кавказский запрос во имя части русского имени, во имя грядущих событий, которые разразятся несомненно, и которые больнее всего ударят вас по окраинам в то время, когда мы будем вовлечены в пыл и угар международных отношений! (*Шумные рукоплескания справа.*)

Председатель. Объявляю перерыв до $8\frac{1}{2}$ часов.

Перерыв объявлен в 6 ч. 9 м.

Заседание возобновляется в 9 ч. 3 мин. Председательствует бар. А. Ф. Мейendorff.

Лисичкин. Г.г. члены Г. Д.! Я не хотел бы с этой трибуны говорить того, что я должен сказать сейчас. Я не хотел бы с этой трибуны растревывать раны казаков, раны горского населения, и без того отражающиеся болезненно вследствие разбоев и грабежей,чинимых в Терской области разбойниками, выделяемыми горским населением. Желательно, чтобы Государственная Дума вынесла такое положение, которое внесло бы успокоение в страну и которое примирило бы между собой национальности. К сожалению, некоторые кавказские депутаты встали на противоположный путь. Между прочим, чл. Г. Д. Гайдаров позволил себе бросить упрек терскому казачеству, представителем которого я имею честь быть. Чл. Г. Д. Гайдаров обвиняет казаков в экспроприации земли у ингушей. Он говорит, что казаки дики, необузданы, он обвиняет их во враждебном отношении к горскому населению, в стремлении стереть горцев с лица земли и т. д., и т. д. По первому пункту обвинения я должен сказать, что ни казаки, ни правительство для них земли у ингушей никогда не экспроприровали: казаки купили эту землю дорогой ценой, ценой многих тысяч казачьих голов, и прежде, чем поселиться на этой земле, они сдобрали ее собственную кровью. Я должен успокоить чл. Г. Д. Гайдарова, что он у казаков земли не отберет, и казаки не уступят ни одной пяди земли. (*Возгласы «Браво» и рукоплескания справа.*) Все казачество существует уже более 300 лет; точно так же и казаки терского войска поселились на Тerekе около 400 лет назад. Земли им пожалованы царем Иоанном Васильевичем Грозным⁸⁰. Туда же переселяли казаков с Волги и Дона около 200 лет тому назад. Земля

эта укреплена высочайшими грамотами всех царей от Иоанна Грозного до настоящего государя императора Николая II. Земля эта укреплена за казаками за их верную службу русскому государству. (*Возгласы «Браво» и рукоплескания справа.*) В 40-х годах прошлого столетия поселены последние казаки в Терской области, — это сунженские. Для чего они поселены, — об этом говорит нам история. И если не знает г. Гайдаров, то я ему скажу, что они поселены в интересах русского государства, ради которого казаки, как русские люди, и приносили себя в жертву. Не сладко было и казакам бросать насиженные места внутри России и поселяться под кинжалы и пули кавказских горцев. Поэтому я нахожу, что говорить с этой стороны о казачьей земле — выше компетенции чл. Г. Д. Гайдарова. Тем не менее, г.г., я должен привести статистические данные о количестве земли, имеющейся как у казаков, — именно у тех казаков, о которых говорил г. Гайдаров, что они экспроприировали их земли, — так и у горского населения. Это будут статистические данные официальные. У терских казаков земли в Сунженском отделе имеется 8,3 десятины на душу и 1,7 — леса; у казаков других отделов немного больше, — разница более или менее зависит от годности земли. Теперь мы обратимся к статистике округов, т. е. горского населения: в Грозненском округе имеется 4 дес. на душу, во Владикавказском — 5,5 дес. на душу, в Нальчикском — 12,5, Хасав-Юртовском — 8,3. Если принять, г.г., во внимание те обязательства, которые несет казачество, то комментарии тут излишни. Как раз наоборот, я скажу, что у казаков отбиралась даже земля в пользу горцев и на другие надобности без всякого вознаграждения в пользу казаков. Я укажу на один пример; около Моздока, в так называемом участке № 141, был отобран в пользу горцев у казаков станицы Глушевская участок земли, и казаки просили вознаградить их за эту землю; правительство обещало, но это обещание так и осталось обещанием.

На следующие два пункта я скажу: в самом деле, г.г., как же не назвать казаков грубыми, как же не назвать казаков необузданными за то, что они не украли ни одной овцы у горцев!? (*Рукоплескания справа.*) И как же не назвать горцев гуманными и благородными рыцарями за то, что они ежедневно грабят и обкрадывают казаков, нападают на железнодорожные станции, на поезда, на воинские части, забирают в плен русских людей и т. д., и т. д.?!. Кто же и на кого в самом деле должен быть недоволен — казаки ли на горцев или горцы на казаков за то, что они у казаков воруют? Опять скажу, комментарии излишни; ясно, кто на кого должен быть недоволен. Но, тем не менее, г.г., казаки не обвиняют все горское население, как обвинил Гайдаров все казачество. Они обвиняют только тот разбойничий элемент, который выделяется горским населением. Казаки об этих грабежах совсем не говорят, — кроме казаков говорят все. Все сказанное г. Гайдаровым есть ни более ни менее, как желание натравить одну нацию на другую. (*Смех слева.*) Если казаки и имеют неудовольствие, то, как я сказал, к разбойниччьему элементу, который выделяется горскими народностями, и к администрации, которая так глухо идет навстречу обиженным. Что казаки не имеют никакой вражды ко всему горскому населению, это сейчас докажу г. Гайдарову. В 1905 г., когда революционная волна докатилась до нашей далекой окраины, когда армия агитаторов двинулась по всем направлениям нашей матушки Руси, часть этой армии явилась и в Терскую область. Многие отправились в казачьи станицы, а многие — в аулы горцев. Таким образом эта революционная пропаганда стала известной и у нас. Казаки очень плохо поддавались на эту удочку, но горское население, если и не поддавалось, то верило, т. к. агитаторы всегда старались говорить казакам, что горцы хотят напасть на них, что 40-тысячная армия придет брать георгиевский артиллерийский склад. Эта армия ежедневно возрастала и дошла до 70 000. Казаки не верили этому; но горцы, когда им говорили, что на них хотят напасть казаки, этому поверили. И вот казаки собрались на съезд, и на этом съезде вот что они постановили. На этом съезде было

поставлено очень много таких вопросов, чисто того времени, которые выдвинуло это революционное движение, и, между прочим, они сделали обращение к горцам. Первый пункт их постановлений, — так называемых червленских казачьих съездов, — говорит: «Объявить, что казаки с признательностью принимают Высочайший манифест 17 октября 1905 г. и полагают достигнуть коренного переустройства государства не мятежами и насилием, а мирной законодательной работой Государственной Думы, скорейшего созыва которой они ожидают с нетерпением. (*Возгласы «Браво» справа.*) Казаки непоколебимо верят слову государя о возвещенных преобразованиях и не сомневаются, что все дарованное будет осуществлено во всей полноте. Мятежи и волнения, по мнению собравшихся, не только не способствуют осуществлению обещанных свобод, но, наоборот, удаляют наступление всеми желанного момента. Съезд признает, что, пока не выработан новый закон, старый должен действовать, а потому казаки будут исполнять существующие законы и не согласны служить делу анархии». Затем дальше касается горского населения. «Казаки призывают всех верных сынов родины и истинно любящих благо отечества к благородству и осмотрительности, к утищению уличных мятежей, народных волнений и смуты, т. к. это делает невозможной никакую мирную законодательную работу, связанную с установлением нового порядка в государстве, всеми казаками с нетерпением ожидаемого». — Это, г.г., писали необузданые люди. — «Казаки протестуют против выделения целых обширных областей в отдельные автономные единицы, над собираением которых в течение целых тысячелетий трудился русский народ, а в том числе и казаки, как верные стражи окраин России». А вот по отношению к горцам 4 п. этого постановления говорит: «Заявить путем печати и через начальников округов и участков, что среди казаков нет никакой острой вражды к мирному туземному населению, и что казаки не готовятся ни к каким насильственным действиям. В распространенных газетных сообщениях и слухах нет никакой правды; в них съезд видит недостойное желание возбудить вражду между чеченцами и заронить искру братоубийства. Казаки не хотят крови, не хотят горя, возмущений, нападений и убийств; казаки принимают меры против этих злых деяний и лиц... Съезд призывает к умиротворению; он приглашает горцев подать братскую руку, чтобы сообща выработать меры к успешной борьбе и жить в мире и согласии». Вот, что писали те дикие казаки, о которых г. Гайдаров позволил себе распространяться.

Ну, что же мы видим после этого? Вот за это стремление казаков к мирной, братской жизни с туземцами они нам отплачивают грабежами и убийствами. Грабежи и убийства, конечно, продолжались со временем кавказской войны, но особенно они усилились в то время, когда казаки были мобилизованы во время японской войны. Я должен обрисовать картину жизни казаков и другого русского населения Терской области. Благодаря этим грабежам и убийствам, казаки и прочее русское население до сих пор обрабатывают свои поля не иначе, как с оружием в руках, как было в то время, когда завоевывался Кавказ. Они выезжают на поля с восходом солнца и возвращаются с полей до захода солнца, ибо всякий рискнувший остаться в поле за это время делается жертвой разбойников-горцев. Переезд из одного селения в другое является немыслимым, потому что всякий рискнувший несомненно будет ограблен или убит. Дерзость разбойников дошла до того, что они нападали в больших, в многолюдных городах на магазины почти днем и разграбливали их. Вот я доложу вам, что во Владикавказе был ограблен магазин золотых и серебряных вещей Шихмана и магазин Русецкого, а в Грозном — магазин Ванштейна; при этом были человеческие жертвы. В 1907 г., во время маневров частей войск под г. Владикавказом, разбойники-ингуши напали на секрет солдат и убили нескольких человек. Солдаты, конечно, не могли им сделать ничего, потому что солдаты на маневрах бывают с холостыми патронами. А вот вам, г.г., картина 23 января настоящего года: партия ингушей в

15–20 чел. ограбила во Владикавказе станцию владикавказской ж. д., где было ограблено 16 800 рублей, в 2 час. ночи. Это вот уже, г.г., недавно. Я уж не говорю о том, — это, кажется, всем, г.г., известно, — сколько было взято в плен русских людей на Кавказе. Кто же их брал в плен: казаки? Брали все горцы. Последнее пленение было Кошелева, в октябре месяце. Отец плененного Кошелева сказал, что он не даст ни одного сантима, лучше пожертвует своим сыном, чтоб отучить этих горцев-разбойников от желания получать выкупы. На этом стал и нынешний ваш начальник области, генерал-лейтенант Михеев, который, вместе с тем, по донесению некоторых горских лазутчиков и указанию на два селения, где должен был томиться в яме этот Кошелев, поставил там войска, и Кошелев в январе месяце был выдан без всякого выкупа.

Чл. Г. Д. гр. Бобринский читал вам выдержки из прошения, поданного наместнику его императорского величества на Кавказе от уполномоченных казачьих станиц Терской области о тех грабежах и убийствах, которые производятся в Терской области; но он вам не привел те статистические данные, сколько уворовывается у нас скота в Терской области. Вот в 1904 г. уворовано 6 319 штук лошадей и крупного рогатого скота; переведя это на деньги, полагая только по 30 р. за каждую голову уворованного скота, получается около 200 000 руб. Теперь я вам приведу те же данные, самые новейшие, за 1907 г. И вот в 1907 г. — это «Терский календарь» на 1908 г., — украдено 1 789 штук лошадей и 1 786 голов рогатого скота, — всего лошадей на сумму 128 414 р. и рогатого скота — на сумму 82 618 руб. (Голос слева: «*А у нас меньше воруют?*»)

В своей речи г. Гайдаров позволил себе сказать, что казаки налагают на горцев штрафы; он даже привел сумму этих штрафов в размере 50 000 р. Я категорически заявляю, что это вздор, что это неправда. Казаки особого государства собой не представляют; они живут под сенью русских законов, являясь строгими исполнителями их; никаким штрафам горцев они не подвергают, не имея права этого делать. Если, может быть, какие-нибудь штрафы налагались на туземцев, то они налагались администрацией: генерал-губернатором, областным управлением, но ведь эти учреждения не являются чисто казачьими учреждениями; они управляют всей областью, в которую входят на одинаковых правах как русское, так и туземное население; и если штрафам кто-нибудь подвергается, то, независимо от принадлежности к тому или другому сословию, к той или другой национальности, это происходит в силу военного положения, которое действует в настоящее время в Терской области. Если г. Гайдаров под штрафами понимает взыскание с туземцев вознаграждение за грабеж скота, то ведь такого рода штрафы налагаются судом, но никак не казаками. Вот почему я еще раз должен сказать, что такие обвинения суть вздор и неправда. Чл. Г. Д. Гайдаров силялся нам доказать, что администрация благоволила к казакам и отрицательно относилась к горцам. Я должен заявить, что администрация одинаково относилась как к тем, так и к другим. А если не было покровительства ни тем, ни другим, то это только указывает на то, что обе эти стороны находились в одинаковых условиях. Я хочу вам еще сказать, что после того как казаки издали возвзвание, в котором они призывали к миру горцев, состоялся общий съезд казаков и горцев. Я прочитаю вам выдержки протокола съезда, состоявшегося 20 января 1906 г. в станице Червленной. На совещании присутствовали уполномоченные от казачьих станиц и от чеченских народностей; списка казаков я не буду приводить: этому всякий поверит. Но я приведу список участников на этом съезде чеченцев-горцев. На съезде присутствовали Гаирбек Сулчиров, Магома Хамиев, Эртухан Давлетукаев, Шугаип Дакаев, Мусса Курумов, Таштемир Эльдарханов, Абубакар Бархаматов, Песа Акбулатов, Керим Хакимов, Заур Гисаев, Чока Чокуев, Изнаур Даутов, Хасу Абдул-Азиев, Музга Хаджи Ялыrsaев, Гандор Себиев, Эти Яндаров, Селим Керимов, Хаджи-Мурат Ильясов. На этом съезде пришли к нижеследу-

ющему заключению (*читает*): «В настоящее смутное время рознь между чеченским и русским народом опасна, вредные люди могут воспользоваться ею, пустить недобрые слухи и сильно ухудшить положение как тех, так и других, а может быть и вовсе причинить неисчислимые бедствия. Главными корнями розни между двумя народами до сих пор служили и служат воровства, грабежи и убийства, чинимые чеченскими и местными порочными людьми, ворами и абреями», — как видите, о казаках ни слова. «Казаки указали, что борьбу со своими местными ворами они принимают на себя и в этом содействие чеченского народа не просят; но они просят чеченский народ принять меры к искоренению главного зла, чинимого со стороны туземцев, и в этом отношении оказать казачьему народу защиту от своих зловредных сочленов. Чеченцы высказали, что от казачьего населения воровства и грабежей они не терпят и к казакам в этом отношении вражды не питают, но что они такие же бедствия, как и русские, терпят от тех же порочных своих сочленов, воров и абреев, что чеченцы сознают все великое зло, чинимое их злыми лицами казакам, и что они рады были бы как в своих собственных интересах, так и в облегчение казаков, страдающих от грабежей и воровства, принять против злоумышленников самые строгие и суровые меры». Как видите, г.г., на этом мирном съезде чеченцы не обвиняют казаков ни в убийствах, ни в грабежах, как об этом позволил себе сказать чл. Г. Д. Гайдаров. Но какие же меры принимались против искоренения грабежей? В то время, когда главноначальствующим на Кавказе был кн. Дондуков-Корсаков, он издал временные правила, согласно которым каждое воровство влекло за собой выдачу вора населением. Аулы, конечно, выдавали грабителей, выдавали уворованный скот, а если они не хотели отдать скот или выдать своего сочлена, то они платили убытки, которые понес потерпевший вследствие совершенного воровства. После принятия таких мер кражи некоторым образом сократились, но как только меры эти были прекращены, кражи вновь возросли до поразительных размеров. Теперь я отвечу чл. Г. Д. Гайдарову на его замечание, будто казакам покровительствовала областная администрация. Я нарисую вам такую картину: на то прошение, на которое ссылался чл. Г. Д. гр. Бобринский и на которое и я отчасти ссылался, на прошение, поданное в 1905 г. наместнику на Кавказе, никакого ответа не получено. Жители станицы Аки-Юртовской обратились с просьбой к генерал-губернатору Колюбакину, прося защитить их от воровства и грабежей, но жалоба эта была признана коллективной и, следовательно, не допускаемой законом. Тот, кто первый докладывал генерал-губернатору о том, что они пришли жаловаться, был разжалован из урядников и посажен в тюрьму; несколько человек были выселены из области. Я приведу вам еще один случай: казак станицы Кохановской обратился с просьбою о преследовании вора, укравшего у него пару быков, к начальнику области генералу Колюбакину, причем сказал: «Ваше превосходительство, у меня украли последнюю пару быков». Что же ему на это ответил генерал? — «Только одну? Мало!», а затем повернулся и ушел. Такое отношение, само собою разумеется, обостряло взаимное столкновение горцев и казаков. Атмосфера сгущалась; она должна была как-нибудь разразиться. И вот она разразилась так называемым знаменитым Карабулахским столкновением казаков с ингушами. Об этом столкновении нам здесь говорил чл. Г. Д. Гайдаров, но он осветил его односторонне, он осветил его в пользу ингушей. На самом деле было не так, как он говорит. Правда, в станице Троицкой какой-то ингуш был убит в огороде. Он ездил нанимать рабочих, по словам чл. Г. Д. Гайдарова, и как-то забрался в огород. Кто его убил, Бог знает. Но вот после этого убийства жители с. Яндырки, к которому принадлежал этот ингуш, вместе с жителями соседних аулов, в числе около 4 000 человек, вооруженные с ног до головы берданками и трехлинейными винтовками, при полном запасе боевых патронов, приступили к Карабулахской станице, т. е. к станице, находящейся вблизи от Троицкой станицы.

Эти ингушки засели под этой станицею и открыли по ней огонь. Жители Карабулахской станицы сейчас же по телефону сообщили соседним станицам. Казаки, конечно, явились на выручку своих же братьев. Из станицы стали отстреливаться. Стрельба продолжалась около суток, пока не приехало начальство. Генерал Суровцев, атаман Сунженского отдела, в состав которого входили казачьи станицы, стал на сторону ингушей; он стал обвинять казаков, но за это бабы-казачки его хотели побить палками, и он убежал. Но вот приехал генерал-губернатор, а затем были вызваны войска. Чл. Г. Д. Гайдаров заявил, что среди этих войск были казаки. Да, они там были, но были строевые казаки; однако, им было приказано не вмешиваться. Казакам было больно смотреть, как громили их братьев, их отцов, но все же в дело они не вмешивались. Правда, когда сотник, командир, под каким-то предлогом уехал из лагеря, молодой офицер, оставшийся вместо него, зашел во фланг горцев и заставил их отступить, но без выстрелов. Офицер этот впоследствии получил нахлобучку. После того, как были вызваны войска, т. е. несколько частей пехоты с пулеметами, пулеметы эти были направлены на казаков, и только благодаря счастливой случайности пулеметы впоследствии были обращены на ингушей. Ингушки же открыли по войскам огонь, вследствие чего были убиты урядник и несколько пехотинцев. Такие поступки вызвали естественно распоряжение открыть огонь по ингушам, которым их заставили уйти из станицы. Несколько ингушей было убито и несколько ранено. Вот как происходило это дело. Но я напоминаю вам, г.г. чл. Г. Д., что во время этого столкновения ингушки были в полном вооружении; они были вооружены оружием новейшего образца, при полном запасе боевых патронов. Я бы еще мог рассказать вам, да не хочу вас, г.г., задерживать. Я стою на совершенно другой точке зрения, чем г. Гайдаров. Что бы у нас ни происходило, мы надеемся, что Государственная Дума выразит пожелание умиротворить враждующие стороны. Наряду с теми мерами, к которым нужно прибегнуть для этого умиротворения, просвещение для горского населения Терской области является существенной мерой. Я должен сказать, что дикость нравов там доходит до поразительных размеров; так, там еще существует кровавая месть. Чтобы жениться, всякий горец должен купить себе жену, иначе за него ни одна девушка не пойдет, а чтобы купить жену, он должен иметь средства. Бедный человек там непременно должен добывать себе средства воровством и грабежом. Для искоренения этого зла интеллигенция чеченцев и горцев хотела повлиять на существующие там дикие нравы, но это никак не помогло; для того, чтобы искоренить эти дикие нравы, чтобы искоренить кровавую месть, необходимо ввести просвещение, преследовать просветительные задачи. Среди горского населения нет ни одной школы. Деп. Гайдаров справедливо сказал, что даже медицинской помощи нет там. Дороги находятся в таком диком состоянии, что многие места можно только пройти пешком. Наряду с просвещением необходимо ввести целый ряд других культурных мер в эту область. В заключение своей речи я не могу не остановиться на сказанном другим депутатом кавказцем, Гегечкори. Он позволил себе бросить обвинение на все казачество. В той местности, о которой говорил деп. Гегечкори, были два кубанских полка. Может быть, казаками этих полков и были совершены те преступления, о которых говорил деп. Гегечкори, — я не могу отрицать этого, потому что не имею на это данных, — но я считаю достаточным опровержение помощника наместника на Кавказе, г. Мицкевича. Я, с своей стороны, скажу, что мы не имеем права отнести это ко всему казачеству, потому что оно не может быть ответственным за отдельные преступления. В доказательство я приведу вам статистику преступности, статистику судимости казаков, которая не отличается особенно поразительными цифрами. Вот, что говорят нам эти статистические данные: в 1907 г. в окружном суде на 210 000 человек населения судилось 75 человек казаков, других же сословий судилось 688 человек, т. е. в казачьем сословии один случай судимости приходится

дился на 2 804 человека, а в других сословиях один случай судимости на 1 258 человек. В мировых судах казаков было осуждено 479, других сословий 6 286 человек. Конечно, тут львиная доля принадлежит туземцам: один случай судимости на 251 человек казаков и один случай на 155 человек других сословий. Теперь я скажу вам, сколько сидит в тюрьмах казаков и сколько лиц других сословий. Казаков на 210 000 человек — 94, т. е. на каждые 2 237 человек в тюрьме сидит один, а лиц других сословий — на 100 000 человек сидят 1 134, т. е. на каждых 764 человека — один. Из этого ясно, насколько дики и необузданны казаки. (*Рукоплескания справа.*)

Чхеидзе. Г.г.! Вы изволили видеть, что авторы запроса исчерпали весь арсенал... (*Голоса справа: «Нет, нет! Не весь еще!»*) ...весь арсенал той лжи, инсинуаций, клеветы и грязи, которыми они в продолжение целого месяца обливали кавказское население. Мы вам возражать больше того, что возразили, не будем. Я хочу только сделать некоторое разъяснение и подвести итог всему тому, что говорили вы.

Основная мысль, которую вы нам доказывали за все это время, заключается в том, что кавказская администрация никуда не годится. На это совершенно основательно сегодня товарищ мой по фракции Гегечкори сказал, что не нам оспаривать эту мысль, мы обеими руками подписываемся под этими приговорами, мы давно об этом говорили и будем говорить; но, мало этого, характерно то, что вы стараетесь как-нибудь изолировать совершенно кавказскую администрацию, как будто она не похожа на администрацию у вас в Москве, в Петербурге и в других местах. Это, г.г., фальшь: кавказская администрация составляет часть того механизма, который называется бюрократией, она, эта кавказская администрация, — плоть от плоти и кровь от крови той бюрократии, перед которой вы преклоняетесь. Следовательно, проводить разницу, по моему мнению, нет никакого основания, а если это так, то надо идти дальше в выводах: если не годится кавказская администрация, то не годится весь тот механизм, часть которого составляет эта самая кавказская администрация, следовательно, весь этот механизм давно пора сдать в архив. (*Рукоплескания слева и возгласы «браво».*) Но мало того, г.г., надо пойти дальше в выводах. Ведь эта администрация, г.г., эта бюрократия, это правительство — ваше... (*Голоса справа: «А ваше?»*) Ведь оно на вас опирается, следовательно, будучи логически последовательным, надо разрушить этот самый фундамент, который вы представляете... (*Смех. Рукоплескания слева.*) Следовательно, вас и всю вашу администрацию надо сдать в архив (*шум*) поскорее. Вот, г.г., по моему мнению, что вы доказали, между прочим, — самое ценное, что вы говорили за все это время... (*Голоса: «Правильно»; смех.*) Засим я позволю себе перейти к отдельным речам отдельных ораторов из г.г. правых. Скажу, конечно, прежде всего, о г. Пуришкевиче, так как ему принадлежит приоритет в этом отношении, среди вас, конечно. Прежде всего, я должен констатировать одно обстоятельство. Г.г., сегодня здесь г. Пуришкевич читал какую-то прокламацию, якобы эта прокламация принадлежит собранию социал-демократических организаций; я заявляю с этой трибуны, г.г., что это есть чистейшая ложь... (*Голос справа: «Еще бы».*) И я утверждаю, что если таковой документ существует, то это принадлежит или самому Пуришкевичу, или же патриотическому русскому обществу в Тифлисе. Я это категорически утверждаю. Никогда ни одна социал-демократическая организация не могла издать такой прокламации, которую вам читал здесь г. Пуришкевич... (*Голоса справа: «Докажите, как вы докажете это!»*) Вам это надо доказать? Но позвольте посмотреть, откуда это? Надо вам сказать, что все резолюции, которые у нас принимаются в наших организациях и комитетах, они публикуются в наших социал-демократических органах... (*Голоса справа: «Подпольных»*) ...так что, если вам угодно доказать, что это есть правда, позвольте посмотреть, что она из себя представляет, написано ли там то же самое, что читалось сегодня здесь г. Пуришкевичем... Затем,

вообще, г.г., по поводу того, что говорил деп. ... виноват, — г. Пуришкевич (*смех*), я должен сказать, что я, по крайней мере, пришел к одному заключению: ему мерещатся всюду кровь и разрушение; он видит во всем опасность; мне кажется, что он подчас видит опасность для себя в самом себе, в своей собственной персоне. (*Смех слева.*) Вообще, я должен сказать, что всем тем, что говорил здесь Пуришкевич, мне кажется, он поставил один вопрос: как быть с тем членом Государственной Думы, который не совсем здоров и которого надо лечить?

Председательствующий. Прошу вас от личных вопросов перейти к делу.

Чхеидзе. Дальше я скажу несколько слов относительно речи г. Павловича. Г. Павлович установил или пытался, по крайней мере, установить разницу между революционным движением в России и на Кавказе. Он говорил: «Есть, г.г., два существенных пункта, которыми разнится революционное движение внутренней России с одной стороны и на окраинах, в частности, на Кавказе, — с другой. Эти две разницы заключаются в следующем: на окраинах захватам, хищениям, грабежам подвергается, прежде всего, достояние государства». Как будто г. Павлович не слыхал всего того, что говорил, между прочим, я с этой кафедры. (*Смех справа.*) Я ему доказывал, что имущества и государственные, и частные подвергались хищению на Кавказе в продолжение целого века самой администрации. Если бы г. Павлович выслушал то, что было сказано, он этого вопроса не поставил бы. Ему категорически на основании документальных данных было доказано, что эти хищения как государственного добра на Кавказе, так и народного блага, и народного труда, в продолжение века производились администрацией посредством самой явной экспроприации. Ни единым словом никто из г.г. правых мне не возразил на те факты и на те данные, которые я приводил в доказательство своего положения. Вторая разница, приведенная г. Павловичем, по его словам, заключается в том, что, когда под напором революции зашатались устои государства, когда почувствовалась возможность его падения, когда из самых недр государства появилась сила, противодействующая революции, то на окраинах эта противодействующая революции сила рекрутировала свои ряды исключительно из русского населения, а революционная сила рекрутировала свои ряды исключительно из туземцев. Я спросил бы г. Павловича, откуда он делает такое заключение, какие у него на это данные? Я должен сказать, что в одном отношении я утешу г. Павловича и скажу: вашего брата, который борется до сих пор против всякого освободительного движения, который давно стал в ряды реакции, к несчастью, для меня, по крайней мере, есть и у нас довольно. (*Голоса справа: «Кого?»*) Вашего брата. Есть и среди грузин, к сожалению, есть и среди армян, к сожалению, и среди мусульман — так что это вам в утешение, г. Павлович. Что касается до того, что реакционеры рекрутировались на Кавказе из русских, это, г.г., клевета, и если вы не верите, пожалуйте на Кавказ, побывайте в Батуме (*Голос справа: «Мы боимся, вы нас зарежете».*)

Чхеидзе (*обращаясь направо*): «Таких не режут». (*Смех.*) Так я говорю, что это неверно. Вы клевещете на хороших русских людей на Кавказе, которых немало. Попробуйте побывать в Батуме, в Тифлисе, в Баку, и вы найдете, что нашего брата из русских там немало, мы с ними шли рука об руку во время освободительного движения, и будем идти сплошь до того момента, пока не достигнем своей цели. (*Рукоплескання слева. Голос справа: «Со Старосельским».*) Далее говорит г. Павлович: «В то время как в России мы достигли хотя какого-нибудь успокоения, на Кавказе, несмотря на то, что разливающаяся там до сих пор кровь, которая всегда замалчивалась оппозиционными газетами, несмотря на то, что после речи деп. Пуришкевича...» и т. д., и т. д., — таким образом, выходит, что г. Павлович достиг успокоения. Я должен его успокоить и сказать, что он никакого успокоения не достиг, и ни в России, ни на Кавказе, ни в Польше, ни в Прибалтийском kraе, ни в Сибири вы

никакого успокоения не достигли. Да и мудрено было успокоиться. Что же вы собственно дали народу, чтоб он мог успокоиться, я вас спрашиваю? Ничего абсолютно. Нет, г.г., вы не успокоения достигли, а вы сумели механически подавить — это верно. (*Шум справа.*) Да, но я говорю, что этому быть недолго, так что и в этом отношении делать разницу между Кавказом и центром, по-моему, совершенно произвольно, хотя это может быть и приятное для г. Павловича обобщение. Далее г. Павлович говорит: «Теперь, милостивые государи, да будет мне позволено сделать сравнение между нашим государством и западно-европейскими государствами». Да, несмотря на все мои советы, никак они не могут отучиться от этого сравнения (*смех справа*), хотя каждый раз это сравнение не в их пользу. И вот я сейчас вам докажу. (*Смех.*) Г. Павлович говорит: «Теперь, милостивые государи, да будет мне позволено сделать сравнение между нашим государством и другими государствами, где также существуют обостренные отношения между отдельными национальностями. Возьмем Пруссию, где существуют известные отношения между немцами и поляками, возьмем Британскую Индию, где индусы ненавидят англичан; представьте себе, напр., в Познани, чтобы поляки стали убивать одного за другим членов какой-нибудь немецкой патриотической организации, которые там существуют во множестве и деятельность которых гораздо активнее, чем деятельность русских патриотических организаций. Смею вас уверить, что в Германии это вызвало бы негодование». Г.г., я вас спрашиваю: если бы в Германии учинили такие погромы, как вы учинили в продолжение этого периода, что же вы думаете, было бы это мыслимо там? Я думаю, что нет. Я не восхваляю ни правительство в Германии, ни ваших собратьев, которых там довольно много, тем не менее, я скажу, что такие погромы, которые вы учинили в продолжение нескольких лет, — там немыслимы. Я спросил бы, между прочим, г. Павловича: мыслимо ли это в Германии или нет? Здесь г. Павлович, между прочим, указал разницу между русской социал-демократией и германской социал-демократией. Я спрошу г. Павловича: мыслимо ли даже в Германии в настоящее время, чтобы за одну принадлежность к социал-демократической партии ссылали на каторгу? (*Голоса справа: «Нельзя ли к делу?»*) Если это не дело, то это, прежде всего, надо было заметить г. Павловичу, который тут целый час говорил. Далее, мыслимо ли, чтобы вице-король Индии в английском парламенте зарегистрировал сотни убийств англичан в течение целого ряда лет потому только, что их политические убеждения коренным образом расходятся с мнением индусских сепаратистов? Я спрашиваю вас, господа, представьте себе такое положение, что в английском парламенте депутат рассказывает ту же самую историю, какую рассказал вам здесь относительно насилий сотоварищ мой по фракции, деп. Гегечкори, хотя это, конечно, в Англии невозможно. И вот, представьте себе, что в английском парламенте был бы депутат, который так бы отнесся к тому ужасному факту, как... кажется, он здесь сидел... я его не вижу... деп. Половцов. Я думаю, что это немыслимо. Да, господа, многое мыслимо в России, что немыслимо ни в Германии, ни в Англии, ни даже в пустыне, как говорили здесь. И то, что мыслить невозможно, это принадлежит, прежде всего, вам. (*Голоса справа: «Валяй, валяй».*)

Марков 2-й (с места). Он похож на Савонаролу.

Чхеидзе (*продолжает*). Затем Павлович ставит такой вопрос здесь: «Кавказская власть, как видно, — говорит г. Павлович — решила решить аграрный вопрос на Кавказе по рецепту оппозиционных партий, я только не вижу, — по рецепту ли трудовиков или по рецепту кадетов». На это я, господа, не могу вам ответить. Что же касается социал-демократов, то я думаю, что г. Павлович знает, каким образом социал-демократия решает этот вопрос. А если он не помнит, то может прочесть нашу программу, где он увидит, как мы желаем решить аграрный вопрос. Что же касается наших действий в пользу осуществления вопроса, то я могу здесь смело заявить, что мы осуществить его будем стремиться

всеми силами. Далее г. Павлович говорит: «Так как о сепаратистах ни в одном из трех пунктов, вопреки уверению Чхеидзе, не говорится, то, следовательно, это длинное введение с его стороны было не чем иным, как ответом на те, если неясные, то упорные в обществе слухи о сепаратистских подготовлениях на Кавказе, которые происходят в течение вот уже более двух лет. И вот кавказская власть отвечала на эти слухи уверением, что все обстоит благополучно». Г.г.! когда я слышал эти уверения, то мне припоминался другой наместник, на другом конце России, не менее важном, чем Кавказ, который в ответ на упорные, но неясные слухи о том, что в том крае имеет разразиться военная буря, доносил, что «все обстоит благополучно». Очень хорошо, господа, вспомнил, и кстати вспомнил г. Павлович это самое событие. Ваш Алексеев и его компания там сумели создать все условия для того, чтобы вызвать эту самую русско-японскую войну. Теперь вы, господа, всеми мерами стараетесь привить и расширить, насколько это возможно, тот самый сепаратизм, о котором вы здесь так много говорили. Я вам скажу, что мы со своей стороны все сделаем и впредь будем делать, чтобы солидарность между всеми национальностями в России не только не ослабевала, но чтобы росла. Я вам должен сказать, что в России завязался чрезвычайно сложный исторический узел, и если в силу каких-либо обстоятельств ваша пропаганда сепаратизма будет идти так, как она идет теперь, может статься, что та механическая сила, благодаря которой до сих пор соединяются все части России, не в состоянии уже будет удержать единство России, и лопнет, знаете, тот самый обруч, о котором с этой трибуны очень горделиво говорил председатель Совета министров. (*Голос справа: «У вас на голове скоро лопнет обруч».*) И если, господа, этот обруч лопнет, то с таким треском, что вы не только оглохнете, но, быть может, и ослепнете. (*Рукоплескания слева.*) Далее я позволю себе сказать несколько слов относительно того, что докладывал здесь г. Тимошкин. Он почему-то думает, что мы на Кавказе против русского чиновничества; он никак не может подняться в понимании вещей настолько, чтобы согласиться с тем, что для нас совершенно безразлично, будет ли чиновник из грузин, будет ли он из обрусевших молдаван или из крещеных евреев. Для нас это безразлично. И мы, если ему уж так угодно, его попечениям и его заботе поручаем всех чиновников на Кавказе и из грузин, и из армян, и из мусульман — всех национальностей. Это ваше достояние, ваше добро, вы можете с ним возиться и нянчиться. (*Рукоплескания слева.*)

Затем позвольте мне перейти к сказанному г. Марковым. Чего, собственно, хотел Марков? Чтобы ответить на этот вопрос, я несколько подробнее коснусь того, что он говорил. В одном месте своей речи он изволил сказать так: «Мир разинул рот от удивления, когда узнал о тех мерах борьбы с террором и революцией, которые проводил в начале своей деятельности мудрый граф Воронцов-Дашков. Во всем мире не было примера, чтобы наместник царствующего монарха, уполномоченный совершать все в пределах власти и закона, в минуту государственной опасности, в то время, когда государство поражалось ударами крамолы и когда русские люди убивались сотнями тысяч, вооружал крамольников берданками и русскими патронами». Здесь, г.г., идет речь о том, что гр. Воронцов-Дашков в 1905 г. выдал несколько сотен ружей социал-демократии. Об этом факте говорили не раз и не два раза, при нем его приводили в доказательство того, что гр. Воронцов-Дашков — настоящий республиканец, настоящий революционер. Действительно, с первого взгляда это может казаться вполне доказательным. Что в настоящее время социал-демократия стоит во главе революции, вам это известно, а также и то, какие требования мы предъявили на Кавказе. Мы требовали образование социал-демократической республики, требовали созыва всенародного учредительного собрания... (*Смех справа.*) Это было отлично. Чего вы смеетесь? Мы это помним и теперь. Мы об этом не забыли. (*Смех справа.*) Позвольте, г.г.! Наместник не мог об этом не знать. И вот, как раз в такое время наместник выдает

ружья социал-демократам. Действительно, это поразительное доказательство того, что сам гр. Воронцов-Дашков стоял во главе революции на Кавказе. Я имел честь уже вам докладывать, что гр. Воронцов-Дашков куда умнее ведет ту политику на Кавказе, которой вы добиваетесь. И я сейчас вам это докажу. Ведь, вам известно, г.г., что как раз в те дни, когда были выданы ружья, в Тифлисе готовилась армяно-татарская резня. Татары подходили уже к Тифлису... (*Возглас справа: «Привокация!»*) Именно, вы угадали и предвосхитили мою мысль. Ведь если Воронцов-Дашков хотел подавить резню, то что ему мешало? Что, у него войска не было? Патронов не было? Все было к его услугам. А между тем, он прибегает к помощи социал-демократов. (*Возглас справа: «Он был провокатор!»*) И вот с какою целью: надо было втянуть в это дело еще третью национальность на Кавказе — грузин. И так как он отлично понимал, что среди грузин с.-д. пользуются наибольшим влиянием, то он и выдает ружья с.-д. для того, чтобы в этой свалке они допустили какую-либо нетактичность, что могло бы повлечь за собою вовлечение в это дело и грузин. (*Возглас справа: «Значит, он провокатор!»*) Я вам должен сказать, что против этого я ничего не возражаю; только присоедините к этому то предательство, в котором вы его вчера обвиняли с этой трибуны. Г.г., получились результаты не такие, на которые рассчитывал гр. Воронцов-Дашков. Социал-демократия в течение нескольких дней стояла среди двух враждующих национальностей: с одной стороны — татар, с другой — армян, и несколько человек из грузин с.-д. были убиты. Я говорю, что результаты получились не те, каких добивался гр. Воронцов-Дашков, и социал-демократия действительно доказала всему кавказскому населению, что она искренно желает братской любви и примирения между всеми национальностями на Кавказе. Если такой результат получился, господа, то не благодаря целям и задачам, которые преследовал наместник, а — тактике социал-демократии. Вот весь секрет, г.г., всей этой истории, и теперь вы можете судить, насколько верно и насколько справедливо освещали это событие авторы запроса.

Марков 2-й (с места): «Вот спасибо, разъяснили!»

Чхеидзе (продолжает). Г. Марков очень много вчера говорил, как и все его единомышленники, относительно сепаратизма. Он указывал, что грузины требуют автономии, грузинское духовенство — автокефалии, и т. д. Г.г., мы надеемся, наступит время, когда мы поговорим с этой трибуны, что нужно для того, чтобы свободно развивали свои способности, духовные и материальные силы все проживающие на Кавказе национальности. Нужна ли им автокефалия, нужна ли им автономия, нужна ли еще какая-либо другая форма, — мы об этом вам скажем в свое время. Теперь я вам должен сказать, что деп. Марков очень грозно вчера заявил, что перед величием России должны пасть ниц... он сказал это, обращаясь к нам. (*Голоса справа: «Правильно».*) Я вам должен сказать, что тут получилось большое недоразумение с г. Марковым. Нам, г.г., незачем падать ниц перед величием России, а наоборот. (*Смех справа, шум.*) Я говорю, что для кавказских национальностей величие России есть одно из существенных условий для того, чтоб эти национальности могли развить все свои духовные и материальные силы. (*Рукоплескания слева, возгласы: «Браво, верно!»*) Что же касается, г.г., вас, то с категоричностью могу утверждать, что прогресс России, ее успехи являются именно залогом скорой вашей кончины (*Голос справа: «Пошел вон! Смех. Рукоплескания слева и возгласы «Браво!»*) Какую сторону русской жизни вы ни переберите, какие угодно требования русского народа вы себе ни представьте, скажите: и может ли хоть одно из этих требований народа осуществиться, чтоб оно не послужило вам во вред? Таких требований, г.г., нет. Следовательно, не нам падать ниц перед величием русского народа, а вам. (*Рукоплескания слева, голос справа: «Мы сами — Россия».*) Большая разница между Россией и вами. И вот, господа, чтобы это величие скорее наступило, мы предложим вам на этот раз маленькую вещицу...

(Голос справа: «Бомбочку?») Следующий переход к очередным делам: «Принимая во внимание: 1) что авторы запроса ставят целью создать на Кавказе условия, наиболее подходящие для полного торжества реакции; 2) что в данный момент одним из таких условий является усиление, практикуемое на этой окраине, вековой политики правительства — разжигание национальной вражды и систематической борьбы со всяким стремлением кавказских национальностей к свободному национальному самоопределению; 3) что с этой целью авторы запроса совершенно извращенно рисуют жизнь кавказского населения, приписывая ему стремление осуществить идею несуществующего сепаратизма и уличая его в измышленной самими же авторами запроса и их единомышленниками вражде и ненависти к русским, живущим на Кавказе; 4) что с той же целью они умышленно обвиняют кавказскую администрацию, применяющую все меры репрессии в отношении кавказского населения, не только в попустительстве, но даже в сочувствии и соучастии в революционном движении; 5) что для действительного успокоения кавказского населения необходимы: а) немедленная отмена всех исключительных положений, б) немедленная ликвидация сохранившихся до сих пор в крае в полной силе крепостнических отношений, в) наличие условий, гарантирующих полную свободу самоопределения всех национальностей, входящих в состав кавказского населения, вместе с проведением в жизнь важнейших общегосударственных задач, поставленных на очередь освободительным движением; 6) что важнейшими из этих условий являются: а) безотлагательное введение в крае широкого местного самоуправления; б) устранение из дела народного образования насильственной русификаторской политики, губящей учащуюся молодежь, не только из туземцев, но даже из русских, и постановка родного языка во всех учебных заведениях, отвечающая рациональному ведению дела обучения; в) отправление правосудия в местных судебных установлениях наравне с государственными и на родном, понятном населению языке; г) устранение созданных специально для туземцев Кавказа мер, ограничивающих свободу вероисповедания; д) прекращение доныне практикуемой на Кавказе колонизационной политики, сводящейся в конечном счете к созданию и поддержанию враждебного отношения между разными частями населения и осуществление мероприятий в области землеустройства и землепользования, способствующих развитию производительных сил края и улучшению экономического положения наиболее нуждающихся в земле трудящихся масс, — Государственная Дума отвергает запрос и переходит к очередным делам».

В заключение, г.г., я должен сказать несколько слов относительно гр. Бобринского. Нарисовав печальное положение грузинского крестьянства, он, между прочим, воскликнул: «Что же удивительного, что там крестьянские массы дошли до падения, до социал-демократии?» Я должен сказать, г.г., что гр. Бобринский с этой трибуны несколько времени тому назад употреблял все усилия к тому, чтобы подняться до того, чтобы сказать малое из того многоного, что мы сказали отсюда. (*Шумные рукоплесканья справа.*) Следовательно, ему нужно было подняться до социал-демократии. (*Возгласы справа: «Верно!».* *Рукоплесканья.*) Гр. Бобринский совершенно верно отметил бедственное положение крестьян на Кавказе. Это факт, и если, г.г. (*обращаясь направо*), даже вы скажете правду, мы и вам поверим. (*Рукоплесканья слева.*) Относительно падения я должен сказать, что если кто идет быстрыми шагами к падению, к полному банкротству, то, по моему глубокому убеждению, это то именитое сословие, к которому имеет честь принадлежать гр. Бобринский. (*Дружные рукоплесканья слева.*)

Гайдаров. Г.г.! На этот раз я недолго задержу ваше внимание. До г. Чхеидзе говорил здесь деп. Лисичкин, он более часа критиковал мою речь, нападая на нее. Г.г., он говорил о деп. Гайдарове, поэтому я думаю, что он направил свою речь на меня. Вот моя речь в стенографическом отчете. Ничего подобного из всего того, что говорилось здесь г. Лисич-

киным, мною не было произнесено. Пускай он взойдет на эту трибуну и прочтет, что говорилось мною, что выдумано им самим и что нужно отнести к цитатам. Если же г. Лисичкин желает знать мое мнение относительно низшего казачьего сословия, то я должен сказать: раз я обвиняю кавказскую администрацию в провокационной системе управления, то я говорю, что низшее казачье сословие так же, как и горское население, служит орудием для провокационных целей г.г. местных администраторов. В прошлом своем выступлении я говорил по этому поводу о г. Чернове, бывшем грозненском полицмейстере и помощнике начальника Грозненского округа, который теперь состоит начальником Назрановского округа. Я его назвал провокатором и привел как записку, присланную мне из Владикавказа, где подробно описаны его незакономерные действия, направленные к тому, чтобы столкнуть казачье население с горским; по этому поводу помощник наместника г. Мицкевич ничего не сказал. Пусть взойдет он на эту трибуну и скажет, что это неправда. Этого никто не скажет! Несколько слов я хотел сказать и по поводу речи г. Маркова 2-го. Безусловно, ко всем речам, произнесенным здесь, нужно отнестись серьезно. Я думал отнестись очень даже серьезно к речи г. Маркова 2-го, но заявляю вам, что сколько бы вы ни думали, из всего того, что сказано г. Марковым 2-м, ничего серьезного вы не вынесете. Он обвиняет горцев Дагестанской области в том, что они учатся тюркскому наречию, знают тюркский язык. Только по этому поводу я могу спорить с г. Марковым. Все же остальное является неправдой, вымыслом, не скажу — лично только г. Маркова, он, может быть, взял его у ротмистра Кумского или у других охранников. Совершенно верно: Дагестанская обл. населена лезгинами — лезгины не есть одно целое племя, а свыше 70 наречий, языков в Дагестанской обл. Есть аулы, отдельно стоящие, говорящие на отдельном особом языке, известном только одному этому аулу и неизвестном окружающим. Но при этом нужно сказать, что в Дагестанской обл. среди горского населения есть компактная масса так называемых тюрко-татар. Тюрко-татарский язык — тот же азербайджанский, или турецкий, как хотите. Ничего удивительного нет, что тюрко-татары, имеющие свою культуру, свою литературу, свой литературный язык, передали этот язык остальным горским племенам, у которых нет ни письменности, ни грамоты. Помимо всего этого, я здесь докладывал вам, что горское население, за неимением годной земли, ежегодно в количестве 100 000 чел. отправляется на отхожие промыслы. Они отправляются в Закавказье и, главным образом, в Баку, где распространен азербайджанский язык, и там его усваивают. Так неужели же из-за этого нужно обвинять жителей Дагестанской обл. в сепаратизме, в том, что они в случае войны с Турцией непременно пристанут к туркам? Я должен сказать, что у страха глаза велики. Г.г. Марковы 2-е и правые вообще действительно боятся, но чего именно? Они, очевидно, задают себе вопрос, что сделало русское правительство для кавказского населения со временем завоевания Кавказа? Да ничего! Представитель наместника говорил нам: «Да, совершенно верно — нет ни школ в Дагестане, ни больниц, но это скоро будет». Зато, г.г., там жандармы есть, и в изобилии, и эти жандармы доставляют документы г.г. Марковым 2-ым, которые впоследствии обвиняют горское население в измене. Г. Марков 2-й по какой-то случайности обвинил еще шталмейстера Казаналипова, который, якобы, во время восстания станет во главе населения, и удивлялся, почему г. Казаналипов не отомстил Кумскому. Г. Казаналипов — слишком умный человек: вот, почему он не отомстил Кумскому за клевету и не отомстит Маркову 2-му, он только потешится над речью г. Маркова 2-го (*Голос справа: «Почешется!»*) и над донесениями г. Кумского. Не имею намерения его защищать. Но нужно представить себе положение населения, которое изо дня в день угнетается, которому ничего не дано в смысле культуры, которое живет в невежестве — 0,1 % только грамотных. И это население, вместо того, чтобы хоть сколько-нибудь приобщить к культуре, обвиня-

ют в сепаратизме! Говорят, что у горского населения существуют винтовки и существует культурное общество просвещения мусульман. Замечательное сопоставление: винтовки и культурное общество просвещения. Верное и, скажу, логичное сопоставление! Правительство, экспроприирия горские земли, разоряя экономически горцев, искусственно держа их в невежестве и не давая правосудия, развивает среди них разбои и грабежи. Горское население живет действительно не в безопасности, совершенно не защищается администрацией от злоумышленников. Я приводил вам слова одного губернатора, который говорил, что с разбойниками мы ничего не можем сделать, потому что они, что ветер в поле. Г.г., администрация горцев не защищает, так немудрено, если они сами возьмутся за свою защиту от разбойников. Они имеют общество просвещения мусульман: это тоже, по мнению Маркова 2-го, сепаратизм! В том-то и беда, и, если хотите, вина и Государственной Думы, и вообще русского государства, что русское государство никакого понятия не имеет о своих окраинах. Оно только тогда обращает на них внимание, когда боится, когда думает, что там разовьется сепаратизм, что такая-то окраина желает отложитьться. Смею вас уверить, что ни Дагестанская обл., ни какая другая на Кавказе не думают о сепаратизме. Никогда не было и не будет мысли об этом, сепаратизма не будет, но кавказское население свободно вздохнет только тогда, когда освободится от угнетения, от всего того, что вы приписываете ему, когда так же, как и все русское население, оно получит политические свободы, когда кавказцы сделаются свободными гражданами свободной России. (*Рукоплескания слева.*)

Бардигж. Я не очень долго задержу ваше внимание. По кавказскому запросу столько было представлено всевозможных фактов, как справа, так и слева, что добавлять факты, хотя бы пережитые, хотя бы виденные, я считаю совершенно излишним. Я хочу остановиться на самом характере запроса. Не первый запрос мы видим в Государственной Думе, но этот запрос имеет свои особые качества, свои особые черты. Это, пожалуй, один из первых запросов, внесенных фракцией правых, и благодаря только этому, он вывел Думу из той колеи, по которой она обыкновенно шла при рассмотрении запросов. Просмотрите стенографические отчеты произнесенных здесь речей, и справа, и слева, и вам невольно бросится в глаза, прежде всего, что все ораторы вращались в области фактов и последствий, и никто, за редкими исключениями, которые я укажу, почти не спускался к причинам этих фактов, этих последствий. Характерно в запросе то, что, вопреки общему положению, что Государственная Дума может вносить запросы только о незакономерности действий, — просмотрите все речи, — вы почти нигде не встретите слова «незакономерность». Чем объяснить это явление? Ведь, при всяком запросе, при обвинении администрации обыкновенно берут меру: вот был закон, закон должен был исполняться администрацией, им она должна была руководствоваться, и вот она виновна в том, что в таком-то и таком-то случае отступала от него. Но тут никто не говорит о нарушении закона: одни говорили, что мало истребляли, мало рубили, мало преследовали, нужно больше, нужно посыпать таких людей, которые могли бы усилить преследования. Другие говорят — нет, там ужасы были, там рубили, там убивали и преследовали, но все умалчивают о том, насколько это противоречит закону, насколько это составляет преступление. Все перешли в область нравственную. Говорят: это безнравственно, но о законе никто не говорит. Да почему? Мне невольно напрашивается один ответ: да, вероятно, потому, что там закона вообще мало было, там его не было, там очень давно, не со вчерашнего дня, царит произвол, личное усмотрение. И вот, в области этого личного усмотрения и ведется спор и справа, и слева. Я не могу не остановить своего внимания еще на одном обстоятельстве: несколько дней идет разговор о Кавказе, успели высказатьсь, — не знаю точно, не считал, но, вероятно, не меньше 30 ораторов. Эти ораторы, по

преимуществу, были и справа, и слева. Невольно я задаю себе вопрос: отчего мы не слышали ораторов из центра?

И вот, думая об этом, я прихожу к следующему. Идет вопрос об обвинении той администрации, которая допустила, владея этой страной и обязанная управлять ею, — допустила те действительные безобразия, которые не отрицаются ни справа, ни слева, — на этом все сошлись. Так вот, идет вопрос об обвинении той администрации, которая своевременно не сумела, или не хотела, или не могла, или не желала, и, во всяком случае, не дала никаких устоев для развития местной жизни. Обвиняется та администрация, которая довела до всевозможных бунтов, насилий, издевательств над человеческой личностью и т. д. И вот, у меня невольно является мысль, что, ведь, в данный-то момент кто отвечает за введение тех или иных норм? Отвечает центр, — он руководил всем, и вот он, — я понимаю его молчание. Вопрос идет о прошлом. Но ведь мы имеем налицо и настоящее, когда центр больше года стоит у власти, и все же продолжает царить то же самое. Центр великолепно понимает, что он едва ли готов немедленно выступить на тот путь, чтобы уничтожить и прекратить все это, а потому он не выступает, молчит. Конечно, нам могут сказать: мы хотели, но не успели еще. Но, г.г., хоть покажите на деле, что вы хотите выступить на тот путь, который является единственным путем умиротворения вражды, резни и всяких ужасов, которые происходили, происходят и будут происходить, пока вы не встанете на реальную почву в деле реформ на Кавказе. Я скажу больше, г.г.! Ведь, такой запрос вы могли предъявить не только к Кавказу, но и ко всем местностям России. Центр молчит, боясь того же упрека по отношению к другим уголкам государства Российского.

Здесь из всех речей, из всех ораторов единственный оратор, к великому удивлению, только опустился, — я в хорошем смысле говорю это слово, — до тех причин, с разбора которых следовало начинать. Это был гр. Бобринский. Он не говорил о лицах; он не говорил, что надо непременно послать туда Пуришкевичей, и они наведут там порядок, а он говорил прямо: давайте посмотрим, откуда происходят все эти беспорядки, все эти неурядицы, и что служит их причиной. Я, г.г., не буду повторять того, что он уже сказал; но отрицать это едва ли кто-нибудь будет, да не отрицали это и с правой стороны. Я только пойду дальше; я только скажу одно, что самый этот сепаратизм и революция, — ведь они исходят из тех причин, которые указал гр. Бобринский. Ведь я вам только одно скажу: представляете ли вы себе, чтобы крестьянин, закавказский крестьянин, которого я великолепно знаю, и который занят с утра до ночи только тем, чтобы добыть себе кусок хлеба на пропитание, — чтобы у него родилась мысль о сепаратизме? Способен ли он, как таковой, сам провести эту мысль — сепаратизм? Способен ли создать, организовать революцию? Ведь надо смотреть на это прямо: это крестьянство доведено беспорядками до крайней степени: есть нечего, дышать нечем, жить нельзя, работать нельзя. На этой почве могли явиться и настоящие решители народного благоденствия, и всевозможные аферисты, и люди, стремящиеся, быть может, к тому, чтобы создать смуту и в этой смуте погреть руки и преследовать свои личные цели. Вот эта почва и создала все то, что вы видите и чем можно возмущаться. Но ведь родилось-то оно на этом несчастии народа, и этот несчастный народ идет потому, что ему другого выхода нет. Если вы голодному, забитому, загнанному человеку будете говорить: «Удались, тебе лучше будет», — то он готов куда угодно пойти, только бы изменилось его положение. И вот, г.г., когда мы выводим из тех фактов, что это движение создано благодаря тому, что правительство не успело своевременно дать таких норм, которые могли бы гарантировать дальнейшее развитие народа, не сумело дать таких норм, которые из этого зачастую действительно дикого человека сделали бы сколько-нибудь культурного человека; когда это правительство, управляя Кавказом бесконтрольно, довело его до того, что мы сейчас видим и что

видели 60 лет тому назад: умыкание живых людей, самый наглый разбой и т. п.; когда это правительство, вместо того, чтобы пойти к народу и спросить: да что же тебе нужно? — вместо того, чтобы узнать и подумать над теми средствами, которыми нужно лечить все эти явления, прибегает к грубой силе, — к кому оно обращается? Оно обращается к воинской силе, и тут ближе всего, прежде всего под руками у него стоит казачество. И вот, исходя из этого, я считаю, что на заведомо неправое дело, на заведомо недобросовестное дело, виновниками которого была та же администрация, — она же призывает усмирять буйствующий из-за куска хлеба народ, — призывает казаков и требует казачество к себе на службу. Г.г.! Я совсем не хочу выступать в роли защитника казаков тогда, когда они находились в распоряжении администрации. Я, прежде всего, не имел никакой возможности, ни охоты добывать какие бы то ни было данные, — путем ли связи с тайной полицией, путем ли каким-нибудь частным или подпольным, — для того, чтобы оправдать или обвинить кого-нибудь. Но я должен сказать, что все то, что здесь было сказано о казаках, сказано в довольно густой окраске. Я это понимаю, потому что здесь говорили те люди, у которых наболело, которые действительно видели перед собою только казаков, и никаких других причин в данный момент, в момент возмущения, они не хотят видеть. Это понятно. Поэтому я совершенно не буду упрекать их за то, что здесь краски были стущены. Я не буду отрицать тех фактов, которые приводились даже слева, да я не могу и отрицать их, потому что у меня нет документов. Я только надеюсь на одно, — что правительство, в распоряжении которого были эти казаки, обязано выступить и с документами в руках опровергнуть то, что здесь говорилось. Попытка в этом отношении была: помощник наместника его величества на Кавказе Мицкевич здесь выступил и по поводу самых тяжких обвинений сказал несколько слов. Но, г.г., что это были за слова! Он говорил: да, действительно, было произведено дознание; оно было представлено наместнику на Кавказе, наместник увидел, что, действительно, дело скверное, и тогда оно было поручено военному следователю, который произвел подробное расследование. Но, видите, что из этого расследования вышло: прокуратура нашла, что показания настолько противоречивы, что она не нашла возможным дать делу ход. Г.г. Это вы слышите из уст тех людей, в руках которых были и воля, и ум, и тело казаков, которые правили этими казаками, которые приказывали им все, что находили нужным, и которые были обязаны и ответить за нравственность казаков, пока те были в их руках. Но что же вы видите? «Противоречивые данные!» Г.г., я, по крайней мере, не удовлетворен; меня совершенно не удовлетворяет такое показание. Тут, значит, как хотите, так и понимайте: хотите — считайте, что казаки действительно произвели эти безобразия. Хотите — считайте, что их не было. Вот я не считаю, а надеюсь, что администрация, которая так широко использовала казаков, даст нам ответ. Одно из двух: или она с документальными данными опровергнет все то, что здесь было говорено, или она должна покраснеть вместе со мною за то, что она допустила те безобразия, которые она могла не допустить. (*Рукоплескания слева.*) Что она могла не допустить, я докажу. Г.г.! Вы знаете, что нет более дисциплинированного населения, чем казачье. Вы знаете великолепно, что казачество и в мирное время всегда находится под давлением административной опеки, под давлением авторитета военных начальников. Здесь деп. Лисичкин приводил некоторые цифровые данные относительно Терской области, а я вам приведу такие же данные относительно Кубанской области, казаки которой только и были в Закавказье, так что все эти обвинения всецело относятся только к казакам Кубанской области. Эти цифровые данные чрезвычайно характерны. Если вы будете их просматривать, вы увидите, что среди населения Кубанской области в настоящее время живет 55 % так называемого иногороднего населения, которое, будучи хорошей жизнью выгнано изнутри России, пришло там искать себе кусок

хлеба, к этим зверям казакам, — и вот, несмотря на их зверство, оно продолжает и продолжает увеличиваться на Кавказе — тоже от хорошей, должно быть, жизни. Это между прочим. Я должен вам сказать, что эти 55 % из 2 500 000 жителей, все это — те, которые едва ли уж когда-нибудь вернутся в Россию, а прежде, чем вернутся, проладут все те свои участки, которые им достались, а теперь, безусловно, будут реализованы за деньги. Так, вот, я говорю, что между населением Кубанской области живет 55 % иногороднего населения. Вот вам маленькая табличка особенно характерных преступлений разных слоев населения. Я буду брать только те преступления, в которых обвиняется казачество. Убийства дают 65 % для иногороднего населения и только 35 — для казачества, и это при условии, что оно всегда вооружено; разбои и грабежи — 93 % дает иногороднее население и только 7 % — казачество; кражи — 92 % дает иногороднее население и только 8 % — казачество. Г.г.! Я должен оговориться: я отнюдь не хочу сказать, что обыкновенная служба казака так обставлена, что он не видит даже ближайших своих офицеров. Казаками, как говорится, привыкли затыкать всякие дыры. Казак на службе подпадает под распоряжение пристава, уездного начальника, полицейских урядников; казаки несут чисто полицейскую службу. Вот почему требовать от офицеров казачьих той сдержанности и дисциплины, которую они могут проявить, когда части в сбое, естественно, нельзя. (*Возгласы справа: «К делу!»*) Я полагаю, что это относится к делу. Я скажу, что не мне защищать казачество. Представители правительства, которое пользовалось казачеством так, как ему хотелось, — казачество служило так, как ему приказывают, служило потому, что думало, что совершает добре дело, — обязаны выйти сюда и опровергнуть все данные, факты, — я признаю их пока фактами, которые были здесь приведены; если же правительство не сможет этого опровергнуть, то пусть оно берет на себя тот позор, которым желают заклеймить казачество. (*Возглас справа: «Позора нет у казаков!»*) Я говорю, что факты должны быть опровергнуты. Я, г.г., вернусь к той мысли, которая утверждает, что весь запрос свелся к тому утверждению, что на Кавказе не существовало закона. Деп. Пуришкевич указывал, что если бы туда послали других лиц, было бы лучше. Я скажу, что туда, где нет закона, нельзя посыпать порядочного человека, потому что он сделается негодным. Раз нет сдержанности, раз нет нормы, которую он руководился бы, раз лицу предоставляется полное право над жизнью и смертью всех, то, естественно, что такое лицо должно быть ангелом, чтобы при нем велось дело, как следует. На моих глазах бывали примеры, когда лучшие офицеры, всеми любимые и уважаемые, попав на административные должности, не уходили оттуда без того, чтобы не быть преданными суду. Что же означает это явление? Оно указывает на отсутствие законодательных норм, которыми могли бы руководиться правящие, за исполнением которых могли бы наблюдать сами обычайчики. Я привел вам пример, как хорошие люди делаются плохими. В такой обстановке, в какой они были, иначе и быть не могло. Посмотрите, до чего дело дошло — ведь мелкие сошки среди администрации говорят: мы вам цари и боги — в этом выражается система управления Кавказом. Пока вы эту систему не замените законодательными нормами — нормами, которые давали бы возможность дышать, трудиться и развиваться населению, до тех пор вы никогда не устраниете тех безобразий, пред которыми всякий добросовестный человек должен краснеть, содрогаться, а не смеяться. (*Рукоплескания слева. Во время речи чл. Г. Д. Бардигжа председательское место занимает кн. Волконский.*)

Председательствующий. Слово принадлежит чл. Г. Д. Милкову. (*Возгласы справа: «Перерыв!»*)

Милков. Г.г. чл. Г. Д. Представители оппозиции так обстоятельно уже ответили на внешний нам запрос, что мне остается очень немного прибавить к тому, что было сказано; мне остается лишь подвести итоги и сделать некоторые выводы для того, чтобы обосновать

ту формулу перехода к очередным делам, которую я имею честь внести от имени фракции народной свободы. Цель запроса для нас ясна, по-видимому, она ясна и для большинства членов Г. Д. Запрос внесен определенной общественной группой, представляющей Союзом Архиепископа Михаила; цель запроса есть возвращение к политике кн. Голицына и о. Восторгова. Факты, изложенные в запросе, сообщены с тою добросовестностью, которая вообще свойственна этой литературе; выводы соответствуют обычной логике этого направления, так что в подробности содержания запроса вдаваться едва ли есть надобность. Если и были какие-либо сомнения, их окончательно уничтожили лица, говорившие с этой кафедры в защиту запроса. Я коснулся, впрочем, одной, более характерной, чем другие речи авторов запроса, речи курского депутата⁸¹. Курский депутат начал со ссылки на иностранные государства — на Англию и на Швейцарию, которые, несмотря на разнообразие этнических элементов, их составляющих, представляют собою крепкое государственное единство. Я, было, вывел из этого примера, что в политических понятиях курского депутата произошло некоторое просветление и что он сделает, соответственно приведенному им примеру, политический вывод, т. е. укажет, при каких условиях обыкновенно, в цивилизованных странах, несмотря на разнообразие этнических элементов, устанавливается крепкое государственное единство. Почему, напр., существует швейцарский патриотизм, весьма крепкий, несмотря на то, что там, как сообщил деп. Марков, живут и немцы, и итальянцы, и французы. К удивлению, конец речи члена Г. Д. Маркова не соответствовал началу. Вы видели и слышали вчера, как, потрясая кулаками в воздухе и повышая голос до крика, желая, очевидно, казаться страшным, он произнес эти слова: «Мелкие жизни, — кричал он, — должны стушеваться, пасть ниц или быть стертыми с лица земли». Вот это и есть та политика кн. Голицына, политика конца 90-х годов, которая приводила в то время к серьезно обсуждавшемуся предположению, заключавшемуся в том, что если не стереть с лица земли все кавказское туземное население, то следует хотя бы, напр., армян переселить в Сибирь, а на их места поселить пришлых русских. Я должен сказать, что конец речи чл. Г. Д. Маркова меня не поразил, меня истинно поразило некоторое внутреннее идеальное согласие его с той мыслью — она лежит в основе этих восклицаний — представителя наместника на Кавказе, который нам здесь говорил, что для него существует какой-то его депутат. «Наш депутат Тимошкин», — говорил он. (*Смех слева.*) Я был поражен, г.г. Здесь над этим смеялся представитель с.-д. Г.г.! Я думаю, что, к сожалению, это не смешно. Я не допускаю, чтобы... (*Возглас справа: «Это мелочь!»*) Нет, извините, не мелочь, а если мелочь, то характерная, и пусть представитель правительства возьмет свое выражение обратно. Я полагаю, что ни в одном цивилизованном государстве, ни одно уважающее себя правительство не позволит себе отождествить себя с одной из национальностей, населяющих империю. И признав ее «нашей», а всех остальных признавая «не нашими». (*Бурные рукоплескания слева.* *Возглас справа: «И Чхеидзе — „наш“?»*) Гр. Бобринский, г.г., в речи, с которой я сегодня почти мог согласиться, дал этой политике настящее имя: он назвал ее мадьярской политикой. (*Смех слева.*) Я невысокого мнения о мадьярской политике и, находя сравнение удачным, я все же думаю, что гр. Бобринский мог бы сделать шаг дальше и назвать ее настоящим именем, более к нам близким. Зачем нам идти в Венгрию? Это — политика старомосковская или истинно-русская, это наша политика. (*Рукоплескания слева и шум справа.*) Г.г.! По предъявленному запросу мы выслушали также и представителей правительства. Я должен сказать, что я чрезвычайно благодарен кавказской администрации, которая прислала нам для объяснений помощника наместника, сенатора Мицкевича. Это была своего рода демонстрация *ad oculos**. (*Смех слева.*) Перед нами стоял на этой кафедре живой сви-

* *Ad oculos* (лат.) — наглядно.

датель пережившей себя системы, той самой, которая 30 лет господствовала в этой несчастной стране, Вы, г.г., сами произвели этот эксперимент над выдающимся представителем кавказской администрации. (*Смех слева.*)

Председательствующий. Я просил бы все-таки не касаться личностей. (*Голос справа: «Правильно. Верно!»*)

Милюков (*продолжает*). Я касаюсь, к сожалению, типа. (*Возглас справа: «Неудачный приват-доцент!»*) Вы сами здесь видели, как ваши иногда очень заостренные и отправленные стрелы отскакивали от этой гладкой поверхности, вы сами убедились, как подчас трудно бывает довести до сведения кавказской администрации факты, которые, по-видимому, очень близко касаются даже ее лично. Вот теперь, выслушав этого представителя кавказской администрации, я понимаю, почему кавказский наместник в своем последнем отчете делал о своей администрации такую характеристику: «Местная администрация, неприспособленная к вдумчивой, самостоятельной деятельности (*смех слева*) и привыкшая в течение долгих лет только к беспрекословному, часто внешнему исполнению приказаний начальства (*смех слева*) и к предупреждению его желаний, в смысле представления положения вещей в благоприятном для него свете, оказывалась не в состоянии разобраться в причинах совершившегося в 1905—1906 гг., т. к., будучи оторвана от местных интересов, видела зло исключительно в противодействии своим неудачным начинаниям, сгущала краски этого противодействия, не справляясь с анализом явлений действительной жизни».

Вот, г.г., точная и верная самохарактеристика, и мне к ней нечего прибавить. Понятно, что если так характеризует себя сама кавказская администрация, то во впечатлении управляемых эта характеристика получает несколько оскорбленное и обиженное выражение. Вот недавно в одной брошюре доктора кн. Эристова-Шервашидзе я нашел, например, такую характеристику русского бюрократа вообще и русского бюрократа на Кавказе, в частности: «В тайниках бюрократической канцелярии был создан манекен души человеческой — средний тип бюрократического служителя, который, не обладая действительной душой, одинаково мало реагировал на все явления жизни в разных широтах и долготах Великой России». Я, г.г., понимаю огорченное выражение императора Николая Павловича, который по кавказской администрации своего времени видел и провидел, что с нею будет дальше. Император Николай Павлович графу Бенкendorфу однажды сказал следующие слова: «Не могу не удивляться, как чувство народной преданности к лицу монарха не изгладилось от того скверного управления, которое, сознаю, к стыду моему, так долго тяготеет над этим краем» (*Возгласы слева: «Браво!» Возглас справа: «Эта фраза касается Ермолова.»*) Г.г.! К сожалению, это можно повторить и теперь. Только теперь указанную мысль можно было бы еще разче выразить. (*Шум справа.*) И вот, г.г., когда мы оказываемся лицом к лицу с этими двумя рекомендуемыми вам разновидностями кавказской администрации, — с одной, которую рекомендует нам курский депутат, и с другой, которую наглядно представляет сенатор Мицкевич, то я, право, не знаю, между чем выбирать. Сведения, которые нам дали, — одни в запросе, а другие — в ответе, по-видимому, подготовленном почти одновременно с материалами запроса, — идут из одного источника; полемика ведется в одной плоскости. Нам авторы запроса доказывают, что кавказская администрация слишком мало вешает и немножко крадет. Нам обещают, что если бы вот их кандидат занял место гр. Воронцова-Дашкова, так, во-первых, больше бы вешали, а во-вторых, — я ссылаюсь на откровенные разоблачения, напечатанные бывшим секретарем Союза русского народа Пруссаковым в только что вышедшей брошюре «Доктор Дубровин», — больше бы и крали. (*Смех и рукоплескания слева.*) Но, г.г., если нам предстоит выбор между кандидатом Союза русского народа и гр. Воронцовым-Дашковым, — я не защитник гр. Воронцова-Дашкова, — то позвольте мне все-таки предпочесть гр. Воронцова-Дашкова. (*Смех слева.*)

Я, г.г., жалею только о том, что, ведя полемику в этой плоскости, мы чересчур принизили уровень прений. Мы здесь слушали проявление личных счетов; мы слышали о том, кто с кем поссорился, и чьяссора вымела сор на эту кафедру. Может быть, за нашими спинами успели уже помириться, а мы здесь ведем эти споры. (*Рукоплескания слева.*) Я, г.г., чрезвычайно жалею, что вот это копание в грязи и мелочах заслоняет нам огромной важности вопрос, вопрос о нашей кавказской и, вообще, о нашей окраинной политике. Вот этот-то вопрос и должен нас главным образом занять.

Я здесь могу перейти к объяснениям, данным нам другим представителем правительства, объяснениям, которые все-таки заключали в себе известное государственное содержание, и я должен сказать, что с частью его объяснений я даже могу согласиться. Я именно совершенно согласен с тем, что весьма многое из того, что происходило на Кавказе в 1905 и 1906 гг., и что особенно составляет предмет злорадных обличений с той стороны (обращаясь направо), я совершенно согласен с тем, что это создано общими условиями, в которых жизнь Кавказа в те годы находилась, общими с жизнью всей русской империи. Я бы только несколько ограничил это объяснение, ограничил для того, чтобы нам сразу согласиться со словами отчета наместника, что революционное движение потеряло свою краевую окраску после манифеста 17 октября, когда оно слилось с общим имперским. Но это самое признание отчета наместника показывает вам, что кавказское движение, однако, носило некоторую краевую окраску, и что объяснение его не исчерпывается теми объяснениями, какие мы можем представить относительно явления русской революции этих годов. Вообще здесь есть свои специальные причины, и я совершенно согласен с гр. Бобринским, когда он нам сегодня напомнил, что, ведь, явление это начинается раньше, чем русская революция. Ясно, что отсюда вытекает необходимость ввести в объяснение какие-то особые, какие-то новые факторы — те местные условия, которые, очевидно, не в 1905 г. созданы, а созданы гораздо раньше. Гр. Бобринский и указал на некоторые из этих условий, только он разделил их на две категории: отчасти на независящие от государственных людей наших, а отчасти зависящие. Под независящими условиями он разумел состояние кавказской культуры, состояние культуры данной страны. Я думаю, что немножко неудачно это разделение; я думаю, что для государства вообще не может быть независящих причин, не может быть причин, не подлежащих изменению, т. е. не подлежащих введению в государственный расчет. Ведь, если данная степень культуры существует на Кавказе, то, конечно, государственный человек ее изменить не может, но он обязан с нею сообразоваться, и в этом смысле он должен ввести и этот независящий элемент в расчет, в свои государственные соображения. Вот, когда мы будем говорить о том, как же кавказская администрация приняла в расчет, сосчитала все эти местные условия, как зависящие, так и независящие, то мы принуждены будем пойти немного дальше гр. Бобринского. Он начал свои объяснения хорошо... (*смех справа*) ...но остановился на полдороги, и я позволю себе за него договорить остальное... (*Голос справа: «Говорите за себя лучше!»*) Я очень рад, если это будет за него, но если он не согласен, я должен за себя говорить. (*Голос справа: «За себя лучше.»*) Г.г.! Тут дело в целой системе, в той самой системе, которую вам рекомендуют г.г. союзники. Основной, центральный факт всего объяснения должен заключаться в том, что эта система не новая, что она была испробована и что именно она-то, испробованная до революции 1905 г., и создала типические черты кавказской революции, именно она и привела к тем революционным явлениям, которые не объясняются общими условиями Российской империи. Когда я слышал запрос, когда я слышал объяснения, мне все время представлялся этот секретный доклад кн. Голицына, посланный им в Петербург в 1898 г., в разгар той голицынского-восторговской политики, к которой теперь хотят вернуться. Это все те же трафареты, те же

сумбурные политические объяснения, и те же практические выводы из этих непонятых или искаженных фактов. Кавказская администрация с тем ее свойством, которое я уже пробовал охарактеризовать, эта администрация долгие годы и систематически рвала все связи, все нити, которые могли ее соединить с местным населением. Она боролась против каждого намека на сколько-нибудь самостоятельное движение, сколько-нибудь самостоятельный шаг местного населения, и она достигла того, что в решительный момент оказалась действительно отрезанной от всего, — от жизни и от власти. Местная кавказская администрация, преследуя эту старую галицкую систему, тоже подвела все естественные законные стремления местного населения под одну рубрику сепаратизма. Сепаратизм, г.г., и тогда кавказской администрацией, и теперь в запросе употребляется в чрезвычайно широком смысле. Мы видели в тексте запроса, что разумеется под сепаратизмом. Самый невинный параграф устава местного благотворительного общества, оказывается, уже непременно ведет к сепаратизму. Конечно, все это подводится к наиболее злокачественной форме сепаратизма — сепаратизму политическому. Я, г.г., к этому вопросу возвращаться не буду, потому что факты, которые сюда относятся, очень обстоятельно вам с этой кафедры изложены деп. Сагателяном. Он изложил вам, как обстоят фактически обстоятельства, вызвавшие это необоснованное обвинение в политическом сепаратизме; вы узнали от него, что первые документы, в которых политический сепаратизм является как факт, суть манифести русских государей и их обещания. Вы увидели дальше, что этого рода законный, казалось бы, сепаратизм изменил форму, когда народности кавказские стали предметом того же косвенного воздействия русского правительства в его борьбе с Турцией, когда косвенно поощрялись национальные стремления народностей, но острие их направлялось на турецкую границу, и когда там именно обещали создать автономную Армению. Вам было сказано, г.г., как это покровительство позорно и постыдно кончилось, как, втянувши кавказское население, русская дипломатия в решительный момент, когда в Турции готовилась знаменитая армянская резня, как русское правительство в решительный момент отняло свою руку и благословило султана на то преступление перед человечеством, которое он совершил в 1905 г. (*Возгласы справа: «Неправда!»*) Это есть политика Лобанова-Ростовского, она засвидетельствована в документах, и тот, кто мне говорит «неправда», пусть прочтет популярные книги, в которых изложены завещания князя. Это есть преступление русской дипломатии и перед Кавказом, и перед Россией. Но, г.г., эта предварительная стадия движения, от которого русское правительствоказалось посредине, она имела некоторые неприятные последствия для самого правительства. Заподозрив армян в революционности и отрезав их от предмета их действий на Кавказе, оно поставило Армению в такое настроение, которое характеризуется следующей фразой отчета наместника: «Под влиянием ложной посылки о революционности армян, вызвавшей отобрание у них духовных церковных имуществ, создалось действительно революционное настроение армянских масс». Вот что говорит отчет наместника. Я не буду вам подробно указывать мотивировку, которую вы найдете в самом отчете, вот здесь мы переходим к другой стороне того, что здесь называется сепаратизмом, и что уже никоим образом под это понятие подведено быть не может — это законное культурное стремление кавказских народностей. Так относилось русское правительство к этим стремлениям, подводя под общую рубрику политически благонадежных и политически опасных. Оно заподозрило эти стремления в малейшем выражении национальной самобытности кавказских народностей. Чтобы показать вам, как оно относилось к этим национальным стремлениям, позвольте мне вам процитировать отзыв о. Восторгова о татарах, отзыв от апреля 1906 г., на съезде Союза русских людей в Москве: «Из всех народностей, населяющих Кавказ, самою симпатично являются татары». Как вы видите,

о. Восторгов высказывает то же мнение, которое здесь повторил деп. Пуришкевич. Почему же это самый симпатичный? Это самый верноподданный народ. А почему они — верноподданный народ? Они не выдвигаются вперед, потому что не имеют своих газет, и у них нет своей интеллигенции. Вот, г.г., право на симпатию. Та кавказская народность заслуживает симпатии, у которой нет своей интеллигенции и нет своей литературы. Деп. Пуришкевич, по-видимому, невнимательно вслушался в заявления, сделанные с этой кафедры мусульманскими депутатами; другой, курский депутат, который прислушивался к ним внимательнее, по-видимому, разочаровался уже в симпатичности мусульманского населения и даже привел нам документ, в котором говорится, что в последнее время замечается перемена отношения этого населения к русским — значит, симпатичность утрачена. Если бы о. Восторгов немножко лучше знал то, что он описывал, то, вероятно, и в 1906 г. он нашел бы, что у кавказских мусульман есть и газеты, есть и своя интеллигенция, и, следовательно, уже тогда они не заслуживали симпатии Союза русского народа. (*Возгласы слева: «Браво».*)

Но вот, господа, нам, стало быть, дано мерило, которым мы можем мерить, которое действительно... (*Голоса справа: «Довольно!»*) ко всем кавказским народностям применялось. Наши чиновники на Кавказе с их глубоким невежеством и в настоящем, и в прошлом кавказской истории, с их полным игнорированием вековой культуры кавказских народностей, с их незнанием местного языка, быта и нравов, они, несомненно, вступали в коллизию со всем, что было в этой народной кавказской жизни живого. Я не буду подробно описывать историю этой борьбы с чисто культурными стремлениями кавказских народностей. Те, кто желает с этим познакомиться, может, конечно, обратиться к богатой литературе и увидит, до какой степени игнорировано все то, что составляет нравственную сущность народа, и как без знания, без ясного понимания наносились удары в самое большое место. Вспомните, г.г., это отбиранье церковных имуществ, явившееся источником того настроения, какое мы видим в революционные годы на Кавказе. Я опять обращаюсь к отчету наместника, чтобы доказать вам, какими условиями создано на Кавказе положение дел в 1905 году. Наместник говорит нам, что это была в высокой степени благоприятная почва для успеха революционной пропаганды. В чем же эта благоприятная почва заключалась? Да вот чем, г.г.! 75 %... (*Шум.*)

Председательствующий. Я просил бы потише. Раз есть нежелающие слушать, не следует мешать тем, которые желают слушать.

Милюков. ...75 % мелких землевладельцев-дворян лишены права участвовать в каких бы то ни было общественных делах. Волостные правления всюду превратились в фискальные полицейские канцелярии, канцелярии, которые поддерживаются администрацией и совершенно подавили всякую самодеятельность сельского общества. Вследствие этого в сельских управлении развивается бесконтрольный произвол и лихоимство. Это я все, г.г., говорю вам выражениями отчета наместника. Сельские суды оказались всецело в руках полиции, результатом чего явилось, между прочим, распространение разбойничества, ибо действительными для ловли разбойников оказывались исключительно приемы сыска, при которых само население приходит на помощь полиции, т. е. условия, которых при нормальном положении не было, ибо в массе местной полиции местные органы управления, выбранные... (*Шум.*)

Председательствующий. Я просил бы, г.г., потише.

Милюков. Вместо них являлась назначенная администрация. Таким образом, вот, как создалась та добровольная изолированность власти от населения, которая затем сказалась, когда началось это революционное движение с 1905 года. Вот, г.г., в этой обстановке ясно, каким образом появились и те союзы, те комитеты, те местные народные организации,

которые хотели заменить собой несуществующие и не данные им сверху элементы организации государства. Это был инстинктивный протест против того распада и той анархии, к которой толкала местное население правительенная система. В этой связи, г.г., вы поймете, может быть, несколько иначе и роль этого знаменитого кутаисского губернатора Старосельского. Я тоже нахожу, что гр. Воронцова-Дашкова нечего обвинять ни с какой точки зрения за то, что он взял себе в помощники этого несколько странного «товарища». Вспомните, г.г., что это было поздней осенью 1905 г., в ноябре, декабре и начале января 1906 г., т. е. в то время, когда, как вы знаете, и русская администрация выпустила из рук бразды правления, и когда кавказская администрация, по выражению отчета наместника, чутко прислушивалась к петербургским циркулярам и не знала, кто победит, какое из двух борющихся движений. Вот в этот-то момент агроном Старосельский явился представителем, — не удивляйтесь, г.г., он явился представителем порядка, который не сумела водворить на Кавказе законная администрация. Он явился тем цементом, той живой связью между населением, которую давно уже вырвала от местного населения законная кавказская администрация. Вот почему в своей беспомощности, в своем бессилии гр. Воронцову-Дашкову ничего не оставалось, как обратиться за помощью... (*Голос справа: «К социал-демократам»*) ...лицу, пользующемуся всеобщим уважением и имевшему большое нравственное влияние на население, как признает отчет кавказского наместника. Г.г.! Стало быть, единственное его преступление пред вами заключается в том, что в тот момент, когда он еще не решался послать генерала Алиханова, в тот момент, когда он еще чутко прислушивался к развитию русской политической жизни, он все-таки схватился за первый и единственный тогда способ удержать хоть какой-нибудь порядок в kraе. И вы знаете, вы можете прочесть это в заявлении самого Старосельского, как день и ночь он работал над тем, чтобы как-нибудь уберечь край от пожаров и пролития крови. Но когда в Петербурге положение определилось, тогда пошли новые циркуляры, и тогда ближайшим из них, вполне, значит, для вас своевременным, на место Старосельского послан был Алиханов. Вот это была опять русская система или мадьярская система, которая явилась на смену той системы очень странного стихийного самобытного управления, которое создано было месяцами полного отсутствия власти.

Г.г.! Я вас не буду много затруднять и только хочу вам сказать, что этот опыт со Старосельским дал кавказской администрации, надо надеяться, и России, хороший урок. (*Голоса справа: «Это верно!» «Верно сказано!»*) Он показал, что кавказское население нельзя ни смести с лица земли, как советует вам деп. Марков, ни управлять им по старой системе. Нам здесь бессарабский депутат советовал поскорее принять запрос, потому что мы стоим ведь перед внешними затруднениями, когда понадобится, может быть, эта крепкая власть на Кавказе, а виленский депутат⁸² прибавил другую цитату — о том пылающем кольце революции и бунта, которое сложилось кругом России на ее окраинах и которое тоже, стало быть, может грозить России в случае международных затруднений. Вот я вас теперь и спрашиваю, кем же создано это пугающее кольцо? Я полагаю, что если действительно при наступлении международных затруднений нам нужно сохранить всю силу, все спокойствие, всю свободу действия внутри страны, так мы не должны следовать той политике, которая уже раз создала это пылающее кольцо. Мы должны следовать политике противоположной.

К чему приводит та политика, мы, г.г., видим. Те из вас, кто никогда не слыхал о Кавказе и кавказских делаах, все-таки были свидетелями, как на этой кафедре скрестились угрозы, как с одной стороны деп. Марков грозил наместнику кавказскому, грозил, по-видимому, тем, чем обыкновенно с этой кафедры грозит другой его уважаемый товарищ, деп. Шульгин, теми ужасами, пред которыми бледнеет суд Линча, — и вы видели, г.г., как с другой стороны самому деп. Маркову и его партии грозили от имени русского пролета-

риата в случае его победы. Вы видите, как эта политика, политика изоляции русского правления, политика полного отстранения его от жизненных интересов страны, как она вызывает эти крайности, эти противоположности, которые только и могут столкнуться в смертоубийственной борьбе. Вот, г.г., если вы этот урок поняли, если вы этого результата не хотите, в таком случае измените раз навсегда эту политику и скажите правительству, что надо держаться политики другой, противоположной, — той, которая создала бы центр между этими крайностями, той, которая бы подняла сознание всего населения кавказского, которая бы чем-нибудь, его собственными интересами, привязала бы его к империи и заставила бы ценить действительно то величие, о котором сейчас сочувственно говорил вам с этой кафедры кавказский депутат.

Господа! Эта политика давно известна, и та политическая истина, которую я вам излагаю, была понята еще 100 лет тому назад, и если я захотел бы изложить ее кратко, я не нашел бы лучших слов, чем выражение из письма императора Александра к Кноррингу: «Не оставьте принять в уважение права сего народа, сообразоваться с нравами, обычаями и умонарчертаниями его; словом, вы должны взирать на сию страну не как на страну полезных нам приобретений, а как на народ, сыскавший присоединения для его собственного счастья». Вот, господа, когда вы будете основывать окраинную политику на собственном счастье населяющего окраину народа, тогда вы найдете путь и к германскому, и к английскому единству. Другого пути нет. (*Рукоплескания слева.*) Вывод, который я из всего этого делаю, заключается в следующей формуле перехода к очередным делам, предлагаемой фракцией народной свободы:

«Признавая, что выставленные против кавказской администрации обвинения преследуют тенденциозную цель усиления реакционной политики на Кавказе;

что с этой целью совершенно неосновательно кавказская администрация обвиняется в либеральных стремлениях и даже в содействии революционному движению, а местное население в политическом сепаратизме;

что факты, действительно имевшие место, объясняются как общим состоянием политического возбуждения в империи, так и особыми условиями, созданными системой управления на Кавказе;

что система эта, основанная на подавлении законных культурных стремлений национальностей, населяющих Кавказ, и на устраниении местного населения от участия в местной администрации и в заведовании местными делами, имеет естественным последствием моральное разъединение между администрацией и населением и разделение жителей на враждебные лагеря, причем обостряется национальная вражда между различными элементами населения и создается общее состояние общественного беспокойства и необеспеченности частных интересов,

Государственная Дума полагает, что водворить спокойствие и обеспечить благосостояние населению Кавказа возможно лишь при следующих условиях:

1) создание нормального порядка управления краем с отменой всех исключительных положений, дезорганизующих и развращающих административную власть, реорганизация с широким привлечением в ряды местных людей, возвращение органов полиции к их прямым обязанностям: охрана личной и имущественной безопасности мирного населения;

2) отказ от борьбы с существующим сепаратизмом мерами насилиственного обрушения церкви, школы, суда и управления; признание и удовлетворение культурно-национальных и религиозных требований туземного населения;

3) полная отмена сохранившихся в крае остатков крепостных отношений и упорядочение земельных отношений в интересах трудящегося населения;

4) скорейшее проведение земских учреждений и распространение на Кавказ общих судебных установлений империи, и — отвергает запрос». (*Рукоплескания левой.*)

Председательствующий. Слово принадлежит г. помощнику наместника на Кавказе, сенатору Мицкевичу. (*Голоса справа: «Просим отложить на среду». Председательствующий переговаривается с сенатором Мицкевичем.*) Сенатор Мицкевич будет говорить только четверть часа. (*Голоса «Просим!»*)

Помощник наместника его императорского величества на Кавказе сенатор Мицкевич. По поводу усиления разбоев на Кавказе, о которых говорили члены Государственной Думы Степанов и другие, я считаю себя обязанным ознакомить Государственную Думу с теми распоряжениями, последовавшими по Северному Кавказу, которые были сделаны со стороны наместника его императорского величества на Кавказе. Для возвращения порядка вообще в Терской области и, в частности, в Хасав-Юртовском округе новоназначеному начальнику этой области генералу Михееву главнокомандующим войсками наместником предложено принять немедленно следующие меры: 1) Поставить экзекуционные отряды в тех туземных селениях, жители коих будут укрывать разбойников (согласно сего поставлена экзекуция в пяти селениях); 2) сформировать на счет местных средств партизанские отряды из отставных казаков и других охотников; 3) поставить особые сторожевые посты и секретные дозоры в тех пунктах, через которые чаще всего проходят шайки разбойников; 4) вызвать охотничьи команды от войсковых частей для содействия властям к преследованию и задержанию злоумышленников; 5) объявить всему горскому населению области, что все расходы по содержанию экзекуционных отрядов, секретов и сторожевых постов и убытки, причиненные потерпевшим, а также уводимым в плен, будут всецело относиться на счет тех сельских обществ, которые укрывают разбойников и не способствуют со своей стороны к задержанию их; 6) отобрать оружие от жителей тех селений, которые до сих пор не обезоружены.

Независимо от этого удалены от должностей чины администрации, виновные в бездействии власти, в том числе и начальник Хасав-Юртовского округа, полковник Котляревский. По поводу же заявленной жалобы на чинов администрации округа о том, что они косвенно принимали участие в пленении мирных жителей и дележе выкупных денег, и вообще о деятельности этой администрации в отношении заботливости о населении, произведено уже расследование, которому будет дан законный ход.

Разработан и представляется на законодательное разрешение вопрос о преобразовании терской постоянной милиции в полицейскую службу по образцу учрежденной в Закавказье, причем недостающую на это мероприятие сумму свыше 71 000 р. в год решено временно, в течение пяти лет, относить на капитал терского казачьего войска. Сделанные распоряжения признаются графом Воронцовым-Дашковым вполне достаточными для восстановления порядка и спокойствия в области. Относительно заявления деп. Замысловского о разных армянских эксцессах, происходивших до 1905 г., после отобрания церковных имуществ, в объяснении их причин я присоединяюсь к мнению гр. Бобринского. Что касается упоминания о поселении армян на 600 дес., то это, очевидно, относится не к казенным землям, а к землям, принадлежащим эчмиадзинскому монастырю. Указание на непредоставление летних пастищ переселенцам необходимо пояснить тем, что по закону 1884 г. таковые не могут быть предоставлены в надельное пользование. Перераспределение пастищ производится по соглашению главноуправляющего землеустройством и землемерием с наместником, и только по окончании этого распределения остающиеся свободными пастищные места могут поступить в переселенческий фонд. Нарушение этого порядка привело бы к осложнениям, тяжелым для самих переселенцев.

Вопрос об увеличении портового сбора в г. Поти внесен в Государственную Думу по

представлению министров внутренних дел и торговли и промышленности; при этом в означенном представлении подробно объяснено, какими существенными причинами вызывается указанное ходатайство. По поводу речи чл. Г. Д. Ладомирского я обязуюсь разъяснить, что против полковника Гайковича возбуждено предварительное следствие на основании ревизии, произведенной вице-директором канцелярии наместника Стратоновы. Привлечение же к ответственности бывшего озургетского уездного начальника капитана Ермолова последовало на основании сообщения прокурорского надзора кутаинского окружного суда. Следствие о нем производится и ныне, при современном его положении, высказываться о дальнейшей судьбе дела было бы преждевременно.

По вопросу о ссуде нефтепромышленникам в 20 000 000 р. я обязуюсь дожлить: с ходатайствами о ссудах на восстановление промысловых сооружений, погибших от пожаров, имевших место во время армяно-татарской резни в августе 1905 г., нефтепромышленники обратились непосредственно в Министерство финансов. По распоряжению министра финансов вопрос этот был рассмотрен в особой межведомственной комиссии под председательством т. с. В. И. Тимирязева, составившей список пострадавших фирм и определившей приблизительно размеры ссуд каждой фирме, в общей сложности на 20 000 000 р. Результаты работ комиссии были внесены министром финансов в Совет министров, и положение по этому вопросу 11 ноября удостоилось высочайшего утверждения.

По вопросу о выдаче ссуд заключения наместника его императорского величества на Кавказе не спрашивалось, и представитель наместника в комиссии т. с. Тимирязева по этому вопросу не участвовал.

В начале декабря 1905 г. член совета наместника его императорского величества на Кавказе от Министерства финансов д. с. с. Джунковский был командирован в Баку для разрешения на месте вопросов, связанных с скорейшим восстановлением работ по добыче нефти, в том числе и открытия действий высочайше утвержденного комитета по выдаче ссуд. По получении от Министерства финансов правил о выдаче ссуд д. с. с. Джунковский 15 декабря препроводил их вр. и. д. управляющему бакинской казенной палатой, сообщив о необходимости скорейшего открытия действий комитета. 17 декабря действия комитета были открыты, причем д. с. с. Джунковский принял участие в заседаниях комитета с 17 по 30 дек. 1905 г., на основании п. 3 правил, в качестве лица с совещательным голосом.

Разногласие с управляющим контрольной палатой комитета в первом же заседании выразилось в том, что, согласно п. 4 правил, разрешалась выдача авансов в размере 22 % в счет подлежащей разрешению ссуды до окончательного ее определения. Представитель контроля находил, что аванс в 22 % может быть выдан лишь при точном определении размера причитающейся фирме ссуды, для чего необходимо произвести на месте подробный учет действительных потерь каждой фирмы. Комитет, имея в виду, что выдача ссуд преследует, главным образом, государственную задачу — скорейшее восстановление работ по добыче нефти, необходимой для русской промышленности, не согласился с предложенным представителем контроля порядком выдачи авансов, так как дело затянулось бы на много месяцев при детальной оценке более 150 промыслов; кроме того, окончательный размер потерь мог бы быть выяснен лишь по мере восстановления промыслов, когда выяснится, какие машины, части их или части уцелевших строений могут быть употреблены в дело. Ввиду этого комитет постановил, большинством всех голосов против одного представителя контроля, при выдаче авансов руководствоваться размером потерь, определенным комиссией т. с. Тимирязева, основанием которой послужили сведения, собранные на месте в Баку чинами, командированными министром финансов в сентябре. При этом комитет имел в виду, что по этому же расчету часть авансов была выдана 13 фирмам в С.-Петербурге распоряжением Министерства финансов.

В 1906 году д. с. с. Джунковский принимал участие в некоторых заседаниях комитета в январе и феврале, будучи командированным в Баку в качестве представителя наместника на съезд нефтепромышленников по составлению на месте проекта организации градоначальства и рабочих поселков. О всех своих действиях комитет отчитывался перед кредитной канцелярией, а д. с. с. Джунковский о своем участии в работах комитета подробно донес министру финансов, причем в своем донесении указал, что выдача долгосрочных ссуд фирмам подрядного бурения под обеспечение их движимого имущества (машин), недостаточно обеспечивает возврат их казне, и находил необходимым сокращение срока ссуды и выдачу лишь при полной имущественной гарантии. Относительно выдачи аванса совету съезда нефтепромышленников 200 000 р. в счет ссуды в 1 000 000 р., определенной комиссией т. с. Тимирязева, д. с. с. Джунковский возбудил ходатайство перед министром финансов на том основании, что совет съезда, не получая с августа месяца попутного сбора, был в весьма затруднительном положении. Не имея в кассе денег, совет должен был восстановить и содержать все дороги, больницы, школы, столовые и другие учреждения, и в то же время, производить крупные расходы на расквартирование войск. Из разрешенной ссуды в 20 мил. р. всего было выдано 12 388 540 р., досрочно погашено 149 661 р., подлежало по декабрь месяц 1908 г. поступлению 2 503 646 р., всего поступило и взыскивается судебным порядком 147 590 р. Всего сгорело в августе 1 894 буровых вышки, из них производительных 1328, и уцелело производительных вышек 141. К 1 января 1906 г. было восстановлено 884, полное же восстановление производительных вышек до прежнего размера произошло в сентябре 1906 г., через год после пожара. Промысел фирмы гр. Воронцова-Дашкова был истреблен августовскими пожарами, и сообщение газеты «Окраина России» №№ 51–52 1908 г., что промысел отстояли армяне, — ложно. Фирма гр. Воронцова-Дашкова от ссуды отказалась.

Что касается слов чл. Г. Д. Пуришкевича по поводу состояния народного образования на Кавказе, я считаю долгом разъяснить, что постановка учебного дела в кавказских средних учебных заведениях почти во всем одинакова с таковой же в остальных частях империи. Главной задачей русской школы на Кавказе является то, что при посредстве ее имеется в виду приобщить Кавказ к благам русской культуры, причем школа служит связующим звеном кавказской окраины с Россией. Вообще, положение учебного дела на Кавказе начинает постепенно улучшаться, школьная жизнь входит мало-помалу в норму, и со стороны начальства учебного округа приняты все меры к устраниению из школы всякой политики и к заполнению разными занятиями внеклассного времени учащихся. При этом считаю необходимым добавить, что попечитель учебного округа Рудольф переведен на службу с должности по Министерству народного просвещения, по отделу промышленных училищ, и что он воспитателем детей гр. Шувалова никогда не состоял. Что касается личного состава педагогического персонала в округе, то я должен предъявить, что не было оснований удалять лиц за то, что они с разрешения ближайшего своего начальства принимали участие в различных собраниях и обществах, и что в настоящее время они ведут себя вполне корректно.

По поводу цитированной здесь брошюры «Предатели России» («Развал русской школы на Кавказе»), изд. Русского народного союза имени Архангела Михаила № 6, считаю нужным сообщить, что с разрешения наместника попечителем учебного округа составлена записка на правах рукописи, в которой приведены подробные сведения относительно содержания этой брошюры, причем предполагаемая тексту названной брошюры выписка из № 761 газеты «Русская Земля», касающаяся резолюции, будто бы принятой на происходившем летом 1908 г. в Авчалах, близ г. Тифлиса, съезде делегатов революционных организаций различных городов Кавказа, представляется, по удостоверению начальника

тифлисского губернского жандармского управления полковника Еремина, сплошным вымыслом.

Заканчивая мои объяснения по отдельным вопросам, затронутым в речах г.г. чл. Г. Д., считаю нужным оговориться, что я не касался общего направления деятельности наместника его императорского величества на Кавказе, ибо таковая подробно изложена в обширной всеподданнейшей записке его, которая получила большое распространение и цитировалась в речах многих депутатов, а также в первоначальных объяснениях заместителя наместника на заседании Государственной Думы 3 декабря. Одно скажу: главная цель гр. Воронцова-Дашкова — следовать политике бывших до 1882 г. наместников кавказских, при полном соблюдении общегосударственных интересов, и содействовать, путем беспристрастного отношения к туземному населению, теснейшему объединению кавказской окраины с остальными частями России.

Председательствующий. Я просил бы занять места. Мне было заявлено желание, чтобы был сделан перерыв для совещания между фракциями по поводу поданных формул. Угодно сделать перерыв на 10 минут? (*Голоса: «Не надо!»*)

Крупенский. Я всецело поддерживаю предложение о перерыве на 10 минут.

Председательствующий. Покорнейше прошу занять места для голосования. Ставлю вопрос о перерыве на голосование. (*Баллотировка.*) Принято. Перерыв на 10 минут.

Крупенский (с места). Стоило о чем говорить!

Перерыв объявлен в 12 час. 13 мин.

Заседание возобновляется в 12 час. 40 минут.

Председательствующий. Заседание Государственной Думы возобновляется. Слово принадлежит члену-докладчику, чл. Г. Д. Матюнину.

Матюнин. В виду того, что мы сегодня и вчера выслушали...

Председательствующий. Чл. Г. Д. Матюнин, у меня записан еще оратор Каменский и затем по личному вопросу.

Матюнин. Тогда я потом.

Председательствующий. Слово принадлежит чл. Г. Д. Каменскому.

Каменский. Говоривший с этой кафедры почтенный кавказский депутат несколько раз вопросил центр: почему он молчит? Я, говоря по поручению центра, очень кратко отвечу: центр молчит потому, что он ожидал своей очереди; центр молчит потому, что он предоставляет место тем депутатам, которые более заинтересованы в этом запросе; центр молчит потому, что в нем все более и более утверждается практика не выходить всем на кафедру, а посыпать одного своего представителя; центр молчит потому, что в многоглаголании несть спасения. (*Возгласы из центра: «Браво!»*) И, в настоящую минуту, исполняя поручение фракции 17 окт., я буду очень краток и обязуюсь говорить не более $\frac{1}{4}$ часа... (*Голоса: «Много!»*) ...10 минут. Я не стану останавливаться на жгучей и скользкой стороне вопроса, стороне политической; она достаточно была здесь освещена. Я только скажу, что центр никогда не становился на ту точку зрения, чтобы из-за отдельных случаев проявления сепаратистских тенденций обвинять огульно целую национальность. Центр с большим вниманием относится к жизненным интересам всех национальностей, не исключая и русской... (*Смех справа и слева. Шум.*) ...и печальные факты, имевшие место в последние годы, он склонен объяснять и политическим возбуждением, и той системой управления, которая не могла сгруппировать благонадежные, лучшие, созидательные, положительные элементы, которые, как верит центр, имеются в достаточном количестве на Кавказе. Центр сожалеет, что эта система не сумела сгруппировать те элементы, из которых вышли исторические личности, герои русского народа; из которых вышел грузинский князь Багратион, герой 1812 г., грузин кн. Цицианов, армянин кн. Аргутинский-Долгоруков,

памятник которому стоит в Темир-Хан-Шуре за оказанные услуги русскому государству, кн. Бебутов, всем известный Лорис-Меликов, Лазарев, Тергукасов и, наконец, Алиханов-Аварский, бескровно присоединивший Мерв к русскому государству⁸³ и павший, разорванный бомбой, при исполнении своих обязанностей. На этом я и заканчиваю с политической стороной вопроса (*смех слева*) и хочу коснуться только некоторых фактов, которые попали к нам в качестве жалоб со стороны местного и русского населения, а также бывших колонистов, так называемых немецких колонистов. Эти жалобы и указанные в них факты, как нам казалось, могли бы составить предмет особого запроса; но мы были очень рады, что внесенным запросом во всю ширину поднималась кавказская проблема. Я считаю себя обязанным указать на эти факты. Эти факты можно определить одним словом: несомненно, что в некоторых местностях Кавказа замечается разбойничье засилье, как бы установилась система достаточно хорошо организованного разбойного управления. Элементы этого управления следующие: во-первых, установившаяся практика требования платежей по анонимным письмам, которые население должно вносить, спасая свою жизнь и имущество; затем — наем во многих случаях заведомых разбойников на посты охранителей порядка, — это тоже один из приемов обеспечить свою безопасность; далее, введенная разбойниками система обложения налогами мирного населения. Эта система началась до 1905 г.: вначале были обложены рыболовные промыслы Петровска и Дербента, а затем этот же налог распространен и на другие промыслы, на сельские общества и частные хозяйства. Наконец, широко развита система пленения и требования выкупа. Мы знаем лиц пострадавших: Нейфельд, Кошелев и др., а кандидатом в пленники состоит в настоящее время Заболотный. Вот, я скажу, что к этому разбойному управлению, как кажется, и местная администрация относится в некоторых случаях с ужасной небрежностью, а в некоторых случаях с попустительством, чemu я приведу факты. Вот, например, у меня находится письмо начальника участка Грозненского округа относительно Заболотного, которому грозят пленением. Казалось бы, когда русскому человеку, мирному гражданину, грозят бедою, то все власти должны встать на ноги, а между тем, вот, что ему пишут, — это письмо начальника участка Грозненского округа: «Сейчас я получил предписание начальника округа, что генерал-губернатор ему телеграфировал, что шайка Зелим-Хана намерена пленить Заболотного, и предлагает мне принять меры и вас предупредить. Я вам сообщаю: кое-какие меры приняты, но вам известно, какие у меня меры, — я да старшина, — будьте осторожны». Согласитесь, что когда гражданину угрожают опасностью, а его успокаивают таким письмом, то не легко, должно быть, живется в таком краю. Затем, не приводя всех фактов, я все-таки укажу на некоторые группы местных переселенцев, которые обращаются к властям, к высшим местным властям — наместнику на Кавказе — с просьбой защитить их от продолжающихся разбоев и грабежей, от убийств, от пленений, от захвата имущества. Местная власть на это отвечает: «Зачем же вы сюда переселились?» А когда они обратились к наместнику, то здесь нельзя не констатировать необыкновенной медлительности в движении дела: подано прошение 9 августа 1905 г., а ответ получен 30 апреля 1907 г., почти через два года, — ответ, что на поданное прошение о защите от нападения разбойников означенное ходатайство оставляется без уважения. Согласитесь, что если даже это основательный ответ, то все-таки два года как будто бы слишком долго ждать. Затем я допускаю, ввиду приближения моего срока речи, отношение генерала Соловьева и некоторых других, а укажу только на один факт: я видел подписку, данную начальнику округа Котляревскому по следующему случаю: пойман был, — что часто случается, — грабитель с поличным и сознался в преступлении; пойман он был в месте, объявленном на военном положении. Но начальник округа полковник Котляревский удовлетворился взятием с него подписки, что он на будущее время будет паникой и

преступлений совершать не будет, и с этим его отпустили. Я видел подлинную подпись его, приложенную к прощению, поданному председателю Совета министров. Вот эти факты, в которых нет никакой политики, а прямо проявляется засилье, торжество разбоя, — эти факты, мне кажется, заслуживают внимания Государственной Думы и правительства, и ввиду того, что от этого страдает мирное население, вносящее культуру, прогресс в кавказскую жизнь, на эту сторону дела я хотел бы обратить внимание. Что касается мероприятий против разных отрицательных сторон кавказской жизни, то они изложены в формуле, которую я сейчас вам представлю. Мы полагаем, что прежде всего и незамедлительно необходима сенаторская ревизия. Думаю, что сенаторская ревизия не только тем важна, что, как показывает опыт ее, улов бывает богатым в количественном и в качественном отношении, но, что она несколько отрезвляет те местности, которые удалены от центра и которые забывают, что существует закономерная власть. Затем мы полагаем, что необходимо сейчас же начать обновление состава управления администрации, особенно полиции, с привлечением лиц более высокого нравственного и умственного уровня. Затем мы полагаем, что необходимо теперь же ввести положительные реформы — упорядочение суда, народное просвещение, переселенческое дело, без нарушения гражданских прав местного населения. Мы полагаем, что вообще положительные реформы должны быть построены на принципе местного самоуправления с вниманием к жизненным интересам и с полным уважением к национальным интересам всех, не исключая, повторяю, и русской национальности.

Что же касается собственно вопроса о принятии или отклонении запроса, то я думаю, что для решения этого вопроса время пришло. После того, как здесь были даны объяснения представителями наместника на Кавказе, я думаю, что нет никакого основания принимать вопрос; это значило бы возобновить дело и дать месяц на представление нового объяснения. Но после тех исчерпывающих объяснений, которые угодно было дать членам Г. Д., преимущественно с обоих флангов этой Думы, после того, как были представлены здесь объяснения представителей наместника, которые, по-видимому, в будущем ничего больше не дадут, я думаю, для всякого вопроса о том, чтобы принимать запрос, почвы уже нет, и остается только один способ ликвидации кавказского запроса — это принять ту или другую формулу перехода к очередным делам. Союз 17 октября имеет честь предложить следующую формулу:

«Выслушав объяснения представителей наместника Кавказа, находя их неудовлетворительными, признавая, что во многих местностях Кавказа жизнь и имущество трудящегося мирного населения находится в тяжелых условиях благодаря разбойничеству, развившемуся как вследствие некоторых местных особенностей края, так и вследствие бездействительности и попустительства административных и полицейских органов и местной власти, полагая, что имевшие место факты политического характера объясняются как общим состоянием политического возбуждения империи, так и той системой управления, которая применялась на Кавказе, находя, что в настоящее время целесообразно установить более тесное единение между управлением Кавказа и общегосударственным управлением, — Государственная Дума признает, что мерами улучшения богатого, но до сих пор запущенного края и восстановления тесного с ним единения следует считать: 1) тщательное расследование случаев злоупотребления со стороны местных властей посредством сенаторской ревизии, 2) обновление в нужных случаях органов местной администрации и, особенно, полиции, 3) упорядочение земельных отношений, суда, народного просвещения, переселенческого дела, 4) проведение положительных реформ, построенных на началах городского и земского самоуправлений, с привлечением местного населения к заведыванию собственными делами, с соблюдением справедливого отношения к жизнен-

ным интересам национальностей, в соответствии с особенностями каждой отдельной местности Кавказа и 5) подчинение управления Кавказом Совету министров. Полагая, что такие реформы объединят большинство верного и дорожащего русским государственным единством местного населения и послужат к утверждению мои и крепости империи единой и нераздельной, — Государственная Дума переходит к очередным делам».

Председательствующий. Больше никому не угодно высказаться? Общие прения закончены. Слово принадлежит по личному вопросу чл. Г. Д. Тимошкину. (*Отказывается.*) По личному вопросу чл. Г. Д. Марков 2-й.

Марков 2-й. Г.г.! Я не задержу вас, но личное объяснение необходимо после того, что здесь заявил чл. Г. Д. Милюков: он приписал мне мысль, от которой я решительно отказываюсь, и возвращаю ее всему ему, как автору. Он сказал, что будто бы я угрожал гр. Воронцову-Дашкову так же, как г.г. социал-демократы привыкли угрожать Союзу русского народа и, вообще, людям порядочным. (*Смех слева.*) Это, г.г., не так. Г.г. социал-демократы, не стесняясь, угрожают убийствами, грабежами и, вообще, актами террора. Я полагал, что даже чл. Г. Д. Милюков не решился бы приписать, чтобы я, Марков 2-й (*смех*), позволил себе царскому наместнику угрожать актами террора. Стыдно, г. Милюков, доносить на случай, может быть, будущих, заготовленных вами актов. Я угрожал гр. Воронцову-Дашкову негодованием народным, презрением, быть может, и т. д. Эти чувства вам непонятны; вы понимаете только ножи. (*Смех слева.*) Но я должен доложить, что кроме ножей есть чувство уважения, чувство презрения и т. д., — чувства вам мало доступные. (*Рукоплескания справа.*)

Замысловский. В опровержение того, что я говорил, чл. Г. Д. гр. Бобринский высказал, что мои аргументы основаны на заявлениях Френкеля, который является выкрестом из евреев, исключенным из службы за взяточничество и не принятым в судебное ведомство. По этому поводу я имею честь заявить, что я ссыпался на донесение прокурора эчмиадзинского синода, лица должностного, лица определенного к должности высочайшим указом и писавшего официальные сообщения, — а за неправильные официальные сообщения должностные лица отвечают в порядке должностном, как за подлог, и отдаются в исправительные арестантские отделения.

Вот почему, г.г., то обстоятельство, кто подписывал эти бумаги — Френкель, Дункель, Карпов или Сидоров, — имеет второстепенное значение, ибо если по каждой государственной бумаге мы будем по непроверенным сведениям исследовать, какова частная жизнь того должностного лица, которое эту официальную бумагу писало, то, согласитесь, все без исключения фракции, что в деле государственного строительства мы далеко не уйдем. Если станем на тот путь исследования и сыска, на который стал гр. Владимир Бобринский (*Возглас слева: «Какой же это сырь?*»), то мы далеко не уйдем. А это не сырь? «Выкrest из евреев, отказали принять его в судебное ведомство». Что касается вопроса о том, почему я не назвал Френкеля, то, если желает знать гр. Бобринский, я его не назвал потому, что считал, что это будет небезопасно для того лица, которое я назову. Что касается вопроса о том, выкrest ли он, или нет, то я должен сказать, что я этого Френкеля никогда в жизни не видел и решительно не знаю, выкrest ли он «очевидно», или не очевидно. Я скажу одно: если гр. Бобринский знает наверно, что он выкrest, то он напрасно прибавил слово «очевидно», если же он говорит на основании догадок и слухов, то было бы лучше об этом совсем не говорить. Далее указывается, что он выгнан со службы за взяточничество. Чтобы так говорить, надо или сослаться на судебный приговор, устанавливающий это, или удостоверить, что об этом было в его формуляре, или в указе об отставке, или, наконец, сказать, по каким делам и с кого он брал взятки. Если этого не говорят, а бросают в человека такие инсинуации, то их надо совершенно игнорировать.

Наконец, по вопросу о том, что он не принят, будто бы, в судебное ведомство, я должен сказать гр. Бобринскому, что он, очевидно, не знает законов, относящихся к судебному ведомству. Он показал незнание того, что мировые судьи на Кавказе исполняют обязанности судебных следователей. Если бы он это знал, то не был бы удивлен тем, что вооруженных конокрадов приводят на Кавказе к мировым судьям. Он не знает, что судебное ведомство не может в свою среду принять или не принять кого-нибудь, т. к. судебное ведомство не может назначать тех или иных лиц: они назначаются высочайшим приказом; если он разумел тот факт, что Френкель не значился в представлениях окружного суда или судебной палаты, то это обстоятельство никоим образом порочить Френкеля не может. Вот, почему я говорю, что документальные данные, официальные представления, мною доложенные, никем не опорочены, а то, что по поводу них говорил гр. Бобринский, мне кажется, может порочить только говорившего.

Матюнин. Запрос, внесенный в Государственную Думу, относительно положения дел на Кавказе, разросся в значительно большую форму, чем это предполагалось. Правительство нашло возможным, не выжидая решения Думы, будет ли запрос принят или нет, — представить подробные объяснения; ввиду этого обстоятельства, следует признать, что правительство приняло запрос, не выжидая направления его в порядке 58 ст. Учр. о Государственной Думе. Ввиду этого комиссия полагала бы, что в настоящее время не представляется необходимым разрешать вопрос о принятии или непринятии запроса, что возможно прямо перейти к обсуждению формулы перехода к очередным делам.

Председательствующий. Для голосования дело представляет некоторую сложность. После только что сделанного заявления со стороны члена-докладчика комиссии я считаю своим долгом огласить закон, относящийся к запросам. Право запросов по закону принадлежит 30 членам. В данном случае заявление о запросе было сделано от имени 30 человек. В настоящее время докладчик комиссии предлагает этот запрос не голосовать. Я своей властью 30 членов, внесших заявление о запросе, лишить голосование запроса не могу; это может только большинство Думы; следовательно, мне надлежит сперва поставить на голосование вопрос о том, надлежит ли заявление о запросе голосовать, или нет. Вот, как я бы предполагал поставить вопрос. Если будут сделаны замечания, и я буду убежден, что ошибся, то охотно заявлю об этом. Здесь от имени комиссии было сделано заявление о том, чтобы запрос на голосование не был поставлен. Вот это заявление комиссии я поставлю на голосование. Если большинство Государственной Думы решит не голосовать доклада комиссии, мне останется, согласно сделанному заявлению, поставить на голосование формулы перехода к очередным делам, поскольку эти формулы не касаются отклонения или принятия запроса. Если будет решено запроса не голосовать, авторы формул перехода благоволят, может быть, исключить слова, в которых говорится об отклонении запроса. Что касается порядка постановки на голосование отдельных формул, то я намерен руководствоваться § 150 наказа, который гласит, что при наличии нескольких формул перехода к очередным делам председатель предлагает их на голосование в порядке их поступления. Порядок поступления был таков: я сперва получил формулу фракции с.-д., второю я получил формулу от фракции народной свободы и, наконец, мне была передана формула центра. В этом порядке я и намерен голосовать. Если же за подписью трех членов Думы поступит предложение о первенстве какой-либо из предложенных формул, то вопрос о первенстве ставится на голосование Думы, и для разрешения его допускаются две речи — одна против, другая за предложение, с ограничением продолжительности их пятиминутным сроком. Вот тот порядок, которому я намерен следовать. Быть может, он будет изменен (*шум*), — я вижу желание со стороны некоторых членов Думы изменить его. Засим, еще одна подробность: в том случае, когда Государственной Думе угодно будет

вовсе не голосовать предложение комиссии по запросу, я сочту ненужным поставить на голосование поступившее ко мне дополнение к запросу, т. к. поступившее дополнение исходит от одного члена Г. Д. Если угодно, я могу его огласить. От имени чл. Г. Д. Тимошкина поступило дополнение к запросу. (Читает дополнение к запросу, внесенное чл. Г. Д. Тимошкиным.)

Тимошкин (с места). Я снимаю дополнение.

Председательствующий (продолжает). Это дополнение к запросу снимается. Кому угодно говорить по постановке вопроса?

Милюков. Я полагаю, что если закон предоставляет 30 членам Думы известное право, то даже большинство Государственной Думы едва ли имеет возможность лишить их этого права. Далее я полагаю, что каково бы ни было постановление Государственной Думы в вопросах процедуры, оно должно быть однообразным для целого ряда случаев, но не должно быть устанавливаемо для каждого случая отдельно, не должно меняться в зависимости от обстоятельств, отдельных случаев, ибо тогда является необходимость предположить, что за таким решением стоят какие-либо соображения. Из уважения к процедуре, из уважения к нашему внутреннему закону, из-за того, что автономность установленного нами закона налагает на нас обязанность считаться с ним, мы должны не лишать права, предоставленного этим 30 членам Государственной Думы. Я полагаю, что элементарный принцип всякой парламентской процедуры заставляет нас считаться с предыдущими прецедентами. А прецеденты были обратны тому, что, по-видимому, теперь предполагают установить. Прецеденты наши были таковы: сперва баллотировалось — принимает ли или не принимает Государственная Дума запрос, а затем баллотировались формулы, перехода. Я полагаю, что и в данном случае мы должны поступать так же. Я напомню вам один прецедент, по поводу которого я с этой кафедры высказал некоторые соображения. Обсуждался вопрос о болгарских землях, — случай совершенно аналогичный настоящему случаю. Ранее, чем Государственная Дума успела высказаться, принимает ли она запрос или не принимает, выступил товарищ министра Покровский и дал нам длинное разъяснение. Тогда раньше, чем принять какое-либо решение, я просил председателя проголосовать, принимает ли Дума запрос, или не принимает. Предложение было проголосовано, и Дума высказала к этому свое отношение. Я понимаю, что так же мы должны поступить и теперь. (*Возгласы слева: «Финляндский запрос!» Милюков, сходя с трибуны.*) Я упоминал о характерном прецеденте, но он не единственный.

Марков 2-й. От лица тех, кто подписал запрос, — я подписал его первым, — заявляю, что на запрос наш уже получен вполне определенный и нас не удовлетворяющий ответ правительства. Посему предъявлять новый запрос после того, как мы уже получили ответ, мы считаем нелогичным. Незачем нам спрашивать: мы уже все знаем и должны в формуле перехода выразить наше отношение к кавказскому вопросу. Мы считаем, что теперь предъявлять запрос, в силу чисто формальных причин, значит — откладывать его на месяц и затягивать то, чего в наших интересах не нужно затягивать. Если же кто-нибудь желает затягивать процедуру запроса, то пусть они требуют голосования его; мы же присоединяемся к толкованию комиссии. (*Рукоплескания справа.*)

Председательствующий. Отчасти дело упрощается, отчасти усложняется. (*Смех.*) В предложении чл. Г. Д. Матюнина не голосовать запрос и в смысле слов чл. Г. Д. Маркова я усматриваю некоторое разноречие (*возгласы справа: «Нет, это не так!»*). Простите, я объясню: может быть, я не так понял слова чл. Г. Д. Маркова, потому что не было спокойно. Я понял его слова в том смысле, что он от имени интерpellянтов согласен с тем, чтобы этот запрос не был поставлен на голосование. Будет ли это равнозначащим тому, чтобы взять его обратно? (*Возгласы справа: «Нет, это не так!»*)

Марков 2-й. Это не совсем так. От имени подписавших запрос я присоединяюсь к толкованию комиссии вопроса — следует ли или не следует голосовать принятие запроса. Комиссия говорит, что не следует баллотировать такого вопроса; мы также говорим, что этого не следует делать, т. к. само собою ясно, что на запрос мы получили объяснение правительства, и что, следовательно, предъявлять новый запрос не следует. Мы ни от чего не отказываемся, ничего не снимаем. Все идет обычным порядком, но ставить на голосование запрос не следует. (*Возглас слева: «Просто боитесь провала!»*)

Председательствующий. Оказывается, что между предложением чл. Г. Д. Матюнина и предложением чл. Г. Д. Маркова 2-го, от имени подписавших запрос, существует, по-видимому, полное согласие. Нарушения права интерpellаторов, очевидно, не будет, если прямо перейти к голосованию предложения, угодно ли Г. Д. голосовать доклад комиссии о запросе или нет. Вот этот вопрос я ставлю на голосование.

Милюков. Мы такое голосование считаем незаконным. (*Возгласы справа: «И считайтесь!»*) Мы считаем, что оно нарушает принцип уважения к автономности наказа и нашего понятия о наказе, как известного внутреннего закона. Поэтому мы в таком голосовании участвовать не можем.

Председательствующий. Слово принадлежит чл. Г. Д. Крупенскому.

Крупенский (с места). Я так доволен, что кадеты не голосуют, что отказываюсь от слова.

Дзюбинский. Трудовая группа вполне разделяет мотивы, высказанные предыдущим оратором, и участие в голосовании не принимает.

Чхеидзе. Те мотивы, которые были выставлены в доказательство того, что нет надобности голосовать запрос, сводятся к тому, что вы не желаете сказать, что нам его надо снять. (*Возгласы справа: «Нет, нет!»*) Да. Таковы ваши мотивы. Но мы находим, что это есть нарушение норм. Вы сами отказались эти нормы исполнять; ввиду этого мы также не будем принимать участия в голосовании.

Комсин. Я полагаю, г.г., что едва ли г. докладчик мог сделать такое заявление от имени комиссии по запросам. Комиссия по запросам представила свое заключение по обсуждавшемуся запросу. Вот это заключение комиссии и должно быть голосовано, как это предполагал сделать вначале, как мне казалось, г. председательствующий. Если отступление от общепринятого порядка будет допущено, то по тем мотивам, которые были изложены здесь представителем фракции народной свободы, я от имени фракции прогрессистов уполномочен заявить, что и мы не будем принимать участия в голосовании. (*Рукоплескания слева*).

Хасмamedов. От имени мусульманской фракции я заявляю, что по тем же соображениям, которые были здесь высказаны представителями оппозиционных фракций, мусульманская фракция не будет принимать участия в этом голосовании. (*Рукоплескания слева*.)

Парчевский. Польское коло присоединяется к предыдущим заявлениям. (*Рукоплескания слева и возгласы: «Браво». Голос справа: «Поздравляем».*)

Матюнин. Я скажу только два слова в ответ на то, что сказал чл. Г. Д. Комсин. Он сказал косвенно, что я и не имел права высказывать того, что сказал. Я считаю, что докладчик, уполномоченный комиссией, так сказать, снабжается полномочиями говорить от имени комиссии. (*Голоса: «Нет, нет; обязательно заключение».*) Если за каждым разъяснением бегать и собирать комиссию, то это значит, что придется дальше сидеть и собирать в коридорах комиссию для того, чтобы выйти и что-нибудь ответить. (*Шум.*) Позвольте мне закончить. Наконец, я полагаю, что во всяком случае предложение, которое я сделал, основано на простом здравом смысле; раз мы делаем запрос и нам до внесения его в официальном порядке дают самые точные разъяснения, то вводить бюрократическую жилку, которую мы преследуем во всем, я думаю, было бы неуместно. (*Голоса справа: «Верно»; рукоплескания.*)

Гегечкори. Я, прежде всего, должен заметить г. докладчику, что он совершенно не понимает своей роли (*смех*) и тех функций, которые были на него возложены комиссией, которую он здесь сейчас представлял. Я должен ему заметить, что докладчик говорит от имени комиссии в пределах тех рамок, в которых происходили обсуждения данного вопроса, по которому он является докладчиком той комиссии; между тем, вопрос, который он тут выдвинул в своем заявлении, нашей комиссией не рассматривался, а потому он от имени комиссии высказаться не мог. Мы думаем, что с этой точки зрения он нарушил элементарное право, которое предоставляется докладчику со стороны комиссии и не выполнил тех обязанностей, которые возложены на него комиссией. И я, как член той комиссии, которую он, к несчастью нашему, в данную минуту представляет, выражаю свой энергический протест. (*Рукоплескания слева.*)

Председательствующий. Больше никому не угодно высказаться? (*Голоса справа: «Просим баллотировать».*) Нельзя не быть достаточно осторожным в подобных делах, которые всегда являются прецедентами. Из всего того, что здесь, с этой трибуны, было заявлено, я должен был сделать один вывод, что, несомненно, заявление докладчика о таком направлении дела едва ли допустимо (*голоса: «Правильно»*), но с другой стороны, я противопоставляю этому другую точку зрения, — что заявление от имени интерпеллянтов не лишено юридического значения. Они являются до некоторой степени хозяевами своего запроса и после того, как он прошел в комиссии. Если они в настоящее время желают поставить вопрос на голосование, то, я думаю, спор между мною и некоторыми несогласными с моей точкой зрения, вероятно, не исчерпается здесь, в настоящее время. Здесь уже мне были сделаны заявления со стороны тех, кто считает постановку вопроса мною неправильной. Я только хочу мотивировать, что в настоящее время видоизменяя свое решение в том смысле, что я ставлю на голосование не предложение, сделанное от имени комиссии, а предложение, сделанное от имени интерпеллянтов. (*Голос слева: «Т. е. о снятии запроса?»*) Я поставлю заявление интерпеллянтов, заключающееся в том, чтобы их запрос не голосовался.

Крупенский. Я, г.г., считаю, что все собрание не может председательствовать, это дело председателя, и я бы просил больше не допускать больше прений здесь, а председательствовать.

Председательствующий. По постановке вопроса я обязан допустить прения.

Милюков. После того, как запрос внесен и прошел все те стадии, которые он прошел, интерпеллянты имеют одно несомненное право — взять запрос назад. Если они этого не делают, в таком случае они не имеют права давать ему то или другое направление. Единственно, кто может иметь в этом отношении право, это комиссия, которая в данном случае уполномочивала своего докладчика это делать, следовательно, мы считаем, что до того времени, когда с этой кафедры нам не скажут, что запрос берется назад, этот запрос должен голосоваться. И если даны будут другие направления и постановка их на голосование, то и от них мы отказываемся.

Марков 2-й. Повторю опять, что мы запроса своего не снимаем и не можем снять, ибо на предъявляемый нами запрос был нами получен в сей Государственной Думе неудовлетворительный правительственный ответ. После того, как мы на наш запрос получили ответ, фактически невозможно снять запрос. Этот вопрос конченный. Я прошу председателя Г. Д. поставить на баллотировку Государственной Думы следующий вопрос: надлежит ли в этой стадии развития данного дела ставить на голосование вопрос о том, принимать ли запрос, или нет?

Крупенский. А мы просим прекратить прения.

Председательствующий. Угодно прекратить прения? (*Баллотировка*). Прения прекра-

щены. Я, согласно заявлению интерпеллянтов, ставлю на голосование вопрос о том, угодно ли Государственной Думе голосовать заявление о запросе наместнику его императорского величества на Кавказе. (*Центром и справа предложение отклоняется.*) Значит, заявление о запросе на голосование поставлено не будет.

Розанов (с места). Значит, и дела никакого нет.

Председательствующий. В настоящее время у меня имеются две формулы, в которых предлагается вместе с тем отклонение запроса. Так как запроса не голосуем, эти формулы отпадают, и остается одна формула перехода к очередным делам, в которой излагается переход к очередным делам без отношения к принятию или отклонению запроса. Я обязываюсь, следовательно, эту формулу, пока единственную, поставить на голосование. Угодно ее выслушать еще раз? (*Голоса: «Просим»... «Нет»... «Знаем».*) Я слышу голоса, которые просят огласить. (*Читает переход к очередным делам, предложенный партией Союза 17 октября.*) Только что прочитанную формулу ставлю на голосование (*центром и справа формула принимается*).

[Тех, которые знают, покорнейше прошу сидеть спокойно и не мешать слушать (*голоса: «Половина второго»*), а те, которые не знают, имеют право требовать от меня, чтобы я прочитал (*читает*): «Выслушав объяснения представителей наместника Кавказа, находя их неудовлетворительными, признавая, что во многих местностях Кавказа жизнь и имущество трудащегося мирного населения находятся в тяжелых условиях благодаря разбояничеству, развивавшемуся как вследствие некоторых местных особенностей края, так и вследствие бездеятельности и попустительства административных и полицейских органов местной власти, полагая, что имевшие место факты политического характера объясняются как общим состоянием политического возбуждения империи, так и той системой управления, которая применялась на Кавказе, находя, что в настоящее время целесообразно установить более тесное единение между управлением Кавказа и общегосударственным управлением, Государственная Дума признает, что мерами улучшения богатого, но до сих пор запущенного русского края и восстановления тесного с ним единения следует считать: 1) тщательное расследование случаев злоупотреблений со стороны местных властей посредством сенаторской ревизии; 2) обновление в нужных случаях органов местной администрации и особенно полиции; 3) упорядочение земельных отношений, суда, народного просвещения, переселенческого дела; 4) проведение положительных реформ, построенных на началах городского и земского самоуправлений с привлечением местного населения к заведованию собственными делами, с соблюдением справедливого отношения к жизненным интересам национальностей, в соответствии с особенностями каждой отдельной местности Кавказа; и 5) подчинение управления Кавказом Совету министров. Полагая, что такие реформы объединят большинство верного и дорожащего русским государственным единством местного населения и послужат к утверждению мои и крепости Империи единой и нераздельной — Государственная Дума переходит к очередным делам»].

Объявляю заседание закрытым.

Конец.

* В квадратные скобки заключен фрагмент стенограммы, не вошедший в тифлисское издание «Кавказского запроса».

Оглавление

Стр.

Заседание 10 декабря 1908 г.

Речь Пуришкевича	113
« барона Нольде	131
« Чхеидзе	131
« барона Нольде	136
« Чхеидзе	136
« Шульгина 2-го	139

Заседание 21 января 1909 г.

Речь Чхеидзе	139
« кн. Шервашидзе	152
« Гегечкори	154
« Павловича	165
« Тимошкина	169

Заседание 28 января 1909 г.

Речь Тимошкина	174
« Хасмамедова	186
« Гайдарова	195
« Гегечкори	205

Заседание 4 февраля 1909 г.

Речь Сагателяна	206
« Маркова 2-го	213
« Степанова	233
« Сенатора Мицкевича	241
« Замысловского	249
« Ладомирского	255

Заседание 5 февраля 1909 г.

Речь Гегечкори	260
« гр. Бобринского 2-го	264
« Пуришкевича	270
« Лисичкина	281
« Чхеидзе	287
« Гайдарова	292
« Бардижа	294
« Милюкова	297
« сенатора Мицкевича	305
« Каменского	308
« Маркова 2-го	311
« Замысловского	311
« Матюнина	312
« Председательствующего	312
« Милюкова	313
« Комсина	314
« Хасмамедова	»
« Парчевского	»
« Матюнина	»
« Гегечкори	315
« Милюкова	315
« Маркова 2-го	»

Д. Исмаил-Заде. И. И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор

1. «Зейтунский марш» — подразумеваются события, произошедшие в г. Зейтун (Турция) в 1895 г., когда город был захвачен повстанцами под руководством армянской националистической партии «Гничак». Была провозглашена независимая «Республика Зейтун». Правительству с трудом удалось подавить волнения взамен на предоставление частичной автономии для армянского населения Зейтуна.

2. Великая Армения (II в. до н. э. — IV в. н. э.) — область в верховье р. Тигр и в районе озера Ван, на территории которой возникло Армянское царство. В 220 г. до н. э. эта область была объединена с Айрапатским царством (возникло в 316 г. до н. э.), и эта территория стала именоваться Великой Арменией. Правители этого рабовладельческого государства расширяли его пределы. Наивысшего могущества Великая Армения достигла при царе Тигране II (95–56 гг. до н. э.), когда она включала в себя обширную территорию Передней Азии.

3. Имеется в виду Южный Азербайджан, отошедший к Ирану по Туркманчайскому договору 1828 г.

4. Персидская революция (1905–1911) — буржуазно-демократическая революция в Иране. В 1908–1909 гг. центр революционной борьбы переместился в Иранский Азербайджан. Большую помощь Тебризу оказывали закавказские революционеры: они посыпали отряды добровольцев, оружие, участвовали в боях с правительственными войсками.

5. «Дашнакцутюн» («Союз»), Армянский революционный союз. Союз армянских революционеров, Армянская революционная партия «Дашнакцутюн» (АРПД) — политическая партия. Образована в 1890 г. на Кавказе первоначально как партия социалистического направления. Партия выдвигала в качестве основной задачи освобождение армян в Турции и создание на ее территории автономного армянского государства. Партия имела боевую организацию (народное ополчение). «Дашнакцутюн» проводила политику насилиственного изъятия денег у состоятельных армян России, вплоть до казни сопротивлявшихся. В ответ на изъятие российскими властями у армянской церкви имущества (указ 1909 г.) «Дашнакцутюн» заменила стратегию «самозащиты» на Кавказе стратегией «революционных действий». В 1907 г. была принята программа, по которой Кавказ должен был образовать союзную демократическую республику. «Дашнакцутюн» имела представителей во 2-й и 3-й Государственной Думе. В 1918–1920 гг. «Дашнакцутюн» стала правящей партией Армянской республики. После установления Советской власти партия объявлена вне закона.

6. «Баку» (1902–1918) — политическая и общественная газета.

7. «Закавказское обозрение» (1908–1909, 1910) — газета, издававшаяся в г. Тифлисе.

8. П. А. Столыпин.

9. Пуришкевич ошибочно назвал гр. Шерemetева Сергея Алексеевича (1836–1896) наместником, в то время как он был помощником главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

10. Николай I.

11. Бек (*туркск.*) — привилегированное сословие в Азербайджане.

12. Юзбashi (*туркск.*, буквально — сотенный голова, сотник) — в Азербайджане XVI–XIX вв. военный чин, сотник, сельский старшина.

13. «Новороссийская республика» — в 1905 г. в Новороссийске. В течение 12–25 декабря Советам удалось захватить и удерживать власть в городе. Восстание было подавлено.

14. Подразумевается наместничество Н. Н. Муравьева (Карского).

15. Чхеидзе имел в виду позицию депутатов различных фракций во 2-й Государственной Думе (февраль–июнь 1907): правых, пытающихся создать прецеденты для роспуска Думы; кадетов, напротив, в целях ее сохранения, стремившихся организовать большинство путем привлечения октябристов, трудовиков, польского кола, мусульманской фракции и казачьей группы. Был проведен ряд предложений социал-демократической фракции в подготовке военного заговора, фракция была предана суду, а 2-я Государственная Дума была распущена. Был издан новый избирательный закон в нарушение Манифеста 17 октября 1905 г.

16. Речь идет о проекте начальника гражданского управления Закавказского края П. А. Ладинского, легшим в основу положения о взаимоотношениях владельцев земли и крестьян, укреплявшим и расширявшим земельные права высшего мусульманского сословия в Закавказье. Рескрипт Николая I на имя М. С. Воронцова гласил: «В ознаменование особой милости и благоволения к ханам, бекам и агаларам и прочим лицам высшего мусульманского сословия в Закавказском крае, а также меликам из армян, желая упрочить на твердых основаниях их участия», предоставить им возможность «быть полезным правительству» и даровать им соответствующие права и привилегии. Более подробно см.: Колониальная политика царизма в Азербайджане. Ч. 2. М.; Л., 1937. С. 84–107.

17. П. Д. Киселев.

18. Мелик (*араб.*) — владелец, правитель. Принадлежали к феодальной иерархии, занимая в ней среднее положение между ханами и беками. В XVI–XVIII вв. иранское правительство жаловало это звание армянским феодалам в Карабахе и других местностях Закавказья.

19. Чхеидзе оговорился: не в 1838, а в 1839 г. была подана «Записка об определении прав „высшего сословия“ в мусульманских провинциях Закавказья». Однако речь может идти о мелких лезгинских владельцах в Джаро-Белоканинской области, которые сделали порабощенных ими татар и христиан своими крестьянами, известными под названием ингилойцев и энисельцев (после покорения области в 1830 г.). См.: Колониальная политика царизма в Азербайджане. Ч. 1. С. 98.

20. «Русский архив» — исторический журнал, основанный П. И. Бартеневым и издававшийся в Москве (1863–1917).

21. Никон.
22. Подымное (от слова «дым») — подворное обложение.
23. Франкини В. А. — начальник Карской области в 1878—1881 гг.
24. Г. Д. Орбелиани 2-й.
25. Я. И. Чавчавадзе.
26. П. Л. Шервашидзе.
27. Гегечкори дал субъективную интерпретацию августовским событиям 1905 г. в Тифлисе, последовавшим через четыре месяца после назначения Воронцова-Дашкова на пост кавказского наместника. О том, что же произошло в действительности в ночь с 29 на 30 августа, мы можем судить на основании воспоминаний участника тех событий — начальника конвоя наместника Н. А. Бигаева. Несмотря на неоднократные требования наместника воздержаться от применения оружия, казаки не подчинились и с жестокостью расправились с населением. Как вспоминал Бигаев, казаки мстили за террористические акции против них революционеров. (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 18—20).
28. Л. В. Половцов.
29. И. Н. Толмачев.
30. Ермолов — капитан, озургетский уездный начальник.
31. Большинство из названных Гегечкори газет принадлежало к социал-демократическим, их издание было приостановлено генерал-губернатором на все время действия военного положения («Новь»; «Возрождение» — «за вредное направление» переименованное в «Кавказское утро», которое, в свою очередь, было запрещено. Была переименована и газета «Новое обозрение» в «Кавказскую мысль», а затем в «Тифлисский вестник»).
32. Речь идет об адмирале, генерал-адъютанте Евгении Ивановиче Алексееве (род. в 1843 г.), члене Государственного совета, наместнике на Дальнем Востоке (1903—1905). Во время русско-японской войны был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами с оставлением в звании наместника.
33. «Новости Закавказья» — общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в Тифлисе в 1908—1910 гг.
34. Заявление Маркова легко опровергается совокупностью законодательных актов по переселению на Кавказ, статистических данных о размещении русских переселенцев в крае.
35. Гурийская республика — подразумевается крестьянское восстание в Гурии (Озургетский уезд Кутаисской губернии) 1905 г. Вооруженные отряды крестьян захватывали власть, поместьчики земли и грабили поместья. Гурия была объявлена на военном положении. Переговоры властей с восставшими не увенчались успехом, и в Гурио был направлен карательный отряд генерала Алиханова-Аварского. Однако, опасаясь солидарности войск с восставшими, отряд был отозван. Восставшие овладели г. Озургеты, установив народную власть. Лишь в январе 1906 г. карательная экспедиция полковника Крылова жестоко подавила восстание.
36. Речь идет о событиях Севастопольского восстания 1905 (11—16 ноября), когда по предложению революционно настроенных матросов Севастопольского Совета рабочих депутатов бывший командир миноносца Черноморского флота П. П. Шмидт принял на себя командование крейсером «Очаков». Объявив себя командующим восставшим флотом, Шмидт пытался присоединить к восстанию эскадру. Восстание было подавлено. Шмидт был приговорен к расстрелу.
37. Тимошкин ошибочно назвал Мусу Нагиева грузинским купцом. Муса Нагиев — известный бакинский нефтепромышленник, по происхождению азербайджанец.
38. Мицкевич — начальник Сигнахского уезда Тифлисской губернии.
39. Имеются в виду «Временные правила» переселения русских крестьян на Кавказ, утвержденные главноначальствующим гражданской частью на Кавказе кн. Г. С. Голицыным 28 сентября 1898. В действительности законодательно разрешение переселений в Закавказье последовало 15 апреля 1899 г.
40. Шейх-уль-ислам (*араб.*) — в Азербайджане — глава мусульманского духовенства (у шиитов). Должность, созданная после присоединения азербайджанских ханств к России.
41. Муфтий (*араб.*) — в Азербайджане — глава мусульманского духовенства (у суннитов). Должность, созданная после присоединения азербайджанских ханств к России.
42. «Русь» — газета, издававшаяся с «Приложением» в Санкт-Петербурге в 1903—1908 гг.
43. Л. И. Меликов.
44. Раياتы (*араб.*) — государственные крестьяне в Азербайджане.
45. Распространение христианства среди ингушей началось с XII в., особенно усилилось в XVII—XVIII вв.
46. После убийства персидского шаха Надира в 1747 г. политическая обстановка на Северном Кавказе изменилась. Местные владельцы, прежде ориентированные на Персию, остались в «подданстве» России, в состав которой Ингушетия вошла в 1810 г.
47. Г. И. Орбелиани.
48. Е. Ф. Тиханов.
49. А. С. Михеев.
50. В. А. Бобринский 2-й.
51. Вакуфы — собственность религиозных учреждений на мусульманском Востоке.
52. Медресе (*араб.*) — духовная школа при мечети.
53. Гегечкори оговорился: не Старицкий, а Г. Е. Старцев, автор книги «Кровавые дни на Кавказе». СПб., 1907.

Д. Исмаил-Заде. И. И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор

54. Имеется в виду И. Д. Лазарев, генерал-лейтенант, который во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. руководил взятием турецкой крепости Карс.
55. А. Б. Лобанов-Ростовский.
56. Мелик — владетель, правитель в Восточном Закавказье (Азербайджан и Армения).
57. М. З. Аргутинский-Долгоруков.
58. Съезд автономистов и федералистов в Санкт-Петербурге 19–21 ноября 1905 г.
59. Николай I (Никита) Петрович Негош, князь Черногорский (1860–1918).
60. Петр I (1782–1830), владыка Черногории.
61. «Елизаветпольский вестник» — газета, издававшаяся в Тифлисе (1905), ранее — «Кавказский рабочий листок», печатный орган Кавказского союза российской социал-демократической партии. Была переименована в связи с событиями 1905 г.
62. «Дело Азефа-Лопухина». Бывший директор департамента полиции А. А. Лопухин подтвердил редактору журнала «Былое» В. Л. Бурцеву факт сотрудничества Азефа с департаментом полиции, за что Лопухин по требованию Столыпина был предан суду и арестован.
63. Н. Е. Марков 2-й.
64. Дагомез — государство в Западной Африке (с XVII в.), просуществовавшее до конца XIX в.
65. «Московские ведомости» — газета, издававшаяся в 1756–1917 гг. В описываемое время занимала черносотенные позиции.
66. ««Кавказ» — политическая и литературная газета (1846–1918), первая русская газета на Кавказе (Тифлис), возникшая по инициативе первого кавказского наместника кн. М. С. Воронцова. Издавалась с «Приложениями».
67. Г. Д. Шервшидзе.
68. Речь идет о расправе над проживавшими на территории Закавказья духоборами в 1894 г. Требования духоборов состояли в освобождении их от воинской повинности. В защиту духоборов Л. Н. Толстым и др. толстовцами была развернута широкая кампания в России и за границей. В ответ на ходатайство духоборов о разрешении им выезда из России, Министерство внутренних дел дало согласие в 1898 г. Толстой пожертвовал на переезд духоборов гонорар за роман «Воскресение».
69. Рейнбот (Резвой) А. А. (1868–1918) — генерал-майор, московский градоначальник (1906–1907). Подразумевается совершенное на него покушение в Москве в 1907 г.
70. В действительности «Войма» была военизированной организацией финской буржуазии, существовавшей в начале XX в. Выступала за активную борьбу (включая террор) против русификаторской политики царизма в Финляндии.
71. И. Г. Чавчавадзе.
72. Подразумевается национальная политика в Австро-Венгрии, направленная на ограничение национально-культурных особенностей национальных меньшинств, приведшая к росту национальных движений в империи.
73. «Каспий» (1881–1916) (г. Баку) — общественно-литературная и политическая газета.
74. «Русская старина» — исторический журнал, выходивший в Петербурге в 1870–1918 гг.
75. «Новое время» — одна из крупнейших русских газет, издавалась в Петербурге (1868–1917). Придерживавшаяся прогрессивно-либерального направления, с 1905 г. превратилась в орган черносотенцев.
76. Речь идет о журнале «Былое», издававшемся в Петербурге в 1906–1907 гг. В журнале печатались материалы, посвященные истории освободительного движения в России.
77. «Школа и жизнь» — журнал, издававшийся в Тифлисе в 1906 г.
78. Семья зятя И. И. Воронцова-Дашкова П. П. Шувалова, мужа Александры Илларионовны.
79. «Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал (1872–1879 и 1882–1914). Ее основатель, издатель и основной автор кн. Мещерский Владимир Петрович (1839–1914).
80. Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь «всех Русей» (1533), первый русский царь (1547).
81. Н. Е. Марков 2-й.
82. Г. Г. Замысловский.
83. Алиханову-Аварскому удалось уговорить влиятельных ханов Мерва принять власть русского царя.